
Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

ЯПОНИЯ: ПОЛВЕКА ПРАВЛЕНИЯ ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТОВ

JAPAN:
HALF A CENTURY OF THE RULE
OF LIBERAL DEMOCRATS

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО—XXI)

МОСКВА
MOSCOW
«АИРО—XXI»
2010

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova

Ответственные редакторы
И. П. Лебедева, С. Б. Маркарьян
Editors I. P. Lebedeva, S. B. Markaryan

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Э. В. Молодякова)	7
Introduction (Molodyakova E. V.)	32
Глава первая. Создание доминантой партии: человеческий фактор (В. Э. Молодяков)	53
Глава вторая. Внутренняя и внешняя политика ЛДП через призму деятельности японских премьеров (Э. В. Молодякова)	69
Глава третья. Капитализм с «человеческим лицом»: об экономической политике либерал-демократов (И. П. Лебедева)	95
Глава четвертая. Международное измерение экономической политики либерал-демократов (И. Л. Тимонина)	116
Глава пятая. Научно-техническое развитие Японии в годы правления ЛДП (Ю. Д. Денисов)	140
Глава шестая. Сельское хозяйство в условиях протекционистской политики ЛДП (С. Б. Маркарьян)	156
Глава седьмая. Пенсионное обеспечение в Японии: нерешенные проблемы финансирования (Т. Н. Матрусова)	176
Глава восьмая. Юго-Восточная Азия во внешней политике ЛДП (Н. В. Стапран)	196
Глава девятая. «Ядерная дилемма» во внешнеполитическом курсе либерал-демократов (Д. В. Стрельцов)	212
Глава десятая. Массовая культура в эпоху ЛДП: феномен <i>отаку</i> (Е. Л. Катасонова)	226
Глава одиннадцатая. Культурная дипломатия: полвека под знаменем ЛДП (А. Е. Куланов)	247
<i>Предвыборный «Манифест» Либерально-демократической партии 2009 г.</i>	264

Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта
Э. В. Молодякова. — М. АИРО-XXI. 2010 — 284 с.

Коллективная монография, подготовленная российскими учеными-японоведами, посвящена анализу исторического периода, связанного с полувековым правлением Либерально-демократической партии. Это был весьма важный период, поскольку в это время проходило укоренение демократии в стране, превращение Японии во вторую экономическую державу, становление ее полноправным членом клуба наиболее развитых стран мира. Задача данного исследования — выявить и подчеркнуть, что принесло стране практически единоличное правление либерал-демократов, как проходило его становление и в чем были особенности, показать, что было его сильной и слабой стороной, какие успехи были достигнуты и какие неудачи привели к его окончанию. Такая логика исследования определила структуру данной книги, которая состоит из одиннадцати глав. Авторами глав являются ведущие специалисты в каждой изучаемой области. Книга рассчитана как на ученых, преподавателей и студентов, так и на широкий круг читателей, интересующихся политическими и социально-экономическими проблемами.

ISBN 978-5-91022-121-9

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2010
«Association of Japanologists», 2010
© «АИРО-XXI», 2010

CONTENTS

Introduction (Molodyakova E. V., translated by Gitman S. S.)	32
Chapter 1. Creating Dominant Party: the Human Factor (Molodyakov V. E.)	53
Chapter 2. Internal and Foreign Policy of LDP through the Prism of Prime-Ministers Activities (Molodyakova E. V.)	69
Chapter 3. Capitalism with a “Human Face”: an Economic Policy of Liberal Democrats (Lebedeva I. P.)	95
Chapter 4. The International Dimension of the Economic Policy of Liberal Democrats (Timonina I. L.)	116
Chapter 5. Scientific and Technological Development of Japan during LDP Rule (Denisov Y. D.)	140
Chapter 6. Agriculture under Protectionist Policy of LDP (Markaryan S. B.)	156
Chapter 7. The Pension system of Japan: Unresolved Financial Problems (Matrusova T. N.)	176
Chapter 8. South-East Asia in Foreign Policy of LDP (Stapran N. V.)	196
Chapter 9. “Nuclear Dilemma” in Foreign Policy of Liberal Democrats (Streltsov D. V.)	212
Chapter 10. Mass Culture in LDP’s Epoch: <i>otaku</i> Phenomenon (Katasonova E. L.)	226
Chapter 11. Cultural Diplomacy: Half a Century under LDP Banner (Kulanov A. E.)	247
<i>Pre-Election Manifesto of the Liberal-Democratic Party (2009)</i>	264

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая российскому читателю книга не случайно написана именно в данное время. Она посвящена анализу исторического периода, связанного с правлением Либерально-демократической партии (ЛДП), который имеет точную дату отсчета — от создания партии 15 ноября 1955 г. и до ее сокрушительного поражения 30 августа 2009 г. на выборах в палату представителей парламента. Не часто предоставляется возможность исследовать законченный период в современной истории страны, который развивался буквально на глазах многих авторов данной работы. Более того, это весьма важный период, поскольку в это время проходило укоренение демократии в стране, превращение Японии во вторую экономическую державу мира, полноправного члена клуба наиболее развитых стран.

Фактически рассматриваемые события представляют собой всю совокупность исторического развития Японии второй половины XX века. Безусловно, корнями они уходят не только в первое послевоенное десятилетие, но и в довоенное прошлое. Ведь в стране никогда не прерывалась «связь веков» и огромную роль играет приверженность традициям. Естественный ход событий, заложенный в период Мэйдзи (1868–1912), был полностью прерван милитаризацией Японии лишь во второй половине 1930-х годов. А до этого постепенно расширялись избирательное право и социальные гарантии, сокращался рабочий день, появлялись рабочие и крестьянские организации, радикальные политические партии. Достаточно эффективно действовала административная система, были высокий уровень грамотности населения, хорошая организация производства, более чем полувековой опыт функционирования парламентских институтов.

Несмотря на заявку на демократию де-юре в Конституции Мэйдзи (1889 г.), по-настоящему она была привнесена в страну лишь после сокрушительного поражения во Второй мировой войне. При этом не произошло утраты традиций и национальной самоидентификации, потому что политическая элита проявила максимум прагматизма и реально оценила сложившуюся ситуацию. Она прекрасно понимала, что парла-

ментская демократия со всеми ее недостатками представляет собой альтернативу несчастьям, которые принесло Японии авторитарное правление. Демократизация была единственным способом сохранить власть в руках правящей элиты.

У руководства страной осталась довоенная консервативная элита, и только незначительный слой высшей бюрократии подвергся «чистке». В принципе был сохранен старый государственный аппарат во главе с императором, несколько перестроенный и обновленный. В результате все послевоенные демократические преобразования проводились прежними консервативными бюрократами и политиками, так называемого второго эшелона. Укоренение демократии персонифицировалось в личностях ряда первых послевоенных премьеров. Ёсида Сигэру, «творец» послевоенной Японии, пять раз возглавлявший правительство, до войны занимал пост заместителя министра иностранных дел; Киси Нобусукэ, подписавший японо-американский Договор безопасности, прежде был министром торговли и промышленности; Икэда Хаято, автор десятилетнего плана удвоения национального дохода — начальником главного налогового управления. С полным правом можно сказать, что в послевоенные годы бюрократия не только выжила, но и эффективно руководила нацией, четко определяя во взаимодействии с политиками национальные приоритеты. Представители этой плеяды государственных деятелей были не только политиками, но и, как это видно из их прежних должностей, профессионалами-управленцами.

В отечественной науке достаточно основательно изучены и проработаны многие аспекты политического, экономического и культурного развития страны в рассматриваемый период. Задачу данного исследования коллектив авторов видит в том, чтобы выявить и подчеркнуть, что принесло стране практически единоличное правление либерал-демократов, как проходило его становление и в чем были особенности, показать, что было его сильной и слабой стороной, какие успехи были достигнуты и какие неудачи привели к его окончанию. Такая логика исследования определила структуру данной книги.

В первой главе «Создание доминантной партии: человеческий фактор» вполне закономерно рассматривается процесс становления Либерально-демократической партии, причем основное внимание уделено именно роли человеческого фактора в становлении ее эффективного функционирования в качестве доминантной партии. Автор анализирует, кто и почему взял на себя инициативу объединения консервативных сил в качестве противовеса растущему влиянию социалистов и профсоюзов, на каких основах и условиях эти люди смогли договориться между собой, обеспечить будущей партии прочную политическую базу и убедить амбициозных лидеров пойти на компромисс ради общей выгоды.

В Японии буквально с первых дней оккупации началось возрождение старых и создание новых политических партий, неподконтрольных государству. В политическую жизнь вернулось большинство политиков довоенного времени, придерживавшихся самых различных взглядов. При сохранении власти в руках прежней элиты, которой свойственно теснейшее переплетение не только политических, но и семейных связей, на политической арене появилось целое созвездие политиков-консерваторов, которым и предстояло создать новую политическую систему во главе с доминантной партией. Для понимания генезиса идеи доминантной буржуазной партии в Японии автор вполне справедливо решил кратко проанализировать эволюцию партийной системы этой страны начиная с периода Мэйдзи, поскольку именно тогда и закладывались ее основы.

В бурном процессе послевоенного партийного строительства первого послевоенного десятилетия, когда происходили объединение, размежевание, смена названий партий, активно участвовали политики, чьи имена прочно связаны с созданием и функционированием ЛДП. В главе подробно рассмотрены политические взгляды, пристрастия, личные взаимоотношения важнейших фигурантов на политической сцене, показаны нередко закулисные сделки и договоренности.

Несмотря на разное видение форм сотрудничества соперничающими группами консерваторов, перед лицом успехов «левых» на общенациональных и местных выборах укрепляется сама идея их сотрудничества против общего врага и создания единой идеологической и политической платформы. Принципиальных возражений относительно необходимости объединения консерваторов у главных партий — Либеральной и Демократической — не было. Полученное ЛДП на первых парламентских выборах количество мандатов свидетельствовало, что реального соперника у либерал-демократов нет и не предвидится. «Система 1955 года», как называют монопольное правление ЛДП, быстро приобрела законченный характер. «Стремление к единству перед лицом внешних вызовов к консенсусу при решении внутривнутриполитических проблем, острое чувство „общего врага“ и элитистские настроения, присущие верхнему эшелону либерал-демократов с самого начала существования партии... определили „человеческое измерение“ японской политики на протяжении всего периода пребывания ЛДП у власти», — делает вывод автор.

В силу политической традиции во время правления ЛДП понятия «председатель партии» и «премьер-министр» стали почти взаимозаменяемыми. Государственная политика и политика партии были тождественны. На протяжении нескольких десятилетий при разных премьер-

министрах Японии переживала устойчивый, почти непрерывающийся процесс успешного развития во всех сферах. В главе второй «Внутренняя и внешняя политика ЛДП через призму деятельности японских премьеров» рассматривается деятельность шести премьер-министров, которые сыграли значительную роль в формировании внутренней и внешней политики послевоенной Японии, в принятии нередко судьбоносных решений. Это Киси Нобусукэ, Икэда Хаято, Сато Эйсаку, Танака Какуэй, Накасонэ Ясухиро, Коидзуми Дзюнъитиро.

Срок полномочий председателя ЛДП был ограничен двумя годами (в 1982 г. он увеличился до четырех лет), и стать премьером, согласно установленному правилу, дважды в разное время стало уже невозможно. Но допускалось продление полномочий ввиду чрезвычайных обстоятельств. Долгожителями на политическом Олимпе были премьер-министры Сато Эйсаку (ноябрь 1964 — июнь 1972), Накасонэ Ясухиро (1982 — октябрь 1987), Коидзуми Дзюнъитиро (апрель 2001 — сентябрь 2006).

Избрание премьер-министра довольно формальная процедура, но на самом деле в политической жизни страны это сложный, многоступенчатый процесс, поскольку ему предшествует острая политическая борьба за пост председателя партии между различными фракциями. За все время пребывания ЛДП у власти сменилось 23 председателя партии и 22 премьер-министра, так как в период коалиционных правительств тогдашний председатель партии Коно Ёхэй не мог использовать свой шанс.

В первые десятилетия правления ЛДП большое внимание уделялось решению внешнеполитических задач, поскольку страна активно включалась в мировое сообщество. Так, имя Киси Нобусукэ, занимавшего пост премьера с февраля 1957 по июнь 1960 г., устойчиво ассоциируется с заключением в январе 1960 г. японо-американского Договора безопасности и политическим кризисом мая–июня, связанным с его ратификацией. Японо-американское стратегическое партнерство было основой внешней политики Японии, и ни один премьер-министр не мог от него отказаться. Киси всемерно подчеркивал важность партнерства, но ставил целью сделать его равноправным, превратить Японию из вассала в младшего партнера. Политика правительства Киси вызвала невиданный до сих пор взрыв негодования противников нового договора. Но реальность была такова, что выйти из американской военно-политической орбиты было невозможно, а сохранение старого договора означало бы продолжение вассальной зависимости Японии от США. Киси сумел добиться от Вашингтона максимума самостоятельности, на которую Япония могла реально рассчитывать. Несмотря на, безусловно, проамериканский курс, Киси продемонстрировал также беспрецедентную дипломатическую активность на азиатском направлении, ибо

нормализация отношений со странами Азии стала вторым важнейшим направлением его дипломатии.

Годы правления двух последующих премьер-министров, Икэда Хаято (июль 1960 — октябрь 1964) и Сато Эйсаку (ноябрь 1964 — июнь 1972), пришлись на период быстрого экономического роста, в результате которого Япония стала второй экономикой мира. Главной целью политики кабинета Икэда являлось ускоренное экономическое развитие под девизом «удвоение национального дохода» и ориентация на большую международную открытость. Правительство же Сато помимо экономических задач (проблемы загрязнения и разрушения окружающей среды, урбанизации и миграции населения) занималось нормализацией дипломатических отношений с Республикой Корея, продлением срока действия японо-американского Договора безопасности, возвращением Японии административных прав на острова Огасавара и Окинава.

Сато самое пристальное внимание уделял повышению роли Японии в мировой политике, особенно в Азии, в связи с превращением страны в один из крупнейших центров капиталистического мира. В это же время правительству пришлось пережить «шок Никсона», когда в августе 1972 г. США установили дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой (КНР), что явилось полной неожиданностью для Японии и ударом по ее репутации. Правительство Сато не сумело оперативно отреагировать на серьезные перемены, связанные с этим важнейшим событием, и ушло в отставку.

В условиях «китайского бума» в стране эту проблему решил новый премьер-министр Танака Какуэй (июль 1972 — ноябрь 1974), который уже в 1972 г. установил дипломатические отношения с КНР. По оценке руководства ЛДП, даже по сравнению с заключением Сан-Францисского мирного договора, подписанием японо-российской Совместной декларации, нормализацией отношений с Республикой Корея и возвращением Окинавы восстановление официальных связей с Китаем было самым важным дипломатическим событием в послевоенный период. Таким образом, были созданы все необходимые условия для диверсификации внешней политики.

Приход во власть крупного государственного деятеля и политика Накасонэ Ясухиро в 1983 г. объяснялся тем, что правящие круги хотели видеть во главе государства «сильную» личность, способную проводить эффективную внутреннюю и внешнюю политику. Новый премьер выдвинул идеи внутри- и внешнеполитического реформирования японского общества и немало сделал для их практической реализации.

На период премьерства Накасонэ пришелся наиболее активный этап проведения административно-финансовой реформы. Речь шла об ограничении рамок государственного регулирования экономики и исполь-

зования во все больших масштабах рыночных механизмов в условиях перехода к новой, интенсивной модели роста, углубления процессов интернационализации экономики.

При Накасонэ был дан новый импульс отношений Японии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Он предпринял неожиданный ход, предоставив им, в первую очередь членам АСЕАН, самим проявлять инициативу.

Первая половина 10-х годов XXI в. связана с именем Коидзуми Дзюнъитиро и проводимыми им реформами, за что вполне заслуженно он приобрел репутацию реформатора. В своей деятельности премьер сосредоточил внимание на решении внутренних проблем. Коидзуми сразу же обнародовал программу трансформации государственного управления на основе приватизации и дерегулирования, введения новой налоговой системы, решения проблемы безнадежных долгов банков, взятия под контроль бюджетного дефицита, освобождения от мелочной опеки органов местного самоуправления, сокращения общественных работ и перетряски сектора специальных общественных корпораций.

До прихода Коидзуми во власть многие понимали необходимость таких реформ. Но никто в правительстве ничего не хотел менять, не предлагал альтернативные меры, дабы не вступать в конфликт с воротилами строительного бизнеса, которые всегда оказывали мощную финансовую поддержку ЛДП.

Используя благоприятную экономическую ситуацию, премьер приступил к реформированию почтовой службы страны — незыблемой твердыни власти ЛДП, поскольку она направляла под контроль партии огромные финансовые потоки. Приватизируя почтовую службу, он хотел, помимо решения экономических задач, перекрыть или хотя бы затруднить доступ к средствам почтовой службы тем однопартийцам, которые прикармливали благодаря им своих избирателей. Своей политикой Коидзуми бросил вызов фракционной структуре партии. Но последующее развитие событий показало, что его политику не разделяли следующие три премьер-министра от ЛДП.

Глава третья «Капитализм с “человеческим лицом”»: об экономической политике либерал-демократов» открывает большой раздел исследования, посвященный социально-экономическим проблемам, которые достаточно успешно решались либерал-демократами. Автор задается весьма сложным и очень актуальным в связи с ведущимися дискуссиями о характере капитализма вопросом: какого типа капитализм был построен в послевоенной Японии, т.е. при правлении либерал-демократов? Этот вопрос заслуживает внимания еще и потому, что долгое время японская модель рыночной экономики подвергалась острой критике на

Западе как раз за очевидные отклонения от тех моделей, которые существовали в других развитых странах.

По мнению автора, в экономической политике либерал-демократов особого внимания заслуживают два момента: их подходы к регулированию рынка, их взгляды на характер и границы вмешательства государства в экономическое развитие и их политика в области перераспределения результатов экономического роста среди различных слоев населения.

В основе подходов либерал-демократов к регулированию рынка лежали, во-первых, понимание несовершенства рыночного механизма и, следовательно, необходимости защиты общества от его «провалов» и, во-вторых, расширительное толкование понятия «провалы» рынка, что создавало основу для более масштабного, чем в других развитых странах, вмешательства государства в экономическую жизнь.

Экономическая политика либерал-демократов поражает всеобъемлющим и многосторонним характером. Создается впечатление, что они не упустили из виду ни одну сферу экономической жизни общества, ни одну отрасль национального хозяйства. Особенностью японской модели государственного регулирования было то, что наряду с широким использованием различных финансово-кредитных и налоговых инструментов здесь в гораздо большей степени, чем в других развитых странах, применялись такие методы, как регламентация деловой практики частных компаний, а также так называемое административное руководство.

Разумеется, не на всех направлениях либерал-демократам сопутствовал успех. Но если судить по результатам экономического развития, то следует признать, что в целом их экономическая политика (по крайней мере, до депрессии 1990-х годов) была весьма успешной. Япония не только быстро наращивала свою финансово-экономическую и научно-техническую мощь, но и довольно скоро стала одной из наиболее благополучных стран мира с точки зрения социально-политической стабильности.

Промышленная политика, безусловно, являлась важнейшим направлением экономической политики либерал-демократов. Ввиду особой значимости этой отрасли для развития страны по сравнению с другими направлениями государственного регулирования она отличалась наибольшей комплексностью и целенаправленностью. В большинстве других отраслей и секторов масштабы регулирования были скромнее, но в целом сложившаяся в Японии экономическая система характеризовалась большим, чем в других развитых странах, вмешательством государства в рыночный механизм. В немалой степени благодаря именно этому экономическое развитие Японии имело более устойчивый характер, чем в других капиталистических странах, — делает вывод автор.

Еще одной несомненной заслугой либерал-демократов было то, что им удалось создать систему, при которой плодами экономического развития страны смогли воспользоваться, по сути, все ее граждане, все слои населения. Такое положение стало результатом целенаправленной политики ЛДП.

Важным направлением экономической политики либерал-демократов стала поддержка малого бизнеса. Понимая особую роль этого сектора предпринимательства в поддержании деловой активности и сохранении социально-политической стабильности в стране, либерал-демократы оказывали малому бизнесу разностороннюю поддержку.

На ограничение стихии рынка, защиту слабых от разрушительных сил рыночной конкуренции была направлена и существенная часть системы административно-правовых регламентаций. Конечно, нельзя не отметить, что регламентация хозяйственной жизни, поддержка и защита определенных отраслей и секторов, ограничивая конкуренцию и позволяя оставаться на плаву слабым, приводили к снижению экономической эффективности, росту издержек производства и цен. Но, во-первых, несмотря на значительные масштабы такой практики, в целом она не подавляла стимулов к предпринимательству в стране, а во-вторых, ее социальные цели были близки и понятны абсолютному большинству японского общества, которому присуще эгалитарное сознание.

Примерно до конца 1980-х годов сформировавшаяся при либерал-демократах экономическая система функционировала весьма эффективно. Но депрессия 1990-х годов показала, что развитие страны в рамках прежней экономической системы подошло к своему пределу и что она нуждается в существенном реформировании.

Либерал-демократов неоднократно обвиняли то в неспособности осуществить необходимые реформы, то в запаздывании с их проведением. Но если непредвзято посмотреть на предпринятые ими в 1990–2000-е годы шаги, то окажется, что сделано было немало и что к моменту, когда власть перешла к Демократической партии Японии (ДПЯ), экономическая система Японии сильно преобразилась, стала более рыночной и открытой, чем прежде.

За последние полвека Япония превратилась в одну из глобальных экономических держав и вполне логично в четвертой главе «Международное измерение экономической политики либерал-демократов» показано, как политическая элита страны обеспечивала экономическую политику на международной арене. В стремительно меняющейся международной обстановке она искусно лавировала между многочисленными и часто противоречащими друг другу интересами различных внутренних и внешних сил, ставя во главу угла национальные экономические интересы.

Во второй половине 1950-х годов приобретает четкие очертания курс на формирование экономической модели, ориентирующейся на внешний рынок. Правительство страны целенаправленно создает систему поддержки экспортеров, а внешнеполитическая активность Японии в тот период имеет целью обеспечение благоприятных условий для продвижения японских компаний-экспортеров на зарубежные рынки при сохранении высокого уровня защищенности собственного рынка. При этом политическому руководству страны приходилось маневрировать между интересами защиты внутреннего рынка и необходимостью сохранения нормальных отношений с внешнеэкономическими партнерами и политическими союзниками, прежде всего США, которые с конца 1950-х годов настоятельно требовали либерализации японского рынка.

В начале 1960-х годов в Японии был провозглашен курс на либерализацию и «открытую» экономику, определилась и стратегическая линия — постепенная либерализация, в максимальной степени отвечающая национальным экономическим интересам последовательного повышения конкурентоспособности основных отраслей японской промышленности на мировом рынке на основе постоянного обновления.

Естественным продолжением политики открытости и либерализации стала стратегия интернационализации японской экономики. В 1970-е годы идея интернационализации пронизывает всю внутреннюю и внешнюю политику Японии, меняются и стратегии компаний. При этом автор подчеркивает, что если рассматривать интернационализацию как дорогу с двусторонним движением, имея в виду «открытие» своей страны и экспансию национальных компаний на зарубежные рынки, то для Японии движение по двум встречным полосам было явно неравномерным. Процесс транснационализации японских компаний шел интенсивнее, нежели либерализация внутреннего рынка.

В 1980–1990-е годы, в период экономики «мыльного пузыря» и депрессии, следовавшей за ее крахом, внешнеэкономические приоритеты стали в еще большей степени, чем ранее, воздействовать на принятие решений, касающихся и внутриэкономических проблем. В условиях глобализации установилось неразрывное единство между внутренними и внешними аспектами экономической стратегии Японии.

В 2000-е годы в рамках проведения структурных реформ в качестве одной из основных была выдвинута задача повышения эффективности экономики, и в первую очередь — ее международной конкурентоспособности, а также усиления позитивного влияния внешнеэкономической сферы на экономическое развитие страны. Иными словами, внешние, международные приоритеты экономической стратегии Японии во все большей степени стали рассматриваться в контексте максимально

эффективного использования новой ситуации в мире, а именно — глобализации.

При этом автор выделяет два принципиально важных обстоятельства. Во-первых, необходимость проведения системных реформ, равно как и выстраивания системы внешнеэкономических приоритетов, определялась прежде всего внутренней логикой развития национальной экономики. Во-вторых, «слияние» внутренних и внешних аспектов экономической стратегии страны и определенная переориентация на «западные ценности» при разработке и проведении реформ отнюдь не отменили понятия «национальные интересы», прежде всего экономические.

В 1990-е и позже — в 2000-е годы внешнеполитическое и внешнеэкономическое обеспечение национальных экономических интересов Японии шло в двух плоскостях — глобализм и регионализм. При либерал-демократах страна прошла путь от изоляции к открытости, ее экономика стала неотъемлемой, весьма крупной и влиятельной частью мировой экономики. В плане изменения места Японии в мировой экономике и экономического взаимодействия с внешним миром, по наблюдениям автора, видно своего рода развитие по спирали. Особенно наглядно данная особенность проявляется в отношении азиатского направления внешней экономической политики. Когда азиатские рынки превратились в приоритетные для японских компаний, повысился уровень значимости региона и во всей системе государственной политики.

В отношении воздействия международного фактора на внутреннюю экономическую политику Японии и эволюцию экономической модели страны можно сказать, что на протяжении достаточно длительного исторического периода, каковым является период правления либерал-демократов, наблюдается тенденция приближения японской экономической модели к модели, которую условно можно назвать «западной».

Значительное место в экономической политике либерал-демократов занимает научно-техническая политика. Именно об этом направлении рассказывается в пятой главе «Научно-техническое развитие Японии в годы правления ЛДП». Автор показывает, что фундамент государственного управления научно-техническим развитием послевоенной Японии закладывался еще до прихода ЛДП к руководству страной. В 1947 г. правительство создало специальную комиссию по перестройке системы научных исследований в соответствии с послевоенными задачами, после чего было создано несколько административных органов по управлению научно-техническим развитием. Наиболее масштабной в тот период являлась деятельность Палаты промышленных технологий Министерства внешней торговли и промышленности (МВТП).

В 1956 г. было организовано Управление по науке и технике при Канцелярии премьер-министра, призванное координировать выработку

и реализацию правительственных мер в области научно-технической политики, а в 1959 г. был создан Совет по науке и технике, возглавляемый премьер-министром Японии.

Учрежденная при Управлении по науке и технике в 1961 г Японская корпорация по исследованиям и разработкам обеспечивала выход НИОКР в практическую сферу, помогая вывести их на стадию промышленного применения. Важнейшей частью работы корпорации являлся анализ массива информации о результатах исследований, завершенных в государственных НИИ и университетах, а также сведений об изобретениях, коммерциализация которых имела бы большой социально-экономический эффект. Еще одно направление деятельности корпорации — широкое распространение результатов успешно завершенных проектов. В 1980-е годы деятельность корпорации была дополнена весьма важным направлением — организацией и финансированием цикла поисковых исследований для разработки на их основе новых передовых технологий.

В апреле 1971 г. Совет по науке и технике представил рекомендации, касающиеся особенностей научно-технической политики на текущее десятилетие. Особый акцент был сделан на проблемах окружающей среды. Огромное значение имели рекомендации о том, что Японии следует больше опираться на собственный научно-технический потенциал и активно его совершенствовать.

В ноябре 1995 г. японский парламент утвердил Основной закон о науке, технике и технологиях. В этом документе были сформулированы ведущие задачи государства в сфере научно-технической политики. Он констатировал, что наука, техника и технологии формируют фундамент развития как японского общества, так и человечества в целом и главная задача состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированное взаимодействие между различными направлениями НИОКР и тесное сотрудничество между участниками исследовательского процесса.

Характеризуя научно-техническое развитие Японии в годы правления ЛДП, автор отмечает сочетание в нем двух стратегий. Одна — стратегия заимствования, т. е. широкомасштабное использование зарубежных достижений, другая — селективная стратегия, предусматривающая концентрацию собственных усилий на приоритетных направлениях, имеющих решающее значение для развития экономики и общества. Их сочетание позволяло достигать особенно высоких производственных результатов.

При этом государство в лице Министерства внешней торговли и промышленности активно выступало в качестве локомотива, продвигающего науку, технику и технологии по направлениям, не привлекающим частные компании. К числу важнейших мероприятий МВТП

по развитию работ в области высоких технологий относятся разработка концепции и реализация программы «Технополис». В соответствии с этой концепцией несколько периферийных городов стали опорными пунктами развития высокотехнологичных производств.

В связи с тем, что к началу 2000-х годов начали проявляться тенденции к снижению конкурентоспособности японской продукции на мировых рынках, правительство определило интеллектуальную собственность как важнейший национальный ресурс. В декабре 2002 г. вступил в действие Основной закон об интеллектуальной собственности, который стал правовым фундаментом, обеспечивающим ускорение инновационного развития Японии.

В Японии вполне обоснованно считают, что пришло время, а главное, созрели основные предпосылки для того, чтобы страна начала играть более активную роль в форсировании мирового научно-технического развития и в решении на этой основе серьезных глобальных проблем.

ЛДП обеспечила выход Японии на передовые позиции в науке, технике и экономике. Она оставила своей политической преемнице огромный задел для последующего развития, так что многие будущие успехи японских ученых и инженеров будет вполне закономерно связывать с успешной научно-технической политикой, которую она проводила в период своего правления.

Важное место в экономической политике правительства ЛДП на протяжении всего периода ее правления занимал аграрный сектор. В главе шестой «Сельское хозяйство в условиях протекционистской политики ЛДП» показано, что именно государство сыграло главную роль в становлении современного, технически оснащенного сельского хозяйства. Оно взяло на себя значительную часть финансирования отрасли, в частности создание инфраструктуры, предоставление субсидий и кредитов, поддерживало доходы крестьянских хозяйств, устанавливая закупочные цены практически на все виды продукции, и т. п.

Государственные научно-исследовательские учреждения, региональные и префектурные опытные станции вели фундаментальные и прикладные исследования в области сельского хозяйства. Они же занимались семеноводством и племенной работой, осуществляли подготовку и повышение квалификации работников аграрного сектора. Государственная служба по распространению сельскохозяйственных знаний помогала внедрять достижения науки и техники в сельскохозяйственное производство. Аграрную политику либерал-демократов можно без преувеличения назвать протекционистской.

За два-три десятилетия сельское хозяйство превратилось из отсталой, основанной на ручном труде отрасли в вполне современную область

экономики. По ряду ее показателей Япония входит в первую десятку стран мира. Значительно увеличилась производительность труда.

Но к настоящему времени аграрный сектор экономики оброс множеством проблем, которые отвлекают финансовые средства на поддержку нерентабельных хозяйств и зачастую затрудняют проводить внешнеторговую политику, отвечающую интересам экономического развития страны в целом. Прежде всего это недостаточный уровень сельскохозяйственного производства, нехватка рабочей силы, особенно молодой, низкие сельскохозяйственные доходы и конкурентоспособность на внешнем рынке.

Эти проблемы ждут своего решения, поскольку значение сельского хозяйства для жизнедеятельности общества чрезвычайно велико не только в плане поставщика продовольствия, но и в плане выполнения других задач, в частности сохранения окружающей среды.

Основная причина сегодняшних проблем — мелкие размеры хозяйствования (особенно в растениеводстве), главным образом в связи с мелкими наделами, средняя площадь которых не достигает в настоящее время и двух гектаров. До середины 1990-х годов аграрная политика правительства основывалась на двух законах — о сельскохозяйственной земле (1952 г.) и о контроле над продовольствием (1942 г.), которые накладывали строгие ограничения на размеры землевладения и землепользования и устанавливали административный контроль над производством и распределением основных видов продукции.

Многие из упомянутых проблем проявились уже в конце 1950-х годов, и правительство пыталось их разрешить путем постепенного смягчения действующих ограничений. Однако делало это излишне медленно и зачастую непоследовательно. Все это задерживало размыивание мелких хозяйств и рост крупных. В основе политики создания тепличных условий существования для всех слоев крестьянства лежали как социально-экономические причины (боязнь разорения мельчайших хозяйств и соответственно сокращения производства и возникновения социальных волнений), так и непосредственно политические мотивы (деревня традиционно голосовала за ЛДП). В результате эффективность производства приносилась в жертву интересам элиты, что ставило сельское хозяйство в тяжелое положение перед внешними вызовами, а потребителя — перед высокими розничными ценами.

Сравнительно радикальные меры, нацеленные на повышение эффективности сельскохозяйственного производства, начали осуществляться после принятия в 2005 г. нового десятилетнего плана развития сельского хозяйства. Он предусматривает введение адресных субсидий только крупным фермерам, прекращение установления цен на сельскохозяйственную продукцию, ликвидирует практику административного регу-

лирования размеров производства риса. Кроме того, частный сектор допускается к участию в определении цен на рис в соответствии с потребительским спросом; промышленным и торговым компаниям предоставляется право вести сельскохозяйственное производство на арендуемой земле. Хотя и эти меры считаются абсолютно недостаточными.

Автор полагает, что предпринятые в последние годы правления ЛДП шаги по повышению эффективности производства можно было принять гораздо раньше, и это не вызвало бы деструктивных последствий. В результате структурная перестройка к настоящему времени могла бы уже произойти, и ряд проблем, указанных выше, нашел бы свое решение.

Исследованию состояния пенсионного обеспечения в Японии посвящена седьмая глава. Занимаясь этой важнейшей социальной сферой не одно десятилетие, автор приходит к выводу, что многочисленные проблемы здесь появились давно, накапливались постепенно и в конце концов стали той последней каплей в общей нестабильной ситуации в стране, которая спровоцировала кризис всей политической системы.

Немало проблем обострилось в связи со старением населения. Рост продолжительности жизни и увеличение численности контингентов старших возрастов делает проблему обеспечения источников их доходов все более масштабной и неотложной.

По мере сокращения численности работающих поколений и увеличения количества пенсионеров соотношение расходов пенсионной системы по выплате пенсий и ее доходов от страховых взносов систематически ухудшается, пенсионные фонды быстро исчерпываются, японская пенсионная система испытывает все большие финансовые затруднения. Попытки справиться с этой проблемой неизменно ведут к ужесточению норм пенсионного обеспечения, к росту страховых взносов, повышению пенсионного возраста, что вызывает протест со стороны общества. Наиболее существенной особенностью японской системы пенсионного обеспечения, связанной со спецификой исторического развития социально-экономических институтов, является то, что блок частных пенсионных систем не только сопоставим с государственным, но и в определенной степени преобладает над ним.

Постепенно на уровне отдельных фирм в Японии сформировались системы своеобразной социальной защиты, которые были встроены в общую практику управления рабочей силой на принципах так называемого пожизненного найма. Увольняясь с предприятия, работник с большим трудовым стажем мог рассчитывать на солидное выходное пособие. Такое положение длительное время сдерживало развитие общенациональных институтов социальной защиты лиц наемного труда. Влияние этого ощущалось на протяжении всего послевоенного периода

и отражается на состоянии системы пенсионного обеспечения в Японии и в настоящее время.

Решающее значение для судеб японской пенсионной системы имели и имеют особенности способов ее финансирования. Основная часть доходов японской пенсионной системы формируется за счет метода страхования, базирующегося на страховых взносах трудоспособного населения, их капитализации и последующей передачи нетрудоспособным в виде пенсий.

При данном методе сроки накопления ресурсов и их расходования значительно разнесены по времени, а сами ресурсы велики. В результате образуется возможность их длительного использования, в первую очередь на накопление капитала. Для обеспечения производства и производственной инфраструктуры финансовыми средствами этот метод финансирования пенсионной системы обладает поистине огромным реальным потенциалом, который характеризуют, в частности, гарантированность и стабильность источников крупных дотаций или займов, относительно низкий процент на ссужаемые средства, их долгосрочный характер, полная управляемость сверху.

Постепенно в государственной пенсионной системе назревала угроза исчерпания фондов. Сложное положение, в котором оказалась пенсионная система на пороге XXI века, было обусловлено объективными причинами, такими как старение населения, увеличение численности пенсионеров, длительный застой в экономике, осложненный серьезными структурными проблемами, рост дефицита бюджета, падение активности японских банков и их банкротство. Вместе с тем немалую роль сыграли и субъективные причины, в первую очередь плохое управление системой социального обеспечения в целом и особенно ее финансами.

В результате к началу XXI века государственная пенсионная система оказалась перед лицом финансового банкротства и необходимости срочно перейти на метод текущего финансирования из бюджета, к которому вследствие незавершенности организационной реформы и раздробленности системы она готова не была.

К тому же в кризисной ситуации оказались и частные системы, на которые правительство ЛДП всегда возлагала особые надежды. После краха экономики «мыльного пузыря» число фирм, имеющих собственные пенсионные программы, начало сокращаться год от года. В кризисной ситуации оказалась не только пенсионная система, покачнулось все здание «общества корпораций», частью которого она была. На глазах рушилась та идеологическая основа внутренней политики правительства ЛДП, в канву которой органически была встроена и концепция пенсионного обеспечения с опорой на частный сектор. Драматические

события последних лет в области пенсионного обеспечения выглядят совсем не случайными.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) в разные исторические периоды неизменно находилась в поле зрения японской дипломатии. Вполне закономерным является наличие в данном исследовании восьмой главы «Юго-Восточная Азия во внешней политике Японии». Послевоенную стратегию в отношении стран этого региона, которую формировали лидеры и идеологи Либерально-демократической партии (ЛДП), отличает завидная последовательность: она переходит по наследству к каждому новому поколению политиков ЛДП. Выработка и реализация стратегии и принятие внешнеполитических решений десятилетиями полностью находились под контролем этой доминантной партии.

Политика японских консерваторов в отношении стран ЮВА начинает формироваться с момента подписания Сан-Францисского мирного договора. Главной задачей послевоенной дипломатии Японии на многие годы становится восстановление ее «добраго имиджа» в странах Азии, ущерб, которому нанесла японская политика военных лет. На первом этапе Юго-Восточная Азия рассматривалась в контексте так называемой экономической дипломатии как получатель японской экспортной продукции. Именно в это время широкое распространение получает формула «Япония — часть Азии» или так называемый «план развития Юго-Восточной Азии». Переговоры по компенсационным выплатам позволили представителям ЛДП возродить личные контакты с лидерами многих азиатских стран. К концу 1960-х годов Япония при поддержке США сумела урегулировать значительную часть послевоенных противоречий со странами ЮВА и заявить о себе на международной арене.

Привнесение политического элемента в региональную политику Японии началось под воздействием «шока Никсона» и «послевьетнамского» кризиса американской политики в конце 1970-х годов. К этому моменту ЛДП приходит к убеждению, что политика «экономической дипломатии» в Юго-Восточной Азии уже не в полной мере отвечает интересам Японии. Этому было несколько причин. Во-первых, анти-японские протесты, прокатившиеся по странам ЮВА в 1974 г., нанесли весомый удар по японской экспортноориентированной дипломатии. Во-вторых, окончание в 1975 г. войны во Вьетнаме и сокращение физического присутствия США в регионе требовали от Японии пересмотра своей политики в связи с образованием некоего «вакуума силы», который она вполне могла заполнить. «Гуамская доктрина» Никсона, призывавшая американских союзников в Азии к большей самостоятельности, тоже косвенно способствовала активизации региональной политики Японии. В-третьих, впервые проведенный в 1976 г. саммит стран АСЕАН

свидетельствовал о том, что эта организация постепенно становится самостоятельным полноправным игроком на региональной арене и готова к продуктивному взаимодействию с Японией. От последней ждали не туманных обещаний, а конкретных действий. С учетом всех вышеперечисленных факторов Япония впервые после войны системно разрабатывает собственную внешнеполитическую стратегию в отношении стран ЮВА.

Выдвинутая в 1977 г. «Доктрина Фукуда», которая предусматривала диверсификацию внешнеполитического курса, стала заметным этапом японской политики в Азии. Автор исследования полагает, что эта доктрина не потеряла своей актуальности. Более того, многие региональные инициативы, выдвинутые Японией в 1990–2000-е годы, так или иначе отражают принципы, провозглашенные в середине 1970-х годов. Десятилетие «холодной войны», сопровождавшееся эскалацией американо-советского противостояния и гонки вооружений, заморозило реализацию этой доктрины, и в полной мере Япония начала воплощать ее в жизнь лишь в начале 1990-х годов.

С этого времени Токио активно выступает с региональными инициативами, устанавливает тесные экономические связи с новыми членами АСЕАН, формирует систему договоров о свободной торговле, активно участвует в международных миротворческих операциях. Одновременно Юго-Восточная Азия продолжает оставаться наиболее безопасной ареной демонстрации японской самостоятельности, японские инициативы в этом направлении встречают благосклонное одобрение США.

Чрезвычайно актуальной в настоящее время является проблема ядерного оружия и отношения к ней разных стран. Позиция Японии по этому вопросу рассмотрена в главе девятой «“Ядерная дилемма” во внешнеполитическом курсе либерал-демократов». В отношении этой страны к ядерному оружию в послевоенный период наличествует дилемма. Суть ее заключается в сочетании двух взаимоисключающих концептуальных подходов: с одной стороны, Япония всегда позиционировала себя как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия, с другой стороны, приняв от США гарантии безопасности, она де-факто признала легитимность использования американского ядерного оружия для защиты от внешнего нападения.

Эта двойственность позиции накладывала отпечаток на всю послевоенную политику Токио в ядерной области, которая отличалась двусмысленностью, непоследовательностью и противоречивостью. Как неядерная держава Япония активно проповедовала идеи ядерного разоружения вплоть до полного искоренения ядерного оружия, а также идею полного

запрещения ядерных испытаний. Неядерный статус был частью пацифистского имиджа государства, отказавшегося от своего милитаристского прошлого и провозгласившего полное отрицание войны как средства решения международных споров.

Вместе с тем неядерный статус Японии находился в тесной увязке с ядерными гарантиями США, которые, согласно официально принятой точке зрения, обеспечили Японии мир и безопасность в послевоенный период и позволили ей добиться высокого уровня экономического развития и процветания.

В интерпретации правительства, обладание ядерным оружием в целях обеспечения собственной безопасности не подпадает под конституционные запреты. Однако в постбиполярную эпоху в политическом руководстве страны все же возобладала умеренная точка зрения, в соответствии с которой Японии следует воздержаться от «ядерного выбора».

Одним из основных аргументов является то, что в случае нуклеаризации Японии сильный удар будет нанесен по ее военно-политическому союзу с США, представляющему собой краеугольный камень внешней политики страны. Обретение Японией ядерного оружия почти наверняка лишит ее американских «ядерных гарантий» по причине жесткой позиции Вашингтона в вопросе о режиме нераспространения ядерного оружия. «Ядерный выбор» приведет к ускорению процесса распространения ядерного оружия, в том числе и среди возможных военных соперников Японии (например, в странах Корейского полуострова), дестабилизации военно-политической ситуации, гонке ядерных вооружений в Северо-Восточной Азии и ухудшению внешнеполитических условий для самой Японии. Существуют также опасения утраты международного авторитета, основанного на моральных обязательствах Японии как единственной в мире страны, испытавшей атомные бомбардировки.

Пересмотру неядерного статуса препятствует и сохранение в японском обществе в постбиполярный период «ядерной аллергии», которая не утрачивает свою силу, несмотря на уменьшение пацифистских настроений в массах, ослабление негативной исторической памяти участия Японии во Второй мировой войне. Опросы общественного мнения показывают, что большинство японцев продолжают негативно относиться к ядерному оружию как к дестабилизирующему фактору международных отношений.

Анализ послевоенной политики Японии в отношении ядерной проблемы позволяет заключить, что Токио при определении своей позиции руководствовался все же прагматическими, а не моральными соображениями. В политической элите страны никогда не преобладала идеалистическая точка зрения относительно возможности сохранить неядерный

статус без «ядерных гарантий» США и иных дополнительных «подпопок». Политика отказа от ядерного вооружения никогда не воспринималась в качестве самоцели, а проводилась на разных этапах послевоенной истории в качестве наиболее оптимального средства обеспечения внешнеполитических интересов страны. В биполярную эпоху эта политика служила целям укрепления имиджа Японии как пацифистского государства, который она активно использовала для восстановления своих позиций в азиатских странах, пострадавших от японской агрессии в период Второй мировой войны. После окончания «холодной войны» в связи с постепенной утратой действенности пацифистской компоненты внешнеполитического ресурса на первый план вышли соображения экономической и политической целесообразности, в соответствии с которыми обладание ядерной мощью на данном этапе представляет собой решение, таящее в себе неприемлемый ущерб национальным интересам страны, как экономическим, так и внешнеполитическим.

Вместе с тем никаких иллюзий по поводу возможности обеспечения военной безопасности за счет сохранения неядерного статуса в политическом руководстве не наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, непрекращающаяся в Японии дискуссия по поводу «ядерного выбора», а также многочисленные заявления официальных лиц о допустимости ядерного оружия с точки зрения внутреннего законодательства. Япония продолжает внимательно следить за ситуацией в сфере распространения ядерного оружия, и прежде всего в восточноазиатском регионе, и сохраняет высокую степень экономической и научно-технической готовности к коррекции своей политики в ядерной области.

Две заключительные главы книги, десятая и одиннадцатая — «Массовая культура в эпоху ЛДП: феномен *отакэ*» и «Культурная дипломатия: полвека под знаменем ЛДП» дают объемную и многоликую картину состояния этой сферы жизни японцев. В первой из них показано, что в годы правления Либерально-демократической партии получили развитие многочисленные и разнообразные направления и течения — от реализма до авангарда, которые, как правило, зарождались на Западе и почти моментально приживались на местной почве. Но происходило это практически всегда в гармоничном сочетании с национальной традицией или в ее оригинальном новом прочтении. В результате этого синтеза, как справедливо отмечает автор, появился уникальный культурный продукт, который в равной степени оказался востребованным как внутренней, так и внешней аудиториями, что оказало существенное воздействие на мировую культуру в целом.

Культура этого периода развивалась одновременно с техническим прогрессом и вплоть до сегодняшнего дня была неразрывно связана в

первую очередь с развитием телекоммуникационной сферы. Появление и распространение телевидения, создание компьютеров и, наконец, изобретение Интернета совершили настоящую культурную революцию. Именно благодаря этим новым средствам массовых коммуникаций культура, начиная от формы подачи материала и кончая скоростью его предоставления потребителю, стала повсеместно и легко доступной широким массам.

Одним из наиболее важных и принципиальных моментов в истории послевоенной японской культуры явилось поступательное развитие массовых видов и жанров искусства. Японская массовая культура формировалась под сильным влиянием внешних и внутренних условий и факторов, определивших основные тенденции и давших жизнь многочисленным новым субкультурам. Среди них особо выделяется субкультура *отаку*, представляющая, как отмечает автор, по существу, мейнстрим современной культурной жизни страны.

Понятие «субкультура *отаку*» объединяет в себе широкий спектр направлений и жанров современной популярной японской культуры, таких как *манга*, *анимэ*, *токусацу* (специальные эффекты) и т.д., а их поклонников, а вернее, неистовых фанатов окрестили словом *отаку*. Субкультура *отаку* стала культурным феноменом наших дней и предметом постоянных научных и публичных споров и обсуждений.

Одни считают эту субкультуру отражением новых мировоззренческих и художественных ориентиров, ярко и самобытно выражающих дух нашего времени. Другие обвиняют ее в общем падении уровня искусства и нравов, апокалиптических настроениях и примитивно сладкой эстетике *каваи*, наполнившей собой образы, сюжеты и даже целые новые жанры *манга* и *анимэ*, и т.д. Часть критиков усматривают в субкультуре *отаку* высшее проявление демократизации искусства, благодаря электронным носителям доступного теперь всем его потребителям, невзирая на возраст, увлечения, национальность и т.д. Их оппоненты, напротив, упрекают субкультуру *отаку* в примитивизме содержания, пропаганде культа насилия и секса и т.д. Некоторые исследователи ратуют за новое социокультурное сообщество *отаку*, которое позволяет всем единомышленникам создавать свои «комьюнити» по интересам для широкого общения в условиях современного разобщенного мира. Однако здесь же предстает и обратная сторона проблемы — уход некоторых представителей *отаку* в этом иногда маниакальном увлечении от реальной жизни, социальных связей с обществом в свой замкнутый и далеко не идеальный мир. Отсюда проистекают такие страшные социальные болезни, как добровольное затворничество, всякого рода антисоциальные поступки и т.д.

Существуют различные точки зрения и в отношении источников формирования субкультуры *отаку*. Одни исследователи относят ее к

продуктам постмодернизма, а ее своеобразной прародительницей считают премодернистскую эпоху Эдо и ее культуру. Эта теория во многом опирается на достаточно распространенную в научных кругах гипотезу о том, что Япония миновала период модернизма. Другие настаивают на том, что «привлекательная и убедительная идея схожести между эпохой Эдо и *отаку*-культурой является полной иллюзией», подчеркивая, что *манга*, *анимэ*, фильмы *токусацу*, научно-фантастические романы, компьютерные игры — все это импортировано из США. По их мнению, «*отаку*-культура должна рассматриваться не как прямой наследник японского премодернизма, а как результат процесса «одомашнивания» Японией послевоенной американской культуры, который происходил одновременно со стремительным экономическим ростом и подъемом национального самосознания в 1950–1960 гг.».

Автор показывает, что дальнейшая судьба этой субкультуры тесно связана с историей страны, с особенностями ее политического, экономического, социального и культурного развития, отразившимися в сознании представителей новой генерации японцев. Дети сверхразвитого общества потребления — *отаку* выбрали для себя путь романтического ухода от реальной действительности, в которой процветают идеалы консюмеризма.

В главе одиннадцатой «Культурная дипломатия: полвека под знаменем ЛДП» говорится о том, что в 1950-х годах Япония столкнулась с необходимостью моделирования своего нового образа, как для внутреннего, так и для внешнего пользования. Поиск свежей национальной идеи и настойчивое желание вновь вернуться к активной политической роли в мировой политике привели Токио к очевидному решению о смене имиджа и внутри государства, и за его пределами. По времени это совпало с приходом к власти ЛДП.

Партия оказалась в исключительно сложном положении. Было очевидно, что необходимо срочное и полное использование средств формирования имиджа для создания среди населения образа новой страны, но неясным оставалось, каким должен быть этот образ — опирающимся исключительно на только что привнесенные заокеанские ценности или возрождающим «попранные» основы национального величия? Тем более что не было единства по этой проблеме внутри самой партии. И у той, и у другой точки зрения в сторонниках и противниках недостатка не было. В то же время анализ внутривнутриполитической обстановки и ситуации в мире ясно показывал немолодым, но амбициозным лидерам партии, что следовать только по одному из указанных путей не удастся, и проблема, таким образом, заключается лишь в определении оптимального соотношения столь противоречивых слагаемых.

Руководство ЛДП приняло в значительной степени соломоново решение, взяв курс на активное международное сотрудничество в области культуры при условии сохранения японских традиций как основы национальной самоидентификации. В послевоенный период особенно важно было понять, получит ли возрождение традиционной культуры понимание и одобрение Соединенных Штатов, чье влияние на принятие любых сколько-нибудь важных решений оставалось определяющим.

Стратегия Либерально-демократической партии в области формирования имиджа внутри страны в культурной сфере никогда не отходила от принципов готовности к международному сотрудничеству в области культуры при условии сохранения национальной уникальности. При этом, определяя направления послевоенной культурной дипломатии, руководство страны и ЛДП стояло перед не столь уж сложной проблемой, как это может показаться на первый взгляд. Для Токио особое внимание к культурной дипломатии не являлось данью времени или каким-то нововведением, лишь недавно получившим права на реализацию внешнеполитическим ведомством. Наоборот, Японию можно считать одним из пионеров культурной дипломатии в современном понимании этого термина и страной, наиболее успешно претворяющей в жизнь ее основные направления.

В ранний послевоенный период Япония использовала опыт середины XIX в., когда страна, поставила целью занять равное с другими развитыми странами место в мире. Она моделировала имидж мирного государства, сосредоточенного на решении внутренних проблем, страны с уникальными культурой и традициями — «страны гейш», а не самураев. Не вдаваясь глубоко в историю, заметим, что задачи японской культурной дипломатии после Второй мировой войны не так уж сильно отличались от задач мэйдзийских времен.

Япония оказалась выведена из числа активных игроков международной политики, ориентировавшихся в начавшуюся эпоху «холодной войны» на силу, в том числе на «сверхсилу» (ядерное оружие). Отказ от официальных вооруженных сил и первоначальная экономическая слабость заставили японских политиков вспомнить о положительном опыте прошлого. Особенно актуальным обращение к так называемой «мягкой силе» стало после того, как восстановление страны и начавшийся вслед за этим экономический подъем на основе «экономической дипломатии» вывели Японию на уровень второй экономической державы в мире.

Создание экспорториентированной экономики привело Токио к осознанию важности формирования позитивного имиджа страны, способного обеспечить благоприятную атмосферу для экономической экспансии, разрушения негативного образа Японии и японцев, сложившегося в

результате войны в регионах, наиболее интересных для Токио с торгово-промышленной точки зрения: США, Китае, странах Юго-Восточной Азии, отчасти Европе. Создание имиджа государства как носителя уникальной культуры, а его жителей как высоко образованных, тонко чувствующих интеллектуалов стало основной задачей японской культурной дипломатии, не выполненной в полном объеме и поныне.

Для ее решения в 1951 г. в МИД Японии был создан Департамент информации и культуры, а позже возобновлена деятельность ряда существовавших ранее различных обществ по пропаганде японской культуры за рубежом. В 1960-х годах, уже под непосредственным руководством ЛДП, эти общества были реорганизованы, упрочена их финансовая база и усилен контроль над ними со стороны МИДа, парламента и правящей партии. В 1964 г. в министерстве появился Отдел культурных мероприятий. На базе сразу нескольких обществ по пропаганде в 1972 г. был создан Фонд международных обменов (Кокусай корю кикин), ставший основным проводником японской культурной дипломатии во внешнем мире.

В настоящее время в структуре Министерства иностранных дел Японии существует специальный Департамент публичной дипломатии, входящий в состав министерского секретариата и осуществляющий руководство обширным комплексом информационно-разъяснительных мероприятий, а также моделирующий позитивный имидж Японии за рубежом средствами культурной дипломатии. Однако Японский фонд, официально отделенный от МИДа в 2002 г., продолжает оставаться своеобразным «знаменосцем» японской культурной дипломатии в мире. Сегодня его деятельностью охвачены более 190 стран. В 26 государствах Японский фонд имеет институты и центры японской культуры, центры японского языка, свои отделения и представительства.

Во многих случаях деятельность фонда пересекается с деятельностью Департамента публичной дипломатии МИДа. Широкий круг вопросов, входящий в сферу интересов департамента, позволяет активно использовать для моделирования позитивного имиджа страны различные мероприятия. К ним относятся как уже привычные для иностранцев выставки японского искусства и фестивали японского кино, так и столь неординарные акции, как обеспечение благоприятных условий для занятий японскими единоборствами (например, после разгрома американскими войсками талибов Япония практически создала, а ныне финансово и методически поддерживает федерацию *дзюдо* Афганистана) или организация лекций о японской кухне в различных городах России. Важным имиджевым элементом является пропаганда индустриальных успехов страны.

В целом культурная дипломатия сегодня представляет собой одно из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности

Японии. Ее основы были сформированы за столетие до прихода к власти Либерально-демократической партии, однако, как и многое другое, они были творчески осмыслены, переработаны и пущены в ход лучшими представителями ЛДП, специализирующимися на вопросах мировой политики и национальной культуры. За полвека, что эта политика поводилась в жизнь усилиями и средствами либерал-демократов, она не только в значительной степени смоделировала ту Японию, какой ее сегодня представляют во всем мире, но и сама стала классическим образцом культурной дипломатии в японском исполнении: формируя образы, она сформировала образ самой себя и навсегда вошла в историю политического имиджмейкинга. Вне зависимости от того, какая политическая партия находится власти, никаких перемен в области культурной дипломатии Токио ждать не приходится. Это направление деятельности ЛДП оказалось наименее подверженным внутривнутриполитическим переменам и на многие десятилетия вперед определило имидж Японии.

Исследуя период правления Либерально-демократической партии, авторы каждой главы данной книги показывали несомненные успехи ее стратегии развития и анализировали процесс становления современной Японии. При этом они отмечали, что либерал-демократы не всегда могли и не всегда стремились разрешать своевременно возникающие проблемы и преодолевать деструктивные явления.

Доминантная партия в последний период своего существования, как и вся Япония, переживала непростые времена. Многие проблемы, которые были вынуждены решать либерал-демократы, имели давнюю историю. Это были проблемы, связанные прежде всего с положением в самой партии (фракционная структура, наследование избирательных округов, практическая несменяемость высшего слоя партийной элиты, очень небольшой запас претендентов на высшие посты в партии и правительстве, отсутствие ярких лидеров и новых идей, сложность активизации партийной деятельности за счет притока новых кадров), а также остро стоявшие проблемы получения политических пожертвований от частных фирм, реформы политической системы и создания новых партий.

Другие проблемы четко обозначились с начала 1990-х годов и плавно перешли в 2000-е. К ним относятся короткий период, связанный с уходом ЛДП в оппозицию, создание коалиционных правительств, серьезные подвижки в оппозиционном лагере, несвойственная японской политической культуре чехарда премьер-министров, потеря правящей партией доверия населения, что нашло отражение в затяжном парламентском кризисе последних лет, появление первой серьезной заявки оппозиционных сил в лице Демократической партии Японии (ДПЯ) на отстранение ЛДП от власти из-за определенной «усталости» населения от

продолжительного правления либерал-демократов, продолжение или замораживание начатых реформ в условиях мирового экономического кризиса. ЛДП переживала серьезный кризис, который требовал незамедлительного конструктивного решения. Однако создавалось впечатление, что партия не только не осознала серьезность стоявших перед ней проблем, но и «делала все возможное» для своего устранения из власти.

Вместо заключения к данному исследованию прилагается последний программный документ ЛДП — «Манифест», с которым ЛДП обратилась к своим избирателям накануне судьбоносных парламентских выборов в 2009 г. Его содержание ясно говорит о том, что партии было нечего предложить, кроме набивших оскомину трескучих заявлений и деклараций, что либерал-демократы абсолютно не понимали настроений в обществе.

INTRODUCTION

This book is intended for general Russian readers, and it has not been written at this time by accident. It analyzes a historical period associated with the rule of the Liberal Democratic Party in Japan, a period exactly dated – from the establishment of the party on November 15, 1955, to the end of its rule after a crushing election defeat on August 30, 2009. Not often does an opportunity arise to explore a complete period in modern history that has evolved before the eyes of the many authors who contributed to this publication. Moreover, the period under review was a most significant period because it witnessed the rooting of democracy in Japan, its transformation into the second largest economic power and a full member of the club of the most developed countries in the world.

The events examined in this study represent a totality of Japan's historical development during the second half of the 20th century. These developments, undoubtedly, go back not only to the first postwar decade, but also to the pre-war past. After all, the “link between the ages” has never been interrupted in Japan, a country where traditionalism has always played an important role. The natural course of events initiated in the Meiji period (1868–1912) was completely interrupted by the militarization of the country only in the late 1930s. Until then, there had been a gradual expansion of suffrage and social security, a reduction of the working hours, there appeared workers' and peasants' organizations, and even radical political parties. The country had an effective administrative system, a high literacy rate, good organization of production, and almost half a century of experience with the functioning of parliamentary institutions.

Although the Meiji Constitution of 1889 did make a de-jure claim for democracy, indeed, democracy was only brought into the country after the crushing defeat in World War II. It was not accompanied by the loss of traditions and national identity, however, because the country's political elite exhibited paramount pragmatism and realistically assessed the situation. It realized perfectly well that a parliamentary democracy with all its seeming shortcomings was an alternative to the misfortunes brought to Japan by the authoritarian rule. Democratization was also the only way for the ruling elite to retain power.

With power retained by the pre-war conservative elite and only the top bureaucratic layer subjected to “purges”, the old state apparatus headed by the emperor remained basically the same, save for some remodeling and updating. As a result, all postwar democratic reforms were conducted by the old conservative bureaucrats and politicians of the so-called second tier. The rooting of democracy was embodied in the personalities of several postwar prime ministers: Yoshida Shigeru, who was five times head of government, is known as “the creator of the updated Japan”, and held prominent diplomatic posts before the war; Kishi Nobusuke, who signed the Japan-US security treaty in 1960, was the minister of trade and industry during World War II; and Ikeda Hayato, the author of the ten-year plan of doubling the national income, headed the tax department. One can justly say that in the postwar years the bureaucracy not only survived, but effectively managed the nation, clearly defining, in cooperation with politicians, the national priorities. Representatives of this galaxy of statesmen were not only politicians, but also professional managers, as is evident from their previous positions.

Russian scholars have thoroughly studied many aspects of Japan's political, economic and cultural development in the period under review. The objective of this research team is to identify and highlight what Japan acquired in the course of a nearly single-handed rule of the Liberal Democratic Party, how this rule had taken root and what were its salient features, strengths and weaknesses, what progress had been achieved and what failure led to its termination. This logic has determined the structure of this monograph. The first chapter, “Creating Dominant Party: the Human Factor”, considers the formation of the Liberal Democratic Party, focusing on the human factor in its emergence and the beginning of its effective functioning as a dominant political organization. The author examines who and why took the lead in uniting conservative forces to form a counterweight to the growing influence of socialists and trade unions; what were the terms on which these people were able to agree with one another and to ensure a strong political base for the future of the party, and to persuade ambitious leaders to compromise for the common benefit.

A revival of the old and creation of new parties began in Japan literally from the first days of the occupation. The period saw a return to political life of most of the pre-war politicians, adhering to various and diverse views. Despite the fact that the power remained in the hands of the old elite, with its inherent close intertwining of political as well as family ties, there appeared on the political arena a constellation of conservative politicians who would become creators of a new political system headed by a dominant party. In order to understand the genesis of the notion of a dominant bourgeois party in Japan, the author briefly reviews the evolution of the country's party system, starting with the Meiji period, when its foundation was laid.

The stormy process of party building during the first postwar decade saw mergers, divisions, and changes of party names; active participants in these were politicians whose names are firmly associated with the creation and functioning of the Liberal Democratic Party. The chapter discusses in detail their political views, tastes, and personal relationships of the most important individuals active on the political arena, displaying their backroom deals and arrangements.

Faced with the success of the “Left” at the national and local elections, rival conservative groups tended more toward unity against a common enemy and creation of a unified ideological and political platform, despite their different vision of the forms of cooperation. There were no fundamental objections to the union between the main parties of the conservative camp – the Liberal and the Democratic. The number of seats obtained by the LDP in the first parliamentary elections indicated that the Liberal Democrats had no real contender at the time, nor was such a contender likely to be expected. The 1955 System, as the monopoly rule of the LDP came to be called, had quickly become complete. «The desire for unity in the face of external challenges, the consensus in dealing with domestic problems, a keen sense of the “common enemy”, and the elitist sentiments inherent in the upper echelons of the Liberal Democrats from the very beginning, determined the “human dimension of Japanese politics during the whole period that the LDP stayed in power”, the author concludes.

Due to political tradition, the concepts of party chairman and that of prime minister have become almost interchangeable during the LDP reign. Similarly, state policy and the policy of the party were perceived as identical. For several decades and under various prime ministers, Japan experienced steady and almost uninterrupted successful development in all spheres. Chapter 2 of the monograph, “Internal and Foreign Policy of LDP Through the Prism of Prime Ministers Activities”, reviews the activities of six premiers who made significant and often crucial, decisions that shaped domestic and foreign policies of postwar Japan: Kishi Nobusuke, Ikeda Hayato, Satō Eisaku, Tanaka Kakuei, Nakasone Yasuhiro, Koizumi Junichiro.

The term of office of the LDP chairman was limited to two years (in 1982, it was increased to four years), and, according to established practice, it was impossible to become prime minister on two different occasions. Due to extraordinary circumstances, however, the authority of the prime minister could be extended. The long-livers on the political Olympus were Prime Ministers Satō Eisaku (November 1964 – June 1972), Nakasone Yasuhiro (November 1982 – October 1987), and Koizumi Junichiro (April 2001 – September 2006). A rather formal procedure, the election of the prime minister is, in reality, a complex, multistage process that follows an acute political struggle for the post of party chairman between various factions. During the

LDP rule, there were 23 party chairmen and 22 prime ministers; Chairman Kōno Yōhei could not use his chance to head the cabinet because there was coalition government in the country at that time.

In the first decades of the LDP rule, a lot of attention was being paid to solving foreign policy problems, because the country was actively integrating itself in the global community. Thus, the name of Kishi Nobusuke, who served as prime minister from February 1957 to June 1960, is firmly associated with the conclusion in January 1960 of the Treaty of Mutual Cooperation and Security and the political crisis of May and June associated with its ratification. The Japan-US strategic partnership was the foundation of Japan's foreign policy, and no prime minister could renege on it. While fully stressing the importance of the partnership, Kishi sought to make it equitable and change Japan's status from that of a vassal to that of a junior partner. The Kishi government's policy caused a hitherto unknown wave of indignation among opponents of the new treaty. But the reality was such that Japan could not abandon the U.S. military and political orbit, and preserving the old treaty would have meant its continued vassalage on the U.S. Kishi managed to achieve maximum independence from Washington that Japan could realistically hope for. Moreover, despite his clearly pro-American course, Kishi also demonstrated an unprecedented diplomatic activity in Asia and made normalization of relations with Asian countries the second major focus of his diplomacy.

The next two premierships, of Ikeda Hayato (July 1964 – October 1964) and Satō Eisaku (November 1964 – June 1972), occurred in the period of high economic growth, when Japan became the second largest economic power in the world. The main purpose of the Ikeda office's policy was economic growth and orientation toward greater international openness under the motto of «Double National Income». The Satō government was concerned, in addition to economic problems (pollution and environmental degradation, urbanization and population migration), with normalization of diplomatic relations with the Republic of Korea, the extension of the Japan-American security treaty, the return of Japan's administrative rights on the island of Okinawa and Ogasawara.

Satō Eisaku focused on enhancing the role of Japan in world politics, especially in Asia, in connection with the transformation of the country into one of the largest centers of the capitalist world. At the same time, the government experienced the so-called “Nixon shock” when, in August 1972, the U.S. established diplomatic relations with the People's Republic of China, which came as a complete surprise to its Japanese partner and dealt a blow at the reputation of the country. Failing to respond quickly to major changes associated with this important event, the Sato government resigned.

In the conditions of the “China boom” in the country, it was a new prime minister, Tanaka Kakuei (July 1972 — November 1974), who solved this problem by establishing diplomatic relations with China in 1972. According to the LDP leadership, the restoration of formal ties with China was one of the most important diplomatic efforts in the postwar period – even in comparison with the conclusion of the San Francisco Peace Treaty, the signing of the Japan-Russian joint declaration, the normalization of relations with the Republic of Korea, and the return of Okinawa. This marked the creation of all necessary conditions for the diversification of Japan’s foreign policy.

The arrival in 1982 of the outstanding political leader, Nakasone Yasuhiro, should be attributed to the fact that the ruling circles wanted to have as their head a “strong” personality, capable of conducting effective domestic and foreign policy. The new prime minister put forward several ideas to reform Japan’s domestic and foreign policy, and did much for their practical implementation.

The Nakasone’s premiership saw the most active stage of the administrative and financial reform. It consisted of putting limits to government regulation of the economy and to extending the use of market mechanisms in the transition to a new, intensive model of growth, and the deepening of internationalization of the economy.

Under Nakasone, a new impetus was given to relations between Japan and Asia-Pacific countries. One of his surprise moves in relation to the developing countries in the region was giving them, primarily all ASEAN members, an opportunity to initiate new developments themselves.

The first half of the 2000s is associated with the name of Koizumi Junichiro, and the transformations carried out under him, for which he deservedly gained a reputation as a reformer. Prime minister Koizumi focused on solving domestic problems, and immediately after his election he announced a program of transforming the government through privatization and deregulation, the introduction of a new tax system, solving the problem of bad debts of banks, taking control of the budget deficit, the release of local governments from petty tutelage, the reduction of the public works, and the reshuffling of the sector of special public corporations.

Many people were aware of the need for such reforms even before Koizumi came to power. But nobody in the government wanted any changes or suggested alternative measures so as not to be at odds with bigwigs in construction business, who had always provided strong financial support for the LDP. Taking advantage of the favorable economic situation, the prime minister proceeded to reform the country’s postal service, an unshakeable stronghold of power for the LDP, which put huge financial flows under the party’s control. In addition to solving some economic problems through privatization of the postal service, he sought to block, or at least impede, access to the funds

of the postal service by certain LDP members who were lobbying for it and using the accruing benefits to lure their electorate. This policy of Koizumi defied the factional structure of the LDP. Subsequent developments showed, however, that this policy was not shared by the LDP three prime ministers who followed.

The chapter entitled “Capitalism with a Human Face: an Economic Policy of Liberal Democrats” opens a large section of the study dealing with social and economic problems, which the Liberal Democrats had coped with rather successfully. A complex and highly topical matter that concerns the author is linked to the ongoing discussion about the nature of capitalism built in postwar Japan, i. e., during the rule of the Liberal Democrats. This issue warrants attention also because the Japanese economic model was for long severely criticized in the West precisely for its apparent deviations from the models in most developed countries.

Special attention, according to the author, should be paid to the following three issues in the economic policies of the Liberal Democrats: approaches to the regulation of the market, views on the nature and limitations of state intervention in economic development, and the redistribution of the results of economic growth among different groups of the population.

The approach the Liberal Democrats to market regulation relied, firstly, on an understanding of the imperfections of the market mechanism and, hence, the need to protect society from its “failures”, and, secondly, on their construction of the concept of “market failures”, which created a basis for greater government intervention in economic life than was the case of other industrialized nations.

The economic policy of the Liberal Democrats was amazingly comprehensive and multilateral. One is under the impression that they had not overlooked any economic area or any branch of the national economy. The peculiarity of the Japanese model of state regulation was the use, along with various financial, credit, and fiscal instruments, of various and diverse methods, such as regulation of business practices of private companies and the so-called administrative guidance; the extent to which these methods were used was far greater than in the rest of developed countries.

It goes without saying that the Liberal Democrats did not succeed in all areas. Yet, judging by the results of the country’s economic development, one must admit that their economic policy (at least until the 1990 depression) was generally successful. Not only did Japan rapidly increase its financial, economic, scientific and technical capacity, but it promptly became one of the world’s most prosperous countries in terms of socio-political stability.

Industrial policy was certainly the most important area of the Liberal Democrats’ economic policy. Because of that it was characterized by much greater complexity and purposefulness than other areas subjected to govern-

ment intervention. The scope of regulation was more limited in most other sectors, but compared to other advanced economies, however, Japan's economic system is marked by greater government intervention in market mechanisms. It was this feature, the author concludes, that largely conditioned the fact that the economic development of Japan was more stable and purposeful than in the rest of the post-industrial world.

Another definite merit of the Liberal Democrats was that they managed to create a system in which basically all citizens and strata of the population could benefit from the fruits of the country's economic development. This, too, was an outcome of a deliberate policy of the LDP.

Special direction of the Liberal Democrats' economic policy was their various and diverse support for small business. The LDP understood fully well the specific role of small business in economic activity and in maintaining socio-political stability in the country.

A significant portion of legal and administrative regulatory measures was directed to limit the market elements and protect the weak from destructive market competition. It should be noted that the regulation of economic life, support and protection of certain industries and sectors did reduce economic efficiency and increased costs and prices by limiting competition and allowing the weak to stay "afloat". Despite a considerable extent of such practices, they did not, firstly, bring about disincentives to entrepreneurship in the country in general, and, secondly, the social goals of this policy were close and clear to the great majority of Japanese society, with its inherently egalitarian consciousness.

Until the end of the 1980s, the economic system formed by the Liberal Democrats functioned very effectively. It was the depression of the 1990's that showed that the country's development under the existing economic system had reached its limit and required a substantial reform.

The Liberal Democrats were repeatedly accused of either failing to implement necessary reforms or of delays in their implementation. But an unbiased review of what was achieved the 1990's-2000's, shows that before the power went to the DPJ, Japan's economic system had undergone major changes and become more market-oriented and open than before.

Over the past half century, Japan became one of the global economic powers, therefore Chapter 4, "The International Dimension of the Economic Policy of Liberal Democrats", shows how the country's political elite carried out its economic policy in the international arena. In a rapidly changing international environment, it deftly maneuvered between numerous and often conflicting interests of various internal and external forces, while national economic interests were the guiding principle.

The course to form an economic model oriented toward the external market began to take shape in the second half of the 1950s. The Government

was deliberately establishing a support system for exports, and, while maintaining a high level of protection of its own market, undertaking foreign policy activities geared to create favorable conditions for the promotion of Japanese export companies. Throughout this period, the country's political leadership had to maneuver between the goals of protecting the domestic market and maintaining good relations with foreign economic partners and political allies, especially the U.S., which persistently demanded liberalization of the Japanese market since as far back as the late 1950s.

Beginning in the early 1960's, Japan proclaimed a policy of liberalization and economic opening; it defined its strategic line as a gradual liberalization that is consistent, to the maximum extent, with the national economic interests of sustained competitiveness of the key sectors of Japanese industry in the world market through continuous modernization.

The strategy toward internationalization of the Japanese economy became a natural continuation of the policy of openness and liberalization. The 1970s saw the concept of internationalization permeate all domestic and foreign policy, generating changes in company strategies. The author stresses that if one considers internationalization as a two-way road – referring to the "opening" of one's country and the expansion of domestic companies in overseas markets – Japan's movement along the two opposite lanes was clearly uneven: the internationalization of Japanese companies was more intense than the liberalization of the domestic market.

During the economic bubble and the depression that followed its collapse at the end of 1980s, foreign economic priorities began to influence decisions concerning domestic economic issues to a greater extent than ever before. With increased globalization, an indissoluble unity between the internal and external aspects of Japan's economic strategy was established.

Measures to improve economic efficiency, including, first and foremost, its international competitiveness, highlighted the structural reforms launched in the 2000s, which also included efforts to enhance the positive impact of external economic activities on the country's economic development. The international economic policy priorities were increasingly interpreted with a view to the most efficient use of the new situation in the world, namely globalization.

Here the author identifies two crucial facts. Firstly, the need for systemic reforms, as well as building a system of foreign economic priorities conditioned, above all, by the internal logic of economic development. Secondly, the merging of internal and external aspects of economic strategy and a certain shift toward "Western values" in preparing and implementing reforms does not detract from the importance of the "national interests", primarily economic.

Globalism and regionalism were the two planes where Japan's foreign policy and foreign economic policies sought to secure the country's national

economic interests in the 1990's and 2000's. Under the Liberal Democrats, the country has moved from isolation to openness, its economy becoming an integral, large and influential part of the global economy. As regards changes in the place Japan occupied in the global economy and economic relations with the outside world, we see, according to the authors, a development in a spiral. This is particularly evident in respect of the Asian dimension of foreign policy. When the Asian markets became a priority for Japanese companies, the significance of the region also rose in the state policy system.

With regard to the impact of international factors on domestic economic policies in Japan and the evolution of the country's economic model, the trend toward approximation of the Japanese economic model to what can be labeled a Western model was obvious throughout the historical period during which the Liberal Democrats remained in power.

Science and technology were high on the LDP economic policy agenda. This is the theme of Chapter 5 of the monograph, "Scientific and Technological Development of Japan during LDP Rule". The author of this section shows that the foundation of the country's government-directed scientific and technical development was laid down before the LDP's arrival in power: back in 1947, a special commission to restructure the research system in accordance with the postwar problems was set up to be followed by the establishment of several administrative bodies to manage scientific and technological development. The most ambitious during that period were activities of the Chamber of Industrial Technology under the Ministry of Foreign Trade and Industry (MITI).

This policy continued when the Office of Science and Technology under the Office of the Prime Minister was organized by 1956 to coordinate the formulation and implementation of government policies regarding science and technology. Then, in 1959, the Council for Science and Technology chaired by the prime minister was created.

Established by the Department of Science and Technology in 1961, the Japanese corporation for research and development helped introduce R & D results to the practical sphere and bring them to the stage of industrial application. The most important part of the corporation's work was to analyze information related to results of studies completed in public research institutes and universities, as well as information about inventions the commercialization of which might have a great socio-economic effect. Another area of the corporation's activities was dissemination of results of successful projects. In the 1980s, the corporation assumed yet another important function, namely to organize and fund a cycle of exploratory research to develop new advanced technologies.

In April 1971, the Council for Science and Technology submitted recommendations characterizing science and technology policies for the current

decade. Of particular importance was the recommendation for Japan to rely more on its own scientific and technical potential and vigorously improve it. The recommendations also stressed the need for environmental protection.

Formulating the main tasks of the state in science and technology policy was the "Basic Law on Science, Engineering and Technology", approved by the Japanese parliament in November 1995. It noted that science, engineering and technology formed the basis for the development of Japanese society and humankind as a whole, and that the main objective was to provide a balanced interaction between different areas of R & D and close collaboration between participants in the research process.

While describing the scientific and technological development in Japan during the LDP rule, the author points to a combination of two strategies – a strategy of borrowing, i.e., widespread use of foreign achievements, and a selective strategy calling for concentration of the country's own efforts in certain priority areas crucial for development of the economy and society. A combination of the two could lead to particularly high production results.

The state, represented by MITI, served as the locomotive driving science, engineering, and technology in areas that private business found unappealing. Among the most important events undertaken by MITI to promote development in the field of high technologies was the development of the concept and implementation of *Technopolis*. In accordance with the concept, a number of peripheral cities became strongholds of high-tech industries.

With the downward trend in the competitiveness of Japanese goods in world markets becoming more obvious by the early 2000s, increased attention had to be focused on intellectual property issues. Therefore, the Basic Law on Intellectual Property came into force in December 2002.

It is not without reason that the Japanese believe that time has come and, most importantly, basic prerequisites are ripe for the country to start playing a more active role in advancing global scientific and technological development and seeking solutions on its basis to the most serious global problems.

By securing Japan's advancement to the forefront of science, technology and economics, the LDP left its successor an enormous political reserve for further development, so that many future successes of Japanese scientists and engineers will be naturally associated with the successful science and technology policies that the LDP pursued during its rule.

The agricultural sector remained an important objective of the economic policy of the LDP government's during the entire period of the party's rule. This aspect is discussed in Chapter 6, "Agriculture Under Protectionist Policy of LDP". It was the state that played the main role in creating modern and technically well-equipped agriculture. The state undertook a considerable part of financing the sector, in particular, its infrastructure, provided farms with subsidies and credits and set purchasing prices on virtually all kinds of products, etc.

Fundamental and applied agricultural research was carried out in state research institutions, regional and prefectural experimental stations. These facilities were also engaged in seed production and breeding work, training and skills development of the agricultural workers. A public service for the dissemination of agricultural knowledge was set up to help introduce scientific and technological achievements in agricultural production. It would not be an exaggeration to designate the Liberal Democrats' agricultural policies as protectionist. But inside of two or three decades, agriculture was transformed from a backward industry based on manual labor to a modern sector of the economy. As a result, Japan joined the top ten countries in the world according to some indicators, and its productivity has increased significantly.

However, the agricultural sector today had developed a variety of problems that divert funds toward support of unprofitable farms and often hamper foreign-trade policies that are likely to promote the country's economic development in general. This is, first of all, insufficient agricultural production, labor shortages, especially of younger people, low incomes in agriculture and its low competitiveness in foreign markets.

These problems await solution, since agriculture is extremely important not only as a provider of food, but also for other tasks confronting society, in particular, preservation of the environment.

The main reason underlying today's problems is a small size of farms (especially in plant cultivation), which is primarily due to small land holdings, whose average size is less than two hectares. Until the mid-1990's, the agrarian policy was based on two laws – On Farmland (1952) and On Control of Food Production (1942), which imposed strict limits on the size of land tenure and established administrative control over production and distribution of basic products.

Many of these problems emerged in the late 1950s, with the government trying to solve them by gradual softening of existing restrictions. However, it was done too slowly and often inconsistently; which delayed the erosion of small farms and the growth of larger ones. This policy of creating hot-house conditions for all strata of farmers was based on socio-economic reasons (fear of ruining the smaller farms and, consequently, reduce production and provoke social unrest) and purely political reasons (the countryside traditionally voted for the LDP). As a result, production efficiency was sacrificed to the interests of the elite, which put agriculture in a difficult position *vis-a-vis* external challenges, and let consumers face up to high retail prices.

More radical measures to improve efficiency of agricultural production began to be implemented after the adoption in 2005 of a new ten-year plan for agricultural development. The plan introduced targeted subsidies only to larger farmers, stopped setting of guaranteed prices for agricultural products,

and put an end to administrative regulation of rice production. In addition, the private sector was allowed to participate in determining the price of rice to meet demand, while production and trading companies received the right to engage in farming on leased land. However, these measures were deemed insufficient as well.

The author believes that the efforts undertaken in the recent years of LDP rule to improve efficiency of agricultural production could have been taken much earlier, and that would not have caused any destructive effects. Thus, the current restructuring could have been completed by now, and a number of problems outlined above might have been solved.

Chapter 7 of the monograph is devoted to Japan's pension system. Monitoring these critical social issues for decades, the author concludes that numerous problems appeared in this field a long time ago, have been gradually building up, and eventually became the proverbial last drop in the overall situation that provoked the crisis of the country's entire political system.

Many problems have aggravated due to the aging population, as longer life expectancy and numerical increases in groups of the elderly add scope and urgency to the problem of providing sources of their income.

As the working generations diminish and the number of retirees goes up, the ratio of spending on pensions and incomes from insurance premiums is systematically getting worse, with pension funds are being quickly exhausted and the whole system experiencing great financial difficulties. Attempts to overcome this problem lead invariably to a tightening of rules of pension schemes, increases in insurance premiums, the raising of retirement age, and – more protests from the community. The most significant feature of the Japanese pension system, which is related to the specific historical development of its social and economic institutions, consists in that the scope of operations of the private pension systems is not only comparable to that of the state system, but in a sense is greater.

Specific systems of social protection have gradually developed in private Japanese companies; these were built into the general practice of workforce management on the principles of the so-called lifetime employment. Thus, upon retiring from a company, an employee with a considerable seniority record could count on a profuse severance pay. This situation hampered the development of national institutions of social protection for a long time. In fact, its impact has been felt throughout the postwar period and is reflected in the Japanese state pension system even today.

Crucial for the Japanese pension system are methods of its financing. The main portion of the revenue comes from insurance premiums paid by the workforce, their capitalization, and the subsequent transfer of funds to the disabled in the form of pensions.

With this method, the accumulation of resources and their spending are significantly separated in time, while the resources themselves are quite

great. As a result, these resources can be put to long-term use, primarily for the purposes of capital accumulation. This method of financing the pension system has a really huge potential to channel funds to production and industrial infrastructure maintenance, in particular, as a guaranteed and stable source of large donations or loans provided on a long-term basis and at relatively low interest, and completely controllable from the top.

A threat that these funds were being exhausted has been brewing in the public pension system for quite some time. The difficult situation in which the pension system found itself on the verge of the 21st century was due not only to objective reasons, such as the aging population, the growing number of pensioners, the lasting economic stagnation complicated by serious structural problems, growing budget deficits, the diminishing activity of Japanese banks and their bankruptcy. A major part was played by subjective factors, primarily, poor management of social security, in general, and especially its finances, in particular.

As a result, the beginning of the 21st century saw the public pension system on the brink of financial bankruptcy and in urgent need of shifting to pay-as-you-go financing method, to which it was not quite ready because of the unfinished institutional reform and the fragmentation of the system. Moreover, the crisis also affected the private pension systems, on which the LDP cabinets always placed great hopes.

After the collapse of the «bubble economy», the number of firms with their own pension programs began to decline from year to year. In fact, the entire corporations society, where the pension system belonged, began to sway. People saw with their own eyes the collapse of the ideological basis of the LDP's internal policy, which included organically the concept of a pension system based on the private sector. Therefore, the recent dramatic events in the pensions area do not seem accidental.

Southeast Asia (SEA) has always been in the field of view of Japanese diplomacy in different historical periods. Hence it is only natural that Chapter 8 of this study is entitled "Southeast Asia in Foreign Policy of LDP". Japan's post-war strategy for these countries, as it was formulated by LDP leaders and ideologues, has been marked by enviable consistency and was passed on from one generation of politicians to the next in line. The development and implementation of strategies and foreign policy were for decades under full control of the dominant party. One can say that the official foreign policy of Japan was identical to the LDP position.

The elaboration of the Japanese conservatives' policy toward SEA countries had its beginning with the signing of the San Francisco Peace Treaty. For many years, the main task of LDP post-war diplomacy was restoration of the "good image of Japan" in Asia, which was severely damaged by Japanese policy during the war. During the first stage, Southeast Asia was con-

considered in the context of the so-called economic diplomacy as a recipient of Japanese exports. This was the time of the wide-spread circulation of the formula "Japan is part of Asia". Negotiations on compensation payments allowed representatives of the LDP to revive personal contacts with leaders of many Asian countries. By the end of the 1960s, Japan, with U.S. support, was able to resolve many of the postwar conflicts with Southeast Asian countries and declare its presence in the international arena.

The introduction of a political element in Japan's regional policy began under the impact of the so-called Nixon shock and the post-Vietnam crisis of American policy in the late 1970s. By that time, the LDP had come to the conclusion that its economic diplomacy in Southeast Asia no longer fully met the interests of Japan. Several reasons pointed to this conclusion. Firstly, the anti-Japanese protests that swept across Southeast Asian countries in 1974 and dealt a significant blow at Japan's export-oriented diplomacy. Secondly, the ending in 1975 of the Vietnam War and the reduction of U.S. physical presence in the region demanded that Japan revise its policy in connection with the appearance of a "power vacuum", which Japan could fill. The Nixon Guam Doctrine, which called for greater autonomy on the part of U.S. Asian allies, also indirectly contributed to revitalization of Japan's regional policy. Thirdly, the first 1976 ASEAN Summit indicated that this organization was gradually becoming a full-fledged independent player on the regional arena and was, indeed, ready for productive interaction with Japan. It was expected to deliver action, not vague promises. Taking all the above factors into consideration, Japan began, for the first time after the war, to systematically develop its own foreign-policy strategy toward Southeast Asia.

Promulgated in 1977, the doctrine of Prime Minister Fukuda provided for diversification of the country's foreign policy and marked a notable stage in Japanese politics in Asia. Even today, the doctrine has not lost its relevance, the author of this study contends. Moreover, many regional initiatives taken by Japan in the 1990s and 2000s reflect one way or another the principles enunciated in the mid-1970s. A decade of the Cold War, which followed, and the escalation of US-Soviet confrontation and the arms race froze the implementation of the doctrine so that it was not until the early 1990's that Japan began to embody it to the full.

Beginning in the 1990s, Japan has come forth increasingly in favor of various regional initiatives, established active economic ties with new ASEAN members, formed a system of free trade agreements, and participated in international peacekeeping operations. With Southeast Asia continuing to be the safest arena for demonstration of Tokyo's independence, Japanese initiatives in this area are being met with approval by the U.S.

Extremely topical at the present time is the problem of nuclear weapons and the attitude to it in different countries. Japan's position on this issue is

considered in Chapter 9 entitled «‘Nuclear Dilemma’ in Foreign Policy of Liberal Democrats». There is indeed a ‘nuclear dilemma’ in the country’s attitude toward nuclear weapons in the postwar period, and its essence lies in a combination of two alternative conceptual approaches to solving the nuclear issue. On the one hand, Japan has always positioned itself as a non-nuclear power, which, moreover, has a moral obligation as the world’s only country to have suffered from atomic weapons. On the other hand, Japan, having accepted the U.S. security guarantee, has de facto recognized the legitimacy of the use of U.S. nuclear weapons for defense against external attack.

This duality was reflected in Japan’s entire post-war policy vis-à-vis the nuclear issues, which was markedly ambiguous, inconsistent, and contradictory. As a non-nuclear power, Japan actively preached the idea of nuclear disarmament down to a total eradication of nuclear weapons, and favored a total ban on nuclear testing. The non-nuclear status was part of the pacifist image of the state that has waived its militarist past and proclaimed a complete repudiation of war as a means of settling international disputes.

At the same time, Japan’s non-nuclear status is closely linked to the nuclear safeguards by the U.S., which, according to the officially accepted point of view, provided Japan peace and security in the postwar period, allowing it to achieve a high level of economic development and prosperity.

In the interpretation of the government, possession of nuclear weapons in order to ensure one’s own security is not subject to any constitutional prohibitions. Yet, even in the post-bipolar era, the country’s political leadership still stood by the reasonable point of view that Japan should refrain from the «nuclear option».

One of the main arguments is that Japan’s nuclearization might deal a heavy blow at its military-political alliance with the United States, a cornerstone of its foreign policy. Obtaining nuclear weapons will almost certainly deprive Japan of its American “nuclear safeguards” also because of the tough U.S. stand on nuclear nonproliferation. The “nuclear option” would accelerate the spread of nuclear weapons among potential military rivals of Japan (for example, in the Korean Peninsular), destabilize the military-political situation and the nuclear arms race in Northeast Asia, and result in a substantial deterioration of foreign-policy environment for Japan itself. There are also fears that Japan may lose its international prestige based on its moral obligations as the world’s only country that experienced atomic bombings.

Yet another factor to prevent revision of Japan’s non-nuclear status is the preservation in Japanese society – even in the post-bipolar period – of “nuclear allergy”, which remains quite potent despite the lessening of pacifist sentiments among the masses and the weakening of negative historical memory of Japan’s participation in World War II. Public opinion polls show

that most Japanese still have a negative attitude to nuclear weapons as a destabilizing factor in international relations.

Analysis of Japan’s postwar policy regarding the nuclear issue, suggests that in determining its position, Tokyo was guided more by pragmatic rather than moral considerations. The political elite of the country was never dominated by the idealistic point of view concerning the possibility of preserving its non-nuclear status, without guarantees of U.S. nuclear and other additional «props». The policy of renunciation of nuclear weapons was never considered as an end in itself, and it was carried out at different stages of post-war history as the best means to ensure Japan’s foreign-policy interests. During the bipolar era, this policy served to strengthen the image of Japan as a pacifist state, which it actively used to restore its position in the Asian countries that suffered from Japanese aggression during World War II. Coming to the fore in the period after the end of the Cold War when the pacifist component of foreign policy was gradually losing its effectiveness, were considerations of economic and political expediency, which indicated that possession of nuclear weapons at this stage was fraught with the threat of unacceptable damage to national interests, both in the economic and foreign policy spheres.

However, the Japanese political leadership cannot be suspected of harboring any illusions concerning possibilities of ensuring military security by keeping the non-nuclear status. This is evidenced, in particular, by the ongoing debate in Japan over the «nuclear option», as well as numerous statements by officials that nuclear weapons are permissible in terms of national legislation. Japan continues to closely monitor the situation in the nuclear proliferation sphere, especially in East Asia, and retains a high degree of economic, scientific, and technological readiness to correct its policy toward the nuclear field.

The concluding chapters 10 and 11, entitled “Mass Culture in LDP Epoch: *Otaku* Phenomenon” and “Cultural Diplomacy: Half a Century under LDP Banner”, present a comprehensive picture of this sphere of life of the Japanese. Chapter 10 shows the emergence and development of numerous and varied artistic trends – from realism to avant-garde; as a rule, these trends were born in the West, but they took root in local soil almost immediately thereafter. Indeed, almost always this occurred in harmony with national tradition or acquired an original new interpretation. The author rightly notes that this synthesis resulted in a unique cultural product, which was equally in demand by audiences at home and abroad, and had a significant impact on world culture as a whole.

The culture of the period has evolved in conjunction with technological advances and is inextricably linked with the development of telecommunications. The emergence and spread of television, the creation of computers,

and the invention of the Internet have produced a real cultural revolution. Thanks to these new means of mass communication, culture has become democratic and easily accessible to the masses anywhere – from the shape of the material to the speed of its delivery to the consumer.

The consistent development of mass kinds and genres of art has become one of the most important and fundamental moments in the history of post-war Japanese culture. Popular Japanese culture has come into being under a strong influence of external and internal conditions and factors determining its main trends and giving life to numerous new subcultures. Among the latter, a special mention must be made of the so-called subculture of *otaku*, which represents the mainstream of contemporary cultural life, the author observes.

The term *otaku* usually stands for a wide range of areas and genres in modern Japanese pop culture, such as *manga*, *anime*, *tokusatsu* (special effects), etc., and it was their fans, or rather rabid fans, who were dubbed *otaku*. Thus, there came into being a new concept of *otaku*, a cultural phenomenon of our times and the subject of constant scholarly and public discussions.

Some people consider this subculture a reflection of new philosophical and artistic landmarks, a striking and original expression of the basic spirit of our time. Others attribute it to the general decline of the arts and morals, the apocalyptic mood of sweet and primitive aesthetics of *kawaii*, which filled images, stories, and even whole new genres of manga and anime, etc. Some critics see in the subculture the highest manifestation of the democratization of art, which is now available to all customers regardless of age, hobbies, nationality, etc. – all thanks to the electronic media. Their opponents, on the contrary, reproach *otaku* and their subculture of primitive content, promotion of violence and sex, etc. Some researchers argue for a new socio-cultural community called “*otaku*”, which would allow its associates to create their own communities of interest for a broad dialogue in today's fragmented world. The other side of the coin that manifests itself here consists in that some *otaku* followers, gripped by their sometimes manic passion, break social links with society to flee from real life to their own closed and far from perfect world. Hence, such terrible social ills as voluntary seclusion, all sorts of antisocial behavior, etc.

Opinions differ as to the sources of *otaku* subculture. Some researchers designate it as a product of post-modernism and point to the Edo period and its culture as its pre-post-modernist ancestor. This theory relies heavily on a wide-spread hypothesis in scientific circles that Japan had missed the period of modernism. Others insist that the “attractive and compelling idea of similarity between the Edo period and *otaku* culture is a complete illusion” and

that *manga*, *anime*, movies, *tokusatsu*, sci-fi novels, and computer games – are all imports from the United States. The latter believe that *otaku* culture should be viewed not as a direct heir to Japanese premodernism, but as an upshot of the process of “domestication” by Japan of post-war American culture in the context of rapid economic growth and the rise of national consciousness in the 1950's and 1960's.

Accordingly, the future of this subculture is closely linked with the history of the country, with the peculiarities of its political, economic, social and cultural development as they are reflected in the minds of the new generation of the Japanese. Children of the overdeveloped consumer society – *otaku* – opted for a path of romantic escape from reality dominated by ideals of consumerism.

The author of Chapter 11 justly observes that in the mid-1950s, just as during the establishment of the LDP, Japan was faced with the necessity of modeling its new image both for internal and external use. It remained unclear, however, whether that image was to rely solely on the values newly introduced from the overseas, or whether it should appeal to the “trampled” groundwork of national greatness? Analysis of the political situation at home and the world situation clearly showed to the elderly but ambitious party leaders that they would not be able to adhere entirely to either of them; thus, the problem lay merely in determining an optimal balance between the conflicting scenarios.

The somewhat Solomon decision taken by the LDP leadership called for active international cooperation in culture while maintaining Japanese traditions as the basis of national identity. In determining the direction of postwar cultural diplomacy, the government and the LDP were not confronting too difficult a problem, as it may seem at first glance. Unlike many other countries, cultural diplomacy was not some kind of innovation for Tokyo, nor was it merely paying a tribute to the times when it embraced it. On the contrary, Japan is one of the pioneers of cultural diplomacy in the modern sense of the term and a country that has been most successful in realizing its main tasks.

Even in the early postwar years, Japan used the experience of the mid-19th century when, burdened by a system of unequal treaties, it set out to take an equal place among other developed countries, while presenting the image of a peaceful country with unique culture and traditions, focused on solving internal problems.

The tasks facing Japanese cultural diplomacy after World War II were not much different from those it faced during the Meiji era. As it dropped out from the ranks of active players in international politics who relied on force and even “super force,” which in the Cold War context included nuclear weapons, their country's rejection of the armed forces and its economic weakness compelled Japanese politicians to recall the positive experience of

the past. Japan's reliance on the so-called "soft power" became especially topical after the country restored itself and especially after its economic recovery, based as it was on "economic diplomacy", made Japan the second largest industrial power in the world.

The building of the export-oriented economy led Tokyo to realize the importance of creating a positive image of the country, an image capable of creating an atmosphere conducive to its economic expansion and of eliminating the negative image of Japan dating from time of the war in the regions that were most important for Tokyo from the economic and industrial point of view. Creating an image of Japan as a cluster carrier of a unique culture and of its inhabitants as highly educated, subtle and sophisticated intellectuals, has become a major task for Japanese cultural diplomacy, a task not yet fully accomplished even now.

To cope with this problem, Japan's Foreign Ministry created in 1951 a department of information and culture, and later reactivated a number of various pre-existing societies, which promoted Japanese culture abroad. In the 1960s, already under the direct supervision of the LDP, these societies were reorganized on a consolidated financial basis, which helped strengthen control over them from the Foreign Ministry, parliament and the ruling party. In 1964, the ministry set up a special department of cultural activities, and in 1972, several societies for propaganda were merged to create a Foundation for International Exchanges (Kokusai koryu Kikin), which became the principal conductor of Japanese cultural diplomacy in the external world.

The present-day Ministry of Foreign Affairs of Japan operates a special department of public diplomacy, which is part of the ministerial secretariat and is in charge of supervising extensive outreach activities and of modeling the positive image of Japan abroad through cultural diplomacy. The Foundation for International Exchanges, though formally separated from the Ministry of Foreign Affairs since 2002, continues as a «standard bearer» of Japanese cultural diplomacy in the world.

In many cases, the Foundation's activities overlap with those of the Department of Public Diplomacy under the Ministry of Foreign Affairs, which, incidentally, worked under the vigilant control of the LDP for half a century. A wide range of issues on the department's agenda also makes it possible to actively use various activities to create a positive image of the country. These include such familiar events as Japanese art exhibitions and festivals of Japanese cinema, but also not quite ordinary events, such as provision of appropriate environment for practicing Japanese martial arts or organizing lectures about Japanese cuisine in various cities of Russia, a country most susceptible to the gastronomic side of Japanese culture in the early 21st century. Promoting the Japanese economic offensive in the world, which had always been high on the LDP leaders' agenda, is such an important image-building

technique as propaganda of its industrial successes through assertion of the outstanding qualities of Japanese corporate culture.

Generally speaking, cultural diplomacy is one of the top foreign policy priorities of Japan today. Though its foundations had been laid long before the Liberal Democratic Party came to power, they were, like many other things, creatively interpreted and put to use by the best representatives of the LDP specializing in world politics and national culture. After it had been in circulation for half a century, this policy of the Liberal Democrats emerged as a classic example of cultural diplomacy in the Japanese version, and is largely responsible for a Japan that is known today worldwide. Skilled in forming images, this policy has formed a perfect image of itself and has forever established itself in the history of political image-making. Regardless of whether the LDP returns to power or not, no changes should be expected in Tokyo's cultural diplomacy, after all, this part of the LDP activities proved least susceptible to domestic political risks, and as shaped the country's image for many decades to come, the author concludes.

In their studies of the Liberal Democratic Party's rule, the authors of each section of this collective monograph showed indubitable successes of its development strategy and analyzed the establishment of postwar Japan. Yet, they did not overlook instances when the Liberal Democrats could not, or would not, seek to solve problems and overcome destructive phenomena in proper time.

In the last period of its rule, the dominant party, as all of Japan, experienced difficult times. Many of the problems that the Liberal Democrats were compelled to address had a long history. These were problems associated primarily with the situation in the party (e.g. the dismantling of the factional structure, inherited election districts, the practical irremovability from office of the upper stratum of the party elite, a limited supply of candidates for senior positions in the party and government, a lack of bright leaders and new ideas, difficulties to invigorate the party due to the poor influx of new cadres), as well as acute problems related to the system of political donations from private firms, the reform of the political system, and creation of new parties.

Other problems clearly manifested themselves since the early 1990s and gradually moved into the 2000s. These are related to the LDP's short stint in opposition; the setting up of the coalition government; major shifts in the opposition camp; the reshuffle of prime ministers, which was quite unusual for Japanese political culture; and the continuation, or freezing, of the ongoing reforms in conditions of the global economic crisis. Last but not least was the loss of public confidence in the ruling party, which was reflected in the protracted parliamentary crisis of recent years and the emergence of the first serious claim on the part of the opposition, represented by the Democratic Party of Japan (DPJ), to remove the LDP from power because of the certain

«fatigue» of the population from its protracted rule. The LDP found itself in the grip of a serious crisis that cried for immediate constructive resolution. The events that followed proved, however, that the party not only failed to realize the seriousness of the problems it faced, but, it seemed, did everything possible to speed up its removal from power.

We conclude this study with the last policy document adopted by the LDP, the Manifesto, with which it addressed its voters on the eve of the crucial parliamentary elections of Aug. 30, 2009. The Manifesto showed only too clearly that the party had nothing but hackneyed statements to offer its voters, and that its leaders obviously ceased to understand the dominant mood in the society. Thus, having joined the opposition, the LDP opened a new chapter in its history. It remains to be seen what lessons the party will learn from this experience.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЗДАНИЕ ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИИ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

История создания Либерально-демократической партии (ЛДП) в 1955 г. путем слияния Либеральной и Демократической партий основательно изучена, в том числе в отечественной науке. Историками и политологами рассмотрены предпосылки формирования доминантной консервативной партии, описаны предшествовавшие ее возникновению переговоры, проанализированы программные документы и процесс выработки единого курса на основе компромисса руководящих групп и течений¹. Однако до сих пор должным образом не изучена роль человеческого фактора в появлении на свет ЛДП в качестве доминантной партии. Иными словами, кто и почему взял на себя инициативу объединения консервативных сил в качестве противовеса растущему влиянию социалистов и профсоюзов, на каких основах и условиях эти люди смогли договориться между собой, обеспечить будущей партии прочную политическую базу и убедить амбициозных лидеров пойти на компромисс ради общей выгоды. Данный аспект имеет не меньшее значение для адекватного понимания сущности, механизма функционирования и причин долговечности либерально-демократического режима в Японии, чем связи руководителей ЛДП с бюрократией, промышленными и финансовыми кругами, практика парламентской деятельности или идеология либерал-демократов, которые уже не раз становились предметом исследования.

¹ Помимо многочисленных работ общего характера, в которых рассматриваются указанные вопросы, отметим: *Латышев И. А.* Правящая Либерально-демократическая партия Японии и ее политика. М., 1967, гл. 1; *Павленко П. А.* Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии: 1955–2001 гг. М., 2006, гл. 1; *Thayer N. B.* How the Conservatives Rule Japan. Princeton, 1969; *Макаров А. А.* Политическая власть в Японии. Механизм функционирования на современном этапе. М., 1988. Официальная версия: Дзюно минсюто си (История ЛДП). Токио, 1961; Дзюно минсюто дзюнэн-но аюми (Путь ЛДП за десять лет). Токио, 1966 (эти издания представляют особый интерес как наиболее приближенные к описываемым событиям).

Создание консервативной доминантной партии, которая была задумана как «вечно правящая», не является уникальной особенностью политической жизни послевоенной Японии. Именно такая ситуация сложилась в постнацистской Германии и в постфашистской Италии, где соответственно Христианско-демократический союз и Христианско-демократическая партия (обратим внимание на совпадение названий!) были призваны объединить все «здоровые» консервативные силы, чтобы не допустить к власти экстремистов слева (коммунистов и наиболее радикальную часть социалистов) и возрождения экстремистов справа как наследия поверженных режимов.

Тенденция к созданию однопартийной системы или, во всяком случае, пропаганда этой идеи появилась еще в довоенной Японии, но была связана исключительно с праворадикальным и консервативно-революционным лагерем, теоретиков которого вдохновляли примеры СССР, Италии и Германии². Исторически же в Японии сложилась двухпартийная система, в которой можно усмотреть сходство с британской (консерваторы против либералов, позднее — против лейбористов) или американской (республиканцы против демократов). Критика двухпартийной системы исходила главным образом от тех политиков и общественных деятелей, которые по каким-либо причинам не смогли встроиться в эту систему и сделать карьеру в рамках существующих партий. При этом между обеими главными партиями, которые неоднократно меняли названия и реструктурировались, было больше сходства, нежели различий, а разногласия их имели тактический характер и зачастую мотивировались обыкновением соперничеством лидеров и группировок за участие в управлении страной.

Для понимания генезиса идеи доминантной буржуазной партии в Японии необходимо хотя бы кратко проанализировать эволюцию партийной системы этой страны³. Первая в ее истории партия современного типа носила название Патриотической общественной (Айкоку кото) и была создана в 1874 г., всего через шесть лет после консервативной революции *Мэйдзи исин* группой чиновников, не согласных с политикой правительства в отношении экспансии в Корею. Ее лидером стал Итагаки Тайсукэ, позднее прозванный «отцом японской демократии». Декретом от 12 октября 1881 г. император Мэйдзи обещал даровать стране конституцию и создать парламент. Через 14 дней Итагаки и его сторонники объявили о создании Либеральной партии (Дзюто). 14 марта 1882 г. другой либерал — Окума Сигэнобу, бывший министр финансов,

² Подробнее см.: Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999, гл. 5–6.

³ Классическая работа, до сих пор сохраняющая свое значение: Scalapino R. A., Masumi Junnosuke. Parties and Politics in Contemporary Japan. Berkeley, 1962 (есть переиздания).

сформировал Партию конституционных реформ (Риккэн кайсинто). Они стали основой двух главных партий довоенной Японии — соответственно Конституционного общества политических друзей (Риккэн сэйюкай, позднее Сэйюкай — Общество политических друзей) и Партии народного управления (Минсэйто), которые в отечественной литературе принято называть без перевода. Остальные буржуазные партии, существовавшие параллельно с Сэйюкай и Минсэйто, были основаны выходцами из двух главных, а само их создание стало результатом внутрипартийной борьбы между фракциями и отдельными деятелями. По этой причине все «третьи» партии оказались малочисленными и недолговечными и не могли претендовать на самостоятельную политическую роль. Это же относится и к попыткам партийного строительства на крайних флангах, от социал-демократов и коммунистов до ультраправых националистов.

Появление в Японии парламента в 1890 г. придало смысл существованию партий, но далеко не сразу приблизило их к власти. Реальная власть оставалась в руках бюрократии и военных, опиравшихся на поддержку, с одной стороны, придворных, а с другой — финансовых и промышленных кругов. Партийные политики, ставшие министрами, были исключением для Японии рубежа XIX–XX вв., хотя превращение министра или генерала в партийного политика, точнее, совмещение этих функций (для военных — после ухода в отставку), постепенно стало обычным делом. Создатели японской партийной системы Итагаки и Окума занимали видные посты в раннемэйдзийской правительственной бюрократии, но порвали с ней, в результате чего оказались в положении вечных оппозиционеров, а непрочность и недолговечность их партийного кабинета в 1898 г. только подтверждала общее правило.

Значительная часть бюрократов и военных мэйдзийской эпохи отрицательно относилась к существованию политических партий, терпя их лишь в качестве «декорума», необходимого для успешного представления Японии на мировой арене в качестве «современной» и «прогрессивной» державы. Делиться властью с «политиканами», статус которых в обществе был сравнительно низок, они не собирались. Однако не учитывать рост общественно-политического сознания населения и, соответственно, усиление влияния партий было невозможно. Понимание этого вызвало к жизни неоднократные попытки создания «партии власти» — в основном из числа императорских назначенцев в палате пэров, бюрократов, независимых депутатов, имевших прочную электоральную базу на местах, и диссидентов основных партий. Эти эксперименты не дали желаемого результата из-за отсутствия у подобных образований общей руководящей идеи, харизматических или просто популярных лидеров, системы отделений на местах и партийной дисциплины. Едва

ли не самая злая ирония истории заключалась в том, что Общество товарищей конституционного правления (Риккэн досикай), созданное премьер-министром генералом Кацура Таро в начале 1913 г. в качестве политической базы его сугубо бюрократического кабинета, вскоре оказалось в руках его противников — Като Такааки, опытного партийного политика из дипломатов, а затем старого либерала Окума.

Эпоха Тайсё (1912–1926) и первые годы (1926–1932) эпохи Сёва считаются в Японии «золотым веком» партийной политики, наследие которого легло в основу послевоенного партийного строительства и оказало непосредственное влияние на формирование ЛДП в 1955 г. На протяжении значительной части этого — впрочем, недолгого — периода формирование кабинета министров поручалось главе партии парламентского большинства, а правительства, не располагавшие поддержкой в парламенте и, тем более, не считавшиеся с ним (например, бюрократическо-аристократический кабинет Киёура в 1924 г.), оказывались недолговечными. В эти годы партии наконец-то приобрели самостоятельную, хотя и не доминирующую, роль в национальной политике, создали прочную электоральную базу, повысили свой авторитет в обществе и даже вынудили военные круги считаться с ними. Партийная принадлежность, пусть на уровне поддержки на выборах, а не формального членства, стала важным критерием социальной самоидентификации японцев. Наконец, отталкивание радикалов справа и слева от существовавших партий показывало, что они действительно стали одной из важнейших частей политической и общественной системы страны⁴.

Окончательно сложившаяся в Японии к концу 1920-х годов двухпартийная система формально походила на британскую, но властные возможности партий в этих двух странах были несравнимы. С началом «Маньчжурского инцидента» и наступлением «чрезвычайного времени» осенью 1931 г., а особенно после убийства «молодыми офицерами» последнего «партийного» премьера довоенной Японии Инукаи Цуёси 15 мая 1932 г., Сэйюкай и Минсэйто ради «национального единства» отказались от претензий на власть и согласились посылать своих представителей в надпартийные кабинеты, которые первоначально возглавлялись отставными военными. С начала 1930-х годов правые радикалы (левые были фактически лишены права голоса) открыто требовали роспуска существующих партий как «невывражающих волю народа», «корруптированных» и «бесполезных» и создания вместо них единой «национальной» партии авторитарного типа. Военный мятеж 26–29 февраля 1936 г. и начало «Китайского инцидента» летом 1937 г. способствовали окончательному превращению режима в авторитарный, при ко-

⁴ Duns P. Party Rivalry and Political Change in Taisho Japan. Cambridge MA, 1968.

тором парламент и партии играли все более декоративную роль. В ходе создания «новой политической структуры» летом 1940 г. — тоталитаристской перестройки существующей системы — все партии «добровольно-принудительно» самораспустились и влились в ряды Ассоциации помощи трону⁵. Несмотря на то что на очередных парламентских выборах 1942 г. Ассоциация помощи трону «рекомендовала» столько кандидатов, сколько было мест в нижней палате, независимые депутаты смогли получить 18% мандатов, отбив их у «рекомендованных». Именно этим людям суждено было стать «первым эшелон» нового партийного строительства после поражения Японии во Второй мировой войне.

Уже осенью 1945 г. ветеран партийной политики Хатояма Итиро, бывший министр просвещения и депутат с многолетним стажем, создал Японскую либеральную партию (Нихон дзиюто), объединив преимущественно бывших членов Сэйюкай (фракции Хатояма и Кухара). Выходцы из Минсэйто и Сэйюкай (фракция Накадзима) почти одновременно создали Японскую прогрессивную партию (Нихон симпото) во главе с первым послевоенным премьером и довоенным министром иностранных дел Сидэхара Кидзюро; практическое руководство взял на себя Инукаи Кэн, депутат и сын бывшего премьера. Возможности партийного строительства сразу же были ограничены «чистками», под которые автоматически попали все «рекомендованные» кандидаты 1942 г., лишённые права избираться в органы власти.

Японская либеральная партия одержала успех на первых послевоенных выборах весной 1946 г., и Хатояма уже готовился занять пост премьера. Однако его главный конкурент — министр иностранных дел Ёсида Сигэру, бывший дипломат, не имевший партийного или парламентского опыта, — присмотрел этот пост для себя и заручился поддержкой оккупационных властей, что на тот момент было наиболее важным. Хатояма припомнили его прежние «грехи», включая пост министра в одном из довоенных кабинетов и дежурные похвалы Гитлеру и Муссолини, и подвергли «чистке». Ёсида был назначен премьером и избран главой партии, но его вражда с Хатояма превратилась в один из важнейших факторов послевоенной японской политики⁶. Ее далеким отголоском стало противостояние их внуков на парламентских выборах 2009 г., когда лидер Демократической партии (японский политический

⁵ Анализ причин и хода этого процесса см.: Scalapino R. A. Democracy and the Party Movement in Prewar Japan: The Failure of the First Attempt. Berkeley, 1953; Молодяков В. Э. Цит. соч., гл. 7.

⁶ Значительный интерес представляет взгляд на эти процессы американских оккупационных властей: General Headquarters Supreme Commander for the Allied Forces. History of the Nonmilitary Activities of the Occupation of Japan. № 11. Development of Political Parties. Wash., 1951.

лексикон не отличается разнообразием!) Хатояма Юкио нанес сокрушительное поражение главе либерал-демократов Асо Таро, внуку Ёсида.

Японская либеральная партия, руководимая Ёсида при ближайшем участии двух будущих премьер-министров Икэда Хаято и Сато Эйсаку, претендовала на лидерство в умеренно-консервативном лагере, который взял курс на сотрудничество с оккупационной администрацией и противостояние социалистам и коммунистам, опережавшим своих противников в консолидации рядов и восстановлении влияния в обществе⁷; ультраправые находились в хаотическом состоянии и не смогли объединиться в сколько-нибудь значимую политическую силу⁸. Однако и в консервативной среде нашлось много недовольных открыто проамериканским курсом Ёсида и его подчеркнуто авторитарными методами правления. Поэтому весной 1947 г. группа либералов во главе с Асида Хитоси покинула партийные ряды и объединилась с Японской прогрессивной партией, образовав Демократическую партию (Минсюто) как оппозицию лагерю Ёсида. В стране снова начали складываться предпосылки двухпартийной системы.

Разумеется, сыграл свою роль и личностный фактор. Среди отколовшихся либералов видное место занял Сидэхара, который, сохраняя статус «либеральной иконы», обеспечивал видимость преемственности послевоенной политики с доавторитарным прошлым. Аналогичную роль в Германии играл первый президент ФРГ Теодор Хойс, а в Италии — Иваноэ Бономи и Карло Сфорца. Сидэхара оставил пост премьера и главы Японской прогрессивной партии после успеха либералов на выборах 1946 г. главным образом потому, что «мавр сделал свое дело»: переходный характер его кабинета никого не вводил в заблуждение. В силу почтенного возраста Сидэхара не принимал активного участия в послевоенных межпартийных битвах, но его имя и авторитет, а также имидж довоенного либерала, некогда известного во всем мире (хотя к концу войны уже подзабытого), были слишком крупным политическим капиталом, чтобы пренебрегать им в условиях послевоенной политики, для характеристики которой как нельзя лучше подходят слова классика: «То старших выключат иных, другие, смотришь, перебиты».

Демократы, руководимые Асида, сделали «шаг влево», в сторону правых социалистов, что позволило им временно оттеснить от кормила власти либералов и сформировать в 1947 г. коалиционное правительство во главе с Катаяма Тэцу — лидером социалистов, добившихся внушительного успеха на очередных выборах. Эта картина напоминала ситуацию

⁷ Подробнее см.: Коваленко И.И. Коммунистическая партия Японии. М., 1987, с. 235–252; Cole A. B. Totten G. O., Uyehara C. H. Socialist Parties in Postwar Japan. New Haven, 1966.

⁸ Исчерпывающая картина: Morris I. Nationalism and the Right Wing in Japan: A Study of Postwar Trends. L., 1960.

в Европе, где в первые послевоенные годы социалисты и социал-демократы занимали сильные позиции в парламентах и правительствах многих стран, особенно во Франции и в Италии. Однако в Японии даже на волне массового отречения от «проклятого прошлого» и нового триумфа в обществе прогрессивных идей всех мастей, от либеральных до коммунистических, правые социалисты недолго продержались у власти. Знаковым событием стало то, что Сидэхара оказался в числе наиболее непримиримых критиков политики кабинета Катаяма и вернулся в ряды Либеральной партии. Через неполных 10 месяцев премьером коалиционного правительства стал Асида, но и он продержался в этом кресле всего семь месяцев, уйдя в отставку из-за громкого коррупционного скандала. У власти вновь оказались либералы во главе с Ёсида, что стало важной вехой на пути формирования консервативной доминантной партии. В марте 1948 г. партия сменила вывеску и стала Демократической либеральной (Минсю дзюто).

Ёсида возглавлял правительство до конца 1954 г., оставаясь на протяжении большей части этого срока бесспорным лидером не только партии, но и национальной политики в целом. По этой причине его неоднократно сравнивали с Конрадом Аденауэром (федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 гг.) и Альчиде де Гаспери (премьер-министр Италии в 1945–1953 гг.), которые проводили демократизацию или детоталитаризацию своих стран, нередко прибегая к авторитарным методам и помощи внешних сил. Реальные конкуренты у Ёсида появились только с весны 1952 г., когда с окончанием американской оккупации в большую политику начали возвращаться те, кто после войны был арестован в качестве «военных преступников» и подпал под действие «чисток». Среди кандидатов на выборах в нижнюю палату парламента в октябре 1952 г. 329 человек были такими «возвращенцами», причем 139 из них получили депутатские мандаты⁹.

Ключевыми фигурами в новой волне оппонентов Ёсида, помимо упоминавшегося Хатояма Итиро, можно назвать бывшего министра иностранных дел Сигэмицу Мамору и бывшего министра торговли и промышленности Киси Нобусукэ. Эти люди сыграли ведущую роль в дальнейшей консолидации консервативных сил, итогом которой через несколько лет стало создание ЛДП. Парадокс в том, что Ёсида, приложивший столько усилий для формирования доминантной партии, оказался их главным противником: человеческий фактор перекрестился с системным.

Хатояма, Сигэмицу и Киси могут считаться (во всяком случае, считались в послевоенные годы) более «правыми», чем Ёсида, хотя в

⁹ Маркаръян С. Б. Демократизация руками консерваторов: Ёсида Сигэру // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003, с. 65.

японской политике XX в. традиционная дихотомия «правых» и «левых» окончательно потеряла смысл. Все трое были лично обижены на оккупационную власть: Хатояма лишился полагавшегося ему по закону поста премьера; Сигэмицу был осужден на Токийском процессе и приговорен к семи годам тюремного заключения, правда, отбыл только незначительную часть срока; Киси оставался в тюрьме до конца 1948 г., а затем был выпущен без суда. Их объединял если не страх перед «красной угрозой», то решимость не допустить появления в Японии сильного коммунистического и рабочего движения. Умеренные социалисты и профсоюзы, по их мнению, должны быть «приручены», но в любом случае — лишены возможности реально влиять на власть и на принятие стратегических решений. Они также хотели в полной мере использовать немалый политический резерв национализма, чтобы не отдавать его одиозным и разобренным ультраправым. Это был необходимый набор факторов и предпосылок для создания доминантной партии с более широкой политической, электоральной и финансовой базой, чем у Либеральной партии (Дзиюто; получила это название в марте 1950 г.) во главе с авторитарным Ёсида.

Консолидация консервативных сил для создания доминантной партии требовала участия либералов, которые господствовали в национальной политике и пользовались покровительством оккупационных властей. Как ни парадоксально, противником такой консолидации со временем стал сам Ёсида, претендовавший на монопольное лидерство в партии, в консервативном лагере и во власти. Разумеется, он не мог править единолично и нуждался в команде соратников-исполнителей, но не намеревался без боя уступать свое лидерство, за что заслужил в политических кругах прозвища *ван-ман* (от английского *one man*), т. е. «я сам» или «сам главный», и *оядзи* (досл. «папаша») — деспотический глава традиционной японской семьи. Его несомненные лидерские качества сыграли большую роль в деле консолидации консервативных сил в первые послевоенные годы и в обеспечении их взаимодействия с оккупационной администрацией, но с течением времени властолюбие премьера не столько объединяло консерваторов, сколько вносило раскол в их ряды¹⁰.

Из ведущих деятелей антиёсидовского лагеря только Хатояма обладал необходимыми для эффективного партийного строительства опытом, навыками и базой поддержки. Сигэмицу был успешным карьерным дипломатом, дослужившимся до поста министра иностранных дел, но никогда не имел депутатского мандата. Киси был не менее успешным управленцем-технократом, однако его кратковременное (с 1942 г.) пре-

¹⁰ Dower J. W. *Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954*. Cambridge MA, 1988, p. 309–318.

бывание в нижней палате парламента, куда он попал как «рекомендованный кандидат» Ассоциации помощи трону, не дало ему необходимого опыта.

Однако все они обладали обширными связями в японской элите и деловых кругах — прежде всего за счет своих приближенных и бывших подчиненных, не подвергнутых послевоенным «чисткам». Не менее важно и то, что Киси, ставший «мотором» новой консолидации консервативных сил, сумел заручиться неофициальной, но надежной поддержкой со стороны американской оккупационной администрации. Прямые связи Киси с ней и особенно с ЦРУ, завязавшиеся еще в период его пребывания под следствием в качестве «военного преступника», оставались главным политическим секретом его послевоенной карьеры и были преданы гласности при рассекречивании американских документов только в первой половине 1990-х годов, уже после его смерти. Это заставляет нас по-новому взглянуть на обстоятельства создания ЛДП.

«Японское лобби» в Государственном департаменте США, в котором ключевую роль играли заместитель госсекретаря, а ранее посол в Токио Джозеф Грю, наиболее консервативная часть оккупационной администрации во главе с начальником ее политического отдела генералом Кортни Уитни и шефом разведки генералом Чарльзом Уиллоуби, а также представители деловых кругов и недавно созданного ЦРУ были озабочены резким ростом популярности социалистов и коммунистов в послевоенной Японии, причем им явно симпатизировала часть американских администраторов в Токио. Понимая, что возможности Ёсиды не безграничны и что равной себе фигуры в своем окружении премьер не потерпит, они решили отработать «запасной вариант», который допускал создание в стране второй консервативной партии, которая в случае неуспеха либералов на выборах подхватила бы у них бразды правления и исключила приход к власти социалистов, даже умеренных. Однако «вторая партия» должна была быть «правее» либералов, чтобы задействовать потенциал национализма, а не «левее», как это было в случае Асиды и Инукаи, которые пошли на союз с социалистами. Для этой цели отлично подходили бывшие «правые» и даже «ультраправые», готовые сотрудничать с новой властью ради облегчения своей участи и возвращения в большую политику.

Как показали исследования Г. Дэвиса и Дж. Робертса, ключевую роль в реализации этого проекта сыграл Американский совет по Японии, организованный группой бывших дипломатов во главе с Дж. Грю и его предшественником Уильямом Кэстлом. Они представляли наиболее консервативные круги Вашингтона, которые опасались, что послевоенные демократические реформы в Японии зайдут слишком далеко и что «сёгун» Дуглас Макартур слишком покровительствует им. Техническую

работу по налаживанию контактов с японскими «правыми», которые нельзя было вести официально, взял на себя молодой журналист и лоббист Гарри Керн, остановивший свой выбор — не без подсказки коллег из ЦРУ, которые, в свою очередь, использовали дипломатические связи Керна, — на экс-министре Киси и двух одиозных лидерах довоенных националистических группировок — Кодама Ёсио и Сасакава Рёити. Кодама также сыграл видную роль при создании ЛДП, но она сводилась исключительно к закулисной деятельности¹¹.

В канун рождества 1948 г. Киси, так и не преданный суду «военный преступник категории А» (высшей), был освобожден из тюрьмы Сугамо. Первый, к кому он обратился, был его младший брат Сато Эйсаку (Нобусукэ, второй сын в семье Сато, был усыновлен бездетной семьей Киси), занимавший пост генерального секретаря правительства Ёсида. Путь в политику для него был временно закрыт, и он занялся бизнесом с помощью своих друзей и бывших подчиненных Фудзияма Айитиро и Сиина Эцусабура, которые займут важные посты в руководстве ЛДП после ее создания. Бывший лидер «бюрократов-реформаторов», Киси позиционировал себя как «прогрессист» и «демократ» («Странно! Мы все теперь демократы», — цинично говорил он) в противовес «реакционеру» Ёсида, который испытывал к нему давнюю личную антипатию, хотя и приблизил к себе его брата Сато¹². При этом Киси не афишировал, что сразу же встретился с группой недавних товарищей по заключению, включая бывшего министра внутренних дел Абэ Ёнги, бывшего министра финансов Аоки Кадзуо и Кодама, а затем сблизился с Керном и журналистом «Ньюсуика» Пэкэнхэмом, который давал ему уроки английского языка. Рассчитывать на личную популярность Киси не приходилось, поэтому он выбрал себе роль закулисного манипулятора в лагере противников Ёсида. В лагерь сторонников властного премьера был направлен Кодама.

Ёсида стал «лицом» послевоенной японской демократии, и с этим нельзя было не считаться. Однако в политической культуре Японии большую роль всегда играли мастера закулисных переговоров, манипуляций и «решения вопросов», которых называют *куромаку* (досл. «черный занавес») по имени одетых во все черное кукловодов из театра Дзёрури (в более привычных нам реалиях — «серый кардинал»). Кодама, освоивший эти навыки еще в молодости, сумел добиться расположения

¹¹ Davis G., Roberts J. G. An Occupation without Troops. Tokyo, 1996, ch. 5.

¹² Kurzman D. Kishi and Japan. The Search for the Sun. N. Y., 1960, p. 261–264. Несмотря на апологетический характер, эта книга сохраняет большую ценность, поскольку во многом основана на информации, полученной непосредственно от Киси и его ближайшего окружения. Необходимые коррективы в биографию Киси (впрочем, не имеющие прямого отношения к теме настоящей работы) вносит новая биография: Хаара Ёсихиса. Киси Нобусукэ. Токио, 1996.

двух влиятельнейших либеральных *куромаку* — Оно Бамбоку, политика из Сэйюкай, и Мики Букити, выходца из Минсэйто. Оно был среди создателей Либеральной партии, когда она еще носила другое название, и одно время занимал пост ее генерального секретаря, т. е. главного механика партийной машины. Мики стал генеральным секретарем Либеральной партии по окончании действия «чистки», но вскоре покинул ее ряды, уйдя к Хатояма. Он считал, что разногласия в консервативном лагере не имеют принципиального значения и что Ёсида, особенно с подписанием Сан-Францисского мирного договора и окончанием оккупации, уже не может эффективно играть роль объединителя консерваторов.

В поисках возможного лидера для лагеря противников Ёсида Киси обратил внимание на Сигэмицу — человека, широко известного за пределами Японии и всеми силами восстанавливавшего свою репутацию либерала и англофила¹³ (в 1938–1941 гг. он служил послом в Лондоне, как несколькими годами ранее Ёсида), но не имевшего политической базы. Демократическая партия Асида, так и не оправившаяся после скандала, отправившего ее лидера в отставку осенью 1948 г. и навсегда похоронившего его репутацию, и небольшая Народная кооперативная партия Мики Такэо (единственная партия этого периода, не имевшая довоенных предшественников) сначала объединились в Народную демократическую партию (Кокумин минсюто), соединив названия, а в феврале 1952 г. стали Японской партией реформ¹⁴ (Нихон кайсинто). Нуждаясь в лидере, партия пригласила Сигэмицу, который в июне 1952 г. стал ее председателем, но не смог принести ей успеха на выборах. Киси сомневался в правильности выбора, но не прекратил усилий по консолидации консервативных сил, используя наработанные связи, включая заметное укрепление позиций своего брата Сато в руководстве Либеральной партии. Потерпев неудачу в попытке организовать собственную партию — его Федерация реконструкции Японии (Нихон сайкэн рэммэй) провалилась на выборах 1952 г., — Киси решил вступить в ряды либералов. Ёсида с большой неохотой согласился принять его, как ранее — своего соперника Хатояма, вокруг которого начали группироваться оппозиционные элементы внутри партии.

Перед лицом успехов «левых» на национальных и местных выборах Киси и его единомышленники стали пропагандировать идею как ми-

¹³ Этой цели служили его книги, опубликованные после освобождения из тюрьмы: Сёва-но доран (Потрясения эры Сёва). Т. 1–2. Токио, 1952; Сугамо никки (Дневник из Сугамо). Токио, 1952.

¹⁴ В некоторых англоязычных и отечественных работах Кайсинто переводят как «Прогрессивная партия», однако это может привести к ее ошибочному смешению с Прогрессивной партией (Симпото) Сидэхара и Инукай.

нимум сотрудничества консерваторов против общего врага и создания единой идеологической и политической платформы в качестве предпосылки возможного формирования коалиционного правительства. Он устроил Сигэмицу встречу с Ёсида, но лидер Партии реформ отказался от компромисса, надеясь со временем сам занять пост премьера. Тогда Киси привлек на свою сторону лидеров двух крупных фракций Либеральной партии — вице-премьера Огата Такэтора, который был близок к Ёсиде и считался его наиболее вероятным преемником, но выступал за широкую коалицию консерваторов, и Исибаси Тандзан, известного с довоенных времен экономиста и либерального политика. Огата и Исибаси, поддержанные Хатояма и предпочитавшим «не светиться» Оно, согласились на организацию Совета для пропаганды новой партии, который вскоре был переименован в Совет по подготовке создания новой партии (Киси стал его генеральным секретарем). Асида поддержал идею. Сигэмицу пока остался в стороне.

«Бунт на корабле» стал явным, когда Киси объявил, что его единомышленники не поддержат кандидатуру Ёсиды на пост председателя новой партии. По мнению *куромаку*, на эту роль лучше всех подходил Хатояма — опытный и популярный публичный политик, который, однако, в силу возраста и болезней не был способен к закулисным интригам и зависел от своего окружения, а потому считался наиболее управляемым среди потенциальных вождей. Склоняя на свою сторону Огата, который продолжал ориентироваться на Ёсиды, Киси прибег к следующим аргументам: Хатояма хорош в качестве первого главы новой партии, но долго не протянет; Сигэмицу не годится в лидеры из-за слабого выступления его партии на выборах; сам Киси считает себя слишком молодым (в 1954 г. ему было 58 лет, а всем перечисленным около 70), поэтому готов поддержать Огата в качестве преемника Хатояма¹⁵.

Раскол стал неизбежным. Киси и Исибаси были исключены из Либеральной партии за «последовательное нарушение и игнорирование решений» руководства, остальные ушли сами. 24 ноября 1954 г. было официально объявлено о создании Японской демократической партии (Нихон минсюто) во главе с председателем Хатояма, вице-председателем Сигэмицу и генеральным секретарем Киси. Новая партия объединила всех противников Ёсиды в консервативном лагере, однако генсек строго контролировал членство в ней, чтобы туда не устремились оппоненты с целью захватить в ней лидерство демократическим путем.

Следующим шагом должно было стать устранение Ёсиды с поста премьера. 76-летний «отец послевоенной демократии» решил уйти добровольно и непобежденным, передав свой пост Огата. Демократы

¹⁵ Со слов самого Киси (см.: *Kurzman D.* Op. cit., p. 282).

располагали всего 125 мандатами в нижней палате против 185 у либералов, поэтому пошли на соглашение с социалистами, несмотря на сопротивление Киси. Хатояма договорился с лидерами левых и правых социалистов (в 1951 г. партия раскололась на две части) Судзуки Мосабуро и Каваками Дзётаро о совместных действиях в парламенте, чтобы приобрести необходимое количество голосов. 9 декабря 1954 г. большинство депутатов поддержало кандидатуру Хатояма в премьеры против Огата. «Эра Ёсиды» кончилась. Демократы закрепили успех на январских выборах 1955 г., получив 185 мест в нижней палате против 112 у либералов — произошла своеобразная рокировка.

В новое правительство, которое формировалось при «теневом» участии Киси, социалистов не позвали; Сигэмицу стал министром иностранных дел. Руководство победившей партии понимало, кто является ее подлинным союзником, а потому попыталось наладить контакты с руководством перешедших в оппозицию либералов. Второй главной задачей — уже на уровне кабинета — стало поддержание союзнических отношений с США, куда в конце августа 1955 г. отправились Сигэмицу и Киси, занимавший наиболее проамериканскую позицию в новом руководстве. Затем Киси и Мики Букити начали переговоры с Огата и его заместителем Оно о формальном объединении партий. Аналогичные интеграционные процессы в социалистическом лагере шли полным ходом, а успех левых на выборах в верхнюю палату в июле 1955 г., когда они получили больше трети мест, лишил консерваторов возможности изменить Конституцию. 13 октября 1955 г. левые и правые социалисты формально воссоединились в рамках одной партии. Поэтому приходилось торопиться.

Принципиальных возражений относительно необходимости объединения консерваторов не было. Разногласия, как и следовало ожидать, возникли из-за распределения ролей в руководстве новой партии. Либералы предложили оставить за Хатояма руководство правительством, а пост партийного вождя передать Огата. Однако демократы, за которыми было большинство, не согласились на предложенный вариант, настояв на кандидатуре Хатояма в процессе формирования партии. 15 ноября 1955 г. обе партии самораспустились и днем позже официально объединились в Либерально-демократическую партию, которую на паритетных началах возглавили четыре сопредседателя: два демократа (Хатояма и Мики) и два либерала (Огата¹⁶ и Оно); после успеха на апрельских выборах 1956 г. Хатояма стал единоличным главой ЛДП. Киси занял ключевой аппаратный пост генерального секретаря. В партию вошло абсолютное большинство консерваторов из обеих партий, кроме

¹⁶ После скоропостижной кончины Огата его место с 10 февраля 1956 г. занял Мацуно Цурухэй.

обиженного Ёсида и его ближайших сторонников. Они формально присоединились к ЛДП только после отставки Хатояма с постов премьера и председателя партии.

На учредительном съезде ЛДП без особых проволочек были приняты заранее подготовленные документы: «Декларация об учреждении партии», «Программа», «Характер партии», «Миссия партии» и «Политическая программа партии», к которым через 10 лет добавилась «Хартия основ ЛДП».

В программных документах декларировалось, что ЛДП является народной, пацифистской, подлинно демократической, парламентской партией. Основными целями либерал-демократы провозгласили во внутренней политике стабилизацию жизни народа, повышение общественного благосостояния, во внешней — восстановление самостоятельности и независимости. ЛДП заявила, что будет строить «государство благосостояния» на основе «свободного предпринимательства», содействия расширению производства путем придания ему «комплексного и планового» характера и проведения при этом «сильной политики социального обеспечения». Внешняя политика ориентировалась на сотрудничество и согласие Японии со «свободными демократическими странами».

Не предпринимая детального разбора указанных документов¹⁷, ограничимся тем, что приведем мнение современного исследователя А. А. Макарова, с которым трудно не согласиться: «В целом все программные документы ЛДП всегда отличались абстрактностью и декларированием общих лозунгов. Причин этому две. Во-первых, указанный исторический фактор — патернализм не требует конкретизации, он самодостаточен. Во-вторых, уже самого декларирования принципов свободы, уважения частной собственности, принадлежности к лагерю Запада и т. д. было достаточно для идеологической идентификации и отчетливого противопоставления себя левым. Представляется справедливой следующая оценка: “Если говорить о японском консерватизме, то нельзя сказать, что он представляет собой нечто ясное в теоретическом отношении... Консерватизм не представляет собой ни стройной теории, ни целостной системы взглядов”¹⁸. Она отражает не неспособность теоретиков ЛДП четко сформулировать политические задачи, а отсутствие такой необходимости. Это позволяет партии не только гибко подходить к решению этих задач, но и перехватывать у оппозиции ее популярные лозунги и реализовывать в качестве собственной политики»¹⁹. Следует

¹⁷ Удачный анализ см.: Макаров А. А. Политическая власть в Японии. М., 1988, с. 79–80; Сенаторов А. И. Политические партии Японии. 1945–1992. М., 1995, с. 10–12.

¹⁸ Китаока И. Хосюсюги-но ханаси (Беседа о консерватизме). Токио, 1964, с. 15, 17 (цит. по: Макаров А. А. Цит. соч., с. 80).

¹⁹ Павленко П. А. Цит. соч., с. 183.

добавить, что одной из важнейших причин отсутствия у ЛДП на момент ее формирования ярко выраженной и четко сформулированной позитивной идеологии (с определением негативной части программы трудностей не возникало) был человеческий фактор: партию создавали, во-первых, не мыслители и идеологи, а практические политики, в разной степени приверженные риторике и даже демагогии; во-вторых, разнородность составивших ее политических групп и течений привела к вынужденному эклектизму программных документов.

Другой определяющей чертой ЛДП сразу же стала фракционность, во многом унаследованная от довоенной Сэйюкай, которая к середине 1930-х годов фактически перестала существовать как единая партия, расколовшись на фракции Накадзима, Кухара и Хатояма. Основные фракции ЛДП появились вместе с самой партией и по большей части существуют до сих пор. За их возникновением стояли не идеологические и даже не принципиальные политические разногласия, но стремление видных деятелей сохранять и внутри партии личную политическую, электоральную и финансовую базу. Кроме того, на первых порах немалую роль играло происхождение лидеров — «бюрократическое» (Киси, Икэда, Сато) или «партийное» (Хатояма, Исибаси, Оно). Вскоре после создания в ЛДП сформировались восемь фракций, которые получили поэтичное название «восемь армий». Паритет сказался и здесь: четыре из них были созданы бывшими демократами (Киси, Коно, Мики Такэо, Исибаси), четыре — бывшими либералами (Сато, Икэда, Оно, Исии). Перечень глав фракций говорит сам за себя: среди них пять будущих премьер-министров (Киси, Мики, Исибаси, Сато, Икэда), два *куромаку* (Коно и Оно) и «заместитель» Ёсида (Исии), который представлял его окружение в руководстве ЛДП. Другим проявлением паритета стало разделение фракций на «основное» и «неосновное» течения: первое поддерживало действующего председателя, второе находилось во внутрипартийной оппозиции, но следовало партийной дисциплине перед лицом общего противника на выборах или в парламенте. Избрание нового главы партии и, соответственно, премьер-министра стало результатом межфракционного консенсуса. Некоторые политологи уже вскоре после создания ЛДП уподобили ее крупнейшие фракции самостоятельным консервативным партиям других стран, сменяющим друг друга во власти (как, например, республиканцы и демократы в США), а потому метко назвали сложившуюся в Японии систему «полуторапартийной»²⁰.

Объединение японских консерваторов в доминантную партию свершилось. Полученное ею количество мандатов свидетельствовало,

²⁰ Помимо общих работ по истории ЛДП и политической власти в Японии необходимо указать классическую работу: Утида К. Хабацу (Фракции). Токио, 1983.

что реального соперника у либерал-демократов нет и не предвидится. Однако первые годы ее существования привели к практически полной «смене караула». В конце 1956 г., после восстановления дипломатических отношений с СССР, 73-летний Хатояма подал в отставку и ушел из политики; в марте 1959 г. он умер. Вместе с ним покинул политический Олимп 69-летний Сигэмицу, который добился реализации своей заветной мечты — принятия Японии в ООН — и скончался в январе 1957 г. Еще раньше, в 1956 г. в лучший мир ушли 68-летний Огата, так и не дождавшийся поста премьера, и 72-летний Мики Букити. Куромаку Оно, которому на момент создания ЛДП исполнилось 66 лет, оставался ее вице-председателем до своей смерти в 1964 г., но правительственных постов не занимал. Избранный в декабре 1956 г. преемником Хатояма в качестве главы ЛДП 72-летний Исибаси был утвержден парламентом в должности премьера, но по состоянию здоровья занимал ее в течение всего двух месяцев. Его преемником стал 60-летний Киси. Смена поколений завершилась.

«Система 1955 года», как окрестили монопольное правление ЛДП сначала журналисты, а затем политологи, быстро приобрела законченный характер, в том числе применительно к человеческому фактору. На первые роли в партии и правительстве — теперь для Японии эти слова стали почти взаимозаменяемыми — выдвинулись люди, родившиеся на рубеже столетий или в первом десятилетии XX века и не имевшие довоенного политического опыта. Представители этого поколения господствовали в японской политике — традиционно являющейся привилегией пожилых людей — до начала 1980-х годов, последовательно занимая пост главы правительства. Исключение составили только пассионарный Танака Какуэй (один из самых молодых японских премьеров) и лидер небольшой фракции — Мики Такэо, выдвижение которого на первые роли в 1974 г. стало результатом разногласий «тяжеловесов», которые не смогли побороть друг друга (в аналогичных обстоятельствах в 1989 г. пост премьера занял Кайфу Тосики из той же фракции). Одновременно создание доминантной партии со сложной фракционной структурой дало карьерный импульс новому поколению консерваторов, пришедших в политику сразу после войны и не имевших бюрократического опыта (типичный пример — патриарх либерал-демократов Накасонэ Ясухиро). Стремление к единству перед лицом внешних вызовов, к консенсусу при решении внутриполитических проблем, острое чувство «общего врага» и элитистские настроения, присущие верхнему эшелону либерал-демократов с самого начала существования партии (точнее, ставшие одной из предпосылок ее создания), определили «человеческое измерение» японской политики на протяжении всего периода пребывания ЛДП у власти.

ГЛАВА ВТОРАЯ ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЛДП ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКИХ ПРЕМЬЕРОВ

В японской Конституции нет ясного определения понятия «глава государства». Обычно главой государства является лицо, которое занимает формально высшее место в иерархии государственных институтов и осуществляет верховное представительство страны во внутриполитической жизни и на международной арене. В большинстве государств функционирует единоличный глава: либо наследный монарх — при монархической форме правления, либо выборный президент — при республиканской.

В Японии полномочия, которые согласно конституционно-правовой теории традиционно исполняет глава государства, принадлежат премьер-министру. Император, являющийся «символом государства и единства народа», лишен властных полномочий, а его статус четко определен в Основном законе. В Конституции 1947 г.¹ предусмотрено избрание премьер-министра из числа членов парламента (ст. 67), а результаты голосования утверждаются парламентской резолюцией. По традиции главой кабинета министров становится лидер парламентского большинства. Если обе палаты парламента предлагают на этот пост разные кандидатуры или палата советников в течение 10 дней не предложит свою кандидатуру, то решение палаты представителей становится решением парламента (п. 2, ст. 67).

С момента создания Либерально-демократической партии (ЛДП) в ноябре 1955 г. и до сокрушительного поражения, можно даже сказать разгрома, на всеобщих выборах в августе 2009 г. за исключением небольшого перерыва в одиннадцать месяцев в 1993–1994 гг. она являлась правящей партией и соответственно премьер-министрами избирались

¹ Конституция Японии // Современная Япония. М., 1972, с. 756–772.

ее председатели. Временно сменившие ЛДП у власти коалиционные правительства возглавляли диссиденты из ЛДП Хосокава Морихиро и Хата Цутому, но без ее участия они оказались недееспособными. Тогда либерал-демократы предложили создать коалиционное правительство своему главному противнику с периода создания «системы 1955 года» — Социал-демократической партии Японии (СДПЯ) и возглавить его председателю СДПЯ Мураяма Томиити. Но уже с января 1995 г. коалиционное правительство вновь возглавил либерал-демократ Хасимото Рютаро.

Общий счет премьер-министров ведется с 1885 г., когда была сформирована современная система кабинетов министров. Причем число политиков, которые занимали этот пост, меньше числа премьеров, поскольку одни и те же люди несколько раз избирались премьер-министром. После создания ЛДП срок полномочий ее председателя был ограничен двумя годами (в 1982 г. увеличен до четырех лет), и стать премьером, согласно установленному правилу, дважды в разное время стало уже невозможно. Но допускалось продление полномочий ввиду чрезвычайных обстоятельств. Долгожителями на политическом Олимпе были премьер-министры Сато Эйсаку (ноябрь 1964 — июнь 1972), Накасонэ Ясукиро (1982 — октябрь 1987), Коидзуми Дзюнъитиро (апрель 2001 — сентябрь 2006).

Избрание премьер-министра довольно формальная процедура, но на самом деле в политической жизни страны это сложный, многоступенчатый процесс. Ему предшествует острая политическая борьба за пост председателя партии. Как известно, формирование правящей элиты либерал-демократов было изначально связано с существованием фракций. На первых порах они представляли собой достаточно независимые от центрального руководства объединения с жесткой дисциплиной и субординацией, подчиненностью лидеру и, что особенно важно, со своими финансовыми средствами. Однако постепенно политические различия между ними (в целом весьма несущественные) стирались, а значение личностных отношений уменьшалось. Фракционность стала базироваться на прагматичности, практицизме, взаимной выгоде и взаимосвязи ради обретения власти.

Фракционность ЛДП связана в первую очередь с различными источниками финансовой поддержки, что привело к симбиозу политиков, бюрократов и бизнеса. Борьба между фракциями происходит не на идеологическом или доктринальном уровне, а за право в возглавить партию и правительство. Особую значимость выборы премьер-министра приобрели во второй половине 1990-х годов в связи с проведением административной реформы, осуществление которой преследовало две главные цели: реорганизацию министерств и управлений в

Канцелярию кабинета министров и 12 министерств и управлений и укрепление руководящей роли премьер-министра в правительстве. Как всегда, была создана юридическая база этой крупной организационной перестройки. Совет по административной реформе подготовил проект основного закона о реформе министерств и управлений, который был принят парламентом в июле 1998 г. Положения этого закона были конкретизированы в 17 правительственных законопроектах, одобренных парламентом в июле 1999 г.

В ходе правительственной реформы первостепенное место уделялось изменениям, которые были призваны усилить лидерство премьер-министра. Наиболее важным являлось признание за ним инициативы в определении «принципиального курса по важным политическим делам кабинета», под которым понимается вся совокупность внутри и внешне-политической деятельности. Результатом реформы стало более четкое определение руководящей роли премьер-министра как главы государства. Изменение структуры и функций ряда учреждений, которые помогают премьер-министру в его практической деятельности, позволяют ему воспользоваться расширенным правом на личное политическое руководство и стать реальным лидером страны.

За все время пребывания ЛДП у власти сменилось 23 председателя партии и 22 премьер-министра, поскольку в период коалиционных правительств тогдашний председатель ЛДП Коно Ёхэй не мог использовать свой шанс. На протяжении нескольких десятилетий при разных премьер-министрах Япония переживала устойчивый, почти непрерывающийся процесс успешного развития во всех сферах. В данной главе рассматривается деятельность шести премьер-министров, которые сыграли весьма значительную роль в формировании внутренней и внешней политики послевоенной Японии. Это Киси Нобусукэ, Икэда Хаято, Сато Эйсаку, Танака Какуэй, Накасонэ Ясукиро, Коидзуми Дзюнъитиро.

О первом председателе ЛДП и первом либерал-демократическом премьер-министре Хатояма Итиро (1883–1959), главным событием в деятельности которого явилось установление дипломатических отношений между Японией и СССР, говорилось в предыдущей главе. Исибаси Тандзан (1884–1973), второй председатель и премьер, занимал эти посты в связи с болезнью всего 72 дня.

* * *

Третий премьер-министр от ЛДП — Киси Нобусукэ (1896–1987) возглавлял партию и правительство с февраля 1957 по июнь 1960 г., сформировав два кабинета. Он принадлежал к поколению политиков, которые успели сделать весьма успешную карьеру в довоенный период.

Нобусукэ происходил из самурайской семьи Сато, но по японскому обычаю был усыновлен бездетной семьей Киси, чтобы не пресекался

их род. Довоенная карьера Киси Нобусукэ была долгие годы связана с одним из важнейших в государственном аппарате страны Министерством торговли и промышленности, которое он возглавлял во втором военном кабинете Тодзё Хидэки. В послевоенные годы эта успешная карьера послужила причиной его ареста и причисления к «военным преступникам категории А». После освобождения из тюрьмы он попал под «чистку» и был лишен права заниматься политической деятельностью или служить в государственном аппарате. Однако «отравленный», по его словам, политикой, он начал готовиться к тому, чтобы вернуться к активной деятельности². Киси Нобусукэ был традиционалистом и консерватором по воспитанию, паназиатистом и националистом по убеждению, бюрократом и технократом по роду занятий.

В послевоенной истории Японии имя Киси устойчиво ассоциируется с заключением в январе 1960 г. японо-американского Договора безопасности и политическим кризисом мая–июня, связанным с его ратификацией. Однако, несмотря на, безусловно, проамериканский курс, Киси продемонстрировал также беспрецедентную дипломатическую активность на азиатском направлении: нормализация отношений со странами Азии стала вторым важнейшим направлением его дипломатии. Таким образом Киси стремился обеспечить стране полномасштабное вхождение в мировое сообщество.

Не менее важным направлением деятельности Киси было партийное строительство на региональном и общенациональном уровне, что дало возможность ЛДП занять центральное место в политической жизни Японии. После избрания председателем ЛДП Киси следующим образом определил свою политику на этом направлении: «Влияние ЛДП не может быть достигнуто только за счет попыток увеличить число своих мест в парламенте... Каждого избирателя необходимо заставить отчетливо понимать, почему ему следует поддерживать ЛДП. Мы должны... реформировать и усовершенствовать нашу организацию таким образом, чтобы крестьяне, рабочие, женщины, а также молодое поколение видели в нас современную политическую партию, которая заслуживает доверия»³.

Либерал-демократам удалось добиться значительных успехов в этой работе и обеспечить себе ощутимые победы на выборах всех уровней. После первых выборов в палату представителей парламента, проводившихся при создании двухпартийной системы в мае 1958 г., ЛДП обеспечила себе 298 мест. На выборах в палату советников в июне 1959 г.

² Подробнее см.: *Kurzman D. Kishi and Japan. The Search for the Sun.* N.Y.: 1960; *Хара Ёсучиса*. Киси Нобусукэ. Токио, 1995.

³ Liberal Democratic Party of Japan. Chapter Three. Period of President Kishi's Leadership (<http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap3.html>).

ЛДП добавила к имевшимся у нее здесь еще 10 мандатов, получив уверенное большинство в 132 места. Убедительными были достижения либерал-демократов на выборах в местные органы власти, в результате чего партия вместе с консервативно ориентированными независимыми депутатами контролировала почти 85% голосов.

Японо-американское стратегическое партнерство было основой внешней политики Японии, и ни один премьер-министр не мог от него отказаться. Киси всемерно подчеркивал его важность, но ставил целью сделать его более равноправным, превратить Японию из вассала в младшего партнера. Он признавал важность отношений не только с США, но одновременно и с СССР и КНР, заявляя, что Япония «будет строить отношения с коммунистическими странами практически, а не идеологически»⁴.

В мае и ноябре 1957 г. Киси совершил две поездки по 14 странам Восточной Азии. В результате был подписан ряд договоров и соглашений, урегулировавших проблемы двусторонних отношений, а также намечены пути сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) исключительно в рамках экономической дипломатии. Эта беспрецедентная в то время поездка принесла не только политические дивиденды, но и подправила имидж Японии даже в таких странах, как Филиппины и Австралия, где во время войны были наиболее сильны антияпонские настроения. Киси приносил извинения за содеянные в годы войны преступления, возлагал венки к памятникам погибшим и в то же время призывал открыть новую эру экономического и политического сотрудничества.

Международная деятельность Киси осуществлялась в соответствии с принципом послевоенной внешней политики — «торговать, а не воевать». Но действия Киси во время заключения и ратификации Договора безопасности заслонили в восприятии современников и потомков успехи его экономической дипломатии. Именно они привели к отставке его кабинета. Премьер действовал авторитарно, не добивался консенсуса в обществе, не озаботился сохранением «лица» и поддержанием собственного престижа⁵.

Во время официального визита в США 19 января 1960 г. он подписал Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности и прилагавшееся к нему новое Административное соглашение, определявшее порядок размещения и функционирования американских баз на японской территории.

Новый договор в основном повторял положения Договора безопасности 1951 г., но две статьи, вызывавшие наибольшие возражения Японии,

⁴ Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007, с. 323.

⁵ Мецгерин В. П. Возвращение в Азию: Киси Нобусукэ // Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003, с. 87–89.

поскольку имели явно неравноправный характер, в него включены не были. Одна из них наделяла вооруженные силы США, дислоцированные на территории Японии, полицейскими функциями, а другая запрещала Японии без предварительного согласия Вашингтона предоставлять базы или разрешать транзит через ее территорию вооруженных сил третьих держав. В отличие от предыдущего бессрочного договора срок нового ограничивался десятью годами. Однако предусматривалось, что после окончания этого срока действие договора автоматически продлевается до тех пор, пока одна из сторон не заявит за год о своем желании его денонсировать.

Отказ от указанных статей свидетельствовал об определенном успехе Японии в ее борьбе за обретение полной независимости. Но сохранялись военные базы на ее территории и оставалось не определенным понятие «Дальний Восток», на который распространялись действия американских вооруженных сил, дислоцированных на Японских островах. Позже японский МИД разъяснил, что под зоной «Дальнего Востока» следует иметь в виду районы, включающие Японию, территорию, лежащую к северу от Филиппин, и побережье Китая.

В соответствии с новым договором Япония взяла на себя серьезные обязательства по дальнейшему наращиванию собственного военного потенциала. Но главным в «выравнивании» партнерства можно считать введение механизма «предварительных консультаций». Суть его сводилась к тому, что договаривающиеся стороны будут время от времени консультироваться между собой по требованию одной из них. Такие консультации следовало проводить при: 1) существенных изменениях условий дислокации войск США в Японии; 2) значительном изменении в их оснащении; 3) использовании баз на территории Японии для проведения боевых операций. Безусловно, наиболее важным был второй пункт, потому что под «изменениями в оснащении» американских войск подразумевались ввоз ядерных боеголовок и ракет средней и большей дальности и строительство баз для них.

Это вызвало возмущение всего населения страны, тем более что Япония приняла так называемые три неядерных принципа (не производить, не ввозить, не применять). Учитывая все это, США, которые не желали отказываться от статьи о предварительных консультациях, согласились перенести ее из текста договора в обменную ноту, что, конечно, снижало ее значимость. Однако за всю историю существования этого договора не было проведено ни одной консультации, что японское правительство оценивает как согласованные действия сторон⁶.

⁶ Дзимбуцу дэ-ёму гэндай нихон гайко си (История внешней политики современной Японии в лицах). Под ред. Садо Акихиро, Хаттори Рюдзи и др. Т. 2. Токио, 2008, с. 164–176. См. также рассекреченный и опубликованный только в 2010 г. протокол о трактовке ст. 6 договора,

Политика правительства Киси спровоцировала невиданный до тех пор протест противников нового договора. Но реальность была такова, что выйти из американской военно-политической орбиты было невозможно, а сохранение старого договора означало бы продолжение вассальной зависимости Японии от США. Киси сумел добиться от Вашингтона максимума самостоятельности, на которую Япония могла реально рассчитывать. При этом активная азиатская дипломатия Токио придавала ему вес в глазах старшего партнера.

Возмущение вызвало не только содержание договора, но и силовые методы его ратификации. При голосовании по договору из зала заседания парламента силой были удалены депутаты оппозиции. Либерал-демократам хватило голосов для ратификации, несмотря на то что ряд депутатов правящей партии голосовали против договора. Выполнив свою историческую миссию по пересмотру Договора безопасности, Киси Нобусукэ 23 июня 1960 г. объявил о своей отставке.

* * *

Годы правления двух последующих, четвертого и пятого премьер-министров — Икэда Хаято (июль 1960 — октябрь 1964) и Сато Эйсаку (ноябрь 1964 — июнь 1972) — пришлись на период высоких темпов экономического роста, приведших к тому, что Япония стала второй экономической державой мира. Значительной вехой на этом пути стал «План удвоения национального дохода», известный в истории страны как «План Икэда».

Новый премьер Икэда Хаято (1899–1965), который трижды занимал этот пост, именно развитие экономики поставил во главу угла своей политики. И, судя по его биографии, это было не случайно. Получив высшее юридическое образование в Киотоском императорском университете, он поступил на работу в 1925 г. в Министерство финансов, и многие его успехи были достигнуты затем именно на этом поприще. Икэда был прирожденным экономистом, обладал страстью к числам, натренированной памятью и превосходной финансовой интуицией, прекрасно разбирался в экономической жизни страны, а также умел хорошо ладить с представителями бизнеса. И это несмотря на то, что ему были недоступны тонкости этикета, а говорил он на резком хиросимском диалекте, грубым, хриплым голосом. Недруги дали ему прозвище «хиросимский мужичок»⁷.

Главной целью политики администрации Икэда, которая характеризовалась как «политика диалога» и «модернизации партии», проводимая

подписанный 6 января 1960 г. министром иностранных дел Японии А. Фудзияма и послом США Д. Макартуром-вторым: The Daily Yomiuri. 10.03.2010.

⁷ Ито Сёсай. Икэда Хаято то соно дзидай (Икэда Хаято и его эпоха). Токио, 1985.

в духе толерантности и гармонии, являлись, как уже отмечалось, экономический рост и ориентация на большую международную открытость под девизом «удвоение национального дохода». Для ее успешной реализации было необходимо, прежде всего, обеспечить политическую стабильность внутри страны, на которой сказалось крупномасштабное выступление против заключения и ратификации японо-американского Договора безопасности. Икэда действовал очень аккуратно, привлекая к диалогу оппозиционные партии, и сумел обеспечить достаточно спокойное прохождение в парламенте необходимых законопроектов⁸.

«План удвоения национального дохода» был составлен в Управлении экономического планирования. Его основные цели (максимизация экономического роста, повышение уровня жизни народа, полная занятость) отражали стратегию развития страны. Он был рассчитан на 10 лет (1961–1970). За это время уровень национального дохода должен был удвоиться. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства определялись в 10,5%, ВВП — в 7,3%. План предусматривал также модернизацию сельского хозяйства, средних и мелких предприятий в промышленности, развитие отсталых районов, рационализацию экономики, повышение уровня конкурентоспособности отечественных товаров на мировых рынках⁹.

Авторам плана — квалифицированным специалистам удалось правильно оценить потенциальные возможности экономики страны, предсказать высокие темпы ее развития на ближайшие годы. Основные контрольные цифры были перевыполнены: темпы прироста в промышленности составили 13,8%, ВВП — 10,7%. Некоторый спад производства в 1964 г. не сыграл существенной роли, а в 1965 г. начался новый подъем.

В этот период объем промышленного производства вырос на 270%, в то время как в других развитых странах в лучшем случае на 80%. Уже в 1968 г. Япония перегнала по этому показателю, все другие государства, кроме США, а в начале 1970-х годов — и по объему ВВП, став второй экономической державой капиталистического мира (в 1956 г. она делила 6–7-е места с Италией). В результате было успешно завершено экономическое развитие страны по так называемой «догоняющей модели».

Используя чрезвычайный экономический рост, правительство Икэда увеличивает национальный и местные бюджеты, активно продвигает важные политические решения на региональный уровень. В социальной и образовательной сфере благодаря принятию пакета законов были достигнуты достаточно впечатляющие результаты.

⁸ Liberal Democratic Party of Japan. Chapter Four. Period of President Ikeda's Leadership (<http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap4.html>).

⁹ Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Цит. соч., с. 324–328.

В середине 1960-х годов в «азиатской» политике Японии наблюдалось резкое расширение всех форм и методов именно экономического проникновения. ЮВА в это время заняла особое место во внешнеэкономических связях страны. Кабинеты Икэда уделяли большое внимание внешнеэкономической деятельности¹⁰.

Одним из знаковых событий периода премьерства Икэда было проведение XVII Олимпийских игр в Токио в октябре 1964 г., которые впервые «пришли» на азиатский континент. Подготовка к ним позволила почти полностью модернизировать жизнь столицы, дав мощный импульс строительству скоростных дорог внутри города и вокруг нее, перераспределению водных ресурсов, сооружению новых общественных зданий, в результате чего существенно улучшилось качество жизни в Токио. Особого упоминания заслуживает строительство скоростного железнодорожного сообщения между Токио и Осакой, известного как *синкансэн*. Но на следующий день после церемонии закрытия Олимпийских игр 25 октября 1964 г. премьер Икэда Хаято объявил об отставке в связи с болезнью.

* * *

Пятым премьер-министром Японии от ЛДП стал в ноябре 1964 г. Сато Эйсаку (1901–1975), который занимал этот пост семь лет и восемь месяцев. За указанное время он сформировал четыре кабинета, установив абсолютный рекорд продолжительности пребывания на посту премьера¹¹. Сато, младший брат Киси Нобусукэ, принадлежал к плеяде бюрократов, не имевших опыта политической деятельности, но тем не менее вышедших на арену большой политики в первые послевоенные годы. Он быстро стал любимцем Ёсида Сигэру, хотя последний просто терпеть не мог его брата Нобусукэ, в котором справедливо видел своего главного соперника. Сато занял в первом кабинете брата пост министра экономики, что вполне отвечало его интересам¹².

На период его премьерства пришлось очень важные события во внутренней и внешней политике страны: Япония превратилась во вторую экономическую державу мира, были в основном решены экологические проблемы, проблемы перенаселенности городских территорий и сокращения жителей в сельских районах, появились новые политические партии, были нормализованы дипломатические отношения с Республикой Корея, продлен срок действия японо-американского Договора безопасности, США вернули Японии административные права на острова Огасавара и Окинава.

¹⁰ Дзимбуцу-дэ ёму гэндай нихон гайко си, с. 177–188.

¹¹ Сато сэйкэн 2797 хи (2797 дней администрации Сато). Т. 1–2. Токио, 1983.

¹² Механизмы внутриполитической и внутрипартийной борьбы, в том числе связанные с передачей власти, подробно рассмотрены в: *Осита Эйдо*. Икэда Хаято vs Эйсаку Сато (Икэда Хаято против Эйсаку Сато). Токио, 2009.

Превращение Японии в один из крупнейших центров капиталистического мира требовало повышения ее роли в мировой политике, особенно в Азии, на чем и настаивал Сато. Ему удалось решить целый ряд серьезных внешнеполитических проблем

В 1965 г. были восстановлены дипломатические отношения с Республикой Корея. (С КНДР они до сих пор не установлены.) Специфика отношений с двумя корейскими государствами заключалась в том, что многие неурегулированные материальные, финансовые, политические, политико-психологические проблемы коренились в колониальном прошлом. Это обусловило затяжной характер переговоров о нормализации дипломатических отношений между Токио и Сеулом, которые начались в 1952 г. и закончились только в 1965 г.

Южная Корея выдвинула чрезвычайно завышенные материальные требования (800 млн. долл.), выполнение которых стало бы непосильным бременем для японской экономики, и потребовала признания так называемой линии Ли Сын Мана (имелось в виду запрещение рыболовства в 150–200-мильной зоне от берегов Кореи), что было чревато серьезным ущербом для японского рыболовства¹³. В нормализации отношений каждая из сторон, а также Соединенные Штаты преследовали свои цели. Япония была заинтересована в южнокорейском рынке. Сеул искал новые источники финансирования ввиду сокращения экономической помощи со стороны США. А Вашингтон стремился создать единую военно-политическую и экономическую систему противостояния «советскому экспансионизму» и «сдерживания коммунизма в Азии»¹⁴.

После того как Сеул добился согласия Токио на выплату 500 млн. долл. репараций и перенос «линии мира» на 12 миль от берегов Кореи, стороны в 1965 г. подписали в Основной договор об отношениях между Японией и Республикой Корея. При этом Япония пошла на серьезные уступки. Во-первых, уже само заключение договора являлось уступкой с ее стороны, поскольку в течение многих лет она считала необходимым предварительно решить все спорные вопросы. Во-вторых, она согласилась на предложенный Южной Кореей формат документа — договор, а не декларация, хотя не была урегулирована территориальная проблема (Южная Корея не отказалась от своих притязаний на острова Такэсима). И самое главное — Япония признала, что правительство Республики Корея является «единственным законно учрежденным правительством на Корейском полуострове». Одновременно были подписаны соглашения по экономическим вопросам, рыболовству, а также о статусе проживающих в Японии корейцев. Вклад Японии в развитие экономики

¹³ Liberal Democratic Party of Japan. Chapter Five. Period of President Sato's Leadership (http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap_5.html).

¹⁴ Дзимбуцу-дэ ёму гэндай нихон гайко си, с. 189–202.

Южной Кореи стал основой «экономического чуда» последней, но и Япония получила здесь надежный рынок сбыта своих товаров и источник дешевой рабочей силы.

В июне 1970 г. японское правительство опубликовало официальное заявление об автоматическом продлении японо-американского Договора безопасности. Этим договором Япония еще теснее привязывалась к стратегии США на Дальнем Востоке и в странах Юго-Восточной Азии. Судьба этого договора рассматривалась в контексте провозглашенной в 1969 г. так называемой Гуамской доктрины Никсона. Ею предусматривалось сокращение физического военного присутствия США в странах Азии и более широкое использование военной силы их азиатских союзников. Особое место отводилось Японии, которая должна была взять на себя бремя расходов по поддержанию экономической и политической стабильности азиатских союзников США. Неслучайно Никсон заявил: «Наше партнерство с Японией даст ключ к успеху этой доктрины в Азии». В Токио прекрасно понимали, куда может привести Японию такая политика, и поэтому, в частности, не допустили втягивания страны непосредственно в военные действия во Вьетнаме. Другими словами, японцы старались проводить осторожный и взвешенный внешнеполитический курс.

Проблема возвращения островов Огасавара и Окинава, которую Сато определил как главную задачу своего премьерства, была решена после его прямых переговоров с президентами США Джонсоном и Никсоном. Острова Огасавара перешли под юрисдикцию Японии в 1968 г., а Окинава — в мае 1972 г.¹⁵

Однако история возвращения Окинавы нуждается в определенном пересмотре в свете рассекреченных и опубликованных в 2010 г. документов японского МИДа, включая записи бесед Сато с американскими руководителями и дипломатами. В них он очень критически высказывался даже о собственных «трех неядерных принципах» и выступал за тайный допуск американского ядерного оружия на территорию Японии¹⁶.

Исключительно остро стояла проблема загрязнения окружающей среды отходами промышленных предприятий и транспорта, которая требовала незамедлительного решения. В 1968 г. были приняты важные природоохранные законы: Закон о контроле загрязнения воздушного пространства, Закон о городском планировании и зонировании, Закон

¹⁵ Среди свидетельств участников переговоров особого внимания заслуживает: *Wakai-zumi K. The Best Course Available: A Personal Account of the Secret U.S. – Japan Okinawa Reversion Negotiations*. Honolulu, 2002.

¹⁶ Тексты ключевых документов: Secret N-pact Comes to Light. Japan – U.S. Accord Was Kept at Ex-Prime Minister Sato's Home // *The Daily Yomiuri*. 23.12.2009; 3 Secret Pacts Existed; Denials 'Dishonest' // *The Japan Times*. 10.03.2010.

об утилизации отходов и инфраструктуре, Закон о регулировании уровня шума. В 1970 г. на 64-й, внеочередной сессии парламента было принято 14 важных законодательных инициатив по этой проблематике, за что эту сессию окрестили «природоохранной». Были не только введены карательные меры в отношении предприятий, осуществлявших вредные для здоровья людей выбросы, но и установлены основные принципы, согласно которым бизнес был обязан нести расходы по предотвращению загрязнения. В 1971 г. было создано Агентство по охране окружающей среды, которому было предписано строго контролировать выполнение всех принятых решений¹⁷.

В это же время правительству Сато пришлось пережить серьезнейший «шок Никсона», который имел экономическую и дипломатическую составляющие. В августе 1971 г. президент США объявил об изменении американской экономической политики, включая временную приостановку конвертации доллара в золото и введение дополнительного 10%-ного налога на импорт. Это вызвало отказ международных рынков от фиксированного курса иены (когда доллар равнялся 360 иенам) и переход к плавающему обменному курсу. Учитывая тот факт, что треть японского экспорта в тот период была ориентирована на американский рынок и практически все контракты были заключены в долларах США, повышение стоимости иены оказало крайне негативное воздействие на японскую экономику. В августе 1972 г. США установили дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой (КНР), что явилось полной неожиданностью для японского партнера и ударом по репутации страны.

Правительство Сато начало поиски путей выхода из создавшейся сложной экономической ситуации. Срочно был подготовлен пакет рекомендаций по ослаблению контроля над валютными операциями и специальным мерам в области финансов и налогов. Однако экономическая депрессия, спад деловой активности, непрекращающаяся инфляция обострили социальные противоречия, вызвали рост массового недовольства политикой ЛДП, которое вылилось в массовые гражданские движения и способствовало появлению новых политических партий.

Правительство Сато, которому ставили в вину не только социально-экономические неурядицы, но и некоторое обострение отношений с США, негибкость позиции по китайской проблеме, поскольку оно не сумело оперативно отреагировать на серьезные перемены, связанные с установлением дипломатических отношений между США и КНР, в июне 1972 г. ушло в отставку.

¹⁷ Природоохранная политика в Японии. Специализированная информация № 83/1244. М., 1990.

* * *

Сразу же развернулась жесткая борьба за высший партийный пост в ЛДП. Предпочтительными оказались шансы энергичного и молодого по японским меркам Танака Какуэй (1918–1993), который обладал обширными связями в деловом мире. 7 июля 1972 г. он занял высшие посты в партии и правительстве, став в возрасте 54 лет самым молодым председателем ЛДП за всю историю ее существования.

Танака Какуэй, единственный из премьер-министров не имевший высшего образования, впервые получил депутатский мандат в 1947 г. Официально он недолго занимал высшие посты в партии и правительстве, но его огромное влияние на внутривнутрипартийную и государственную жизнь сохранялось вплоть до середины 1980-х годов. Танака создал суперфракцию, которая практически монополизировала власть внутри партии и фактически регулировала назначение премьеров. К концу 1970-х годов борьба между лидерами фракций фактически сменилась борьбой за поддержку руководителя этой фракции, который стал могущественным теневым лидером, «теневым сёгуном», как говорят японцы¹⁸. При Танака была создана своего рода двойственная структура власти: ЛДП — в стране и суперфракции — в партии.

Фракция Танака действовала чрезвычайно успешно еще и потому, что в личном распоряжении ее лидера была мощная команда, которую называли «боевой отряд» (*гундан*). Он вербовал самых способных, деятельных и амбициозных политиков, которые работали в его агрессивной манере, но под его же строжайшим контролем. Танака оказывал своим сторонникам колоссальную финансовую и организационную помощь при завоевании депутатских мандатов в органах законодательной власти и получении постов — в исполнительной. Танака располагал огромным личным состоянием, которое было нажито путем спекуляций на перепродаже земель, создания фиктивных акционерных компаний, утаивания реальных доходов от налоговых органов, расходования партийных средств и использования служебного положения в личных целях. Очевидно, неслучайно первый громкий коррупционный скандал был связан с его именем. В 1976 г. стали известны факты получения во время премьерства Танака им и другими правительственными чиновниками крупных взяток от американской авиастроительной фирмы «Локхид» в обмен на содействие в размещении в Японии заказов на самолеты этой компании. Бывший премьер был арестован, выпущен под залог, прошел через длительное судебное разбирательство (во время которого Танака неоднократно избирался депутатом парла-

¹⁸ Обширная японская литература о Танака имеет почти исключительно либо разоблачительный, либо апологетический характер. По этой причине особого внимания заслуживает исследование: *Schlesinger J. M. Shadow Shoguns*. N. Y., 1997.

мента) и в 1983 г. был приговорен к четырем годам тюремного заключения.

Покинув формально ряды ЛДП, Танака продолжал фактически возглавлять ее самую большую фракцию, без поддержки которой достаточно сложно было одержать победу в изнурительной межфракционной борьбе. При его поддержке премьеру Охира удавалось дважды формировать кабинет. Решающую роль при выборе на высший пост преемника последнего — Судзуки Дзэнко опять-таки сыграла поддержка Танака¹⁹.

Первым и самым важным пунктом своей программы премьер Танака считал нормализацию дипломатических отношений между Японией и КНР. По оценке руководства ЛДП, «даже по сравнению с заключением мирного договора с Японией (имеется в виду Сан-Францисский мирный договор — Э.М.), подписанием японо-российской Совместной декларации, нормализацией отношений с Республикой Корея и возвращением Окинавы восстановление официальных связей с Китаем было одним из тех решений, что требовали важных и трудных дипломатических усилий в послевоенный период»²⁰.

В обстановке нараставшего в стране «китайского бума» наблюдалась резкая активизация общественного интереса к дипломатическому признанию КНР. Нормализации японо-китайских отношений предшествовали длительные переговоры на неофициальном уровне. Однако непосредственная подготовка японского руководства к акту нормализации проходила в обстановке поспешности и смятения, вызванных неожиданным визитом президента Никсона в феврале 1972 г. в Пекин. Установление официальных связей между двумя странами стало поистине поворотным моментом в послевоенной дипломатии Японии²¹.

В сентябре 1972 г. в Пекине правительственные делегации двух стран подписали Совместное заявление о восстановлении межгосударственных отношений. С точки зрения достигнутых договоренностей в отношениях с Пекином Токио пошел дальше Вашингтона.

Подписав Совместное заявление, Япония признала правительство КНР как «единственно законное правительство Китая» (пункт 2). По поводу Тайваня было сказано: «Правительство КНР повторяет, что Тайвань представляет собой неотъемлемую часть территории КНР. Правительство Японии с полным пониманием и уважением относится к этой позиции

¹⁹ Молодякова Э.В. На извилистых тропинках политической борьбы // Япония: с чем в третье тысячелетие? М., 1999, с. 82–85.

²⁰ Liberal Democratic Party of Japan. Chapter Six. Period of President Tanaka's Leadership (<http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap 6.html>).

²¹ См. подробнее: Аоки Наото. Танака Какуэй то Мо Такуто. Ниттю гайко анто-но сандзюэн (Танака Какуэй и Мао Цзэдун. Тридцать лет тайной дипломатической борьбы между Японией и Китаем). Токио, 2002.

правительства КНР и твердо придерживается Потсдамской декларации» (пункт 3). Формулировка этого пункта являлась примером дипломатического решения деликатного вопроса. В принципе Япония не возражала против признания Тайваня частью территории КНР. Более того, по Сан-Францисскому мирному договору она отказалась от каких-либо притязаний на этот остров. Но по этой же причине с юридической точки зрения она была не вправе выражать «понимание и уважение» позиции Китая по Тайваню. Выход был найден в виде ссылки на Потсдамскую декларацию, в которой говорилось, что условия капитуляции Японии требовали признания положений Каирской декларации (1943 г.) о возвращении Японией Китаю всех захваченных территорий.

Так же деликатно был решен вопрос о ликвидации действовавшего двадцать лет японо-тайваньского договора. В Совместном заявлении говорилось: «Ненормальное состояние отношений, существовавшее до сих пор между Японией и КНР, прекращается в день опубликования совместного заявления» (пункт 1). Под «ненормальным состоянием» подразумевалось существование договора 1952 г. На основе этого компромиссного решения министр иностранных дел Японии Охира Масаёси официально объявил на пресс-конференции в Пекине, что этот договор утратил силу.

В преамбуле Совместного заявления указывалось: «Японская сторона глубоко осознает ответственность за тот серьезный ущерб, который Япония нанесла в прошлом во время войны китайскому народу, и глубоко сожалеет об этом». Впоследствии эта формулировка стала основой извинений японского правительства перед народами Азии. Одновременно Пекин отказался от репарационных претензий к Японии (пункт 5).

В Совместном заявлении отмечалось, что «нормализация отношений между Китаем и Японией не направлена против третьих стран». Обе стороны обязались не добиваться гегемонии в Восточной Азии, а также выступать против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии (пункт 7). Этот пункт о гегемонизме в то время не привлек особого внимания ни участников переговоров, ни соседних стран. Но он стал самым трудным, решающим на переговорах о заключении японо-китайского договора о мире и дружбе²².

Нормализация отношений между Японией и КНР была осуществлена на основе взаимных уступок и позволила каждой из держав добиться полного или частичного достижения некоторых своих целей. Она открыла путь для известного сближения, но отнюдь не сняла все разногласия и противоречия в области экономических и политических связей²³.

²² История Японии 1945–1975. М., 1978, с. 428–429.

²³ Дзимбуцу-дэ ёму гэндай нихон гайко си, с. 224–239.

Несмотря на внешнеполитические успехи, экономические трудности, и прежде всего инфляция и энергетический кризис, а также острая борьба в ЛДП вызвали глубокий кризис кабинета министров. Проведя в ноябре 1973 г. еще одну реорганизацию правительства, премьер попытался упрочить свое положение, но потерпел фиаско. У него не оставалось иного выхода, кроме отставки, что и свершилось в ноябре 1974 г.

* * *

В 1982 г. после достаточно сложных политических баталий внутри ЛДП за избрание нового председателя партии выбор пал на Накасонэ Ясухиро (р. 1918), и во многом потому, что правящие круги хотели видеть во главе государства «сильную» личность, способную проводить эффективную внутреннюю и внешнюю политику. Он стал одиннадцатым председателем ЛДП и премьер-министром и оставался на этом посту до октября 1987 г. Накасонэ получил этот пост при поддержке все еще влиятельной фракции Танака. В ответ на поддержку новый премьер предоставил этой фракции два дополнительных министерских поста (всего стало семь) и пост генерального секретаря ЛДП. В прессе стали говорить, что новый состав правительства можно назвать «третьим кабинетом Танака».

Вынесение судебного приговора по «делу Танака» значительно осложнило внутривнутриполитическую ситуацию в стране, стимулировало рост массового движения против коррупции, против методов действий бывшего премьера, считавшего, что с помощью денег можно решить любую проблему. Ради преодоления парламентского кризиса Накасонэ обратился к нему с просьбой «помочь» преодолеть его и «добровольно» уйти из парламента, но Танака демонстративно отказался.

Накасонэ, который окончил юридический факультет Токийского университета, с началом Тихоокеанской войны был призван служить в военно-морской флот. После войны достаточно быстро занялся политической деятельностью и с 1947 г. постоянно избирался депутатом палаты представителей парламента. Лишь с 2005 г. он не стал выдвигать свою кандидатуру на очередных выборах, причем пошел на это под давлением тогдашнего премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро.

В силу традиционалистской консервативной политической ориентации Накасонэ (традиционалиста, консерватора, атлантиста) курс его кабинета можно охарактеризовать как определенный поворот вправо. Сам он настойчиво выступал за пересмотр Конституции, за введение законодательства на случай «чрезвычайных обстоятельств», за усиление мощи Сил самообороны и расширение их функций в военном сотрудничестве с США. Другими словами нарушил все политические табу

послевоенной Японии²⁴. Ему принадлежали высказывания о том, что военно-морские силы Японии в противостоянии Советскому Союзу должны заботиться о контроле над проливами и сделать Японское море «японским озером», а также о том, что Япония является «непотопляемым авианосцем США».

Крупный государственный деятель и политик, Накасонэ выдвинул идею реформирования внутренней и внешней политики Японии и немало сделал для ее практической реализации²⁵. Он прекрасно понимал расстановку сил на региональной и международной арене. Его политическая философия и осмысление исторического момента привели Накасонэ к убеждению, что «политический, военный и экономический порядок, который сформировался в послевоенный период, на грани коллапса»²⁶. В этих условиях, по его мнению, Япония, как одна из крупнейших держав, несет особую ответственность и должна работать в тесном сотрудничестве с другими развитыми демократиями для установления мира и реструктуризации мирового экономического порядка.

В своей первой официальной речи новый премьер заявил, что Япония «достигла поворотного рубежа в послевоенной истории» и что правительство должно внести в свою политику такие изменения, которые помогут стране адаптироваться к замедлению экономического роста и быстрому старению населения путем возрождения здоровой демократии и активизации общества и экономики.

Новый премьер декларировал, что намерен: создать атмосферу «понимания и ответственности», установить «прямой диалог с народом», добиться того, чтобы правительство стало «легко понимаемым», «поддерживать мир внутри страны и за рубежом», «обеспечить становление Японии как государства с развитой системой благосостояния и культуры», «принять дальнейшие меры по либерализации рынка и расширению свободной торговли, «усилить сотрудничество Японии с другими странами, прежде всего США, соседними странами Азии (в первую очередь с АСЕАН) и странами Западной Европы в целях поддержания мира», «сокращения вооружений и создания всеобъемлющей системы безопасности». В области внутренней политики Накасонэ продолжил начатую его предшественниками работу по осуществлению административно-финансовой реформы²⁷.

²⁴ См.: Накасонэ Ясухиро. Атарасий хосю-но ронри (Логика нового консерватизма). Токио, 1978.

²⁵ Политические взгляды Накасонэ хорошо известны в России благодаря переводам его работ, в том числе написанных в соавторстве с видными японскими политологами консервативной ориентации: После «холодной войны». М., 1993; Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2001.

²⁶ Liberal Democratic Party of Japan. Chapter Eleven. Period of President Nakasone's Leadership (http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap_11.html).

²⁷ Liberal Democratic Party of Japan. Chapter Eleven.

В первый же год работы правительство Накасонэ столкнулось с редким для политической жизни Японии событием: проведением в течение одного года трех избирательных кампаний. Раз в 12 лет совпадают общенациональные выборы в местные органы власти и в палату советников, в 1983 г. к ним добавились внеочередные выборы в палату представителей. Все избирательные кампании прошли для ЛДП успешно.

Однако на ситуацию в правящей партии и деятельность правительства в целом негативное влияние оказывало затянувшееся «дело Танака», которое подрывало престиж либерал-демократов. Не вызывал поддержки курс кабинета Накасонэ на всемерное укрепление военно-стратегического сотрудничества с США, на определенную милитаризацию страны, на активизацию японских «ястребов». В такой ситуации в ноябре 1984 г. правительству Накасонэ был объявлен вотум недоверия и распущен парламент. В результате состоявшихся выборов в палату представителей ЛДП потеряла 36 мест, не получив даже простого большинства в этой палате. Определенного успеха добились оппозиционные партии.

В нижней палате возникло неустойчивое политическое равновесие, при котором правительство опиралось на минимальное преимущество и зависело от оппозиционных партий при проведении законов через парламент. Ради сохранения власти в руках консерваторов и обеспечения способности правительства контролировать обстановку в стране крупный бизнес в межфракционных переговорах выступил за то, чтобы Накасонэ остался на посту премьер-министра.

При новой расстановке сил в парламенте либерал-демократы были не в состоянии контролировать ситуацию и предложили сотрудничество Новому либеральному клубу (НЛК), созданному диссидентами из рядов правящей партии. Появилась парламентская фракция двух партий — ЛДП и НЛК.

На период премьерства Накасонэ пришелся наиболее активный этап проведения административно-финансовой реформы²⁸. Главными направлениями реформы были: оздоровление государственных финансов, т. е. сокращение бюджетных ассигнований и более рациональное их использование; отмена или смягчение бюрократического контроля и регламентаций в сфере создания новых предприятий, контроля над иностранной валютой, банковского дела; реорганизация системы общественного предпринимательства — упразднение табачно-соляной монополии, проведение денационализации государственных железных дорог, телефонно-телеграфной корпорации и прочих, в большинстве своем убыточных, общественных предприятий. Иными словами, речь шла об ограничении

²⁸ Подробнее см.: Накасонэ найкаку си (История кабинета Накасонэ). Т. 1–5. Токио, 1995–1997.

рамков государственного регулирования экономики и использовании во все больших масштабах рыночных механизмов в условиях перехода к новой, интенсивной модели роста, углубления процессов интернационализации экономики, а также в связи с возросшей финансовой, технической и организационной мощью частного капитала.

В результате намеченной к реализации программы правительство сумело остановить рост бюджетных расходов. В 1985 г. была успешно завершена приватизация национальной телекоммуникационной корпорации. В 1987 г. осуществлено разделение корпорации государственных железных дорог на шесть региональных и одну общенациональную грузовую железнодорожную компанию и проведено их акционирование. В середине 1980-х была разобобществлена государственная табачно-соляная корпорация. Кроме того, была проведена пенсионная реформа: введены единые ставки пенсий вне зависимости от принадлежности работников к частному или общественному сектору. Был принят также ряд мер по оптимизации структуры правительства: увеличено число помощников премьер-министра, Совет обороны был преобразован в Совет национальной безопасности. Было решено создать при премьер-министре консультативные органы по внешней и внутренней политике; ведомства получили свободу в определении внутренней структуры управления. На будущее осталась организационная реформа правительства на основе принципов централизации власти кабинета министров и усиления статуса его главы.

В это же время была разработана концепция превращения Японии в «международное государство». Это понятие означало, что страна должна была не только органично вписываться в мировое сообщество, но и представлять собой сбалансированный организм. Эта концепция была представлена в двух докладах правительственной комиссии, возглавляемой управляющим Банка Японии Х. Маэкава («доклады Маэкава») в 1986 и 1987 гг. Первый доклад содержал общее понятие концепции, во втором были даны конкретные рекомендации по изменению структуры отдельных областей экономики в средне- и долгосрочной перспективе, чтобы они стали соответствовать международным критериям. Прежде всего предлагалось сделать незамедлительные шаги к сокращению торгового дисбаланса, к переориентации промышленности с экспорта на внутренний спрос, добиваться более высокого уровня эффективности производства и производительности труда в таких областях, как распределение продукции, финансовые услуги, транспорт, сельское хозяйство, строительство и телекоммуникации²⁹.

²⁹ «План Маэкава» — экономическая стратегия развития Японии накануне XXI века. Специализированная информация № 105/1058. М., 1988, с. 25.

При Накасонэ новый импульс был придан отношениям Японии с другими государствами АТР. Накасонэ заметно отличался от своих предшественников активным личным участием в выработке и проведении внешней политики и особенно политики в области обороны и безопасности. Он предпринял неожиданный ход в отношении развивающихся стран региона: как бы на время отвернулся от них, предоставив самим членам АСЕАН проявить инициативу.

Во время турне по странам АТР в 1983 г. Накасонэ в основном прощупывал почву и разъяснял позицию Японии, но не стремился задобрить их. Он изложил свою доктрину в речи во время официального визита в Австралию. Назвав АТР «наиболее динамично развивающимся регионом мира», он призвал к тесному сотрудничеству его двух главных компонентов — индустриальных «стран диалога» и членов АСЕАН: «В таком сотрудничестве роль более развитых стран — в полной мере уважать инициативу других государств и поддерживать их инициативы для создания базы регионального сотрудничества и развития». Таким образом, Накасонэ ненавязчиво подчеркнул, что инициатива должна исходить именно от стран АСЕАН. Это был принципиально важный пункт. Отношения Японии и Австралии, которых он назвал «северной и южной опорой региона», Накасонэ поместил в общий тихоокеанский контекст, определив важную роль этих двух стран в глобальном партнерстве в рамках АТР. Он полагал, что сотрудничество Японии и Австралии (в том числе неправительственные контакты деловых кругов) закладывает основу будущего глобального партнерства в АТР.

Накасонэ провозгласил концепцию «подведения окончательных итогов послевоенной политики». Она отражала стремление правящих кругов покончить с «комплексом поражения» во Второй мировой войне, создать необходимые условия для превращения Японии в одну из ведущих мировых держав, причем не только в экономическом, но и в политическом и военном отношении.

В октябре 1986 г. истекал определенный уставом ЛДП срок предельного пребывания Накасонэ на посту председателя партии. Подтверждая свой имидж «сильной личности», он вновь использовал тактику «двойных» выборов: распустил палату представителей парламента и объявил досрочные выборы в один день с очередными выборами в палату советников. Успех либерал-демократов превзошел все их ожидания. По словам Накасонэ, итоги выборов были «голосом Неба». Либерал-демократы получили серьезный перевес над оппозицией в палате представителей и улучшили свои позиции в палате советников. При формировании правительства Накасонэ сумел удовлетворить аппетиты различных фракций. В результате в сентябре этого же года руководители ведущих фракций согласились продлить еще на один год, до осени

1987 г. срок его пребывания на высших постах ввиду особых заслуг перед партией.

Ободренный успешным проведением ряда внутривнутриполитических реформ и победой ЛДП на «двойных» выборах 1986 г., Накасонэ попытался одним махом решить сложнейшую проблему налоговой реформы. Он провозгласил задачей кабинета утверждение парламентом одного из налоговых законопроектов — о введении 5%-ного налога с продаж. В результате должны были вырасти налоговые выплаты всей торговой цепи что, в свою очередь, привело бы к повышению цен и снижению покупательского спроса. Необходимая для развития экономики реформа неизбежно сопровождалась бы серьезными социальными издержками. Накасонэ, как всегда, решил действовать силовыми методами, но старая тактика консерваторов проталкивать необходимые законы без оппозиции на этот раз не сработала. Тем более что против налоговой реформы выступил и ряд депутатов правящей партии.

Разразился невиданный по масштабам парламентский кризис, который нанес удар по престижу Накасонэ. Неудача ЛДП на выборах в органы местной власти тоже сыграла свою роль. Отставка премьер-министра стала очевидной и разгорелась привычная достаточно длительная борьба претендентов на этот пост. Не сумев договориться, лидеры фракций решили вручить своеобразный мандат премьер-министру, чтобы он сам определил себе преемника. Безусловно, Накасонэ в этом случае подчинялся закону реального соотношения противоборствующих сил и выбрал преемником Такэсита Нобору.

* * *

Первая половина 10-х годов XXI века связана с именем Коидзуми Дзюнитиро и проводимой им политикой. Молодой, по японским меркам (1942 г. рождения), он занимал посты премьер-министра и председателя ЛДП с апреля 2001 по сентябрь 2006 г. Коидзуми пришел к руководству партией и правительством именно в апреле 2001 г. не случайно. Целый ряд факторов, и в первую очередь положение в самой Либерально-демократической партии, которой на предстоявших летом того же года выборах в палату советников маячил провал, повлияли на выбор политической элитой именно Коидзуми. Он сразу же стал действовать весьма оперативно, в агрессивной манере, добиваясь осуществления поставленных задач, оправдывая вполне заслуженную репутацию реформатора и человека склонного к неординарным решениям³⁰.

Во время предвыборной кампании на пост председателя партии Коидзуми обратился со своей программой непосредственно к членам партии, заручившись, безусловно, и поддержкой определенных фракций.

³⁰ См.: Утияма Токэру. Коидзуми сэйкэн (Администрация Коидзуми). Токио, 2007.

Второй тур голосования в парламенте стал в принципе формальной процедурой. В ходе опроса общественного мнения, проведенного агентством Киодо цусин, Коидзуми поддержали 86,3% респондентов, 29% заявили, что ожидают от него важных политических преобразований и лишь 6% высказали сомнение относительно результативности его деятельности³¹.

Выдвижение популярного у электората, популистски действующего политика был вынужденный, но хорошо просчитанный ход. Новый премьер пользовался поддержкой не только молодых членов партии, но и значительной части населения, ожидавшей перемен. На его хорошо раскрученную репутацию и возлагались немалые надежды ЛДП. Коидзуми старательно позиционировал себя как эксцентричного политика, любой ценой добивающегося популярности у избирателей. Однако путь его прихода во власть показал, что он прекрасно ориентировался во внутрипартийных фракционных делах и умел играть по правилам. Новый премьер постарался создать вокруг себя группу единомышленников-профессионалов. Коидзуми привел партию на выборах в палату советников к знаменательной победе: у ЛДП оказался лучший с 1992 г. результат голосования за ее кандидатов.

Став премьером, Коидзуми провозгласил знаменитый слоган «Изменим ЛДП! Изменим Японию!» и определил приоритеты политики, заявив при этом, что не будет «священных коров» и ничто не застраховано от преобразований. Другими словами, он бросил вызов фракционной структуре ЛДП, неизбежно вступив при этом в конфронтацию с политическими тяжеловесами внутри партии. Он заявил: «Если какая-либо фракция в ЛДП выступит против меня, то я, как председатель этой партии, буду предпринимать действия для ее ликвидации»³².

Премьер сразу же обнародовал программу трансформации государственного управления на основе приватизации и дерегулирования, введения новой налоговой системы, решения проблемы безнадежных долгов банков, взятия под контроль бюджетного дефицита, освобождения от мелочной опеки органов местного самоуправления, сокращения общественных работ и перетряски сектора специальных общественных корпораций.

Еще в середине 1990-х годов кабинет Хасимото выступил с инициативой проведения глубоких системных преобразований, провозгласив курс «шести больших реформ»: административной, бюджетной, финансовой, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования. До прихода Коидзуми во власть многие понимали необходимость таких реформ. Было ясно, что традиционные методы

закачивания огромных бюджетных средств в общественные работы ради временного улучшения экономической ситуации только увеличивают бюджетный дефицит. Но никто в правительстве ничего не хотел менять, не предлагал альтернативные меры, дабы не вступать в конфликт с воротилами строительного бизнеса, которые всегда оказывали мощную финансовую поддержку ЛДП. Иначе говоря, сокращение расходов на общественные работы лишало старую гвардию мощного источника влияния на электорат. Приватизация почтовой службы, которая стала любимым детищем премьера, должна была нанести по ним еще один удар.

Проведение заявленных реформ было призвано помочь Коидзуми изменить политический ландшафт внутри ЛДП, для чего следовало прежде всего сплотить тех, кто желал перемен. Но наличие в рядах ЛДП своих «левых» и «правых», несомненно, затрудняло выработку четкого и ясного видения неотложных проблем.

В сентябре 2003 г. на очередных выборах председателя ЛДП, которые проводились по новому регламенту (срок полномочий был продлен до трех лет, внесены перемены в порядок проведения выборов и подсчет голосов) Коидзуми был переизбран до сентября 2006 г. Формируя руководство партии, он выбирал не столько тех, кто в данный момент более других поддерживал его политику, сколько тех, кто мог бы после его ухода из власти продолжить начатые им реформы.

Используя благоприятную экономическую ситуацию, Коидзуми приступил к реформированию почтовой службы страны. Эта служба в Японии помимо прямых обязанностей выполняет функции сберегательной кассы и страховой компании. Аккумулируя огромные средства, она является крупнейшим в мире финансовым учреждением, сосредоточившим четверть денежных активов домашних хозяйств.

Суть предпринятых Коидзуми преобразований состояла в передаче частному бизнесу максимума полномочий за счет свертывания доли государственного участия в региональных и экономических процессах. Приватизируя почтовую службу, он хотел решить несколько проблем, а именно: покончить с монополией этой службы, утвердить равенство стартовых возможностей для всех, кто хочет работать в этом бизнесе, перекрыть или хотя бы затруднить доступ к средствам почтовой службы тем однопартийцам, которые прикармливали благодаря им своих избирателей. Почтовая служба всегда была незыблемой твердыней власти ЛДП, поскольку направляла под ее контроль огромные финансовые потоки³³.

Несмотря на то что к середине 2004 г. произошло беспрецедентное за все время пребывания кабинета Коидзуми у власти падение рейтинга

³¹ The Japan Times. 01.10.2002.

³² The Japan Look. 2002, №3, с.13.

³³ Подробнее см.: Рамзес В. Мэйврик на фоне хроники текущих событий // Экономика, политика, общество на заре XXI века. М., 2003, с. 57–59.

его поддержки (до 40%), никто не требовал отставки правительства, более того, на совещании с участием видных представителей всех основных фракций было решено «не раскачивать лодку» и сплотиться вокруг премьера. Значительная часть населения была недовольна принятым по инициативе либерал-демократов новым пенсионным законодательством, увеличившим норму отчисления в пенсионный фонд, сохранением японского миротворческого контингента в Ираке. Однако правящая коалиция, сохраняя устойчивое большинство в обеих палатах парламента, без труда блокировала попытки оппозиции выступить против ее инициатив.

Как показали кадровые перестановки в кабинете в сентябре 2004 г., Коидзуми учитывал при назначениях на министерские посты не столько межфракционный расклад внутри партии, сколько уровень лояльности претендента проведению приватизации почтовой системы, его беспрекословную поддержку внутри- и внешнеполитического курса премьера. Коидзуми расставил на ключевых постах своих соратников и «вертикаль» власти партии и правительства стала выглядеть более монолитной и жестко ориентированной на лидера.

Целью произведенных перемен являлось стремление Коидзуми нанести еще один удар по старой фракционной структуре ЛДП и добиться ее полного демонтажа. Созданная конфигурация политического руководства страны действовала под полным контролем премьер-министра Коидзуми, политическая судьба которого во многом зависела от успеха его детища — реформы почтовой службы.

На начало 2005 г. в стране сохранялась стабильная внутривнутриполитическая ситуация и ничего не предвещало форс-мажорных обстоятельств, которые могли бы привести к внеочередным всеобщим выборам и возможной смене главы кабинета. Но уже летом политический истеблишмент пережил серьезное потрясение. После того как премьеру удалось провести большинством всего в пять голосов правительственный пакет из шести законопроектов о приватизации почтовой службы в палате представителей, он был отклонен палатой советников. В этом оппозиции помогли 17 депутатов от ЛДП, голосовавших против реформаторской инициативы Коидзуми. Это было самое тяжелое поражение в политической карьере Коидзуми, и он распустил палату представителей, назначив новые выборы на 11 сентября. В послевоенной истории страны только дважды парламентарии отработали положенный четырехгодичный срок.

Коидзуми назвал предстоящие выборы национальным референдумом по проблеме приватизации почтовой службы. Роспуск парламента был вынужденным политическим шагом, но шансы на успех были достаточно высоки. ЛДП одержала оглушительную победу на внеочеред-

ных выборах в палату представителей парламента, получив 296 депутатских мест из 480, увеличив представительство на 84 мандата. В голосовании приняло участие 67,51% избирателей, что явилось самым высоким показателем их активности с момента вступления в действие новой избирательной системы в 1996 г.

На открывшейся 21 сентября 2005 г. специальной сессии парламента Коидзуми успешно переизбрался на пост премьер-министра. Эта сессия была решением правительственной коалиции продлена до 42 дней, чтобы принять пакет законопроектов о приватизации почтовой службы, о продлении на год пребывания японских ВМС в Тихом океане для поддержания флота США в антитеррористической борьбе в регионе. На этот раз пакет законопроектов был принят подавляющим числом голосов (333 против 138).

Обеспечив безоговорочную поддержку реформы почтовой службы, Коидзуми предпринял серьезные усилия для установления еще большего контроля над партией. Для начала руководство ЛДП решило простить тех, кто в первый раз в палате представителей голосовал против законопроекта о реформе почтовой службы, но наказать всех, кто был против него в палате советников.

Объявив борьбу фракционности, Коидзуми прекрасно понимал, что решить эту проблему одним махом невозможно, и, достаточно искусно маневрируя, ждал подходящего случая. Триумфальный успех на прошедших выборах в палату представителей парламента предоставил этот случай.

Межфракционная борьба, как уже говорилось, показывает, лидер какой фракции имеет предпочтительные шансы победить на выборах председателя партии. Ослабление фракции снижает шансы ее лидера в этой борьбе. В рассматриваемый период практически лидер ни одной фракции не мог претендовать на то, чтобы стать преемником Коидзуми в следующем году. Поэтому только тот, кто был лоялен лично Коидзуми, имел предпочтительные шансы.

Традиционно все депутаты парламента от ЛДП входят в ту или иную фракцию, что обеспечивает им карьерный рост. Поэтому Коидзуми озабочился тем, чтобы 83 новых депутата от его партии остались самостоятельной силой и не расплылись по фракциям. Он убеждал их остаться вне фракций, и многие депутаты, прошедшие в парламент на волне популярности премьера, продемонстрировали лояльность ему. Руководство партии собиралось подготовить из них квалифицированных политиков, но самое главное — помочь им развить и удовлетворить свои политические амбиции. Другими словами, партийному аппарату надлежало заменить фракции в работе с новыми депутатами.

Получив пополнение и почистив ряды партии, Коидзуми в какой-то степени исполнил свое намерение изменить ЛДП, но сделал, конечно,

только первый шаг. Он попытался использовать такое положение как рычаг для усиления своего влияния на фракции и членов партии. Коидзуми очень четко определил критерий отбора своего преемника: «Я считаю, что тот, кто с энтузиазмом продолжит мои реформы, станет следующим председателем партии»³⁴. На деле произошло так, что Коидзуми фактически выбрал своим преемником Абэ Синдзо, который в новом составе кабинета стал генеральным секретарем. Заняв этот, являющийся как бы осью кабинета, пост, он стал вторым человеком в правительстве, что делало его основным претендентом на должность премьера после ухода Коидзуми из власти. Так оно и случилось, но последовавшая затем чехарда с премьерами показала полную неспособность либерал-демократов разрешить годами накапливавшиеся проблемы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАПИТАЛИЗМ С «ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»: ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Мировой финансово-экономический кризис придал новый импульс дискуссиям о характере рыночной экономики и судьбах современного капитализма. По этому вопросу уже высказались и президенты, и ученые, и представители деловых кругов. Поскольку эпицентром кризиса стали США — страна, в которой принципы открытого рынка и свободной конкуренции были воплощены в жизнь в наиболее полном виде, неудивительно, что основной тон этих высказываний весьма критичен. Так, президент Франции Н.Саркози на всемирном форуме в Давосе (январь 2010 г.) заявил: «Мы не ставим перед собой задачу заменить капитализм чем-то другим. Однако мы должны спросить себя — какой капитализм нам нужен?». Нобелевский лауреат в области экономики Джозеф Стиглиц в интервью «Асахи симбун» (5 ноября 2008 г.) отметил, что если падение Берлинской стены означало крушение коммунизма, то мировой кризис означает крушение философии неолиберализма и рыночного фундаментализма. Не менее категоричен в своих оценках современного капитализма и известный финансовый магнат Джордж Сорос, заявивший в одном из своих многочисленных интервью, что эра рыночного фундаментализма, т. е. безоглядной веры в способность рынков корректировать самих себя, подошла к концу, подтверждением чему является нынешняя экономическая катастрофа, порожденная самим же рынком¹.

Свое видение проблемы представил и японский премьер Т.Асо, который возглавил правительство в сентябре 2008 г., т. е. накануне вступления экономики страны в самую тяжелую стадию рецессии. Так, выступая на пленарной сессии нижней палаты японского парламента (проходившей в конце января 2009 г.), Т.Асо подверг резкой критике позицию

³⁴ Асахи симбун. 26.10.2005.

¹ www.strana.ru/doc.; Asahi shimbun. 05.11.2008; <http://businessflow.ru/1021>

сторонников либерально-рыночной модели капитализма с их идеями о создании «малого правительства» и передаче как можно большего числа функций от государства к частному бизнесу. Затронув вопрос о характере нынешнего мирового кризиса, он назвал ошибочным постулат о том, что «рынок все расставит по своим местам», подчеркнув, что самым наглядным подтверждением этого является сам кризис².

В свете ведущихся в мире дискуссий о характере современного капитализма представляется небезынтересным рассмотреть вопрос о том, какого типа капитализм был построен в послевоенной Японии, т. е. при правлении либерал-демократов, находившихся у власти почти беспрерывно более полувека. Этот вопрос заслуживает внимания еще и потому, что долгое время японская модель рыночной экономики подвергалась острой критике на Западе как раз за очевидные отклонения от тех моделей, которые существовали в других развитых странах.

К отличительным чертам японского капитализма, которые начали формироваться еще в первые послевоенные годы, а наиболее зрелые формы приняли к концу 1980-х годов, обычно относят следующие: высокую степень регламентации и контроля над хозяйственной жизнью со стороны государства, тесные взаимоотношения между бизнесом и бюрократией, широкое использование государством неформальных методов экономического регулирования, государственный протекционизм в отношении определенных отраслей и секторов, «социализацию» с помощью государства издержек и результатов экономического роста, практику группирования компаний, существование «закрытого» рынка труда, наличие ряда «нерыночных» черт в деловой практике японских компаний и банков и т. д.³.

В совокупности все эти черты придавали японской экономической системе столь сильное своеобразие, что на Западе заговорили о том, что в ходе послевоенного развития в Японии была создана система, представляющая собой «не незначительное отклонение от базовой философии капитализма и рыночной экономики, а нечто, основанное на совершенно других ценностях и философии»⁴. При этом особенно жесткой критике подвергалось чрезмерно активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны, иными словами — экономическая политика либерал-демократов.

Позже, в 1990-е годы, к зарубежным критикам японской экономической системы присоединилось и немало японских экономистов и политиков, упрекавших либерал-демократов в запаздывании с проведением реформ, необходимых для перестройки национального хозяйства

в соответствии с требованиями эпохи глобализации. В результате под давлением как объективных, так и субъективных факторов с середины 1990-х годов в Японии начались реформы, к настоящему времени существенно преобразившие экономическую систему страны, придавшие ей более открытый и рыночный характер.

Между тем, с позиций сегодняшнего дня, когда глобальный кризис поставил под сомнение незыблемость таких основ капитализма, как открытый рынок и свободная конкуренция, опыт управления либерал-демократов, при которых Япония превратилась из разрушенной, полупустой страны в мощную и процветающую мировую державу, заслуживает переосмысления, а возможно, и заимствования.

На наш взгляд, в этом опыте особого внимания заслуживают два момента. Во-первых, подходы либерал-демократов к регулированию рынка, их взгляды на характер и границы вмешательства государства в экономическое развитие. Во-вторых, их политика в области перераспределения результатов экономического роста среди различных слоев населения.

Что касается подходов к регулированию рынка, то, как писал в свое время известный американский японовед Д.Окимото, «японцы предпочитают исключить как можно больше элементов неопределенности из рыночного процесса, что напоминает их практику использования веревок, проволок и шнурочков для связывания и изгибания стволов и веток деревьев с целью придания им форм, отвечающих их эстетическим ценностям»⁵. Отдавая рынку должное и признавая важность таких его функций, как стимулирование частных инициатив, основанных на рационально рассчитанных личных интересах, и обеспечение механизма обратной связи, японцы видят и множество несовершенств «чистого» рынка (таких, как неполная информация, чрезмерная конкуренция, невнимание к общенациональным задачам, преобладание узких, краткосрочных интересов и т. д.). При этом, как отмечает Д.Окимото, в отличие от принятого в других развитых странах преимущественно реактивного подхода к регулированию рынка (когда те или иные меры вводятся в ответ на уже состоявшиеся «провалы» рынка) в Японии применялся в основном превентивный подход, при котором под «провалами» рынка имелись в виду не только уже наступившие негативные последствия, но и возможные в будущем нежелательные результаты экономического развития⁶.

Таким образом, в основе подхода либерал-демократов к регулированию рынка лежали, во-первых, понимание несовершенства рыночного механизма и, следовательно, необходимости защиты общества от его

² www.eri-21.or.jp/

³ Подробно см.: Японский феномен. М., РИО ИВ РАН, 1996, гл. 4.

⁴ Japanese Firms, Finance and Markets. Sydney, 1996, p. 213.

⁵ Okimoto D. I. Between MITI and the Market. Stanford, 1989, p. 11–12.

⁶ Ibid.

«провалов» и, во-вторых, расширительное толкование понятия «провалы» рынка, что создавало основу для более масштабного, чем в других развитых странах, вмешательства государства в экономическую жизнь.

Если окинуть взглядом весь период пребывания у власти либерал-демократов, то нельзя не поразиться тому, насколько всеобъемлющей и многосторонней была их экономическая политика. Создается впечатление, что они не упустили из виду ни одну из сфер экономической жизни общества, ни одну из отраслей национального хозяйства. Так, основные направления экономической политики включали и промышленную политику, и аграрную политику, и регулирование внешнеэкономической деятельности, и научно-техническую политику, и регулирование финансового сектора, и региональную политику, и политику в социально-трудовой сфере, и содействие развитию мелких и средних предприятий и т. д. Что же касается методов, которые применяли либерал-демократы для воздействия на экономическое развитие, то особенностью японской модели государственного регулирования было то, что наряду с широким использованием различных финансово-кредитных и налоговых инструментов здесь в гораздо большей степени, чем в других развитых странах, применялись такие методы, как регламентация деловой практики частных компаний, а также так называемое административное руководство, т. е. побуждение (и даже принуждение) с помощью административных мер частных хозяйствующих субъектов к определенным действиям (или, наоборот, — к отказу от них)⁷.

Если судить по результатам, то следует признать, что в целом экономическая политика либерал-демократов (по крайней мере до депрессии 1990-х годов) была весьма успешной. Япония не только быстро наращивала свою финансово-экономическую и научно-техническую мощь, но и довольно скоро стала одной из наиболее благополучных стран мира с точки зрения социально-политической стабильности. Однако это не означает, что на всех направлениях экономической политики либерал-демократам сопутствовал успех. Например, несмотря на принятие ряда масштабных программ в рамках региональной политики им так и не удалось решить проблему более равномерного распределения производства и населения по территории страны. Весьма неоднозначны и результаты аграрной политики либерал-демократов (см. главу шестую данной монографии). С другой стороны, научно-техническую политику, регулирование внешнеэкономической деятельности, промышленную политику, политику по поддержке мелкого и среднего предпринимательства, а также регулирование финансового сектора и политику в социально-

⁷ Подробно см.: Японский феномен, гл. 4; Япония: переворачивая страницу. М., 1998, раздел Е.Л. Леонтьевой; Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002, с. 173–197.

трудовой сфере можно отнести к тем направлениям, где успехи явно преобладали над просчетами⁸.

Среди различных направлений экономической политики либерал-демократов важнейшим, безусловно, являлась промышленная политика. Это объясняется не только тем, что промышленность была наиболее крупной сферой японской экономики, но и ее огромной ролью в поддержании нормального хода экономического развития и обеспечении жизнедеятельности населения. Так, за 1951–2004 гг. общее положительное сальдо платежного баланса Японии составило порядка 230 трлн. иен, при этом в торговле энергоносителями накопленный дефицит достиг 278 трлн. иен, в торговле сырьем — 113 трлн., продовольствием — 128 трлн. иен. В торговле же промышленной продукцией Япония имела колоссальный профицит — около 750 трлн. иен, что позволило не только покрыть дефицит по другим статьям, но и накопить средства для масштабного экспорта капитала и создания мощных золотовалютных резервов⁹.

Ввиду особой значимости промышленности для развития страны по сравнению с другими направлениями государственного регулирования промышленная политика отличалась наибольшей комплексностью и целенаправленностью. Здесь же в наиболее полном виде проявились и те особенности подхода либерал-демократов к регулированию рынка, о которых говорилось выше.

К тому моменту, когда либерал-демократы пришли к власти (т. е. к середине 1950-х годов), в японской экономике уже завершился этап послевоенного восстановления, в частности довоенный уровень промышленного производства был превышен почти вдвое. Однако восстановление разрушенных войной заводов и фабрик происходило в основном на старой технической базе, и между Японией и ведущими западными странами продолжал сохраняться значительный разрыв как с точки зрения технического уровня, так и с точки зрения отраслевой структуры промышленного производства. Поэтому главными задачами промышленной политики либерал-демократов на 15–20 лет стали ликвидация этого разрыва и превращение страны в передовую промышленную державу.

Как известно, этой цели Япония достигла уже к концу 1960-х годов. К этому времени она вышла на второе место в мире по объему промышленного производства, последовательно обойдя Францию, Вели-

⁸ О научно-технической политике и регулировании внешнеэкономической деятельности см. главы Ю. Д. Денисова и И. Л. Тимониной в данной монографии. Об остальных направлениях экономической политики см. соответствующие главы в книге «Экономика Японии: учебное пособие». М., 2008.

⁹ Japan Echo. 2005, № 8, p. 38.

кобританию и Германию. При этом не только многократно возросли объемы выпуска продукции, но и коренным образом изменилась ее номенклатура. Если еще в середине 1950-х годов японская ниша на мировых рынках была представлена в основном товарами относительно невысокого качества и незначительной степени сложности (среди которых преобладали изделия легкой промышленности), то к концу 1960-х годов Япония уже завоевала репутацию поставщика высококачественной, надежной и достаточно сложной продукции различных отраслей тяжелой промышленности (такой, как сталь, суда, автомобили, радиоприемники, оптические приборы, электрооборудование, швейные машины, фотоаппараты, телевизоры и т. д.).

Резко повысился и технический уровень производства. В конце 1960-х — начале 1970-х годов доля машин и оборудования в возрасте до трех лет составляла почти половину стоимости основных промышленных фондов, страна обладала самым молодым в мире станочным парком (средний возраст станков составлял пять–восемь лет), а в целом ряде ведущих отраслей (черной металлургии, нефтехимии, судостроении и т. д.) по мощности и производительности оборудования Япония превосходила не только европейские страны, но и США¹⁰.

Возникает вопрос: насколько велика была роль политики либерал-демократов в обеспечении этого феноменального рывка японской промышленности, не явился ли он всего лишь результатом естественного развития?

На наш взгляд, промышленная политика сыграла выдающуюся роль в превращении Японии за исторически короткий период в ведущую промышленную державу мира. Во-первых, благодаря мерам, предпринятым в рамках промышленной политики, в стране в целом была создана атмосфера, весьма благоприятная для развития предпринимательской деятельности. Во-вторых, именно благодаря ощущению поддержки со стороны правительства японские компании решились на осуществление крупномасштабных, амбициозных проектов, которые и вывели Японию на передовые позиции в мировом промышленном производстве.

Промышленная политика начинается с выдвижения определенных целей в качестве ориентира для развития частных компаний. Следует подчеркнуть, что огромной заслугой либерал-демократов было то, что наряду с текущими задачами и краткосрочными целями экономического развития они никогда не упускали из виду и долгосрочные перспективы и цели. При этом нельзя не поражаться тому, насколько реальны

¹⁰ См.: *Лебедева И. П.* Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX — начало XXI в.). М., 2007, с. 13

и обоснованны были цели, выдвигавшиеся в рамках промышленной политики на разных этапах развития страны.

Конечно, в некоторой степени задача определения этих целей облегчалась тем, что примерно до конца 1980-х годов Япония проходила стадию «догоняющего» развития, т. е. шла по пути, проложенному до нее ведущими индустриальными странами. И тем не менее отобрать из всего многообразия отраслей и производств, «предложенных» научно-техническим прогрессом, те, которые в наибольшей степени позволили бы Японии использовать свои конкурентные преимущества, было весьма непросто.

Для выработки ориентиров развития промышленности, а следовательно, и для определения объектов промышленной политики либерал-демократы использовали так называемую концепцию динамических сравнительных преимуществ. Общий смысл этой концепции состоит в том, что государство должно поддерживать не те отрасли и производства, которые в настоящий момент обладают сравнительными конкурентными преимуществами, а те, которые будут обладать ими в будущем. При этом в расчет принимались прежде всего следующие два критерия: эластичность спроса по доходам и темпы технического прогресса. Первый критерий учитывал возможность расширения спроса на продукцию той или иной отрасли по мере роста доходов населения (как в самой Японии, так и в зарубежных странах), второй — возможность превращения в будущем той или иной отрасли в высоко конкурентоспособную на основе внедрения достижений научно-технического прогресса.

Принимались в расчет и политические соображения: поддержка и содействие оказывались в первую очередь тем отраслям, которые могли обеспечить быстрое достижение страной экономической независимости и обретение статуса мировой промышленной державы.

Следует иметь в виду, что японская промышленность — это несколько сотен тысяч независимых частных компаний разных размеров и различных форм собственности, каждая из которых строит свой бизнес, сообразуясь прежде всего со своими собственными представлениями о выгоде и экономической целесообразности. Понятно, что направить усилия этой огромной массы предприятий в русло развития, определенное промышленной политикой, можно лишь в том случае, если, во-первых, цели этой политики представляются бизнесу разумными и целесообразными, и, во-вторых, если государство предпринимает меры, побуждающие бизнес развиваться в желаемом направлении.

Механизм, применявшийся либерал-демократами для реализации целей промышленной политики, поражает как своей комплексностью, так и тщательностью разработки. Его основу составляли разного рода

финансовые инструменты стимулирующего характера. В целом их можно разделить на два важнейших направления.

Во-первых, предоставление в приоритетном порядке предприятиям отраслей и производств, выделенных в качестве объектов промышленной политики, льготных кредитов по линии государственных финансовых институтов, а также создание механизма, обеспечивавшего приток в эти отрасли ресурсов частных банков¹¹.

Во-вторых, льготное налогообложение предприятий выделенных отраслей и производств с целью стимулировать их к расширению инвестиций в оборудование, наращиванию объемов производства и экспорта, а также содействовать укреплению их финансово-экономического положения. Среди инструментов этого блока следует отметить прежде всего такие, как снижение импортных пошлин и ставок налога на основной капитал в отношении машин и оборудования, необходимых для модернизации производственного аппарата; разрешение на создание на предприятиях новых видов резервных фондов; частичное освобождение от налогов доходов от экспорта; введение ускоренной амортизации для определенных видов производств и оборудования и т. д.

Хотя реализация промышленной политики регулировалась специальными законами, четко определявшими ее объекты, сроки и инструментов, на всех этапах либерал-демократы активно использовали и такой специфический инструмент, как административное руководство. Его можно определить как не предусмотренные законом действия ведомств или отдельных чиновников, направленные на то, чтобы побудить частные компании предпринять определенные шаги или, наоборот, воздержаться от них. Понятно, что широкое распространение подобной практики в Японии стало возможным благодаря особым отношениям между бизнесом и государством, сформировавшимся под влиянием как особенностей исторического развития страны, так и специфических социокультурных характеристик японской нации¹².

Так, в 1960-е годы Министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), являвшееся проводником промышленной политики, активно использовало административное руководство для сдерживания инвестиций компаний в основные фонды с целью недопущения перегрева конъюнктуры (в черной металлургии, производстве синтетических волокон, нефтепереработке, нефтехимии, целлюлозно-бумажной промышленности), для организации слияний компаний (крупнейшими

¹¹ Этот механизм получил название *мадогуги сидо* (букв. «руководство через окошко») и представлял собой широко распространенную практику предоставления Банком Японии кредитов частным банкам под обещание последних кредитовать в первую очередь предприятия выделенных отраслей.

¹² Подробно см.: Японский феномен, гл. 4, п. 1.

из них стали объединение в 1966 г. «Принс мотор» и «Ниссан мотор» и в 1970 г. — «Фудзи сэйтэцу» и «Явата сэйтэцу»), для урегулирования вопросов, связанных с «добровольными» экспортными ограничениями, которые вынуждены были принять на себя компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности, для прекращения «торговых войн» с западными партнерами Японии и т. д.

Еще более поразительным с точки зрения масштабов и механизма регулирования развития промышленности либерал-демократами был следующий этап — этап структурной перестройки, пришедшийся на вторую половину 1970-х — 1980-е годы.

На этом этапе задача определения основных направлений развития промышленности была сложнее, чем на предыдущем, поскольку Япония уже вышла на позиции передовой промышленной державы, и ей нужно было нащупывать собственный путь развития. С учетом достигнутых результатов и обозначившихся проблем (таких, как загрязнение окружающей среды промышленными отходами, неравномерное размещение производства по территории страны, дефицит рабочей силы и т. д.), а также на базе тщательного изучения достижений мирового НТП в начале 1970-х годов правительство предложило деловому сообществу и стране в целом грандиозную программу перестройки промышленного производства. На этот раз выбор отраслей и производств, которые должны были составить фундамент экономического роста в будущем, основывался на четырех критериях: эластичность доходов, темпы роста производительности труда, влияние на окружающую среду, условия труда. По результатам анализа конечных издержек производства в качестве приоритетных были отобраны следующие отрасли:

- наукоемкие производства (производство ЭВМ, самолетов, робототехники, тонких химических соединений и т. д.);
- отрасли сложной сборки (производство оборудования связи, офисного оборудования, станков с ЧПУ, автоматических линий и т. д.);
- отрасли модных товаров (производство высококачественной одежды, бытовой техники и электроники, аудио- и видеотехники и т. д.);
- индустрия информации (производство и предоставление информационных услуг).

Поскольку все эти отрасли отличались высокой наукоемкостью и требовали больших затрат высококвалифицированного труда, программа перестройки стала называться программой «интеллектуализации» производственной структуры. Причем с учетом масштабности задач и разного рода несовершенств рыночного механизма либерал-демократы предлагали осуществить структурную перестройку на принципах «плановой рыночной экономики», что означало значительное расширение масштабов государственного регулирования¹³.

¹³ См.: Лебедева И. П. Цит. соч., с. 171–172.

Обсуждение предложенной программы было в самом разгаре, когда грянул энергетический кризис (1973–1974 гг.), который не только ускориł ее реализацию, но и внес некоторые коррективы в ее первоначальные установки. Хотя в последующих вариантах программы курс на «интеллектуализацию» оставался неизменным, главной целью перестройки провозглашалось создание структуры производства с низкой энерго- и материалоемкостью.

На реализацию программы «интеллектуализации» производственной структуры ушло почти 15 лет, причем наряду с ускоренным развитием наукоемких высокотехнологичных производств основным ее направлением стало скрапирование (демонтаж с последующей переплавкой) мощностей в энерго- и материалоемких отраслях (получивших статус структурно-больных).

Масштабы скрапирования, осуществленного в эти годы в японской промышленности, не имеют аналогов в современной истории. В среднем «под нож» пошло от 20 до 40% мощностей структурно-больных отраслей, причем особую болезненность этой акции придавал тот факт, что во многих из них производственное оборудование отвечало высшим мировым стандартам.

Очевидно, что без участия государства осуществление столь масштабной и болезненной акции было бы просто невозможно. Всего было принято три программы скрапирования и, соответственно — три специальных закона (в 1978, 1983 и 1987 гг.), которые вводили особый режим регулирования в структурно-больных отраслях. При этом государство брало на себя чрезвычайно сложную роль — роль посредника между конкурирующими фирмами в урегулировании вопросов сокращения объемов производства и ликвидации мощностей.

В результате многочисленных консультаций между чиновниками МВТП и представителями частных компаний были определены как общепромышленные объемы скрапирования оборудования, так и доли, приходящиеся на отдельные фирмы. Для компаний, подпадавших под программу скрапирования, был предусмотрен специальный механизм частичной компенсации потерь (в том числе за счет прибыли фирм, продолжающих оперировать в соответствующей отрасли). В каждой отрасли была создана Ассоциация по структурной перестройке (со смешанным частно-государственным капиталом), которая занималась скупкой избыточного оборудования и предоставляла гарантии по кредитам частных банков предприятиям отрасли. Наконец, фирмам, осуществлявшим скрапирование, предоставлялись низкопроцентные государственные кредиты на цели рационализации производства или освоения новой сферы деятельности, ряд налоговых льгот и режим ускоренной амортизации оборудования.

Иными словами, для разработки и реализации программы скрапирования был задействован весь арсенал средств и методов государственного регулирования, включая и административное руководство.

Определенную поддержку государство продолжало оказывать и приоритетным отраслям и производствам — наукоемким и высокотехнологичным, главным образом путем поощрения инвестиций в НИОКР. В частности, предоставляя налоговые льготы, субсидии и активно используя административное руководство, МВТП способствовало организации крупнейшими фирмами совместных проектов в области передовых технологий.

Как и на предыдущем этапе, обозначенные либерал-демократами направления развития промышленности в целом были выдержаны, а заявленная ими цель — превращение промышленного производства в интеллектуалоемкое — была успешно реализована. К концу 1980-х годов облик японской промышленности коренным образом преобразился, и по таким характеристикам, как отраслевой состав, уровень материально-технической базы, энерго- и материалоемкость производства, уровень развития НИОКР, производительность труда, номенклатура и качественные характеристики выпускаемой продукции она вышла на самые передовые рубежи в мире.

Как отмечалось выше, промышленность была той сферой, где особенности подхода либерал-демократов к регулированию рынка проявились особенно ярко. И хотя в большинстве других отраслей и секторов масштабы регулирования были скромнее¹⁴, в целом сложившаяся в Японии экономическая система отличалась гораздо большим, чем в других развитых странах, вмешательством государства в рыночный механизм. В немалой степени благодаря именно этому экономическое развитие Японии отличалось большей устойчивостью и целенаправленностью.

Еще одной несомненной заслугой либерал-демократов было то, что им удалось создать систему, при которой плодами экономического развития страны смогли воспользоваться, по сути, все ее граждане, все слои населения. При этом речь идет не просто о значительном повышении уровня жизни народа, а о том, что с помощью различных инструментов экономической политики было обеспечено практически равномерное распределение результатов экономического роста среди различных слоев населения — весьма редкое для капиталистических стран явление.

Показателем, который позволяет достаточно достоверно судить о том, насколько велика дифференциация среди различных групп насе-

¹⁴ К весьма жестко регулируемым в тот период отраслям относились также финансовый сектор, нефтяная промышленность, энергетика и газовое хозяйство.

ления по уровню текущих доходов или по размерам активов, служит коэффициент Джини. Он показывает степень отклонения фактического распределения текущих доходов или активов среди различных слоев населения от теоретически абсолютно равного их распределения (чем он выше, тем выше и расслоение). О том, как обстояли дела в этой области в Японии, дают представление приводимые ниже данные о динамике этого коэффициента¹⁵:

Год	Текущий годовой доход	Земельная собственность	Финансовые активы
1965	0,300	...	0,600
1975	0,300	...	0,550
1980	0,273	0,599	0,520
1985	0,292	0,564	0,510
1990	0,305	0,631	0,509
1995	0,311	0,618	0,486
2000	0,313	0,560	0,484
2004	...	05,80	...

Как показывают приведенные цифры, при достаточно высоких показателях расслоения населения с точки зрения обладания финансовыми активами и особенно — землей (что естественно для капиталистической страны) Японию отличала весьма низкая степень расслоения по величине текущих доходов. При этом на фоне стабильности последнего показателя происходило некоторое снижение степени расслоения населения как в плане обладания финансовыми активами, так и землей. Иными словами, в Японии действительно имело место довольно равномерное распределение результатов экономического роста среди различных слоев населения, когда каждый мог получить свой «кусочек от общего пирога».

Такое положение стало результатом целенаправленной политики ЛДП, которая еще в первых программных документах провозгласила своей целью «построение государства всеобщего благосостояния». Для реализации этой цели был использован весьма широкий набор средств экономической политики — начиная с системы налогообложения и кончая разного рода регламентациями хозяйственной практики. Останемся лишь на некоторых из них.

Что касается налогообложения, то для перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения в Японии

¹⁵ Кокумин сэйкацу хакусё (Белая книга о жизни народа). Токио, 2006, с. 275; Токэй-дэ миру Нихон (Япония в цифрах). Токио, 2008, с. 63.

наряду с прогрессивной системой налогообложения доходов физических лиц применялись и весьма высокие ставки налога на наследство. Так, ставки налога на доходы физических лиц составляли 10% для лиц с наименьшими доходами и 37% для получателей наивысших доходов (с 2007 г. — 5 и 40% соответственно). При этом существовала и система разного рода скидок и вычетов из налогооблагаемой базы на иждивенцев, инвалидов и т. д.

Что касается налога на наследство (который дифференцирован в зависимости от вида и величины последнего), то получатели наиболее крупных состояний (их нижние границы определяются отдельно по каждому виду наследства) выплачивают государству до 50% от стоимости наследуемого имущества¹⁶. Иными словами, налоги на наследство в Японии столь высоки, что уже в третьем поколении наследники — в случае если они лишь «проедают» полученное наследство — по существу, лишаются средств к существованию. Очевидно, что столь высокие ставки не только служили средством перераспределения накопленного богатства, но и побуждали наследников к активной деятельности, а не к мотовству и «проеданию» нажитых предыдущими поколениями состояний.

Важную роль в обеспечении доступа к плодам экономического процветания широких слоев населения сыграла и поддержка развития отдельных отраслей и секторов. Наиболее яркий пример из этой области — поддержка отечественного сельского хозяйства. Поскольку аграрной политике либерал-демократов посвящена отдельная глава данной монографии, отметим лишь следующее. Благодаря системе гарантированных закупочных цен (которые долгое время устанавливались на уровне издержек наименее эффективных производителей), протекционистской политике, а также целому ряду других мер, содействовавших развитию отечественного производства, стало возможным не только сохранение сельского хозяйства как отдельной отрасли экономики, но и повышение доходов японского крестьянства, а в конечном итоге — сглатывание различий в уровне жизни между городским и сельским населением.

Особым направлением экономической политики либерал-демократов стала поддержка малого бизнеса. Понимая важную роль этого сектора предпринимательства в поддержании деловой активности и сохранении социально-политической стабильности в стране, а также учитывая тот очевидный факт, что с точки зрения доступа к финансовым ресурсам, обеспеченности квалифицированными кадрами, в плане возможностей научно-технического развития и т. д. малые фирмы сильно уступают крупным компаниям, либерал-демократы с первых же лет своего пребы-

¹⁶ Comprehensive Handbook of Japanese Taxes. Tokyo, 2006, p. 27, 135.

вания у власти начали оказывать малому бизнесу разностороннюю поддержку и продолжали заниматься этим и все последующие годы.

Эта поддержка охватывала, по существу, все наиболее важные стороны деятельности предприятий. Это и содействие рационализации производства и налаживанию нового бизнеса, и помощь в проведении экспортно-импортных операций и освоении зарубежных рынков, и организация обучения персонала, и содействие научно-техническому развитию и внедрению новой техники и технологии, и содействие укреплению финансовой базы предприятий, и помощь в предотвращении банкротств и т. д.

Что же касается инструментов, которые использовались для реализации целей государственной политики в отношении малого бизнеса, то наиболее важными среди них были следующие: льготное целевое кредитование по линии правительственных финансовых институтов, гарантирование и страхование государством кредитов, предоставляемых малым предприятиям частными банками, применение различных схем льготного налогообложения (льготное налогообложение доходов как некorporированных предприятий, так и корпораций, льготы в отношении формирования резервных фондов, специальные схемы амортизации), оказание предприятиям разного рода информационно-консультационных услуг и т. д.¹⁷

Не будет преувеличением сказать, что благодаря такой политике тысячи мелких и средних предприятий, которые в условиях жесткой рыночной конкуренции, скорее всего, прекратили бы свое существование, смогли остаться на плаву, провести рационализацию своего бизнеса или освоить новую сферу деятельности, а следовательно — и получить свою долю от плодов экономического развития страны.

На ограничение стихии рынка, защиту слабых от разрушительных сил рыночной конкуренции была направлена и существенная часть системы административно-правовых регламентаций — одной из форм государственного регулирования, применявшейся в Японии в значительно больших масштабах, чем где-либо на Западе.

Приведем несколько примеров из этой области. Так, до 1998 г., т. е. до проведения реформы финансовой системы «Большой взрыв», осуществлялось регулирование размеров комиссионных, взимаемых с клиентов, при операциях с ценными бумагами. Оно было направлено на недопущение их снижения (что было бы неизбежно при свободной конкуренции) и диктовалось интересами сохранения жизнеспособности мелких и средних брокерских фирм (в доходах которых доля комиссионных достигала 50–60%)¹⁸. В оптовой торговле строго регла-

ментировались правила работы городских оптовых продовольственных рынков, включая условия сделок и размеры комиссионных, а в розничной торговле с целью защиты владельцев мелких и средних магазинов в соответствии с Законом о крупных универмагах и супермаркетах на пути тех, кто намеревался открыть крупный магазин, были возведены столь сложные преграды (в виде необходимости получения разного рода разрешений, согласований и т. д.), что немногие могли пройти этот путь до конца¹⁹. Интересная практика существовала и в ресторанном бизнесе. Путем ограничения часов работы крупных ресторанов в вечернее время (например, до 22 или 23-х часов) клиентов, желающих продолжить свой отдых, «перенаправляли» в другие заведения общественного питания (кафе, бары, караокэ-клубы и т. д.), с тем чтобы и их владельцы могли воспользоваться результатами повышения уровня жизни населения (одним из проявлений которого является, как известно, рост расходов на проведение досуга вне дома).

Конечно, нельзя не отметить, что регламентация хозяйственной жизни, поддержка и защита определенных отраслей и секторов, ограничивая конкуренцию и позволяя оставаться на плаву слабым, приводили к снижению экономической эффективности, росту издержек производства и цен. Но, во-первых, несмотря на значительные масштабы такой практики, в целом она не подавляла стимулов к предпринимательству в стране (наглядным подтверждением этого являлось само развитие японской экономики), а во-вторых, ее социальные цели, о которых мы говорили выше, были близки и понятны абсолютному большинству японского общества, которому приписывали ответственность за успехи страны. В 1980-е годы сформировавшаяся при либерал-демократах экономическая система функционировала весьма эффективно, обеспечивая достаточно быстрое возрастание финансово-экономической и научно-технической мощи Японии и позволяя стране последовательно решать встававшие перед ней задачи. Но чем сильнее становилась Япония, тем жестче звучала критика в адрес японской экономической системы со стороны западных стран, требовавших приведения ее в соответствие с базовыми принципами рыночной экономики. Со вступлением в 1990-е годы к этому внешнему давлению добавились и внутренние факторы, а именно глубокая и затяжная депрессия, показавшая, что развитие Японии в рамках прежней экономической системы подошло к своему пределу и что последняя нуждается в существенном реформировании.

Хотя либерал-демократов неоднократно обвиняли то в неспособности реализовать необходимые реформы, то в запаздывании с их проведением,

¹⁷ Подробно см.: Лебедева И. П. Цит. соч., гл.3, п. 3.

¹⁸ Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998, с.53–54.

¹⁹ Япония: переворачивая страницу, с. 74–75.

если непредвзято посмотреть на предпринятые ими в 1990–2000-е годы шаги, то окажется, что сделано было немало и что к моменту, когда власть перешла к Демократической партии Японии, экономическая система страны сильно преобразилась, стала гораздо более рыночной и открытой, чем прежде.

В сфере государственного регулирования наиболее важными с точки зрения перестройки экономической системы стали следующие направления: реформа финансовой системы; сокращение масштабов регламентации хозяйственной жизни и практики неформального регулирования; реформа общественного предпринимательства; пересмотр законодательства, регулирующего деятельность корпораций; перестройка госаппарата и системы государственного управления.

Реформа финансовой системы 1998 г., получившая название «Большой взрыв», носила поистине революционный характер, поскольку на протяжении всего послевоенного периода финансовый сектор был одной из наиболее жестко регулируемых и строго контролируемых сфер японской экономики. По замыслу ее разработчиков, снятие разного рода ограничений и запретов, существовавших в этой сфере, должно было способствовать не только преодолению тяжелого кризиса, в который была ввергнута банковская система страны после краха экономики «мыльного пузыря», но и укреплению позиций Токио как мирового финансового центра. В рамках «Большого взрыва» были осуществлены следующие меры:

1. Снятие ограничений на сферы деятельности финансовых институтов (банков, страховых компаний, брокерских фирм) и предоставление им права заниматься всеми видами финансовых операций, разрешение создавать многопрофильные финансовые холдинги;

2. Либерализация рынка акций и прочих ценных бумаг, введение регистрационного принципа доступа на рынок (вместо прежнего разрешительного), снятие ограничений на размеры комиссионных, разрешение предоставлять новые виды услуг (торговля вне фондовых бирж и через электронные системы);

3. Снятие «перегородок» между компаниями страхования жизни и компаниями страхования имущества и либерализация ставок страхования;

4. Либерализация операций с иностранной валютой как для юридических, так и для физических лиц: отмена системы лицензирования и предварительных заявок, разрешение обращения иностранной валюты внутри страны, предоставление японским резидентам права неограниченного перевода средств за границу и использования их для любого рода операций.

Хотя реформа «Большой взрыв» и не привела к оздоровлению банковского сектора в плане решения проблемы «плохих долгов» (на это

ушло еще несколько лет и потребовался целый комплекс дополнительных мер), в целом ситуация в финансовой системе страны заметно изменилась, о чем, в частности, свидетельствовало быстрое нарастание притока иностранного капитала в эту сферу²⁰.

Значительным было и влияние второго направления реформ — сокращения масштабов регламентации хозяйственной жизни и практики неформального регулирования. Общее число разного рода регламентаций и ограничений, введенных в действие на основе законов, подзаконных актов, постановлений правительства или отдельных министерств продолжало возрастать вплоть до 1993 г., достигнув 11402. Однако чем более зрелым становилось японское предпринимательство, тем сильнее оно стремилось избавиться от мелочной опеки государства. Под нажимом, с одной стороны, делового сообщества страны, а с другой — западных партнеров Японии (рассматривавших высокую степень регламентации хозяйственной жизни как один из неформальных барьеров, ограничивавших доступ иностранных товаров и капиталов на ее внутренний рынок), в середине 1990-х годов началась работа по смягчению регламентаций. Так, в феврале 1994 г. в соответствии с постановлением правительства было отменено более 780 правил и регламентаций общего характера, а в июле того же года — около 280 регламентаций, касающихся сферы связи и информации, системы обращения, финансовых операций. В марте 1995 г. была принята пятилетняя программа, предусматривавшая упразднение около 1100 регламентаций, а спустя два года, в 1997 г., число последних было доведено до 2800. Следующим шагом стало принятие в 2001 г. трехлетнего «Плана реформы регулирования», в результате выполнения которого общее число отмененных регламентаций превысило 5 тыс. Итогом этой огромной работы стало то, что к середине первого десятилетия 2000-х годов по уровню регламентации хозяйственной практики Япония вплотную приблизилась к западноевропейским странам, хотя все еще уступала США и Великобритании²¹.

Что касается практики неформального регулирования, то здесь поворотным моментом стало принятие в 1994 г. Закона об административной процедуре, который впервые за весь послевоенный период подвел законодательную базу под столь мощный метод регулирования, каким являлось административное руководство. В частности, в нем указывалось: административное руководство не должно выходить за рамки сферы деятельности и круга полномочий того или иного ведомства, установленных законом; не допускается какое-либо ущемление интересов частных компаний в случае их неподчинения требованиям бюрократии;

²⁰ См.: Японский калейдоскоп. М., 2006, раздел Е. Л. Леонтьевой.

²¹ Кисэй канва хакусё (Белая книга по смягчению регламентаций). Токио, 2000, с. 127; Экономика Японии: учебное пособие, с. 196–198.

административные указания должны быть представлены в письменном виде; содержание административного руководства должно быть открытым и доступным для ознакомления с ним всех желающих и т. д.²²

Следующим направлением реформ — реформированием системы общественного предпринимательства — либерал-демократы начали заниматься еще в 1980-е годы в рамках административно-финансовой реформы, предусматривавшей изменение системы управления государственной собственностью и приватизацию некоторых предприятий общественного сектора. В эти годы были начаты реформирование и приватизация трех крупнейших государственных корпораций — «Кокутэцу» (железные дороги), «Дэндэн кося» (телефонно-телеграфная связь) и «Сэмбай» (табачно-соляная монополия).

Депрессия 1990-х годов несколько затормозила этот процесс, и перестройка системы общественного предпринимательства до начала 2000-х годов осуществлялась в основном в форме слияний некоторых общественных предприятий и рационализации их деятельности. Однако с приходом к власти в 2001 г. правительства Д. Коидзуми реформы в этой сфере обрели «второе дыхание». В том же, 2001 г. был принят «План упорядочения и рационализации особых и санкционированных юридических лиц», исходивший из необходимости освобождения государства от всех тех функций и видов деятельности, которыми может успешно заниматься и частный сектор. Всего «Планом» предусматривалась реорганизация 163 особых юридических лиц, в том числе 17 подлежали ликвидации, 45 — приватизации, 36 — преобразованию в самостоятельные административно-юридические лица (статус, дающий большую степень самостоятельности), 50 — преобразованию в обычные юридические лица²³.

До своего ухода либерал-демократы успели весьма заметно продвинуть реформу общественного предпринимательства. Так, в 2001 г. началась реорганизация с последующей приватизацией государственной энергетической компании «Дэнгэн кайхацу», а в 2005 г. — приватизация четырех государственных дорожных корпораций, занимавшихся строительством и содержанием скоростных автомобильных дорог. Наконец, в 2007 г. стартовал рассчитанный на 10 лет процесс приватизации последнего из наиболее крупных «бастионов» государства — почтово-сберегательной службы. А на повестку дня встали вопросы рационализации и приватизации государственных финансовых учреждений, а также государственных университетов.

Огромная работа была проделана и на таком направлении, как пересмотр законодательства, регулирующего деятельность корпоративного

сектора. Его целями были активизация предпринимательской деятельности японских компаний, повышение привлекательности японской бизнес-среды для иностранных инвесторов, приведение законодательства страны в соответствие с правовыми нормами других развитых государств. Назовем лишь некоторые из мер, предпринятых в этой области.

В 1997 г. была отменена статья 9 Антимонопольного закона, запрещавшая создание финансовых холдингов как формы организации крупной корпорации, а в 1998 г. вступил в силу закон, разрешивший их создание как в банковской сфере, так и в прочих секторах экономики. В том же, 1998 г. был существенно ослаблен контроль Комиссии по справедливому и честным сделкам за слияниями и поглощениями компаний, а в 1999 г. вступили в силу поправки в Антимонопольный закон, облегчившие процедуру слияний и поглощений. В 2000–2002 гг. в Коммерческий кодекс были внесены изменения, упростившие процедуру банкротства компаний, облегчившие выпуск новых акций и их дробление, а также санкционировавшие выпуск новых видов конвертируемых корпоративных облигаций и т. д. Наконец, в 2006 г. был принят новый Закон о компаниях, существенно упростивший и удешевивший процедуру создания и реорганизации акционерных компаний. Он, в частности, разрешает создание предприятий с капиталом в 1 иену (вместо обязательных прежде 10 млн. иен), снимает требование об обязательном депонировании уставного капитала в банке, а также допускает назначение одного директора (вместо полагавшихся прежде трех). Крайне важное значение имел также перевод с 2006 г. всех японских компаний, котирующих свои акции на бирже, на ежеквартальную консолидированную финансовую отчетность, идентичную международной системе бухгалтерского учета и отчетности²⁴.

Результаты всех этих мер не заставили себя долго ждать. С конца 1990-х годов в стране началась волна слияний и поглощений, крупные компании стали переходить к форме финансового холдинга (наиболее удобной при глобализации производства), усилился приток иностранного капитала, получили новый импульс к развитию венчурные фирмы и высокотехнологичные малые предприятия и т. д.

Наконец, реформы коснулись и такой «заповедной» зоны, как система государственного управления. Их лозунгом было создание «маленького, но эффективного правительства». Реорганизация проводилась с 2000 по 2003 г.: общее число центральных государственных ведомств было сокращено с 22 до 12, число входящих в них департаментов — со 126 до 86, а отделов и секторов — с 1200 до 900. Одновременно началось и сокращение численности работников центрального аппарата — к

²² Стрельцов Д. В. Цит. соч., с. 185–197.

²³ Экономика Японии (учебное пособие), с. 214–215.

²⁴ Экономика Японии: учебное пособие, с. 73–75; Япония: снова на марше? М., 2001, с. 98–110.

2010 г. она должна была уменьшиться на 10%. Но главной целью реорганизации было повышение качества работы государственного аппарата — за счет ликвидации малоэффективных подразделений, сведения к минимуму дублирования, повышения уровня межведомственной координации и т. д.²⁵. Конечно, трудно сказать, насколько эта цель была достигнута, но количественные и качественные ориентиры реформы государственного аппарата не могут не впечатлять.

В заключение хотелось бы коснуться еще одной темы — политики либерал-демократов по преодолению мирового финансово-экономического кризиса.

Прежде всего следует подчеркнуть: в том, что стадию собственно финансового кризиса Япония пережила гораздо легче, чем другие развитые страны, — немалая заслуга либерал-демократов. После проведения реформы «Большой взрыв» (1998 г.) правительство взялось за работу по оздоровлению банковской системы, целью которой была очистка балансов банков от «плохих долгов». Это была масштабная, системная работа, потребовавшая принятия целого ряда законов и применения специальных мер (вплоть до ликвидации банков или передачи их под временное государственное управление), но ее итогом стала радикальная реорганизация банковской системы и избавление банков от «плохих долгов»²⁶.

Что касается борьбы с кризисом, то первая программа антикризисных мер была принята еще правительством Фукуда Ясуо в августе 2008 г. Однако основная тяжесть борьбы с кризисом легла на плечи следующего кабинета, во главе с Асо Таро, пришедшего к власти в сентябре 2008 г, т. е. накануне вступления страны в самый тяжелый этап рецессии (последний квартал 2008 г. — первый квартал 2009 г.)²⁷.

Как известно, критика экономической политики либерал-демократов была положена в основу избирательной кампании Ю. Хатояма и его партии, победивших на выборах в августе 2009 г. Но на наш взгляд, правительство Т. Асо действовало весьма грамотно и эффективно, и, хотя главную роль в начавшемся со второго квартала 2009 г. оживлении сыграл внешний фактор (расширение экспорта в результате улучшения положения дел в мировой экономике), очевидно, что без тех мер, которые предпринимало правительство, японская экономика оказалась бы в гораздо более сложном положении, да и само оживление вряд ли наступило бы так быстро.

В пользу либерал-демократов говорит и тот факт, что многие из мер, которые они применяли в борьбе с кризисом, были взяты на вооружение

и правительством Ю. Хатояма (система «эко-баллов», предоставляемых при покупке энергоэкономичной техники, льготы и субсидии покупателям автомобилей, «дружественных» окружающей среде, гарантирование государством кредитов частных банков малому бизнесу и т. д.).

Конечно, борьба с кризисом потребовала немалых денег: общая стоимость пакета антикризисных мер составила порядка 750 млрд. долл., и это привело к еще большему расстройству государственных финансов. Помимо огромных размеров государственного долга (достигшего в 2009 г. суммы, эквивалентной более 190% ВВП) демократы «наследовали» и такие сложные проблемы, как неразвитость государственной системы социального обеспечения, хронический дефицит государственной пенсионной системы, нерешенность вопросов о налоговой реформе, реформе системы медицинского обслуживания и ряд других.

Однако очевидно и другое: экономика Японии не только одна из самых мощных в мире, но и отличается высоким качеством. По многим составляющим экономического потенциала, таким как уровень материально-технической базы промышленности, транспорта и связи, уровень научно-технического развития, степень инновационности, уровень энерго- и материалоемкости производства, качество и номенклатура производимых товаров и услуг, уровень и качество жизни населения и т. д. Япония занимает самые передовые позиции в мире. И в том, что она стала такой, немалую роль сыграла и экономическая политика либерал-демократов.

²⁵ Подробно см.: Стрельцов Д. В. Цит. соч., гл. 3.

²⁶ Подробно см.: Леонтьева Е. Л. Дефляционный кризис в Японии. М., ИМЭМО РАН, 2007.

²⁷ Подробно см. главу автора в колл. монографии «Мировой кризис и Япония» (М., 2009).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТОВ

За последние полвека Япония превратилась в одну из глобальных экономических держав, пройдя длительный и сложный путь преодоления послевоенной изоляции и построения новых взаимоотношений с внешним миром.

Весьма значительную, если не ведущую, роль в этом процессе, наряду с крупнейшими корпорациями играло государство. Как известно, его влияние на характер и динамику экономического роста Японии, особенно в период «догоняющего развития» — начиная с Реставрации Мэйдзи (1868 г.) и вплоть до 70-х годов XX века, — было традиционно велико. И политическая воля и решения правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), находившейся у власти с 1955 по 2009 г.¹, имели огромное значение для определения целей и приоритетов общеэкономической стратегии страны и выбора путей ее реализации.

В послевоенный период сформировался во многом новый, отличный от довоенного облик мировой экономики. Отчетливо обозначились новые мегатренды развития: рост экономической взаимозависимости стран, приведший к формированию глобальной экономики, постиндустриализация, превращение научно-технического прогресса (НТП) в ведущую силу экономического роста и формирования условий международной конкуренции. Произошел распад колониальной системы и обозначился новый характер отношений между Севером и Югом. На экономической карте мира появилась большая группа развивающихся стран, часть из которых впоследствии составила конкуренцию развитым странам на многих товарных рынках. Важнейшим для Японии новым фактором стали изменения на мировом рынке сырья и энергоносителей после «нефтяных шоков» 1973 и 1979 гг.

Таким образом, в исключительно сложных и динамично меняющихся условиях послевоенного мира Япония выстраивала новый вектор своих взаимоотношений с этим миром, отношений, опирающихся не на военную силу, а на экономическую конкурентоспособность.

Выбирая дальнейший путь развития экономики (да и всей страны!) после Второй мировой войны, Япония оказалась перед альтернативой: оставаться ли в относительной изоляции или становиться полноправным членом мирового (в том числе экономического) сообщества. Нам представляется, что такой альтернативы не было. Даже в периоды относительной закрытости (от Реставрации Мэйдзи и до окончания оккупационного периода после Второй мировой войны) экономический комплекс Японии не мог развиваться без связей — причем разнообразных — с внешним миром. Причины такого положения известны: это отсутствие топливно-энергетических ресурсов, изначальная (с начала построения рыночной экономики в последней трети XIX века) зависимость от зарубежных рынков сбыта, потребность в передовых производственных технологиях.

Поэтому при определении путей развития в начале 50-х годов XX века вопрос заключался не в том, взаимодействовать ли с внешним миром или сохранять относительную «независимость» от него, а в том, как взаимодействовать. Концепция опоры на военную силу перестала быть актуальной в новых исторических и экономических условиях.

Задача построения взаимоотношений с мировым сообществом и поиски своего места в меняющемся экономическом пространстве осложнялись сохранением многих традиционных стереотипов восприятия внешнего мира как в японском обществе в целом, так и у представителей политической элиты в частности. По мнению авторитетного российского специалиста в области внешней политики Японии М. Г. Носова, «ощущение собственной уникальности в сегодняшней Японии пока еще во многом тождественно изоляционизму». С другой стороны, тенденции к глобализации способствуют все большей интернационализации страны. Противоречие между этими двумя тенденциями во многом и определяет формирование внешнеполитического курса Японии².

В этих условиях под влиянием многих, в том числе традиционных, факторов вырабатывалась, развивалась, трансформировалась экономическая стратегия страны, в которой, как представляется, внутренние и внешние аспекты и факторы развития находились в неразрывном динамическом единстве.

В данной главе мы намерены исследовать вопрос о том, какое место экономические взаимоотношения с внешним миром занимали в обще-

¹ За исключением короткого периода в 1993–1994 гг., когда она на 9 месяцев уступила власть коалиционному правительству.

² Носов М. Г. Полвека японской внешней политики // Япония: полвека обновления. М., 1995, с. 488.

экономической стратегии Японии и как менялось позиционирование страны в мировом экономическом пространстве в период правления ЛДП — один из наиболее динамичных и судьбоносных периодов в экономической истории современной Японии.

Сразу же оговоримся, что речь пойдет не о внешнеэкономической политике страны как таковой. Наш угол зрения — это именно «международное измерение» экономической стратегии страны, или интерпретация и оценка международных аспектов этой стратегии в разные периоды времени³.

Период форсированных темпов экономического роста (1955–1973): от изоляции к открытости

«Возвращение» Японии на внешние рынки в качестве экспортера и импортера началось еще в оккупационный период, а впоследствии росту внешней торговли страны в немалой степени способствовали американские военные заказы во время войны в Корее и возобновление торговых отношений со странами Юго-Восточной Азии.

Японские компании-экспортеры традиционно пользовались активной поддержкой государства, которое применяло такие инструменты стимулирования, как экспортные премии и субсидии экспортерам. Отметим, что уже в тот период Япония начала использовать в качестве внешнеполитических и внешнеэкономических инструментов продвижения японских экспортеров на рынки менее развитых стран (прежде всего государств Юго-Восточной Азии) товарные кредиты и техническую помощь.

В результате уже с первой половины 1950-х годов японский экспорт и импорт начали расти: сначала плавно, а в 1960-е годы — ускоряющимися темпами (см. Прил., диагр. 1 и табл. 1). В 1951 г. Япония осуществляет первые после войны зарубежные инвестиции. В 1951–1956 гг. их общая сумма (приобретение долей в компаниях принимающих стран и займы) выросла в годовом исчислении в 8,9 раза, хотя абсолютные объемы были, конечно, невелики (14,2 млн. долл. в 1956 г.)⁴. Уже в начале 1950-х годов Япония начинает активно закупать технологии, необходимые для восстановления и технической реконструкции промышленности (см. Прил., диагр. 2 и табл. 2).

В качестве основополагающей концепции промышленной политики в начале 1950-х годов была выбрана так называемая «динамическая

³ Учитывая высокую степень проработанности вопроса российскими японоведами применительно к периоду 1950–1980-х годов, основное внимание будет уделено 1990-м и первому десятилетию 2000-х годов.

⁴ Кэйдзай хёрон. 1958, № 2, с. 104 (цит. по: Лукьянова М. И. Некоторые особенности экономического развития Японии после второй мировой войны // Проблемы современной Японии. М., 1958, с. 20).

концепция участия в международном разделении труда», «динамизм» которой состоял, во-первых, в том, что она исходила не из имеющихся, а из потенциальных преимуществ⁵, а во-вторых, в том, что стратегия индустриализации, известная впоследствии как стратегия импортозамещения, фактически сразу же дополнялась экспорториентированной стратегией (отметим попутно, что такой комбинированный тип индустриализации на стадии «догоняющего развития» прошли впоследствии, уже в других исторических условиях, наиболее успешные развивающиеся страны, например Республика Корея).

Во второй половине 1950-х годов, после прихода к власти в Японии либерал-демократов, курс на формирование экономической модели, ориентирующейся на внешний рынок, приобретает четкие очертания. Правительство страны целенаправленно формирует систему поддержки экспортеров, включающую целый арсенал эффективных стимулирующих механизмов. Внешнеполитическая активность Японии в тот период была направлена в первую очередь на создание благоприятных условий для продвижения японских компаний-экспортеров на зарубежные рынки при сохранении высокого уровня защищенности собственного рынка.

Правительство Японии сохраняло высокий уровень тарифной защиты и ориентировалось преимущественно на внутренние источники накопления, фактически закрывая внутренний рынок для прямых иностранных инвестиций (приветствовались лишь те сделки, которые предполагали вклад иностранной компании в Японию в виде технологий и ноу-хау). По образному выражению видного российского японоведа Е. Л. Леонтьевой, вместо «импорта» конкурентов Япония выбрала путь поддержания конкурентной среды и конкурентоспособных предприятий на своем внутреннем рынке, что было главным условием формирования ее экспортного потенциала⁶.

При этом следует отметить, что в 1950–1960-е годы политическому руководству страны приходилось маневрировать между интересами защиты внутреннего рынка и сохранения нормальных отношений с внешнеэкономическими партнерами и политическими союзниками, прежде всего США, которые с конца 1950-х годов настоятельно требовали либерализации японского рынка.

По мнению российского исследователя А. М. Шаркова, к концу 1950-х годов японским политикам стало ясно, что без определенных уступок США и другим странам Запада Япония не может рассчитывать на укрепление своих позиций на мировом рынке. В то же время в Японии принимали во внимание факт заинтересованности США в Японии как военно-политическом союзнике, что давало японскому руководству

⁵ Леонтьева Е. Л. Японский послевоенный опыт и российские экономические реформы // Япония: полвека обновления. М., 1995, с. 173.

⁶ Леонтьева Е. Л. Цит. соч., с. 173.

возможность «гибкого» подхода к вопросу о либерализации, имея в виду пролонгацию этого процесса⁷. А это, в свою очередь, позволяло японским компаниям (конечно, при сохраняющейся поддержке со стороны государства) провести обновление производственного аппарата и повысить конкурентоспособность своей продукции на зарубежных рынках.

Проблема выработки эффективной внешнеэкономической политики для Токио осложнялась еще и тем, что в самой Японии не было единства как по вопросу необходимости либерализации как таковой, так по вопросу о ее сроках и методах.

Правительственный курс, как представляется, в наибольшей степени отражал интересы крупного бизнеса, которые были сформулированы, в частности, в заявлении тогдашнего вице-президента Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Т.Хорикоси: «Либерализация — мировая тенденция. Нам придется открыть двери иностранному капиталу, но мы и сами должны выйти за рубеж... Промышленники хотят осуществлять либерализацию только тогда, когда к ней полностью подготовятся. А привести в порядок свой дом можно скорее, если будет быстро осуществлена либерализация»⁸.

Так или иначе, в начале 1960-х годов был провозглашен курс на либерализацию и «открытую» экономику, определилась и стратегическая линия — постепенная либерализация⁹, в максимальной степени отвечающая национальным экономическим интересам, которые состояли в последовательном повышении конкурентоспособности основных отраслей японской промышленности на мировом рынке на базе постоянного обновления. При этом важно отметить, что и внутри страны, и вовне либерализация подавалась как вынужденная и одновременно необходимая уступка партнерам США и странам Западной Европы.

Естественным продолжением политики открытости и либерализации стала стратегия интернационализации японской экономики.

Понятие «интернационализация» (кокусайка) прочно вошло в лексикон японских политиков, журналистов, экспертов в конце 1960-х годов. Следует отметить, что появилось оно в Японии еще в 20-е годы XX века. Его изредка использовали в японской печати и в 1950-е годы, чаще всего для обозначения процесса международной эскалации военных конфликтов или иных случаев применения силы одной страны против другой¹⁰.

⁷ Шарков А.М. Япония и США: анализ современных экономических отношений, М., 1971, с.156.

⁸ Asia Scene. 1968, № 12, p. 38 (цит. по: Шарков А.М. Цит. соч., с. 157–158).

⁹ Об основных этапах либерализации см.: Шарков А.М. Цит. соч.; Япония в системе мировых хозяйственных связей. М., 1977.

¹⁰ Эволюция понятия кокусайка исследована К.Оливером (Университет София). См.: Oliver C. Kokusaika, Revisited: Reinventing “Internationalization” in Late 1960s Japan // Sofia Junior College Faculty Journal. 2009, vol. 29, p. 47–54 (www.jrc.sophia.ac.jp/courses/pdf/ver29.pdf).

И лишь в конце 1960-х годов это слово приобретает позитивный смысл и начинает применяться для обозначения процессов, происходящих в самой Японии и с самой Японией. Желая создать привлекательный имидж процессов либерализации торговли и движения капиталов, Управление экономического планирования (УЭП) сделало «интернационализацию» ключевым пунктом «Плана социально-экономического развития страны», обнародованного в 1967 г. УЭП как «надминистерский» орган выражало официальную точку зрения на происходящие процессы, что придавало термину и самой политике интернационализации дополнительную значимость. В 1969 г. был сформирован Комитет содействия интернационализации экономики Японии, куда вошли влиятельные представители японского бизнеса¹¹.

Однако единства по данному вопросу в обществе и правительственных кругах по-прежнему не было. Например, Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства отрицательно относилось к интернационализации, которая, по сути, означала либерализацию рынка, в том числе и сельскохозяйственной продукции. Осторожным было отношение к ней и со стороны мелкого и среднего бизнеса.

Но политическая воля была проявлена, и процесс интернационализации японской экономики стал необратимым, тем более что он был, конечно, объективно обусловлен как с точки зрения меняющихся условий мирового рынка, так и с точки зрения готовности японской экономики принять эти перемены. В докладе УЭП 1969 г. говорилось, что интернационализация не должна быть пассивной, она должна активно использоваться в целях создания условий для экономического процветания страны в длительной перспективе. Тогда же Министерство внешней торговли и промышленности (МВТП) заявило, что японские компании должны не просто экспортировать товары, а расширять свою производственную деятельность за рубежом¹².

Структурная перестройка экономики и интернационализация (1970–1980-е годы)

В 1970-е годы идея интернационализации пронизывает всю внутреннюю и внешнюю политику Японии, меняются и стратегии компаний. Призыв ведущего экономического министерства Японии — МВТП — развивать производство за рубежом означал, как представляется, начало нового этапа внешнеэкономической стратегии страны.

Интернационализация приобретает качественно новые черты: японская экономика не просто открывается миру, японские компании начи-

¹¹ Власов В.А. Роль прямых иностранных капиталовложений в экономике современной Японии // Экономика современной Японии. М., 1974, с. 269.

¹² Асахи симбун. 10.08.1969 (цит. по: Oliver C. Kokusaika... p. 52).

нают «идти вовне». При этом следует отметить, что если рассматривать интернационализацию как дорогу с двусторонним движением, имея в виду «открытие» своей страны и экспансию национальных компаний на зарубежные рынки, то для Японии движение по двум встречным полосам было явно неравномерным: процесс транснационализации японских компаний шел интенсивнее, нежели либерализация внутреннего рынка.

Транснационализация японских компаний, поддерживаемых государством, была реакцией на серьезные изменения в международном экономическом ландшафте. И адекватный ответ японских компаний на новые вызовы стал возможен благодаря тому, что они сумели в достаточной степени укрепить в предшествующий период (протекционизма, сохранения твердого валютного паритета — с 1949 по 1971 г. — и постепенной либерализации), накопить достаточные финансовые ресурсы, создать конкурентоспособные производства.

Важно также подчеркнуть, что если примерно до середины 1970-х годов интернационализация была, скорее, синонимом либерализации, то начиная со второй половины десятилетия она становится «естественным» процессом, движением снизу, отражающим цели и стремления самих компаний, что, впрочем, не означало снижения роли государства в данном процессе. Интернационализация японской экономики и транснационализация бизнеса, а впоследствии экономическая глобализация в Японии имеют свои особенности, одна из которых состоит в том, что для японских компаний утрата связи со страной происхождения гораздо менее характерна, чем для европейских и американских фирм. Иными словами, японские корпорации пока не превращаются в компании «без родины», и во многом это объясняется гибкой политикой государства, в том числе и в сложный период 1970–1980-х годов.

Характер этого этапа интернационализации был самым тесным образом связан со структурной перестройкой японской экономики после «нефтяного шока» 1973 г. Утрата японской промышленностью ряда конкурентных преимуществ в результате повышения цены труда, роста издержек производства (из-за необходимости решать обострившиеся экологические проблемы), повышения стоимости земли и, конечно, резкого удорожания топливных и сырьевых ресурсов на мировом рынке предопределила необходимость структурной перестройки экономики в направлении освоения высокотехнологичных и наукоемких производств и видов продукции.

В этих условиях происходили и определенные изменения внешне-экономического курса страны¹³. Во-первых, была сделана попытка час-

¹³ Данная проблема была детально и доказательно проанализирована в работе Н. Ю. Шевченко и Ю. М. Черевко «Внешние связи и новая модель экономического роста» (в книге «Япония:

тичной переориентации экономики с внешнего спроса на внутренний. Эта линия нашла отражение в «докладе Маэкава» 1986 г. и была ответом на рост курса иены в середине 1980-х годов и реакцией на недовольство торговых партнеров Японии, прежде всего США, достигшим колоссальных размеров дефицитом в двусторонней торговле. Премьер-министр Я. Накасонэ представил этот доклад в США, обозначив новую стратегию роста как «исторический поворот», с чем согласилась и администрация Р. Рейгана. Однако семь лет спустя положительное сальдо торговли Японии после кратковременного сокращения почти удвоилось, а доля потребления в ВВП даже несколько сократилась¹⁴. Последующие события показали, что переориентации на внутренний спрос не произошло, о чем свидетельствуют и данные о динамике внешней торговли Японии (см. Прил., диагр. 3 и табл. 3)¹⁵. Важно отметить при этом, что курс на усиление фактора внутреннего спроса в росте ВВП страны, хотя и диктовался во многом конъюнктурными и политическими соображениями, одновременно отвечал и интересам долгосрочного роста, так как в случае успеха мог бы прямо и/или косвенно способствовать снижению рисков, связанных с высокой степенью зависимости от ситуации на внешнем рынке.

Во-вторых, структурная перестройка экономики и выведение за пределы страны предприятий тех отраслей, которые утрачивали свою конкурентоспособность в новых условиях 1980-х годов (в том числе из-за «высокой» иены), привели к опережающему росту объема прямых зарубежных инвестиций, а также числа филиалов японских компаний, в первую очередь обрабатывающей промышленности (см. Прил., диагр. 4–6). Зарубежное производство стало занимать все более заметное место в деятельности японских компаний, особенно в обрабатывающей промышленности (см. Прил., диагр. 7).

Япония превратилась в крупного международного инвестора, не утратив в этот период своих позиций экспортера, но изменив свою международную специализацию. И произошло это во многом благодаря политике государства, которая способствовала технологической пере-

смена модели экономического роста», М., 1990, с. 184–224). В данной главе мы постараемся оценить ситуацию и прокомментировать выводы названных авторов с позиций сегодняшнего дня.

¹⁴ См.: *Sterngold J.* Thinking the Unthinkable, Japan May Curb Its Bureaucrats' Power // *The New York Times*. 13.09.1993 (<http://www.nytimes.com/1993/09/13/world/thinking-the-unthinkable-japan-may-curb-its-bureaucrats-power.html?pagewanted=1>); *Sterngold J.* Japan's Broken Pledge of Change Comes Back to Haunt Its Economy // *The New York Times*. 15.08.1992 (<http://www.nytimes.com/1992/08/15/business/japan-s-broken-pledge-of-change-comes-back-to-haunt-its-economy.html?sec=&spon=&pagewanted=1>).

¹⁵ Идеи «доклада Маэкава», возможно, опять окажутся востребованными в свете разработки стратегии выхода из кризиса, начавшегося в 2008 г. См.: *Haraoka N.* Basic Strategy for Post-Crisis Growth. More Stress on Domestic Demand Needed // *Japan Spotlight*. May/June 2009, p. 52–53 (www.jef.or.jp/backnumber/165th_economic_focus.pdf).

стройке японской промышленности, повышению конкурентоспособности ее высокотехнологичных отраслей и превращению японских компаний в крупных экспортеров высокотехнологичной продукции.

Разумеется, развертывание производственной базы за рубежом и масштабный экспорт прямых инвестиций были стратегическим выбором японских компаний, их ответом на общемировые тенденции, таких как транснационализация бизнеса, рост международной экономической интеграции, перемещение конкуренции в технологическую сферу, сервисизация экономик развитых и многих развивающихся стран. Вместе с тем и власти Японии под лозунгом интернационализации оказывали внешнеэкономическую и внешнеполитическую поддержку своему бизнесу.

Так, весьма показательны серьезные перемены, происшедшие в отношении Японии к странам Азии, прежде всего Юго-Восточной, в середине 1970-х годов. Активизация политики Японии во многом способствовала успешному встраиванию японских компаний в экономику стран Восточной Азии в качестве экспортеров товаров и капитала. Впоследствии эта политика заложила основы партнерства уже в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)¹⁶ и, как показали дальнейшие события, «азиатизм» с экономической точки зрения оказался правильным выбором, поскольку в XXI веке Восточная Азия превратилась в самый динамично развивающийся регион с быстро растущим рынком.

Одним из инструментов внешней политики Японии, направленных на создание благоприятных условий для деятельности японских компаний в Азии, стала экономическая помощь. Так, за 50 лет оказания Официальной помощи развитию (ОПР) — с 1954 по 2004 г. — около 60% ОПР было направлено в страны Азии. И главным объектом этой помощи, как прямо указывается в «Белой книге по ОПР» МИД Японии, являлась Восточная Азия. По мнению экспертов МИДа, это способствовало формированию благоприятного имиджа страны в азиатских странах. Так, по данным опросов, помощь Японии считали чрезвычайно полезной 65% опрошенных во Вьетнаме, 66% — в Индонезии, 56% — в Таиланде, 29% — в Филиппинах, Сингапуре, Малайзии¹⁷. При этом наращивание потоков ОПР в страны Восточной Азии (вплоть до начала 2000-х годов) сопровождалось ростом прямых инвестиций японских компаний в эти страны.

Кроме того, в 1970–1980-е годы японскими властями были предприняты меры, в том числе и законодательного характера, направленные на превращение иены в международную валюту. С позиций сегодняшнего дня ясно, что интернационализация иены имела крайне ограниченный

характер. Однако либерализация в сфере валютного контроля обеспечила благоприятные условия для активизации деятельности японских финансовых институтов на международном рынке капиталов.

Период экономической депрессии 1990-х годов: структурные реформы на фоне глобализации

В 1990-е годы в период длительной депрессии, последовавшей за крахом экономики «мыльного пузыря», перед политическим руководством страны встали новые сложные вопросы и задачи, связанные не только с выстраиванием наиболее эффективной в условиях кризиса экономической стратегии, но и с необходимостью учета международного фактора при реформировании экономики, которая, помимо конъюнктурного, переживала системный кризис, обусловленный завершением периода «догоняющего развития».

По мнению видного российского японоведа И. П. Лебедевой, экономическая модель Японии с ее специфическими чертами¹⁸ оказалась весьма эффективной с точки зрения мобилизации ресурсов и обеспечения экономического роста на этапе «догоняющего развития». Однако «по мере усиления экономической мощи страны, нарастания масштабов ее экономической экспансии у ее западных партнеров стали возникать сомнения в отношении «легитимности» существования ее экономической системы». Поэтому западные страны, и в первую очередь США, стали требовать от Японии проведения реформ, которые привели бы ее экономическую систему в соответствие с принципами, на которых основаны западные рыночные хозяйства¹⁹.

В результате внешнеэкономические приоритеты стали в еще большей степени, чем раньше, воздействовать на принятие решений, касающихся и внутриэкономических проблем. И если до этого международный вектор экономической стратегии с небольшой натяжкой все же можно было трактовать как внешнеэкономическую политику страны (наряду с внутренней), то в 1990-е годы эти различия фактически стерлись. В условиях глобализации установилось неразрывное единство между внутренними и внешними аспектами экономической стратегии Японии. И неслучайно важнейшие стратегические документы начала 2000-х годов — «Новая стратегия экономического роста» (“New Economic Growth Strategy”, 2006) и «Глобальная экономическая стратегия» (“Global Economic Strategy”, 2006) — концептуально и по содержанию почти идентичны.

¹⁸ Среди них — государственный протекционизм в отношении некоторых (в том числе и в первую очередь экспортоориентированных) отраслей, высокий уровень взаимодействия государства и бизнеса, особая система межфирменных отношений.

¹⁹ Лебедева И. П. Истоки и ход экономической депрессии // Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998, с. 40–41.

¹⁶ См.: Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век // М.: ИВ РАН, 2007, с. 388–392.

¹⁷ Japan's Official Development Assistance White Paper 2004. Accomplishments and Progress of 50 Years, p. 10, 13 (<http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2004/index.html>).

В первое десятилетие 2000-х годов в рамках проведения структурных преобразований в качестве одной из основных была выдвинута задача повышения эффективности экономики, и в первую очередь — международной конкурентоспособности, а также усиления позитивного влияния внешнеэкономической сферы на экономическое развитие страны²⁰. Иными словами, внешние, международные приоритеты экономической стратегии Японии во все большей степени стали рассматриваться в контексте максимально эффективного использования новой ситуации в мире, а именно глобализации.

При этом, однако, принципиально важно отметить еще два обстоятельства. Во-первых, необходимость проведения системных реформ, равно как и выстраивание системы внешнеэкономических приоритетов, определялась прежде всего внутренней логикой развития экономики страны. Так, например, в интересах содействия необходимой перестройке системы корпоративного управления и решения некоторых других задач, связанных с повышением эффективности экономической системы, государство пошло на достаточно радикальное изменение политики в отношении притока зарубежных прямых инвестиций, перейдя от политики ограничения (гласного и негласного, формального и неформального) к политике их активного стимулирования.

Во-вторых, «слияние» внутренних и внешних аспектов экономической стратегии и определенная переориентация на «западные ценности» при разработке и проведении реформ отнюдь не отменили понятия «национальные интересы» (в данном контексте мы имеем в виду прежде всего экономические интересы). И в отношениях с зарубежными партнерами правительство Японии, несмотря на все изменения международного политического и экономического ландшафта, продолжало придерживаться того же принципа, что и ранее: «вынужденные» уступки партнерам, подкрепляемые мощной пропагандистской кампанией, и последовательное отстаивание интересов своих компаний как в самой Японии, так и за рубежом. И здесь нельзя не согласиться с мнением авторов коллективного труда «История Японии. XX век», которые полагают, что «на протяжении пяти послевоенных десятилетий внешнеполитическая деятельность Японии была практически полностью подчинена достижению главным образом экономических целей... В Японии, как ни в какой другой стране, внешняя и внутренняя политика обслуживает потребности экономики, во многом правильно выбранный курс которой отвечает национальным интересам»²¹.

В 1990-е и позже — в 2000-е годы внешнеполитическое и внешнеэкономическое обеспечение национальных экономических интересов

²⁰ Подробнее см.: *Амиров В.* Внешнеэкономические связи в период структурного кризиса // Япония: снова на марше. М., 2001, с. 173–174.

²¹ *Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б.* Цит. соч., с. 440–441.

Японии шло в двух плоскостях — регионализм и глобализм. Известный российский исследователь В. О. Кистанов, говоря о внешней политике Японии 1990-х годов, уподобляет ее двум концентрическим кругам. В его схеме внутренний круг — это региональная политика, обеспечивающая решение наиболее важных с точки зрения функционирования японского государства задач в различных областях (экономика, экология, безопасность). Внешний круг — это глобальная политика, создающая благоприятные условия для проведения политики региональной²².

Думается, что эта схема вполне применима и к анализу международных аспектов экономической стратегии страны. Если исходить из того, что политика — это концентрированное выражение экономики, то азиатский регионализм — это отражение того факта, что японские компании в 1990-е годы и позже стали все более ориентироваться на АТР. Это подтверждают статистические показатели по торговле и японским прямым иностранным инвестициям (ПИИ). Так, доля азиатских стран в японском экспорте заметно выросла по сравнению с началом 1960-х годов (%)²³:

Год	Доля	Год	Доля
1962	34,1	1990	33,7
1970	31,1	1995	45,5
1975	36,8	2000	43,2
1980	38,1	2005	48,4
1985	32,5	2008	49,3

По прямым инвестициям ситуация складывалась не столь однозначно (доля стран Азии в годовых потоках японских ПИИ, %) ²⁴:

Год	Доля	Год	Доля
1965	22,0	1990	12,4
1970	18,5	1995	24,1
1975	33,5	2000	12,2
1980	25,3	2005	34,2
1985	11,7	2008	17,8

Однако обращает на себя внимание рост показателя в 2000-е годы, и это неудивительно, ведь одним из факторов выхода экономики страны

²² *Кистанов В. О.* Внешняя политика Японии в 90-е годы: основные приоритеты остаются неизменными // Япония 90-х: кризис системы или временные сбои?, с. 234.

²³ Рассчитано по: 18-1-a. Value of Japan Exports by Principal Country (Area) of Destination (1962–2004) (<http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/18.htm>); Statistical Handbook of Japan 2009 (http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c11cont.htm#cha11_1).

²⁴ Рассчитано по: JETRO International Trade and Investment 2007, 2008, 2009 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper); FDI Flow (Based on Reports and Notifications, gross) (<http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>).

из длительной депрессии 1990-х годов стала именно активизация деятельности японских компаний в Азии²⁵.

Соответственно мы наблюдаем и активизацию внешнеполитической деятельности Японии в регионе, в частности в формате АТЭС, отношений с АСЕАН и по другим направлениям. Разумеется, мы не намерены умалять самостоятельного значения политических интересов Японии в регионе. Напротив, в этом случае мы еще раз убеждаемся в неразрывности внутренней и внешней политики и экономики.

2000-е годы: экономический подъем в Японии и новая экономическая стратегия

Начало 2000-х годов было ознаменовано экономическим подъемом, который наблюдался с 2002 г. и во многом определялся внешними факторами. Беспрецедентный рост продемонстрировали показатели японского экспорта, прямых инвестиций за рубежом и (это особенно примечательно) импорта ПИИ, что свидетельствует об определенных успехах в реализации государственной политики привлечения зарубежных инвестиций в страну²⁶. Конечно, справедливости ради следует отметить, что масштабы привлечения ПИИ в Японию остаются по-прежнему весьма скромными в сравнении с ее экономическим потенциалом. Однако в данном контексте для нас важно подчеркнуть, что «улица с односторонним движением» постепенно превращается в полноценную магистраль, если снова применить наш образ «дороги глобализации». Иными словами, правительство страны, не отказываясь от стратегии экономического продвижения за рубеж (о чем свидетельствует, в частности, активная азиатская политика), стало более активно открывать и свой рынок.

В 2000-е годы — и в годы экономического подъема 2002–2007 гг. и в период кризиса 2008–2010 гг., и при правлении ЛДП, и при коалиционном правительстве условия и факторы экономического роста Японии оставались и остаются теснейшим образом связанными с внешнеэкономической сферой. В силу этого современная внешнеэкономическая стратегия Японии во многом определяет ее будущее развитие.

В начале нового столетия Япония, в основном преодолев экономическую депрессию 1990-х годов, оказалась перед необходимостью опре-

²⁵ О деятельности японских корпораций на рынках США и Восточной Азии см.: Лебедева И.П. Япония — Восточная Азия: новые контуры экономического взаимодействия // Япония, открытая миру. М., 2007, гл. 6; она же. Японо-американские экономические отношения в контексте глобализации // Глобальные вызовы — японский ответ. М., 2008, гл. 8; Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее // Там же, гл. 7.

²⁶ В 2001–2007 гг. объем накопленных в Японии ПИИ вырос с 50 до 133 млрд. долл. (http://www.meti.go.jp/english/policy/external_economy/investment/index_FDI_into_Japan.html).

деления новой стратегии экономического развития, которая позволила бы ей создать базу устойчивого экономического роста в условиях глобализации и информатизации экономики и общества, повысить свою международную конкурентоспособность, сохранить и упрочить позиции в мировой экономике в качестве одного из экономических лидеров.

В 2005–2006 гг. японским правительством и предпринимательскими организациями был разработан ряд программных документов, в которых определялась стратегия развития экономики страны на перспективу и обозначались главные черты будущей экономической модели, в рамках которой Япония могла бы успешно существовать в глобальном экономическом пространстве. К числу основополагающих документов относятся прежде всего «Новая стратегия экономического роста» (“New Economic Growth Strategy”, 2006)²⁷, уже упоминавшаяся нами выше и нацеленная на достижение устойчивого экономического развития в условиях долгосрочной тенденции сокращения населения, а также «Новая национальная энергетическая стратегия» (“New National Energy Strategy”, 2006) и «Глобальная экономическая стратегия» (“Global Economic Strategy”, 2006).

В стратегии развития экономики Японии, которая нашла отражение в перечисленных документах тенденция к слиянию, единству внутренних и внешних аспектов экономического развития страны, которая обозначилась, как мы указывали выше, еще в предшествующий период, получила дальнейшее развитие. В 2000-е годы и внутренняя экономика, и экономика, созданная японскими компаниями за рубежом, стали рассматриваться как неотъемлемые части единого хозяйственного комплекса Японии. Забегая немного вперед, заметим, что в этом, по нашему мнению, и состояло международное измерение экономической политики либерал-демократов 2000-х годов.

²⁷ Разработка новой модели и стратегии долгосрочного роста активно велась при правительстве Д. Коидзуми, занимавшего пост премьер-министра в 2001–2006 гг. При премьер-министре Д. Коидзуми был создан Совет по комплексной финансовой и экономической реформе, который совместно с Советом по экономической и финансовой политике и при активном участии различных министерств и ведомств, прежде всего Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, разработал «Новую стратегию экономического роста». Эта работа была продолжена кабинетами С. Абэ и Я. Фукуда. В 2005 г. Советом по экономической и финансовой политике был обнародован документ под названием “Japan’s 21st Century Vision”, в котором определялись основные факторы и направления развития Японии на ближайшую четверть века, а также намечался курс дальнейшего реформирования экономики и социальной сферы. См.: FY 2007 Economic and Industrial Policy: Key Points. Aug. 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p.1 (http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf). Подробнее о разработке «Стратегии» и ее содержании см.: Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее // Глобальные вызовы — японский ответ. М., 2008, с. 151–175.

Взаимосвязь «внутренней» и «внешней» частей экономики проявилась и в основных целевых установках рассматриваемой стратегии, и в определении основных факторов роста.

В качестве одной из приоритетных в стратегии была выдвинута цель поддержания и повышения международной конкурентоспособности японской экономики, которая, судя по международным рейтингам, снизилась в 1990-е годы, в период экономической депрессии.

Как известно, конкуренция в настоящее время все более перемещается в сферу технологических инноваций. Поэтому неудивительно, что инновации в самом широком смысле слова стали ключевым элементом и своего рода стержнем, интегрирующим основные блоки комплексной экономической стратегии.

Для повышения международной конкурентоспособности страны стратегия предусматривала формирование благоприятной среды для основания нового бизнеса и освоения новых рыночных сегментов, имея в виду прежде всего дерегулирование и стимулирование НИОКР в тех сферах, где Япония уже сейчас имеет преимущество²⁸. Таким образом, сфера, казалось бы, сугубо внутренней политики — развитие НИОКР и содействие инновациям — оказывается сориентированной на достижение целей изменения международной специализации страны²⁹.

Проблематика, связанная с укреплением международной конкурентоспособности страны, конечно, нашла свое отражение, в частности, в «Глобальной экономической стратегии» Японии, где была выдвинута концепция «конкуренции на основе мягкой силы». Эта концепция исходит из предпосылки, что в современном мире мощь страны и ее влияние в мире определяются не только «жесткой силой», т. е. экономическим и военным потенциалом, но и «мягкой», а именно социальными ценностями, культурой, политической идеологией, способностью сотрудничать («вступать в альянсы»). По мнению авторов стратегии, японские культурные ценности и передовые технологии, будучи соединенными, создадут новую силу японской экономики. Японии также необходимо обеспечить и приток талантов из-за рубежа³⁰.

Тема поиска новых путей повышения конкурентоспособности страны в глобальном масштабе интерпретируется в «Новой стратегии экономического роста» и в «Глобальной экономической стратегии» и в виде концепции создания «виртуального цикла» инноваций, являющейся ответом на глобальные сдвиги в международном разделении труда и сдвиги в экономической структуре развитых стран (имеется в виду

прежде всего постиндустриализация и создание «экономики знаний»). Эта концепция предполагает, что в перспективе Япония должна стать мировым инновационным центром и в качестве такового предлагать новые товары и технологии на мировом рынке, т. е. создавать «виртуальный цикл» в глобальном масштабе. Соответственно японские компании в рамках нового разделения труда все больше будут сосредоточивать свою деятельность на разработке передовых технологий, а производство самих продуктов размещать в других странах. И в качестве первого шага предлагается создание такого цикла в Азии на основе сотрудничества с азиатскими странами — «центром роста XXI века»³¹.

Новизна ситуации и позиции Японии по сравнению с 80-ми и даже 90-ми годами прошлого века состоит в следующем. Если раньше разделение труда с азиатскими странами шло по принципу: производство изделий низкой и средней технической сложности — в странах с низкими издержками, а высокой технической сложности — в Японии, то теперь Япония должна перейти на такую стадию, когда она будет выступать на мировом рынке как производитель технологий, а ее компании — как разработчики технологий и продуктов и держатели брендов.

Япония при этом будет вносить свой вклад в развитие соседних азиатских стран и способствовать формированию среды для совместного роста. Как говорится в «Глобальной экономической стратегии», в условиях созидания новых систем XXI века Япония как часть Азии может выполнять роль связующего звена между созданием новой глобальной системы и новой системы в Азии³².

Таким образом, если говорить об эволюции позиции властей Японии в вопросе обеспечения внешних условий развития японской экономики и позиционирования страны в мировой экономике, то можно заметить, что Токио пытается сформировать более предсказуемую международную среду для своих компаний в виде «азиатской зоны соразвития».

Подтверждением этому может служить изменение отношения Японии к проблемам азиатской интеграции, которая теперь активно поддерживается японскими политиками. Формирование «Восточноазиатского сообщества» выступает в качестве одной из долгосрочных целей «Глобальной стратегии». При этом подход к такой интеграции весьма реалистичный и гибкий³³. В частности, признается, что Восточная Азия — очень неоднородный во всех отношениях регион, поэтому динамизм здесь должен опираться на диверсификацию и многоуровневое, мно-

²⁸ New Economic Growth Strategy. June 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 13.

²⁹ Japan Vision 2050. Principles of Strategic Science and Technology Policy toward 2020 (www.scj.go.jp/en/vision2050.pdf).

³⁰ Global Economic Strategy. April 2006, Ministry of Economy, Trade and Industry ([meti.go.jp/english/.../GlobalEconomicStrategy\(Summary\).pdf](http://meti.go.jp/english/.../GlobalEconomicStrategy(Summary).pdf)).

³¹ New Economic Growth Strategy, p. 4.

³² Global Economic Strategy, p. 3–7.

³³ Подробнее по данному вопросу см.: *Kondo M.* Japan and Asian Economic Community. Discussion Papers #106, January 2006 (www.ris.org.in/dp106_pap.pdf); *Kamamura T.* Potencial of Asia Economic Integration: A Perspective from the Strategy of Japanese Enterprises. RIS Discussion Papers #136, April 2008 (www.ris.org.in/dp136_pap.pdf).

гофункциональное сотрудничество в различных сферах. Поэтому предлагают и разрабатывают несколько форматов интеграции с участием Японии: АСЕАН+3 (Япония, Республика Корея, Китай); АСЕАН+4 (те же страны плюс Индия); АСЕАН+6 (те же страны плюс Австралия и Новая Зеландия).

По замыслу японских политиков, стратегия интеграции в Восточной Азии должна включать две инициативы: комплексное экономическое партнерство в Восточной Азии (Comprehensive Economic Partnership in East Asia)³⁴ и создание международной организации в Восточной Азии, которая стала бы политическим форумом и “think tank”, подобно ОЭСР. Все это поможет объединить знания и опыт, имеющиеся в разных странах, и сделать их источником повышения конкурентоспособности японской экономики, создав «цикл сотворчества и соразвития с Азией».

Таким образом, если говорить о периоде 2000-х годов до мирового финансово-экономического кризиса, то среди международных аспектов разработанной в это время экономической стратегии можно выделить два ключевых. Это инновации как инструмент повышения международной конкурентоспособности страны и «возвращение в Азию», но уже не в качестве региональной, а в качестве мировой державы, не единственного азиатского центра экономической силы, а в окружении сопоставимых по уровню и потенциалу экономического развития партнеров.

Принципиально важным моментом экономической стратегии стало, как мы уже не раз упоминали, *единство внутренних и внешних аспектов развития*. Речь идет не просто о выживании в глобализирующемся мире и приспособлении к нему, а об извлечении из новой ситуации максимума выгод. Япония превращается в активного субъекта глобализационного процесса, открывая свой рынок и даже в определенном смысле «расширяя» его границы на основе реализации стратегии «соразвития» в Восточной Азии. Используя ситуацию, когда страны Восточной Азии стали «центром динамичного экономического роста», Япония как азиатская держава намерена бороться за место экономического лидера в регионе, предложив соседним странам не просто успешную модель «догоняющего развития», а путь перехода к современному росту на основе «виртуального цикла» инноваций и комплексной совместной реализации конкурентных преимуществ в масштабе всего региона. Япония при таком сценарии видит себя в качестве «стержня», объединяющего глобальные рынки и экономическую систему Азии.

Трансформация экономической стратегии в период мирового финансово-экономического кризиса

Мировой финансово-экономический кризис, негативное воздействие которого стало проявляться в Японии начиная с четвертого квартала

2008 г., продемонстрировал, что внешний рынок является не только фактором восстановления и роста японской экономики, но и источником серьезных потрясений.

Поэтому вопрос о том, как японская экономика будет существовать в мировом экономическом пространстве и как обратить внешние неблагоприятные обстоятельства в возможности для будущего роста в период кризиса стал, как никогда, актуальным. В «Белой книге по торговле и промышленности» МЭТП Японии за 2009 г.³⁵, несмотря на чрезвычайную ситуацию (кризис!), вопрос ставился традиционно: как проблемы превратить в преимущества, как извлечь из неблагоприятной ситуации выгоды (change a pinch into a chance).

В выступлении на 17-й сессии японского парламента тогдашний премьер-министр Т. Асо напомнил, что Япония пережила две серьезные трансформации (после Реставрации Мэйдзи и после Второй мировой войны) и сумела занять достойное место в мире. Сейчас страна находится на этапе третьей трансформации. При этом внешняя среда функционирования японской экономики, говорилось в «Белой книге», становится все более сложной, и поэтому необходим переход от количественного расширения к качественному улучшению. До тех пор, пока Япония не осуществит начатые реформы, ее позиции в мире будут ослабевать. И кризис дает хороший шанс осуществить реформирование производственной и социальной структуры и запустить долгосрочную стратегическую программу, которая будет нацелена на длительную перспективу, а не только на задачи восстановления после кризиса³⁶. Таким образом, отметим для себя, что реформирование экономической структуры детерминировано в том числе и меняющейся внешней средой, т. е. имеет место преемственность в логике и аргументации программ 1990-х — начала 2000-х и 2008–2010 гг.

В качестве основной причины, предопределившей тяжелые для Японии последствия кризиса 2008–2010 гг., называется высокая зависимость от экспорта в целом и от экспорта в США — в особенности. Когда в конце восстановительного периода после Второй мировой войны был выбран путь экспортноориентированной индустриализации, важнейшим экспортным рынком стали США, что было закономерно в сложившейся в мире экономической и политической обстановке. И этот рынок «оправдывал надежды» японских компаний, направлявших туда и производивших на месте продукцию конечного потребительского спроса фактически до нынешнего кризиса. Понятно, что импульсы от экономики такого масштаба, как экономика США — как положительные, так и отрицательные, — чрезвычайно сильны, что и привело японскую экономику к самому глубокому среди развитых стран падению.

³⁵ Стала последней в период правления либерал-демократов.

³⁶ White Paper on International Economy and Trade 2009, p.484–486.

³⁴ Global Economic Strategy, p. 13, 16.

Поэтому фактически сейчас страна и ее политическая элита стоят перед дилеммой: вернуться к идее опоры на внутренний спрос и/или трансформировать модель своего присутствия на международном рынке. И коалиционному правительству так или иначе придется делать выбор или, скорее, искать компромисс, поскольку в чистом виде ни один из вариантов реализоваться не может. И предлагаемая в обновленном уже при коалиционном правительстве варианте новой экономической стратегии, относящаяся к декабрю 2009 г., концепция экономического роста объединяет обе эти идеи³⁷. Однако анализ экономической стратегии коалиционного правительства выходит за рамки проблематики данной работы.

* * *

Часто говорят, что политика — это искусство компромисса. Политическая элита Японии в лице Либерально-демократической партии, находившейся у власти более полувека, при всех сложностях, проблемах и промахах в рассматриваемой нами сфере продемонстрировала мастерское владение этим инструментом, искусно лавируя между многочисленными и часто противоречащими друг другу интересами. При этом практически всегда во главу угла ставились национальные экономические интересы, и происходило это в стремительно меняющейся международной обстановке.

При либерал-демократах страна прошла путь от изоляции к открытости, ее экономика стала неотъемлемой, весьма крупной и влиятельной частью мировой экономики.

В плане изменения места Японии в мировой экономике и экономического взаимодействия с внешним миром мы наблюдаем своего рода развитие по спирали: страна возвращается к старым идеям и концепциям, но на другом уровне, новом витке исторического развития. Это относится, в частности, к идее достижения сбалансированности внутреннего и внешнего спроса, очередному изменению международной специализации страны. Особенно наглядно данная особенность проявляется в отношении азиатского направления внешней экономической политики. Когда азиатские рынки превратились в приоритетные для японских компаний, повысился и уровень значимости региона в системе государственной политики. Степень активизации политики в отношении региона (в первую очередь, конечно, Восточной Азии) такова, что можно сказать: Япония не просто приспосабливается к новым условиям, а фактически способствует целенаправленному формированию рынка для своих компаний. Мы сейчас не говорим о реалистичности этих планов, важны вектор и подход. При этом в части стратегии продвижения в

³⁷ The New Growth Strategy (Basic Policies). Toward a Radiant Japan . December 30, 2009.

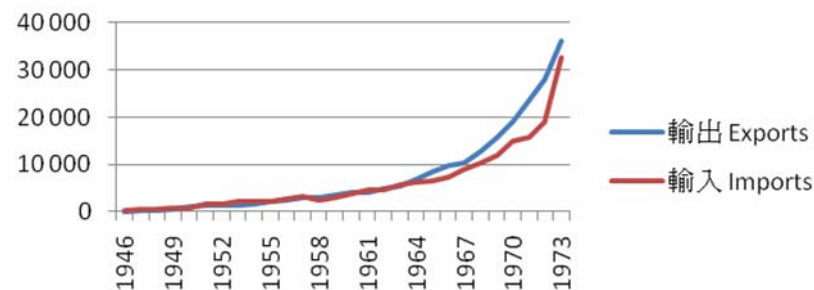
Азию коалиционное правительство, в общем-то, продолжает развивать идеи либерал-демократов.

Инструменты реализации «азиатской стратегии» в 2000-е годы (и при либерал-демократах, и при коалиционном правительстве), конечно, меняются. Так, на смену экономической помощи приходят соглашения о свободной торговле, об экономическом партнерстве, участие в интеграционных процессах.

В отношении воздействия международного фактора на внутреннюю экономическую политику Японии и эволюцию экономической модели страны можно сказать, что на протяжении достаточно длительного исторического периода, каковым является период правления либерал-демократов, мы наблюдаем тенденцию приближения японской экономической модели к модели, которую условно можно назвать «западной»³⁸. Конечно, это движение было очень медленным и постепенным, оно сопровождалось тактическими отступлениями и сложной политической борьбой (например, по вопросу о приватизации почтовой службы, либерализации финансового рынка), но оно происходило.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса и смены правительства продолжение этого курса находится под вопросом. Как известно, приватизация почтовой службы приостановлена, программа привлечения зарубежных инвестиций в страну не отменена, но отошла на второй план и самое главное — выдвинута идея «третьего пути» в противовес финансовому капитализму, который, как источник кризиса, приобретает некоторые черты «образа врага».

Приложение
Диаграмма 1. Динамика внешней торговли
Японии (1946 - 1973 гг., млн. долл.)

³⁸ Последняя характеризуется прежде всего большей степенью открытости и меньшей степенью вмешательства государства в экономику (хотя, конечно, этим различия не исчерпываются).

Таблица 1.

Динамика внешней торговли Японии (1946–1973), млн. долл.

Год	Экспорт	Импорт	Год	Экспорт	Импорт
1946	65	303	1960	3 978	3 711
1947	182	449	1961	4 149	4 707
1948	262	547	1962	4 861	4 459
1949	533	728	1963	5 391	5 557
1950	920	886	1964	6 703	6 328
1951	1 354	1 645	1965	8 333	6 432
1952	1 289	1 701	1966	9 639	7 366
1953	1 258	2 050	1967	10 231	9 071
1954	1 611	2 041	1968	12 751	10 222
1955	2 006	2 061	1969	15 679	11 980
1956	2 482	2 613	1970	18 969	15 006
1957	2 854	3 256	1971	23 566	15 779
1958	2 871	2 500	1972	28 032	19 061
1959	3 408	3 047	1973	36 264	32 576

Диаграмма 1 и таблица 1 составлены по данным статистики платежного баланса Японии (International Department, Bank of Japan. Research and Statistics Department, Bank of Japan) // Historical Statistics of Japan (<http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/18.htm>).

Диаграмма 2. Импорт технологий в Японию
(платежи, 100 млн. иен)

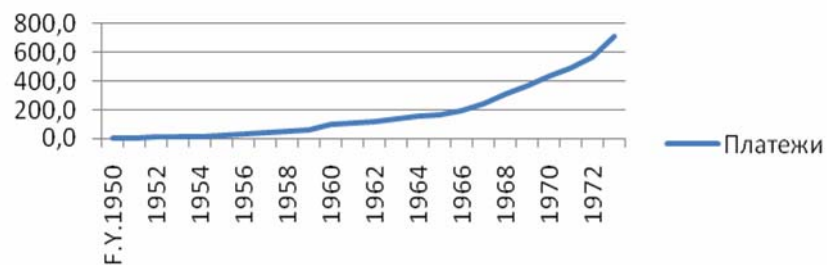

Таблица 2.

Импорт технологий в Японию, 100 млн. иен

Фин. г.	Платежи	Число случаев	Фин.г.	Платежи	Число случаев
1950	2,6	76	1962	114,0	757
1951	6,7	188	1963	136,0	1 137
1952	9,9	252	1964	156,0	1 041
1953	13,9	235	1965	166,0	958
1954	15,8	213	1966	192,0	1 153
1955	20,0	184	1967	239,0	1 295
1956	33,3	310	1968	314,0	1 744
1957	42,6	254	1969	368,0	1 629
1958	47,8	242	1970	433,0	1 768
1959	61,9	378	1971	488,0	2 007
1960	94,9	588	1972	572,0	2 403
1961	113,0	601	1973	715,0	2 450

Диаграмма 2 и таблица 2 составлены по данным статистики платежного баланса Японии (Science and Technology Agency International Department, Bank of Japan) // Historical Statistics of Japan (<http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/18.htm>).

Диаграмма 3. Динамика внешней торговли
Японии (1974 - 1994 гг., млн. долл.)

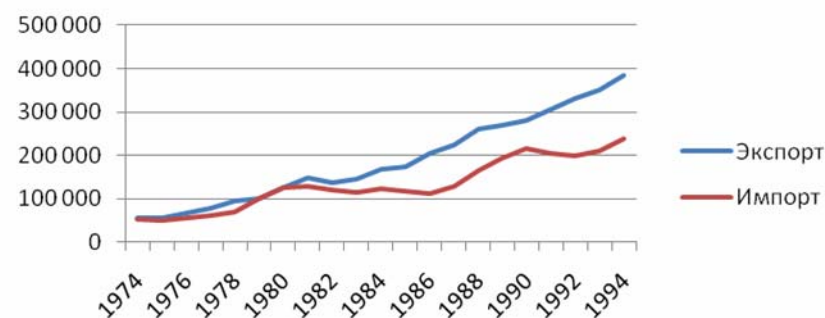

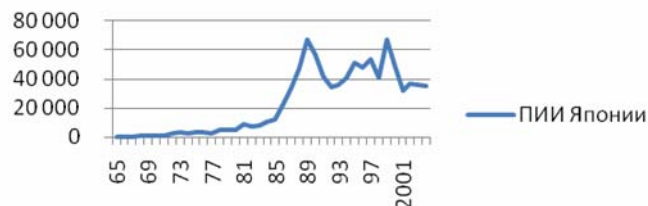
Таблица 3.

Динамика внешней торговли Японии (1974–1994), млн. иен)

Годы	Экспорт	Импорт	Годы	Экспорт	Импорт
1974	54 480	53 044	1985	174 015	118 029
1975	54 734	49 706	1986	205 591	112 764
1976	66 026	56 139	1987	224 605	128 219
1977	79 333	62 022	1988	259 765	164 753
1978	95 634	71 038	1989	269 570	192 653
1979	101 232	99 387	1990	280 374	216 846
1980	126 736	124 611	1991	306 557	203 513
1981	149 522	129 555	1992	330 850	198 502
1982	137 663	119 584	1993	351 292	209 778
1983	145 468	114 014	1994	384 176	238 232
1984	168 290	124 033			

Диаграмма 3 и таблица 3 составлены по данным статистики платежного баланса Японии (International Department, Bank of Japan. Research and Statistics Department, Bank of Japan) // Historical Statistics of Japan (<http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/18.htm>).

Диаграмма 4. ПИИ Японии
(на базе отчетов и заявок, млн. долл.)

Составлено по: Japan's Outward FDI (based on reports and notifications) by Country/Region (value) (<http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>).

Диаграмма 5. Капиталовложения японских компаний за рубежом (млн. иен)

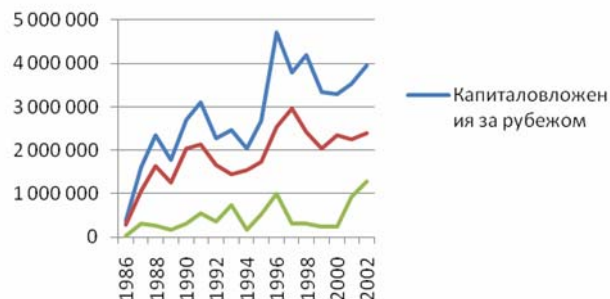
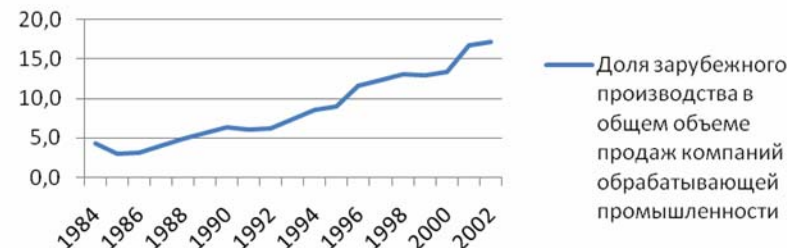

Диаграмма 6. Число зарубежных филиалов японских компаний

Диаграмма 7. Доля зарубежного производства в общем объеме продаж компаний обрабатывающей промышленности (%)

Диаграммы 5–7 составлены по: 6–18 Actual Conditions of Overseas Activities Conducted by Japanese Firms (F.Y. 1977–2002) (<http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/06.htm>).

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯПОНИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЛДП

Фундамент государственного управления научно-техническим развитием послевоенной Японии начал закладываться еще до прихода Либерально-демократической партии (ЛДП) к руководству страной. Так, в 1947 г. правительство создало специальную комиссию по перестройке системы научных исследований в соответствии с послевоенными задачами научно-технического развития, а в 1949 г. был образован Научный совет Японии — переизбираемый каждые три года консультативный орган из 210 наиболее авторитетных ученых. Он занимался подготовкой предложений, направлявших деятельность японских научных учреждений на наиболее актуальную для страны тематику с учетом реально существовавших ресурсов, в то время весьма ограниченных. В том же году был организован Административный комитет по науке и технике, призванный обеспечивать взаимодействие Научного совета с правительством, а также координировать планы исследований, которые проводились в лабораториях, принадлежащих различным министерствам и ведомствам. Наиболее масштабной в тот период являлась деятельность Палаты промышленных технологий Министерства внешней торговли и промышленности (МВТП), образованной в 1952 г. в целях активизации НИОКР промышленных компаний¹.

В 1956 г., т. е. на следующий год после прихода ЛДП к государственному руководству, Административный комитет по науке и технике был преобразован в Управление по науке и технике при Канцелярии премьер-министра, призванное координировать выработку и реализацию правительственных мер в области научно-технической политики. Его руководитель приобрел ранг министра.

Однако стране еще не хватало мощного «мозгового центра», вырабатывающего базовые принципы национальной научно-технической политики и способного ответственно указывать направления и способы их

корректировки в соответствии с меняющимися условиями. Такой орган — Совет по науке и технике (Кагаку гидзюцу кайги, Council for Science and Technology) — был создан в 1959 г. Его состав — премьер-министр Японии, министр финансов, министр образования, начальник Управления по науке и технике, начальник Управления экономического планирования, президент Научного совета Японии, а также пять назначаемых премьер-министром экспертов, представленных наиболее видными специалистами в области научной или административной деятельности. На пленарные заседания Совета, проводимые до трех раз в год, при необходимости приглашали руководителей других министерств и ведомств.

Основной объем работы, возложенной на Совет по науке и технике, выполнялся в приданных ему рабочих группах. В них входили эксперты Совета и другие специалисты, назначаемые премьером. До последнего времени действовали следующие группы: по общему планированию, по целевой ориентации исследований и разработок, по вопросам их стимулирования, по наукам о жизни, по энергетике, по информатике, по биоэтике, по связям с Научным советом Японии.

Основными документами, которые вырабатывал Совет по науке и технике, являлись рекомендации по запросам премьер-министра, инициативные рекомендации и доклады его подкомитетов и специальных комиссий. Большинство опубликованных Советом рекомендаций было посвящено формированию национальной научно-технической политики — ее приоритетам, развитию научно-исследовательской инфраструктуры, кадровому обеспечению, вопросам регионального развития и др. Остальные рекомендации касались научно-технического развития Японии по таким конкретным направлениям, как энергетика, науки о жизни, новые материалы, информатика и электроника, борьба со стихийными бедствиями и др.²

Все эти рекомендации оказывали глубокое влияние не только на сферу исследований и разработок, но и на развитие японского общества в целом. Так, в рекомендациях, подготовленных по запросу премьер-министра в октябре 1960 г., была представлена система неотложных мер по развитию науки и техники на десятилетний период. В них была сформулирована задача форсировать научно-исследовательскую работу и обеспечить значительное увеличение численности научных кадров. Подчеркивалось, что все усилия должны были быть подчинены скорейшему достижению уровня научно-технического развития западных стран и насыщению национального производственного аппарата всем лучшим, что создала к тому времени научно-техническая мысль как за рубежом, так и в самой Японии.

² См.: Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998, с. 148–152.

¹ Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972, с. 509.

Экономическая обстановка для этого была весьма благоприятной: в 1960-е годы среднегодовой прирост ВВП составлял более 11%. В этих условиях рост расходов на НИОКР осуществлялся еще более высокими темпами, так что за указанное десятилетие они увеличились в 6,5 раза, а численность исследователей удвоилась. Продолжалась широкомасштабная закупка за рубежом патентов, лицензий и ноу-хау. Лицензий было приобретено около 11 тыс., т. е. почти в пять раз больше, чем за предшествующее десятилетие.

Обеспечить выход НИОКР в практическую сферу, в частности помочь вывести их на стадию промышленного применения, стало главной задачей Японской корпорации по исследованиям и разработкам (Research Development Corporation of Japan), созданной в 1961 г. при Управлении по науке и технике. Важнейшей частью работы корпорации являлся анализ информации о результатах завершенных в государственных НИИ и университетах исследований, а также об изобретениях, коммерциализация которых имела бы большой социально-экономический эффект. Подыскивались также компании, которые могли бы довести результаты исследований до коммерческого использования. Еще одно направление деятельности корпорации — широкое распространение результатов успешно завершенных проектов³.

В 1980-е годы деятельность корпорации была дополнена весьма важным направлением — организацией и финансированием цикла поисковых исследований для разработки на их основе передовых технологий (Exploratory Research for Advanced Technology — ERATO). Эти поисковые исследования с самого начала были задуманы как конкретные проекты, выполняемые в течение нескольких лет формируемыми под них небольшими группами специалистов. Составляя планы исследований, их организаторы подчеркивали, что они позволят внести весомый вклад в развитие как фундаментальной, так и прикладной науки и создать глубокие научные заделы для последующих разработок. Отмечалось, что в результате должны быть опровергнуты широко распространенные представления о том, что в Японии успешно коммерциализируют зарубежные идеи, но не выдвигают свои.

Особые надежды возлагались на новый подход к кадровому обеспечению исследований. Руководство проектами поручалось видным японским специалистам, признанным авторитетам в соответствующих научных отраслях. Рабочие группы численностью до 20 человек формировались из числа молодых, но уже известных своими успехами исследователей, работающих в университетах, НИИ, компаниях, в том числе и за рубежом. Максимальная продолжительность работ над проектом не должна

³ В 2001 г. корпорация была преобразована в Японское агентство по науке и технологиям — Japan Science and Technology Agency (JST).

была превышать пяти лет, на этот срок арендовались лабораторные помещения и оборудование. Права на использование патентов, полученных в ходе исследований, принадлежали одновременно исследователям и корпорации, что позволяло ей развивать собственную финансовую базу на основе последующей коммерциализации результатов исследований.

В апреле 1971 г. Совет по науке и технике в ответ на запрос премьер-министра представил рекомендации, касающиеся особенностей научно-технической политики на текущее десятилетие. Особый акцент был сделан на проблемах окружающей среды, которые заметно обострились в условиях быстрого роста экономики, не подкрепленного соответствующими природоохранными мерами. Указывалось, что при выборе тематики исследований и разработок их актуальность должна учитываться как в экономическом, так и в экологическом плане. Предлагалось также еще более активно осваивать новые научные направления, основанные на науках о жизни и так называемых софт-науках (осуществляющих анализ объектов и систем на основе их описания с помощью алгоритмов и программ).

С целью повышения эффективности НИОКР рекомендовалось расширять международную научно-техническую кооперацию. В итоге в сферу научно-технической кооперации была включена обширная проблематика, связанная с экологией, энергосбережением, освоением Мирового океана, развитием передовых производственных технологий, получением новых материалов, обработкой информации, биомедицинскими исследованиями и др.

Особую важность имели рекомендации, представленные в ноябре 1984 г. В них указывалось, что импорт технологий перестает быть главным источником инноваций. Приобретение новейших технологий за рубежом сопровождалось все большими ограничениями, поскольку именно на них делали ставку и разработавшие их компании-конкуренты. Поэтому Японии следовало все более активно опираться на собственный научно-технический потенциал, совершенствуя его количественные и качественные параметры.

К концу 1985 г. Советом по науке и технике был подготовлен программный документ — «Основы научно-технической политики», в следующем году утвержденный правительством. В январе 1992 г. была опубликована новая редакция этого документа, в которой главные направления государственной научно-технической политики были изложены более конкретно⁴.

В качестве основных были выделены следующие семь ее направлений:

⁴ White Paper on Science and Technology 1994. Tokyo, 1995, p. 149–154.

- обеспечение гармонии в системе «наука и техника — человек и общество»;
- поддержка занятых в сфере науки и техники;
- увеличение расходов на НИОКР;
- развитие научно-исследовательской инфраструктуры;
- стимулирование оригинального мышления и творчества исследователей;
- интенсификация международной научно-технической деятельности;
- содействие научно-техническому развитию периферийных районов.

Кроме того, в этом документе была выделена приоритетная тематика, по которой государство должно было оказывать активную поддержку независимо от того, в государственных или частных лабораториях проводятся исследования. Ниже приведен перечень приоритетных разделов:

- 1) новые материалы;
- 2) информатика и электроника;
- 3) науки о жизни и биотехнологии;
- 4) алгоритмизация и программирование (софт-науки и софт-технологии);
- 5) высокие технологии для промышленности;
- 6) космос, Земля и Мировой океан;
- 7) окружающая среда и экология;
- 8) энергетическая и сырьевая база;
- 9) продовольственные ресурсы;
- 10) повышение качества жизни, здравоохранение и медицина;
- 11) предотвращение стихийных бедствий, обеспечение безопасности;
- 12) социально-экономические аспекты развития общества.

Стимулировать проведение соответствующих работ в частном секторе предлагалось путем предоставления компаниям налоговых льгот и разрешений на ускоренную амортизацию.

В ноябре 1995 г. японский парламент утвердил Основной закон о науке, технике и технологиях. В этом документе были сформулированы ведущие задачи государства в сфере научно-технической политики. Он констатировал, что наука, техника и технологии формируют фундамент развития как японского общества, так и человечества в целом и главная задача состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированное взаимодействие между различными направлениями НИОКР и тесное сотрудничество между участниками исследовательского процесса. Закон требовал, чтобы и государственные органы, и общество в целом постоянно проводили эту идею в жизнь. Он предписывал обеспечивать тесную кооперацию между государственными НИИ, вузами и частным сектором, а также указывал на обязательность поддержки и поощрения инициатив частного сектора при организации и проведении НИОКР. В

законе были отражены практически все факторы, на которых основывается современный научно-исследовательский процесс, и указывалось, что они должны быть в центре внимания как государственных структур, так и всего общества⁵.

Законом устанавливалось, что при организации исследований и разработок все правительственные учреждения должны руководствоваться публикуемыми один раз в пять лет «Базовыми планами научно-технического развития», ориентирующими научно-техническую деятельность в стране на предстоящее десятилетие. Первый такой план был подготовлен на период 1996–2000 гг., следующий — на 2001–2005 гг., а с 1 апреля 2006 г. в Японии действует уже третий «Базовый план» — на 2006–2010 гг.

Весь ход мирового научно-технического и экономического развития отчетливо показывал, что будущее экономики и общества во всех странах неразрывно связано с их информатизацией, а сама информация становится главнейшим экономическим ресурсом. И поскольку с первых послевоенных лет японские ученые и инженеры уделяли большое внимание электронным технологиям, они оказались готовы вполне квалифицированно ответить на этот вызов времени. Их разработки обеспечивали радикальное улучшение потребительских свойств продукции и быстрое освоение ее новых видов. Японские производители исходили из того, что качество изготовления, а также и сама возможность выпуска технически сложных изделий напрямую зависят от степени насыщения производственного аппарата электронной техникой, в первую очередь приборами для управления технологическими процессами и контроля качества.

Правильно были оценены и общественные потребности в информации, в особенности в электронных СМИ и устройствах связи. Поэтому большое внимание уделялось реализации новейших схем радиоприемников и телевизоров, их миниатюризации и широкому применению транзисторных компонентов. Накопленный опыт был затем успешно реализован для осуществления широкой компьютеризации японского общества.

В организационном плане на прогресс информационных технологий большое влияние оказали меры государственного регулирования экономического развития. Еще в 1956 г. был принят Закон о чрезвычайных мерах по стимулированию развития машиностроения, а в следующем году — Закон о чрезвычайных мерах по стимулированию развития электромашиностроения. Это выделило электротехническую и электронную промышленность в ряд приоритетных отраслей, обеспечило благоприятную юридическую поддержку, направило сюда инвестиции

⁵ White Paper on Science and Technology 2005. Tokyo, 2005, p. 358–361.

и другие ресурсы. В результате с середины 1960-х годов электронная промышленность становится одной из ведущих отраслей японской экономики. Разработки компаний концентрируются вокруг ЭВМ и больших интегральных схем, крупные нововведения быстро распространяются на всех направлениях развития информационно-вычислительной и телекоммуникационной техники, а также ложатся в основу автоматизации производства, создания робототехнических комплексов и гибких производственных систем.

Кроме микроэлектронной техники, серьезное влияние на японскую экономику оказали достижения и на других магистральных направлениях мирового научно-технического развития, которые удалось успешно материализовать в ходе структурной перестройки в 1970-е годы. В качестве конкретных примеров можно назвать биотехнологические производства, новые материалы, средства гибкой автоматизации, системы охраны окружающей среды и др. В сущности, был создан качественно новый технологический базис японской экономики, позволяющий ей быстро реагировать на изменения товарной конъюнктуры и выдерживать воздействия экономической депрессии.

Характеризуя научно-техническое развитие Японии в годы правления ЛДП, следует отметить сочетание в нем двух стратегий. Одна из них — стратегия заимствования, т.е. широкомасштабное использование зарубежных достижений. Другая — селективная стратегия, предусматривавшая концентрацию собственных усилий на приоритетных направлениях, имевших решающее значение для развития экономики и общества. Как правило, селективная стратегия дополнялась стратегией заимствования, что позволило Японии достичь высоких производственных результатов и довольно быстро войти в число индустриально развитых стран. Так, к середине 1970-х годов, когда расходы Японии на исследования и разработки составляли лишь 1/4 от американского уровня, она уже занимала прочные позиции на рынках многих видов продукции тяжелой и легкой промышленности (станочное оборудование, транспортные средства, строительная техника, продукция химической промышленности, бытовая электротехника, изделия из синтетических материалов и др.).

Крупномасштабный импорт зарубежных технологий сыграл ключевую роль в научно-техническом и экономическом развитии Японии, а приоритеты производственной и научно-технической деятельности выбирались здесь в первую очередь исходя из масштабов рынков для будущей продукции. Это позволило японским фирмам занять лидирующие позиции по выпуску таких изделий массового потребления, как бытовая электроника (транзисторные радиоприемники, цветные телевизоры, аудиосистемы, домашняя видеоаппаратура), электронные компоненты (представленные в основном запоминающими устройствами

особо высокой емкости и дисплеями), оборудование для офисов (персональные компьютеры, факсимильные и телефонные аппараты, копировальные машины), пользующееся повышенным спросом производственное оборудование (станки с ЧПУ, роботы, контрольно-измерительная техника), легковые автомобили, фотоаппаратура и др.

В течение всего рассматриваемого периода государство в Японии выступало в качестве локомотива, продвигающего науку, технику и технологии по направлениям, не привлекающим частные компании. Существует целый ряд направлений гражданских НИОКР, в финансировании которых активно участвует государство. В качестве примеров можно назвать японскую ракетно-космическую технику, экспериментальные ядерные установки, технику для глубоководных исследований, системы для охраны окружающей среды и др. Это также исследования и разработки в области особо перспективных промышленных технологий, притом весьма широкого профиля. Наглядной иллюстрацией здесь служит деятельность Министерства внешней торговли и промышленности (МВТП), предшественника нынешнего Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП), созданного на базе МВТП в 2001 г.

Так, в 1966 г. МВТП учредило Национальную программу исследований и разработок, которая приобрела известность как «Большие проекты»⁶. На ее основе были созданы многие образцы новой техники и отработаны прогрессивные промышленные технологии. В работах по каждому из «Больших проектов» участвовало довольно много фирм, а их организация с самого начала была направлена на обеспечение лидерства группы. Вместе с тем формировались и временные объединения из нескольких сильных компаний. В области электронной техники это были «Нихон дэнки», «Тосиба», «Хитати», «Фудзицу», «Мицубиси дэнки» и др.

Система «Больших проектов» была открыта работами по созданию быстродействующей ЭВМ, которые продолжались в течение пяти лет и завершились созданием ЭВМ с использованием больших интегральных схем. Эти работы стали основой для развития электронно-вычислительной техники в 1970-е годы, позволив японским фирмам значительно увеличить выпуск как интегральных схем, так и самих ЭВМ.

Далее как бы на смену этому проекту пришел проект «Создание системы обработки символьной информации». Работы велись десять лет, в этот период была в основном решена проблема компьютерной обработки информации в виде букв, иероглифов, графиков и различных изображений. Тем самым был сформирован крупный технический задел для дальнейшего развития информационной техники.

⁶ Когё гидзюцу. 1983, № 9, с. 6–43.

Затем МВТП организует проект по созданию ЭВМ нового типа. На этот раз речь шла о сверхбыстродействующем компьютере для использования в сфере науки и техники, работа над которым продолжалась восемь лет. Параллельно с этим проектом с середины 1980-х годов велись работы по созданию универсальных баз данных — важнейшего элемента инфраструктуры информационного общества. Названные проекты внесли заметный вклад в развитие в Японии компьютерной техники и информационных технологий.

Ряд проектов был направлен на создание более совершенных технологий промышленного производства. В их числе гибкая производственная система с лазерным инструментом, система оптических измерений и контроля, средства высокоточной обработки лазерным и ионным лучом, микромашин и др.

Большая группа проектов была посвящена созданию принципиально новых сырьевых технологий. В нескольких проектах сырьевой тематики в качестве источника сырья фигурировал Мировой океан. Два проекта были посвящены технике подводной добычи нефти. Еще два предусматривали создание систем обработки морской воды: в одном случае разрабатывались опреснительные установки, в другом — системы очистки воды с извлечением растворенных в ней ценных химических соединений. Утилизация отходов также вошла в число перспективных направлений расширения сырьевой базы. К этому направлению относился один из «Больших проектов», в ходе реализации которого были построены два экспериментальных завода для переработки бытовых отходов.

На экологическом направлении был учрежден проект по разработке технологий улавливания серы при сгорании нефтепродуктов, а также по ее удалению из самой нефти.

С целью повышения уровня исследований в области новых материалов и технологических процессов на основе нетрадиционных принципов МВТП в 1981 г. учредило государственную программу НИОКР «Базовые технологии промышленности следующего поколения»⁷. Она включала следующие направления: новые материалы, новые электронные компоненты, биотехнологии, сверхпроводимость и системы программного обеспечения.

Из них самым обширным являлся раздел «Новые материалы», в рамках которого разрабатывались прочные сплавы с контролируемой кристаллической структурой, композиционные материалы, новые виды пластмасс, полимеры на основе кремния, керамические материалы (в частности для газовых турбин), материалы для применения в экстремальных условиях (в том числе для космических летательных аппаратов) и др.

⁷ Agency of Industrial Science and Technology. Tokyo. 1984, p. 13.

В основном исследовались и разрабатывались материалы конструкционного назначения, но несколько тем было посвящено «функциональным» материалам — для синтетических мембран, способных разделять смеси газов или жидкостей на составляющие их компоненты, а также электропроводящим полимерам. В области новых электронных компонентов были проведены разработки трехмерных интегральных схем, приборов для работы в экстремальных условиях, полупроводников, в которых электронные процессы реализуются в масштабах нескольких межатомных расстояний.

Биотехнологическое направление было представлено такими темами, как биореакторы, массовое выращивание клеток, рекомбинация ДНК, молекулярные системы для комбинирования протеинов, технологии получения сложных углеводородов и др. Все эти работы заложили основы нынешней японской биоиндустрии. В 1993 г. обе описанные выше программы — «Большие проекты» и «Базовые технологии промышленности следующего поколения» — были объединены в одну, под названием «Исследования и разработки в области промышленной науки и техники».

С целью расширения возможностей энергопроизводства путем использования альтернативных традиционным источников энергии в Японии успешно реализовывалась программа МВТП «Саншайн» («Солнечное сияние»)». Ее особенность заключалась в том, что направления работ были распределены по видам энергии (угольная, солнечная, геотермальная, «водородная», т. е. получаемая при сгорании водорода). Почти половину объема всех работ по этой программе составляла угольная тематика: изучались возможности превращения угля в жидкое топливо, наиболее экономичные методы производства необходимого для этого водорода, перспективные методы газификации угля. Большое внимание уделялось гелиоэнергетике и геотермальной энергетике, а также работам в области водородной энергетике.

Другая энергетическая программа МВТП, «Мунлайт» («Лунный свет»), была ориентирована на создание новой энергосберегающей техники⁹. Тематика входивших в нее проектов предусматривала разработку технических средств с повышенным КПД: высокотемпературной газовой турбины, электрогенерирующей установки на топливных элементах, керамической газовой турбины и др. Ряд проектов был посвящен созданию оборудования, обеспечивающего более рациональное энергопотребление. Был реализован большой объем работ с целью повысить рабочие параметры электрических аккумуляторов, разрабатывалось электротехническое оборудование, использующее эффект сверхпрово-

⁸ Когэ гидзюцуин сёкай (Перспектив Палаты промышленной технологии). Токио, 1983, с. 2.

⁹ Agency of Industrial Science and Technology. Tokyo. 1984, p. 8–9.

димости. В 1993 г. программы «Саншайн» и «Мунлайт» были объединены в одну — «Нью Саншайн».

К числу важнейших мероприятий МВТП в области высоких технологий относятся разработка концепции и реализация программы «Технополис». В соответствии с этой концепцией несколько периферийных городов стали опорными пунктами развития высокотехнологичных производств. В этих городах (технополисах) с учетом сложившейся здесь отраслевой специализации стали усиленно развивать новейшие наукоемкие технологии, вводя, в частности, налоговые и финансовые льготы для компаний-инвесторов. Кроме того, для НИОКР, выполняемых в технополисах, были предусмотрены правительственные субсидии¹⁰.

В настоящее время в передовых странах уделяется большое внимание согласованию и оптимизации процессов социально-экономического и научно-технического развития, определению масштабов и источников необходимых ресурсов. В связи с этим все большее значение приобретает деятельность правительственных учреждений, направленная на выявление наиболее актуальной тематики исследований и разработок, другими словами, приоритетов в сфере НИОКР. В Японии подобная деятельность осуществляется регулярно с 1971 г. Здесь с периодичностью один раз в пять лет производятся экспертные оценки широкого спектра научно-технической проблематики, определяется актуальность различных научно-технических проблем в ближайшей и среднесрочной перспективе, а также вероятные сроки их практической реализации.

Результаты экспертных оценок издаются в форме официального документа, а также публикуются в прессе для массового читателя и вызывают в Японии большой интерес. Содержащуюся в них информацию активно использует предпринимательский сектор, особенно мелкие и средние фирмы, не имеющие высококоразвитых аналитических подразделений. Изучение этих материалов позволяет предпринимателям заблаговременно формировать приоритеты своей деятельности, создавать новые производства, устанавливать партнерские связи и т. д. Результаты экспертного анализа используют также специалисты, формирующие научно-техническую политику на общенациональном уровне. Поэтому прогноз публикуют примерно за полгода до завершения работ над очередным «Базовым планом научно-технического развития»¹¹.

К началу 2000-х годов начали проявляться тенденции к снижению конкурентоспособности японской продукции на мировых рынках. Специальное исследование показало, что по сравнению с американскими и европейскими разработчиками японцы намного менее активны в таких

¹⁰ Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М., 2002, с. 193–200.

¹¹ Выход очередного, девятого прогноза научно-технического развития был намечен на середину 2010 г.

областях, как средства связи, биотехнологии, медицинские приборы и препараты.

Поэтому, выступая в парламенте в январе 2002 г., премьер-министр Д. Коидзуми потребовал рассматривать интеллектуальную собственность как важнейший национальный ресурс. Был сформирован Стратегический совет по интеллектуальной собственности, который тщательно проанализировал сложившуюся ситуацию и подготовил развернутые рекомендации.

Предметом особых забот стало оформление прав на интеллектуальную собственность, относящуюся к национальным приоритетам инновационной политики Японии, в число которых входят: а) живые системы, б) информатика и связь, в) нанотехнологии и материалы, г) средства охраны окружающей среды. Именно в этих областях появляются принципиально новые научные и технические решения, своевременная коммерциализация которых способна обеспечить инноваторам серьезные преимущества. Однако все эти решения должны быть быстро и грамотно защищены во избежание использования конкурентами. В этих целях было увеличено число специалистов, работающих в патентной сфере. В результате к 2001 г. на решение юридических вопросов по патентованию стало уходить 18 месяцев (против 32 в 1993 г.). Было также усилено правовое обеспечение гарантий от нарушения авторских прав: в 2002 г. были пересмотрены как Патентный закон, так и Закон о торговых знаках, что обеспечило защиту авторства на компьютерные программы и торговые знаки, используемые в деловых операциях с применением Интернета¹².

Большое внимание уделяется и «расчистке» путей для внедрения результатов исследований и разработок в промышленность. С этой целью были введены в действие законы о трансфере технологий из университетов в промышленность, о специальных мерах по оживлению промышленности и о совершенствовании промышленных технологий. Одновременно это способствовало активизации исследований и разработок в университетах и НИИ, поскольку широкое практическое использование их результатов являлось весьма весомым стимулом для ученых и инженеров.

Основной закон об интеллектуальной собственности, вступивший в силу в декабре 2002 г., стал правовым фундаментом, обеспечивающим ускорение инновационного развития Японии. Суть новой концепции, на основе которой должно происходить это развитие, состоит в том, чтобы организовать в масштабах всего японского общества «цикл интеллектуального созидания», который схематически изображается в виде трех узловых позиций, объединенных в замкнутую систему: интеллектуальное созидание — приобретение и охрана прав на интеллект

¹² Task Force on Industrial Competitiveness and Intellectual Property Policy. METI. Tokyo, 2002, p. 5–7.

туальную собственность — коммерциализация интеллектуальной собственности. Причем, последний этап является источником средств для следующего аналогичного цикла¹³.

Закон устанавливает, что ответственность за разработку общенациональной политики, обеспечивающей формирование и непрерывное воспроизводство цикла, а также за ее проведение в жизнь возлагается на государство. В то же время региональные власти обязаны обеспечивать реализацию этой политики на своих территориях с учетом местных особенностей. В законе содержатся установки на более эффективное использование знаний и опыта исследователей и инженеров, а также на создание наиболее благоприятных условий для их деятельности. Ответственность за реализацию этих установок возлагается на государственные органы и университеты.

Главным управляющим центром становится возглавляемый премьер-министром Национальный комитет по проблемам интеллектуальной собственности, в задачи которого входит также выработка основных принципов, на которых должна строиться политика в этой области.

Одна из наиболее сложных задач, связанных с форсированием научно-технического развития Японии, которую предстоит решать приемникам ЛДП — это повышение творческого потенциала японской науки. Так, аналитики американской компании РЭНД, ознакомившись с деятельностью японских компаний в области высоких технологий, обратили внимание на склонность совершенствовать уже достаточно известные процессы, а не искать принципиально новые подходы. Нередко японские специалисты, отлично зная, каким образом можно получить необходимый результат, не очень ясно представляли себе сам механизм процессов, приводящих к этому результату. При объяснении тех или иных сложных вещей японские ученые предпочитали прибегать к аналогиям, не затрагивая сущности явлений. В плане постановки исследований отмечалось стремление избегать повышенного риска и не браться за работы, которые с большой степенью вероятности могут оказаться нерезультативными.

Было отмечено и то, что выполнению исследований мешает дефицит вспомогательного персонала — высококвалифицированным специалистам приходится выполнять много рутинной работы, и у них остается меньше времени на творческие процессы. И хотя в Японии немало ученых столь же высокого класса, как и в США, заключают американские аналитики, их все же недостаточно, чтобы обеспечивать стране лидерство в науке и технологиях¹⁴.

¹³ Journal of Japanese Trade and Industry. 2003, № 3, p. 22.

¹⁴ Science and Technology Research and Development Capacity in Japan. RAND Technical Report. Santa Monica – Arlington – Pittsburg, 2004, p. 108–145.

Вполне правомерен вывод, что именно от повышения качества научно-технического потенциала будет зависеть успех в решении комплекса крупномасштабных задач, стоящих перед современной Японией. В кратком виде эти задачи представлены в одном из отчетов японского Национального института научно-технической политики¹⁵.

1. Продолжать лидировать в науке, технике и технологиях, т. е. добиваться здесь серьезных успехов, демонстрировать эти достижения всему миру и передавать свой опыт другим странам, являясь тем самым активным участником общечивилизационного процесса.

2. Вносить существенный вклад в познание неизученных научных областей и создание принципиально новых технологий. Для этого активно развивать и проявлять свою креативность, формировать модель будущего общества, наполненного новыми достижениями науки и техники. Все это должно способствовать созданию положительного эмоционального настроения как в самой Японии, так и за ее пределами.

3. Постоянно участвовать в решении глобальных проблем. Особое внимание при этом уделять направлениям, обеспечивающим сохранение окружающей среды, продовольственную безопасность, устранение последствий природных катаклизмов.

4. Поддерживать высокую международную конкурентоспособность благодаря непрерывному созданию новых производств. Для этого расширять применение самых совершенных производственных технологий и создавать условия для разработки «прорывных» технологий, осуществлять политику энергосбережения, широко использовать международные стандарты.

5. Формировать основы устойчивой социальной системы. Повысить внимание к участию региональных экономик в глобальных процессах, поддерживать участие городов в развитии регионов, улучшать качество жилищных условий.

6. Оперативно реагировать на изменения в возрастной и социальной структуре населения. Для этого сформировать системы подготовки и переподготовки по новым специальностям, организовать гибкую систему найма с использованием миграции персонала, полнее использовать способности пожилых работников.

7. Обеспечивать мирные, спокойные и безопасные условия жизнедеятельности. Создавать все более надежные транспортные средства, позволяющие сводить к минимуму последствия аварий. Анализировать перспективы науки, техники и технологий, выявлять и показывать оптимальные пути их развития и практического использования.

¹⁵ Comprehensive Analysis of Science and Technology Benchmarking and Foresight. NISTEP Report № 99. Tokyo, 2005, p. 46–47.

8. Предотвращать стихийные бедствия и минимизировать их последствия. Не допускать серьезных последствий природных и иных катастроф, повышать точность их прогнозирования. Немедленно и эффективно реагировать на чрезвычайные происшествия.

9. Обеспечивать здоровые условия жизни общества. Разрабатывать и использовать новые медицинские технологии. Для каждого индивидуума сделать доступной информацию о состоянии его здоровья и способах лечения. Сформировать и реализовать концепцию активного долголетия.

10. Создавать максимально благоприятные условия для расширения индивидуальных возможностей членов общества. Обеспечить условия для максимального проявления индивидуальных способностей, в том числе для инвалидов и престарелых. Понижать стоимость жизни и одновременно улучшать бытовые условия.

11. Обеспечить благоприятные условия для самовыражения и взаимопомощи в быту и общественной сфере. Формировать условия для поддержки и развития взаимного партнерства, сочетания личных интересов с общественными.

12. Создать систему непрерывного и целенаправленного обучения. Разработать новые, в том числе индивидуальные, методы обучения, развивающие интеллект обучаемых и делающие процесс обучения более интересным и эффективным. Обеспечивать развитие общества на основе научных взглядов на мир.

Этот комплекс базовых национальных приоритетов, опирающихся, как видно из их содержания, главным образом на социально-экономические цели развития японского общества, является также основой для его инновационного развития. Очевидно, что все перечисленные задачи могут быть успешно решены лишь при опоре на науку и новые технологии, и в первую очередь на наиболее весомые достижения в этих сферах.

В Японии вполне обоснованно считают, что пришло время, а главное, созрели основные предпосылки для того, чтобы страна начала играть более активную роль в форсировании мирового научно-технического развития и в решении на этой основе серьезнейших глобальных проблем. Об этом, в частности, шла речь и на заседании Совета по научно-технической политике (Сого кагаку гидзюцу кайги, Council for Science and Technology Policy), состоявшемся в июне 2009 г.¹⁶ Выступивший на нем Т. Асо, последний премьер-министр правительства, сформированного ЛДП, подчеркнул, что Япония должна преследовать цель стать ведущим мировым инноватором в избранных ею приоритетных областях,

¹⁶ С 2001 г. этот орган стал преемником Совета по науке и технике.

уделяя особо пристальное внимание проблеме старения населения, а также смягчению экологической проблемы не только для себя, но и в глобальном масштабе.

Оценивая усилия ЛДП, направленные на повышение японского научно-технического потенциала, следует, разумеется, принимать в расчет весь комплекс мер, которые проводились в жизнь для ускорения социально-экономического развития страны. Все более укреплявшаяся экономика обеспечивала надлежащими ресурсами научную и инженерную деятельность, а результаты последней укрепляли основы экономического развития¹⁷.

Огромную роль сыграла активно поддерживавшаяся партией привязка японской внешней политики к политике США, что обеспечивало режим наибольшего благоприятствования для развития японских технологий и научных проектов в теснейшем контакте с западными научными и инженерными школами, а главное — практически беспрепятственное приобретение наиболее эффективных технологий и новейшего оборудования в США и европейских странах. Немалую роль сыграло и то, что японские специалисты не тратили больших усилий на исследования и разработки по военной тематике, так как проблемы обороны страны в основном решались благодаря существованию японо-американского Договора безопасности.

Таким образом, ЛДП за период своего более чем полувекового правления осуществила многосторонние и глубокие преобразования во всей инновационной системе страны, обеспечив ее выход на передовые позиции в науке, технике и экономике. Она оставила своей политической преемнице огромный задел для последующего развития, так что и будущие успехи японских ученых и инженеров будут вполне закономерно связывать с успешной научно-технической политикой, которую ЛДП проводила в период своего правления.

¹⁷ В 2008 г. расходы на НИОКР превысили 100 млрд. долл. в трех странах: США (398 млрд.), Японии (149 млрд.) и Китае (121 млрд.). Сравнения — по покупательной способности валют (см.: OECD. Main Science and Technology Indicators, 2010/1. Paris, p. 18).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКЦИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЛДП

По количественным показателям роль аграрного сектора в экономике Японии невелика. Более того, в течение всего послевоенного периода она постепенно сокращалась, что, как известно, характерно для развитых стран. Если в 1960 г. сельское хозяйство давало 9% стоимости ВВП, то в 2005 г. — 1%, в числе занятых на него приходилось соответственно 26,8 и 4,0%, в экспорте — 4,3 и 0,3%, в импорте — 19,7 и 8,4%, в стоимости основного капитала — 4,8 и 2,3%¹. Понижительную тенденцию показывают и многие другие характеристики отрасли: число крестьянских хозяйств и занятых, площадь обрабатываемой земли. В последнее десятилетие сокращается и производство, рост которого закончился в 1985 г.

К настоящему времени отрасль обросла множеством проблем. Прежде всего это недостаточный уровень производства, нехватка рабочей силы, особенно молодой, низкий уровень сельскохозяйственных доходов и конкурентоспособности на внешнем рынке.

Вместе с тем значение сельского хозяйства для жизнедеятельности общества продолжает оставаться достаточно важным, причем не только как поставщика продовольствия, но и как выполняющего многофункциональную роль². Поэтому государство оказывает поддержку развитию отрасли. Аграрную политику Либерально-демократической партии (ЛДП) можно без преувеличения назвать протекционистской.

¹ 20 нэмпан сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к «Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2008 фин. г.»). Токио, 2009, с. 80, 81.

² Речь идет о том, что сельскохозяйственная земля играет важную роль с точки зрения поддержания экологического баланса: террасированные поля предотвращают наводнения, эрозию почвы и оползни; затопляемые рисовые чеки функционируют как временные резервуары для пополнения грунтовых вод и препятствуют оседанию почвы; и, наконец, последнее по счету, но не по важности — рисовые поля создают красивые пейзажи, что является немаловажным фактором качества жизни, а сельские регионы, малая родина японцев (*фурусато*), являются хранилищем национальной культуры.

Положение в сельском хозяйстве после прихода к власти ЛДП

Правомочно спросить, как возникли вышеозначенные проблемы, что произошло в течение 50-летнего правления либерал-демократов? Ведь приход их к власти по времени совпал с успешным развитием отрасли, с процессом ее модернизации, с получением стабильно высоких урожаев риса — основы питания японцев и главной земледельческой культуры страны. Почему сельское хозяйство, сосредоточенное исключительно на продовольственных культурах³, производит недостаточное количество продуктов питания и почему это стало проблемой?

Базой модернизации сельского хозяйства была земельная реформа 1946–1949 гг., проведенная фактически в основном представителями Либеральной партии Японии, и они же (т. е. часть членов будущей Либерально-демократической партии) еще до официального создания ЛДП в 1955 г. разрабатывали и осуществляли политику его развития.

Большую роль в становлении современного, технически оснащенного сельского хозяйства сыграло государство. Оно взяло на себя значительную часть финансирования отрасли, в частности создание инфраструктуры; предоставляло субсидии и кредиты; поддерживало доходы крестьянских хозяйств путем установления практически на все виды продукции закупочных цен (покрывающих издержки производства); гарантировало сбыт произведенной продукции; ограничивало импорт ее конкурирующих видов; оказывало поддержку, в том числе и финансовую, сельскохозяйственным кооперативам и т. п.

Государственные научно-исследовательские учреждения, региональные и префектурные опытные станции вели фундаментальные и прикладные исследования в области сельского хозяйства, они же занимались семеноводством и племенной работой (частные фирмы преобладали лишь в овощеводстве). Государство играло главную роль в области внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство, в подготовке и повышении квалификации работников аграрного сектора.

Уже к 1960-м годам, имея немногим более 6 млн. га обрабатываемой площади, Япония смогла своими силами обеспечить потребности в продовольствии примерно на 90% (по стоимости), а рисом — практически на 100%. Правда, в то время уровень потребления продуктов питания в стране был сравнительно невысоким (менее 2300 ккал на душу населения в день, в настоящее время — примерно 2600 ккал).

За два-три десятилетия сельское хозяйство превратилось из отсталой, основанной на ручном труде отрасли во вполне современную сферу

³ Ранее в стране выращивали и технические культуры, но постепенно они практически сошли на нет. Характерно, что в последние годы в статистике нет показателей даже по шелководству, некогда очень важной отрасли сельского хозяйства, продукция которой была и одной из основных статей экспорта.

экономики. В растениеводстве используются главным образом сортовые семена, в животноводстве и птицеводстве — элитные породы скота и птицы, что привело к росту урожайности культур и продуктивности в животноводстве. Урожайность затопляемого риса, сои, ячменя и пшеницы в конце XX — начале XXI века превысила показатель начала 1950-х годов в 1,7–1,8 раза. По урожайности ряда культур и продуктивности скота и птицы Япония входит в первую десятку стран: в 2005 г. урожайность обрубленного риса составила 53 ц/га⁴, пшеницы — 44 ц/га, пленчатого (пивоваренного) ячменя — 35 ц/га, картофеля — 34 ц/га, репчатого лука — 49 ц/га; надой молока на 1 корову (в эквиваленте 3,5% жирности) достигли в 2006 г. 8048 кг⁵.

Механизация и химизация производства, применение трудосберегающих технологий, специализация производства и пр. привели к росту производительности труда. За 1960–2005 гг. она выросла в 6,5 раза. Время для выращивания риса на единице площади только за 1980–2004 гг. сократилось в 2,1 раза, пшеницы — в 2,6 раза⁶.

Вместе с тем острота указанных выше проблем не снижалась. Производство не поспевало за ростом потребностей населения, которые к тому же становились все более разнообразными. В первые годы после реформы оно росло достаточно быстро, но темпы прироста постепенно снижались, началась стагнация, а затем и сокращение. Исключение составляла лишь животноводческая продукция, производство которой вначале развивалось весьма динамично, а затем — относительно стабильно (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика производства сельскохозяйственной продукции*
(2000 г. = 100)

Год	Производство		
	В целом	Растениеводство	Животноводство
1960	80,1	112,0	24,1
1970	100,6	115,8	66,3
1980	105,0	107,3	93,8
1990	111,1	111,9	107,2
2002	97,2	96,9	98,1
2005	95,2	94,5	97,3

* Составлено по: 20 нэмпан сёкурё ногё... с.82; Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. FY 2005, p. 59; www.maff.go.jp/toukei/abstract

⁴ В конце 1990-х годов урожайность, например, необрубленного риса составила в Японии 64 ц/га — пятое место после Египта (88 ц/га), Кореи (68), США (66), и Испании (65). См.: Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). Токио. 1999, с.151.

⁵ www.maff.go.jp/toukei/; www.maff.go.jp/esokuhou/

⁶ Сёкурё ногё носон хакусё. 2007 нэндо (Белая книга по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2007 фин. г.). Токио, 2008, с. 159; www.maff.go.jp/toukei/abstract/

Основные причины такого положения сводятся к следующему. Во-первых, вырос спрос на продукты питания из-за увеличения численности населения и роста его доходов (которые даже во время рецессий если и падали, то незначительно), т. е. японцев стало больше и они начали лучше питаться.

Во-вторых, обрабатываемая площадь, и прежде сравнительно небольшая, начала сокращаться: с 6071 тыс. га в 1960 г. до 4610 тыс. га в 2009 г.⁷ Еще больше уменьшилась посевная площадь. Климатические условия в стране позволяют снимать в ряде районов по два и даже по три урожая в год. Но если в конце 1950-х годов посевная площадь на 38% превышала размер обрабатываемой, то в 2008 г. она на 8% была меньше площади обрабатываемых земель. Это объяснялось строительством промышленных предприятий и спортивных сооружений, прокладкой дорог, выпадением земли из обработки в результате стихийных бедствий, прекращением обработки, в том числе выращивания вторых и третьих урожаев, в связи с отсутствием рабочей силы. Существовали также и причины технологического порядка: вследствие внедрения новых сортов культур стали совпадать сроки уборки вторых и третьих урожаев с высадкой рисовой рассады на основные поля.

Третья причина — недостаток рабочей силы, особенно молодой. За 1960–2009 гг. число занятых уменьшилось в 5 раз, составив 2,9 млн. чел. В условиях роста технического оснащения отрасли этот процесс абсолютно закономерен, но в японском сельском хозяйстве свыше 60% занятых — лица 65 лет и старше (2009 г.)⁸. Это резко контрастирует с ситуацией в других странах: в 2000 г. в товарных хозяйствах Японии в числе постоянно занятых их было свыше 50% против примерно 4% во Франции и около 8% — в Англии⁹. Число лиц в возрасте до 39 лет и их доля в общем числе занятых, напротив, сокращались (%)¹⁰:

Год	Доля	Год	Доля
1975	24,5	1995	10,3
1985	17,1	2002	9,9
1990	13,5		

Правда, число фактически работающих в отрасли намного превышает данные Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, на которых основаны приведенные расчеты, ибо многие из тех, кто числится за другими отраслями, в той или иной степени занимаются и

⁷ www.maff.go.jp/tokei/sihyo/index.html

⁸ Ibid.

⁹ Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к «Белой книге по сельскому хозяйству»). Токио, 2001, с. 33. Для Англии и Франции речь идет о наемных рабочих.

¹⁰ Подсчитано по: Сёкурё ногё носон хакусё. 2004, с. 44.

сельским хозяйством. Это так называемые фермеры выходного дня, т. е. работающие на земле в выходные дни или вечерами. Высокий уровень «двойной занятости» (в 2007 г. примерно 80% хозяйств получали доход и вне сельского хозяйства¹¹) — одна из особенностей Японии и объясняется главным образом небольшими размерами сельскохозяйственных доходов (в 2006 г. в расчете на одного человека они были в 2,4 раза ниже, чем на мелких предприятиях других отраслей).

Кроме того, и это важно, в сельское хозяйство приходят и люди из других отраслей экономики. В их числе есть и молодежь, и лица среднего возраста (во многом, видимо, этому способствовала более чем десятилетняя рецессия). В 1990 г., например, сельское хозяйство стало основным занятием для 2,5 тыс. лиц моложе 40 лет, а в 2003 г. — для 12 тыс. (что составило почти 15% «новых» фермеров)¹². Из вновь начавших заниматься сельским хозяйством в 2007 г. лица в возрасте 39 лет и моложе составили почти 57%, в возрасте 40–59 лет — 31%¹³. К услугам тех, кто впервые начинает работать в этой отрасли, с 1987 г. в префектурах открыты консультационные центры. Имеется также Всеяпонский консультационный центр, действующий под эгидой Японской торгово-промышленной палаты.

В-четвертых, на сокращение производства влияет рост импорта более дешевых продуктов питания. Он увеличивается как в результате появления спроса на продукты, не производимые в стране, так и в связи с целенаправленной политикой либерализации внешней торговли в соответствии с положениями Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), членом которого Япония стала в середине 1950-х годов, о необходимости ликвидации импортных квот.

Либерализация импорта сельскохозяйственной продукции проводилась медленно и достаточно осторожно, поскольку продукция эта была не конкурентоспособна на внешнем рынке. И все же либерализация негативно сказывалась на производстве не только аналогичной отечественной продукции, но и ее родственных видов (например, ввоз грейпфрутов, лимонов, фруктовых соков и джема отразился на покупках отечественных цитрусовых, в первую очередь мандаринов).

Значительное снижение уровня самообеспеченности продовольствием в последние два десятилетия было связано именно с либерализацией ввоза в конце 1980-х — начале 1990-х годов многих сельскохозяйственных товаров, особенно таких значимых для Японии, как говядина, плодовые и овощи¹⁴. Более того, в соответствии с Заключительным со-

¹¹ Annual Report... FY 2008, p. 26.

¹² Horé хакусё фудзоку токэйхё. 2000, с. 34; The Nikkei Weekly. 12.08.2004.

¹³ Annual Report... FY 2008, p. 30.

¹⁴ Производство мандаринов за 1985–1997 гг. сократилось почти на 40%, всех плодовых — на 33%, свинины — на 17%, говядины — только за 1994–1997 гг. — на 12%; в мясном

глашением Уругвайского раунда переговоров с середины 1990-х годов японская сторона согласилась даже на импорт ограниченного количества святой святыни для японцев — риса.

В результате показатель степени самообеспеченности продовольствием, при подсчете его по стоимости произведенной продукции, снизился за 1960–2005 гг. с 93 до 66%, если же считать по заключенным в этой продукции килокалориям, — с 73 до 40%.

Основная причина низкой эффективности производства (что делает его неконкурентоспособным) — мелкие размеры хозяйствования, обусловленные прежде всего небольшими размерами наделов. Даже при том, что за послевоенный период средняя площадь земли на одно хозяйство увеличилась почти вдвое, составив в 2007 г. 1,83 га, японские показатели трудно сравнить даже с европейскими, которые превосходят их в 9 раз, не говоря уже об американских и тем более австралийских. Особенно много мелких хозяйств в растениеводстве, где важную роль играет как раз площадь обрабатываемой земли. В 2003 г. свыше 70% рисоводческих хозяйств владели одним га земли и менее. При этом часто этот один гектар набирается из нескольких участков, иногда удаленных друг от друга на значительные расстояния. Хотя в последние десятилетия предпринимались усилия для объединения земель в рамках фермерских хозяйств, по свидетельству профессора Токийского университета Хомма Масаёси, даже сейчас встречаются фермы, производящие рис на площади в 60 га, состоящей из 180 участков¹⁵. В такой ситуации очень сложно экономить на масштабах производства.

Кроме того, многие владельцы мелких ферм не только не заинтересованы в снижении издержек производства (из-за государственной поддержки цен), но и не имеют для этого возможностей. В результате повышение технического уровня в хозяйствах и рост выпуска продукции замедляются.

Вместе с тем в условиях мелкотоварного хозяйства издержки производства вследствие технического оснащения отрасли¹⁶ постоянно повышаются. Свою лепту в увеличение издержек вносят и японские цены на средства сельскохозяйственного производства: они выше, чем в других странах¹⁷. К издержкам производства добавляются издержки

животноводстве сократилось не только число хозяйств (что было характерной тенденцией уже давно), но и число голов скота на откорме (где все время наблюдалась обратная тенденция): за 1988–2000 гг. соответственно на 50 и 15%.

¹⁵ Homma Masayoshi. Paving the Way to Large-Scale Farming // Japan Echo. June 2009, p. 23.

¹⁶ Себестоимость продукции особенно быстро росла именно в мелких хозяйствах: за 1965–1985 гг. издержки производства в хозяйствах, имеющих под рисом 3 га и более, увеличились примерно в 3 раза, в хозяйствах с 0,3 га — почти в 6 раз (подсчитано по: Horé хакусё фудзоку токэйхё. 1989, с. 66–67).

¹⁷ Например, во второй половине 1990-х годов цены на удобрения, химикаты и сельскохозяйственную технику были выше американских в 1,2–1,3 раза, на электроэнергию — в 3,3,,

обращения. Эта сфера включает несколько уровней оптовиков и розничных торговцев¹⁸. Все это значительно увеличивает розничные цены на продукты питания¹⁹, что создает проблему для японских потребителей.

Основные вехи аграрной политики ЛДП

Многие из стоящих сегодня перед сельским хозяйством проблем проявились уже во второй половине 1950-х годов. В частности, хотя степень механизации была еще очень незначительна, обозначилась тенденция к падению эффективности капиталовложений. Неуклонно увеличивался разрыв в уровне производительности труда в сельском хозяйстве и в промышленности; сильно отставала отрасль по этому показателю в сравнении с другими развитыми странами. Цены на ее продукцию превысили цены мирового рынка. Структура производства не отвечала новым потребностям населения.

Стержнем аграрной политики в то время был Закон о сельскохозяйственной земле 1952 г., который закрепил положения земельной реформы, и принятый еще в 1942 г. Закон о контроле над продовольствием, предусматривающий государственный контроль над основными видами производства и распределения продуктов питания²⁰.

В целях разрешения возникших проблем правительство разработало программу улучшения структуры сельского хозяйства, которая нашла свое отражение в Основном сельскохозяйственном законе (февраль 1961 г.). Был заявлен курс на создание в деревне так называемых жизнеспособных хозяйств (сельскохозяйственный доход которых равнялся бы доходу городской семьи при одинаковом числе ее членов) и изменение структуры производства при преимущественном развитии животноводства, плодоводства и овощеводства. Закон предусматривал развитие производственного кооперирования, повышение доходов занятых в отрасли, расширение масштабов переработки продукции, улучшение

на топливо — в 2,6 раза; цена на сельскохозяйственную землю превосходила американский показатель в 113 раз (Хэйсэй 12 нэндо сёкурё ногё носон-но доко-ни кансуру нэндзи хококу / Доклад о положении с продовольствием, сельским хозяйством и деревней за 2000 фин. г. / Токио, 2001, с. 73).

¹⁸ Издержки обращения, например говядины, в Японии в 6 раз выше, чем в США (Сёкурё ногё носон хакусё. 2001, с. 26).

¹⁹ Розничные цены в стране в среднем примерно на 30% выше, чем в других развитых странах, т. е. за поддержку сельского хозяйства расплачивается потребитель. Например, в 2004 г. цена на рис в среднем в городах превышала американскую более чем в 3 раза, тайскую — более чем в 9 раз; в 2003 г. в семи крупных городах цены на чеснок превышали импортные в 4 раза, на шпинат — в 3 раза, на *таро*, *сиитаке* и имбирь — примерно в 2 раза (Annual Report... FY 2004, p. 44; Japan Almanac. Tokyo, 2006, p. 149).

²⁰ Текст обоих законов см.: Ногё сёроппо (Свод законов в области сельского хозяйства). Токио, 1973.

условий ее сбыта и благоустройство деревень. В целом это направление аграрной политики сохраняется и по сей день.

Во исполнение поставленных задач были внесены коррективы в ряд действующих законов и приняты новые положения. Они были направлены на некоторое ослабление введенных аграрным законодательством ограничений на землевладение, землепользование и сбыт продукции, на активизацию инициатив производителей²¹. Те, кто перестал заниматься сельским хозяйством или покинул деревню вообще, могли передать землю сельскохозяйственному кооперативу на доверительных началах. С 1970 г. начала действовать система независимого обращения риса, при которой его можно было продавать, минуя государственные органы.

Принятие Основного сельскохозяйственного закона иногда оценивают как вторую аграрную реформу²². Определенные основания для этого есть: с его введением был провозглашен поворот от принципа ограничения размеров землепользования к их увеличению, от упора на рост производства риса к его сокращению, от контроля над импортом сельскохозяйственной продукции к его либерализации.

Однако в отличие от других экономических программ сельскохозяйственная программа выполнена не была. Хотя отрасль развивалась в заданном направлении, но даже через 20 лет (а программа была рассчитана на 10 лет) число «жизнеспособных хозяйств» не достигло предполагаемой цифры — 1 млн. (к 1970 г. их оказалось только 150 тыс., а в 1980 г. — 408 тыс.)²³.

В то же время к старым проблемам прибавились новые. Наиболее важные — перепроизводство риса, огромный дефицит специального счета контроля над продовольствием²⁴ и снижение степени самообеспеченности продовольствием. В начале 1970-х годов в условиях структурных кризисов и неурожая в странах-экспортерах продовольствия все это вызвало к жизни проблему обеспечения продовольственной безопасности²⁵.

Концепция продовольственной безопасности была сформулирована в 1980 г. в общем контексте стратегии комплексной безопасности страны. Она предполагает достижение определенного потенциала сельскохозяй-

²¹ Подробнее см.: Маркарьян С. Б. Послевоенная земельная реформа и развитие сельского хозяйства // Япония. Лики страны в разные времена. М., 1994, с. 51–86.

²² См., например: Экономисутто. 13.06.1993, с. 18.

²³ Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 1988, с. 143.

²⁴ Средства его шли на закупку государством риса и других видов продукции, а доходы формировались за счет продажи ее потребителям; дефицит покрывался перечислениями с общего счета бюджета.

²⁵ Конкретным поводом к этому была приостановка экспорта соя-бобов из США, откуда Япония получала примерно 90% этой продукции.

ственного производства (при котором в критической ситуации можно повысить в короткий срок производство основных продуктов питания), наличие необходимых резервов и надежных долгосрочных соглашений с экспортерами.

Правительство приняло также ряд мер, направленных на увеличение размеров хозяйствования, упростив переход земли в аренду или в собственность, на снижение издержек производства путем расширения прав организаций, торгующих рисом, а также на изменение отраслевой структуры и создание условий для вновь начинающих заниматься сельским хозяйством. Однако результаты этих мер были весьма скромными.

Во многом за это ответственна сама аграрная политика, при которой в течение длительного времени создавались тепличные условия для существования даже нерентабельных хозяйств, обеспечивались им гарантированные цены, скупалась большая часть произведенной продукции, ограничивался импорт более дешевого продовольствия. В результате у производителей не было необходимости экономить ресурсы, применять более совершенные технологии, стремиться к повышению производительности труда. Все это тормозило появление настоящих предпринимателей, имеющих хозяйственную смекалку.

Такая политика — создание благоприятных условий существования для всех слоев крестьянства — проводилась, видимо, по ряду причин, как экономических (первое время власти боялись разорения большей части мелких ферм и, соответственно, — сокращения производства), так и социальных, поскольку хотели избежать всякого рода конфликтов. Определенный вклад внес и общий патерналистский настрой руководства страны, относящейся к конфуцианскому региону. Немаловажную роль, думается, сыграл также политический фактор, ибо деревня представляла немалую часть электората, традиционно голосовавшего за правящую партию²⁶.

Трудно сказать, какая из этих причин была решающей. Но можно высказать предположение, что вряд ли в 1960-е и тем более в последующие годы при иной политике могло пострадать производство. Достаточно сказать, что сбор риса уже значительно превышал потребности страны. Что же касается возможности социальных выступлений, то они в любых случаях вряд ли могли иметь деструктивный характер. Безусловно, расставание с землей, с привычным образом жизни — серьезная психологическая травма, но ведь в Японии большинство крестьянских семей уже давно были связаны с городом и имели приличные доходы. Речь могла идти лишь об одиноких супругах-пенсионерах, но в 60-х годах прошлого века таких было не так уж много, они могли оставаться в деревне, передав свою землю в подрядную обработку (она была раз-

²⁶ В 1968 г. — 30% электората ЛДП, в 1983 г. — 17%.

решена в 1966 г.). Кроме того, как известно, японцам свойственны дисциплинированность и конформизм, высокие адаптивные способности, уважение к закону и власти, умение подчинять личные интересы интересам общества, т. е. все те черты, которые присущи населению конфуцианского региона. Все это, несомненно, способствовало бы бесконфликтному разрешению проблемы, структурная перестройка отрасли началась бы гораздо раньше и требования ВТО в отношении аграрного сектора страны были бы не столь опасными.

Формирование аграрной политики в Японии проходило в условиях противоборства двух точек зрения. Промышленные компании и их экономические организации требовали радикального изменения этой политики. Труженики сельского хозяйства в лице своих организаций, а также аграрное лобби в парламенте выступали за сохранение ее в прежнем виде. Правительство лавировало между этими двумя силами и старалось, действуя в рамках конфуцианской этики, найти приемлемый компромисс, принять какое-то сбалансированное решение. В результате, даже объективно оценивая ситуацию и принимая нужные для изменения создавшего положения законы и распоряжения, оно проводило их в жизнь непоследовательно, не соблюдая им же самим намеченные планы.

Приведем лишь несколько примеров. Провозглашая курс на всемерное развитие крупных хозяйств, государство поддерживало все слои производителей. Призывая к сокращению производства риса, оно продолжало повышать на него закупочные цены, что еще больше усугубляло проблему его перепроизводства. Приняв в 1970 г. постановление о предоставлении поощрительных субсидий (имевших целью повышение производительности труда и снижение издержек) для выращивания альтернативных рису культур только крупным хозяйствам, оно начало это осуществлять лишь через 18 лет, в 1988 г. Купля-продажа земли была полностью разрешена, когда цены на нее были уже так высоки, что покупать ее стало экономически невыгодно, да и продавать ее не спешили (тем более что налоги на сельскохозяйственные земли были незначительны), оставляя как страховой фонд, выжидая пока ее начнут скупать для государственных нужд. Все это задерживало переход земли, вымывание мелких хозяйств и рост крупных ферм.

Жесткое государственное регулирование и протекционистская политика проводились и в отношении других отраслей экономики, но при этом регулировались и условия, при которых развивалась конкуренция. В аграрном секторе этого не было. В результате эффективность производства снижалась, что ставило сельское хозяйство в тяжелое положение перед внешними вызовами, а потребителя — перед высокими ценами.

События конца 1980-х — 1990-х годов, связанные с либерализацией важных для Японии видов сельскохозяйственной продукции (по требованию США, поддержанному ВТО), подтолкнули руководство страны

к более интенсивному внедрению рыночных рычагов в функционирование отрасли и развитию процесса дерегулирования (в частности, была прекращена политика повышения цен). В конце 1992 г. была опубликована новая концепция аграрной политики, которая предусматривала изменение ее сугубо протекционистского характера, создание условий для развертывания здоровой конкуренции в целях формирования крупных хозяйственных единиц. В развитие ее в первой половине 1990-х годов были приняты поправки к ряду законов, в результате чего улучшились кредитные условия, возможности для профессиональной подготовки молодежи и т. п. Кроме того, были разработаны проекты и программы для стимулирования исследований в области разработки новой техники и технологий, в том числе путем все большего привлечения к решению этих проблем частных научно-исследовательских институтов.

Наиболее важными законодательными актами 1990-х годов стали вошедший в силу в конце 1995 г. Закон о спросе и предложении основных видов продовольствия и стабилизации цен, который заменил Закон о контроле над продовольствием 1942 г., и принятый в 1999 г. Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и деревне²⁷, заменивший закон 1961 г.

Закон 1995 г. юридически закрепил принятые ранее положения, направленные на снятие различных ограничений и расширение рамок функционирования рыночных рычагов, определил курс в области обращения сельскохозяйственной продукции, и в частности, необходимые меры для стабилизации спроса и предложения основных ее видов. Однако при этом сбыт этих видов продукции, как и раньше, гарантировался для тех хозяйств, которые сотрудничают с государственной программой регулирования производства.

Закон 1999 г. провозгласил необходимость стабильного снабжения населения безопасным для здоровья высококачественным продовольствием по разумным ценам (т. е. с учетом интересов потребителей). В нем отмечается необходимость «устойчивого развития» сельского хозяйства²⁸. Важная роль придается политике комплексного развития сельских районов, и прежде всего холмистых и горных, условия которых не вполне благоприятны для ведения сельского хозяйства, но которые очень важны не только с точки зрения производства (на них приходится 40% стоимости продукции), но и с точки зрения многофункциональной роли сельского хозяйства.

²⁷ Тексты обоих законов см.: <http://www.shugiin.go.jp>

²⁸ Концепция «устойчивого развития» была принята в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и развитию. Она предполагает такое развитие отрасли, при котором удовлетворение текущих потребностей общества не наносило бы ущерб жизни будущих поколений, т. е. не ухудшало состояние окружающей среды.

До последнего времени Японии удавалось достаточно успешно отстаивать свою протекционистскую политику на внешнем рынке. Но теперь речь идет не об импортных квотах (в конце XX века они были сняты даже на ввоз риса), а об установлении тарифов. Именно высокие пошлины ныне являются объектом резкой критики японцев на переговорах в ВТО. На рис, бобовые и масло они составляют от 300 до 500% (на рис — 490%), на пшеницу, сухое молоко и крахмал — от 200 до 300%, на арахис и съедобный корень конняку — свыше 500% (на конняку, например — 990%, поскольку в районе выращивания этих культур от них всецело зависит экономическое положение занятых).

Летом 2004 г. Япония при поддержке ряда других стран-импортеров продовольствия сумела добиться решения о том, что правительства будут иметь право устанавливать достаточно высокие пошлины на ввоз тех видов продукции, которые они сочтут наиболее значимыми для своей экономики²⁹. Отстояли свои позиции страны-импортеры продовольствия и на переговорах по вопросу о свободной торговле на уровне представителей министерств в Женеве в июле 2008 г. Было решено, что снижение тарифов не затронет 6% всей номенклатуры сельскохозяйственной продукции³⁰, хотя предлагалось оставить лишь 4% (США настаивали даже на 1%). Таким образом, не только японские производители риса остаются, как и прежде, защищенными перед странами-экспортерами: по сообщению Киодо цусин от 30 июля 2008 г., услышав эту новость, с облегчением вздохнули производители сахарного тростника в преф. Окинава и фермеры на Хоккайдо — производители масла и картофельного крахмала. В то же время таким результатом остались недовольны представители бизнеса, ибо высокие пошлины на сельскохозяйственную продукцию затрудняют заключение двусторонних соглашений о свободной торговле или экономическом партнерстве³¹.

В этих условиях правительство считало необходимым как можно быстрее провести структурные реформы, которые позволили бы повысить уровень самообеспеченности продовольствием, с одной стороны, и эффективность производства и соответственно конкурентоспособность отечественной продукции, — с другой. В мае 2004 г. министр сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее — министр сельского хозяйства)

²⁹ Нихон кэйдзай симбун. 03.08.2004.

³⁰ Речь идет о доле продукции, которую импортеры считают «значимой». Япония настаивала на 8% (в настоящее время тарифы, превышающие 100%, распространяются в Японии на 125 позиций — продукты из риса, молоко и сахар, что составляет 9,4% всех 1332 сельскохозяйственных позиций).

³¹ Именно из-за необходимости снижения тарифов на сельскохозяйственную продукцию Япония по сравнению с другими развитыми странами запоздала с заключением таких соглашений (первый договор был подписан только в 2002 г. с Сингапуром, откуда продовольственный импорт был ничтожным).

утвердил новую концепцию развития отрасли³², а в марте 2005 г. правительством был одобрен десятилетний план развития аграрного сектора. В нем представлены основные параметры структуры сельского хозяйства на 2015 г. и определены контрольные цифры по ряду показателей³³: например, уровень самообеспеченности продовольствием должен вырасти с 40 до 45% из расчета потребляемых калорий и с 70 до 76% по стоимости; число крестьянских дворов сократится до 2,1–2,5 млн.; будут созданы 330–370 тыс. семейных ферм и 20–40 тыс. хозяйственных единиц, работающих эффективно и стабильно³⁴.

Как наиболее важные мероприятия (намеченные или уже проведенные) для достижения заявленных целей можно отметить следующие:

- введение адресных субсидий только сравнительно крупным фермерам, представившим программу расширения производства;
- прекращение политики поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию (поддержка цен допускается лишь в связи с форс-мажорными обстоятельствами);
- ликвидация практики административного регулирования размеров производства риса;
- допущение частного сектора в лице торговых домов и оптовиков к участию в определении цен на рис в соответствии с потребительским спросом;
- предоставление несельскохозяйственным акционерным компаниям права вести сельскохозяйственное производство на арендуемой у фермеров или муниципалитетов земле;
- повышение качества продукции для обеспечения населения безопасными для здоровья продуктами питания как важной составляющей неценовой конкурентоспособности³⁵;
- поощрение развития «органического» сельского хозяйства;
- пропаганда потребления отечественной продукции и продвижение ее на мировой рынок (ее главный козырь — высокое качество);
- усиление контроля качества импортной продукции, в том числе генетически модифицированной³⁶, на предмет его соответствия японским санитарным нормам;

³² Носэй кайкаку кихон косо. Хэйсэй 16 нэн 5 гацу 24 нити (Основная концепция реформы аграрной политики. 24.05.2004)//www.maff.go.jp.

³³ Annual Report... FY 2005, р. 3; Ногё кодзо-но тэмбо (Предполагаемая структура сельского хозяйства). Токио, 2005; Ногё кэйзэй-но тэмбо (Предполагаемые экономические показатели хозяйств). Токио, 2005.

³⁴ Имеется в виду, что занятые в этих хозяйствах лица работают в течение года столько же часов, что и в других отраслях экономики, и что высокая производительность труда и доход занятых здесь гарантируют им такой же уровень жизни, как и у занятых в других отраслях.

³⁵ Подробнее о «безопасном» продовольствии см.: Маркарьян С. Б. Продовольственная безопасность и безопасное продовольствие // Япония 2004/2005. Ежегодник. М., 2005.

- проведение мер по предупреждению распространения инфекционных болезней скота и птицы;
- усиление мер по защите интеллектуальной собственности (приняты соответствующие закон и программа, участниками которой являются государство, университеты, различные институты и частные компании; она предусматривает коммерциализацию новых технологий путем межсекторского сотрудничества);
- предоставление местным органам власти права заставлять владельцев, не использующих землю более года, либо начать производство, либо сдать ее в аренду или продать³⁷;
- реформирование сельскохозяйственной кооперации с целью активизация ее деятельности по внедрению в жизнь положений закона 1999 г. и оздоровлению кооперативных финансов³⁸;
- пропаганда движения за потребление отечественной, и в частности местной, продукции в целях повышения уровня самообеспеченности продовольствием;
- создание в Министерстве сельского хозяйства Бюро по продовольственной безопасности и проблемам потребителей.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что аграрная политика значительно меняет свое содержание: страна переходит от административного регулирования производства и сбыта сельскохозяйственной продукции к более широкому внедрению рыночных отношений. Однако при этом речь идет не о том, чтобы прекратить защиту аграрного сектора, а лишь об изменении направления его развития и механизма его поддержки.

Определенные результаты принимаемых мер уже можно видеть. Растет число сравнительно крупных хозяйств, как индивидуальных, так и коллективных. Только за три года (2005–2008) в 3 раза увеличилось число акционерных предприятий несельскохозяйственного сектора экономики, которые начали работать в сельском хозяйстве. Почти в 6 раз за 2002–2007 гг. выросло число эко-ферм. Начали сокращаться издержки производства: за 1995–2005 гг. из расчета на единицу продукции при

³⁶ В Японии население с большим предубеждением относится к такой продукции. Поэтому, например, «Киккоман», крупнейший производитель соевого соуса, покупает в США (откуда она получает 99% сырья) только немодифицированные соевые бобы. Более мелкие компании, производящие соевый соус и *тофу*, начали закупать бобы в Индии, Австралии и Канаде (Нихон кэйзай симбун. 25.09.06).

³⁷ The Nikkei Weekly 13.06.2005.

³⁸ Подробно о мерах по реформированию сельскохозяйственной кооперации см.: Маркарьян С. Б. Япония: проблемы и перспективы сельскохозяйственной кооперации // Восток как предмет экономических исследований. Очерки, статьи, разработки. М., 2008. Подробнее о реформе кооперативного законодательства см.: Ногё то кэйзай. 2002. № 4, с. 5–28.

производстве молока они снизились на 1,7%, риса — на 15, пшеницы — на 23, соя-бобов (из расчета на единицу площади) — на 12,6%³⁹. Постепенно растет потребление отечественной продукции⁴⁰.

Вместе с тем критика аграрной политики либерал-демократов не прекращалась. Более того, она стала более радикальной в свете углубления процессов глобализации, и в частности настоятельной необходимости заключения двусторонних договоров о свободной торговле.

Критика последней концепции либерал-демократов по развитию сельского хозяйства

В последние годы все настойчивее звучат предложения по развитию сельского хозяйства, альтернативные правительственным проектам. Общий мотив этих предложений — как можно быстрее провести структурные реформы, чтобы эта отрасль сумела выйти на уровень развития аграрных секторов в других странах. Ключевыми словами всех выступлений по этому вопросу являются дерегулирование и создание крупных эффективно работающих хозяйств с низкими издержками производства, высоким уровнем производительности труда, т. е. внедрение полноценных рыночных отношений в функционирование отрасли, развитие здоровой конкуренции, снижение таможенных барьеров, открытие внутреннего рынка для продукции других стран, выход Японии на мировой рынок зерна.

Весьма активно критикуется политика сокращения площадей под рисом и его производства. Специалисты считают, что можно производить рис в любом количестве и продавать его на мировом рынке, что рис в Японии — высокого качества и всегда найдет спрос (при условии, конечно, что его себестоимость будет снижена), а пшеницу и сою покупать там, где ее выращивать дешевле, чем в Японии. По словам, например, профессора Хомма Масаёси, этот шаг является первейшим условием для выхода сельского хозяйства Японии на внешний рынок. Он полагает, что существующие в настоящее время условия в аграрном секторе не дают возможности талантливым японским фермерам проявить свои способности⁴¹.

³⁹ Подсчитано по: 20 нэмпан сёкурё ногё... с. 59; www.maff.go.jp/toukei/ Следует при этом иметь в виду, что цифры о снижении издержек, например, показывают общую тенденцию, а результаты на сегодняшний день могут и не быть такими благоприятными, учитывая значительный рост цен на средства сельскохозяйственного производства после 2005 г.: в 2008 г. средний индекс цен на средства производства для сельского хозяйства превысил уровень 2005 г. на 13,6% (Annual Report... FY 2008, p. 6).

⁴⁰ В частности, в 2008 г. увеличилось потребление отечественных риса, пшеницы, овощей. Правда, кроме мощной пропаганды потребления японской продукции во многом в этом отношении «помогли» инциденты с некачественными продуктами, ввезенными из Китая.

⁴¹ Japan Echo. June 2009, p. 21, 22, 24.

Такого же мнения придерживается по этому вопросу и старший научный сотрудник НИИ экономики, торговли и промышленности Ямасита Кадзухито. Меры по сокращению площадей под рисом он охарактеризовал как ошибочные. По его подсчетам, при увеличении производства риса в условиях снижения на него внутреннего спроса цены упадут, и все проблемы с ВТО и двусторонними соглашениями могут быть решены. Он подверг резкой критике правительственную политику, заявив, что она «препятствует сельскому хозяйству страны проявить во всей полноте свой экономический потенциал». Он считает, что правительственная политика требует больших субсидий и предполагает сохранение высоких импортных тарифов, что существующие до сих пор ограничения в соответствии с положениями Закона о сельскохозяйственной земле (по которому «владение» и «управление» не разделяются, т. е. «земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает»), касающимися передачи земли или привлечения инвесторов со стороны, препятствуют укрупнению хозяйств и ведут к сохранению низкого уровня сельскохозяйственных доходов. По его мнению, уже пришло время для осуществления в аграрном секторе «Большого взрыва» (Big Bang)⁴².

Подвергается критике и так называемая адресная поддержка крупных хозяйств. По мнению профессора Хомма, правительство выбрало слишком низкий критерий для предоставления такой помощи — индивидуальному хозяйству достаточно иметь 4 га (на Хоккайдо — 10 га), коллективному на базе кооператива — всего 20 га. Идею адресной помощи, по мнению профессора, японцы почерпнули из арсенала Евросоюза, где уже прошли структурные реформы и фермы достигли размеров в 40–50 га. Поэтому он считает, что надо сперва добиться увеличения ферм, а затем уже предоставлять помощь для эффективного управления такими хозяйствами. Представляется, однако, что эта посылка профессора Хомма не совсем корректна, поскольку адресная помощь могла бы быть весьма полезной и для достижения аналогичных европейским размерам хозяйствования.

Подвергаются сомнению и подсчеты уровня самообеспеченности продовольствием в Японии. Заместитель главного редактора журнала «Ногё кэйэйся» Асакава Ёсихиро обвиняет чиновников Министерства сельского хозяйства в манипулировании цифрами. Он считает, что показатели, которыми они оперируют, малоэффективны, а при подсчете по стоимости уровень обеспечения страны отечественной продукцией не ниже, чем в других развитых странах, и не следует рассчитывать его на базе килокалорий. Он полагает, что таким образом чиновники искусственно создают мрачную картину состояния японского сельского хозяйства, искажают реальное положение в аграрном секторе. Под предлогом

⁴² Нихон кэйдай симбун. 19.05.2009.

необходимости повышения степени самообеспеченности продуктами питания Министерство сельского хозяйства преследует собственную цель — увеличить бюджет и направить ассигнования на сокращение площадей под рисом. В результате население несет двойную нагрузку: покупает дорогой рис и платит налоги, которые идут на субсидии для сокращения площадей под этой культурой. Главное, на что должно обратить внимание правительство, считает Асакава, — это обеспечение аграрного сектора молодыми талантливыми кадрами и создание необходимых резервов продовольствия⁴³.

Серьезное исследование проблемы либерализации торговли рисом провели, в частности, Танака Тэцудзи и Хосое Нобухиро. В конце 2008 г. они опубликовали статью, в которой проанализировали несколько сценариев развития производства риса в Японии и в странах-экспортерах риса на основе использования стохастической модели общего равновесия⁴⁴. Ученые пришли к выводу, что снятие таможенных барьеров не может негативно повлиять на обеспечение японцев этой продукцией.

В наиболее полном виде альтернативный правительственному варианту структурных реформ сельского хозяйства представлен в опубликованном в январе 2009 г. документе под названием «Стратегия Японии в отношении развития сельского хозяйства в глобализованном мире»⁴⁵, предложенном группой участников Японского форума по вопросам международных отношений⁴⁶. Этот документ был составлен как результат обмена мнениями хорошо информированных специалистов — политиков, деловых людей, представителей правительства, научных кругов и пр. (всего под документом стоит 99 подписей) и представлен премьер-министру Асо Таро.

Аграрный сектор рассматривается в «Стратегии» не только как источник снабжения японцев продовольствием, но и как отрасль с потенцицией роста и возможностями внести свою лепту в мировые рынки продовольствия. Чтобы достичь такого уровня развития, предлагается, в частности, создать «Базовые зоны по производству продовольствия» (типа свободных экономических зон), где бы высококачественная продукция производилась при низкой себестоимости на крупных участках

⁴³ Asakawa Yoshihiro. Playing Tricks with the Food Self-Sufficiency Ratio // Japan Echo. June 2009.

⁴⁴ Productivity Shocks and National Food Security for Japan // RIETI Discussion Paper. Series 09-E-004.

⁴⁵ www.jfir.or.jp/e/pr/pdf/31pdf

⁴⁶ Форум основали в 1987 г. Окита Сабуро, Хаттори Итиро и еще 61 представитель деловых, академических и политических кругов, а также массовых коммуникаций. Цель — представлять точку зрения простых людей на международные отношения. Участники Форума считают, что Япония должна не только думать о своей роли в международном сообществе, но и содействовать установлению нового порядка в мире. Форум является некоммерческой организацией.

обрабатываемой земли с использованием новейших технологий⁴⁷. В этих зонах предполагается обеспечить свободный переход земли в аренду или владение и снять любые другие ограничения в этой сфере. Но при этом необходимо сохранить запрет на нецелевое использование сельскохозяйственной земли на период не менее 30 лет. Подчеркивается, что для стимулирования создания крупных землевладений необходимо как можно быстрее побудить владельцев мелких хозяйств расстаться с землей (при соответствующей компенсации).

Из других предложений участников форума следует отметить следующие. Правительство должно рассмотреть вопрос о том, как более эффективно использовать имеющиеся земли, как сделать так, чтобы развитие сельского хозяйства — основы экономики сельских районов — послужило их возрождению. В частности, предлагается содействовать установлению более тесных связей этой отрасли со вторичным и третичным секторами народного хозяйства с целью создания продукции с высокой долей добавленной стоимости, что в свою очередь вовлечет и городских жителей в деятельность по возрождению сельской экономики.

Необходимо отменить политику сокращения площадей под рисом и установления квот на его производство, ибо японский рис должен присутствовать на мировых рынках. Кроме того, существующая политика искусственно поддерживает высокие цены. Фермеры должны иметь свободу рук «для создания инновационного рисового агробизнеса». Даже если квоты на производство риса на какое-то время останутся, надо сделать так, чтобы их можно было свободно покупать и продавать.

Правительство должно разработать программу приема квалифицированных иностранных сельскохозяйственных рабочих, заменив ею программу использования стажеров. Кроме того, правительство должно заблаговременно объяснять населению свою позицию на переговорах в ВТО.

Политика обеспечения продовольственной безопасности должна реализовываться в двух ипостасях — как гарантия снабжения населения продовольствием в достаточном количестве и хорошего качества и как демонстрация правительством его возможностей эффективно справиться с резкой нехваткой продовольствия. Слова «гарантированное обеспечение» и «безопасность» надо относить не только к продовольствию, но и к энергетике, транспорту, благосостоянию населения. Для эффективного разрешения этой проблемы в документе предлагается создать при Канцелярии премьер-министра межведомственную независимую организацию, ответственную за экономическую, в том числе продовольственную, безопасность страны.

⁴⁷ Предлагается выделить для этих зон примерно 1,5 млн. га, где предварительно создать инфраструктуру и обеспечить условия для повышения производительности труда; сформировать здесь около 10 тыс. хозяйств, имеющих примерно по 100 га под обработкой.

Предлагается усилить международное техническое сотрудничество с развивающимися странами, помогать им внедрять новые технологии, что улучшит имидж Японии за рубежом.

Необходимой частью структурных изменений должны стать открытие рынка для импортных товаров, активный экспорт произведенного в Японии продовольствия за границу, а также посылка туда японских фермеров. Не менее важна подготовка профессионалов в провинции, особенно молодых, которые смогут продвигать экспорт сельскохозяйственной продукции, ибо на местах работники имеют мало информации и слабо ориентируются в ситуации на мировых рынках.

Вместо предоставления адресных субсидий целесообразнее было бы наиболее результативным фермерам списать частично и даже полностью все их долги, а также использовать другие возможности для поддержки их управленческих инициатив. Но эти меры могут быть только краткосрочными, ибо они относятся к мерам «желтой корзины»⁴⁸, которые, по правилам ВТО, должны постепенно быть ликвидированы.

Необходимо стимулировать развитие экономики в сельских районах, чтобы доходы там подтянулись к уровню городских. Для этого надо создавать в аграрном секторе продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости (что может быть достигнуто путем внедрения новых моделей агробизнеса) и теснее связать сельское хозяйство, торговлю и промышленность (с упором на мелкие и средние предприятия). Желательно установить налоговые и другие льготы для тех пенсионеров, которые смогут посвятить себя деятельности по улучшению положения в сельских районах, а также оказывать помощь мелким хозяйствам, выращивающим рис на террасированных полях, поскольку они выполняют важную миссию по защите окружающей среды.

И все это может быть результативным, по мнению авторов документа, только в том случае, если руководить этими мероприятиями будет правительство.

В нашем распоряжении нет данных о реакции администрации либерал-демократов на вышеприведенные предложения участников Форума. Собственно говоря, и времени для этого у ЛДП фактически не оставалось. Правда, в июле 2009 г. были приняты очередные поправки к Закону о сельскохозяйственной земле, но, как и прежде, это был паллиатив: были облегчены лишь условия аренды сельскохозяйственной земли для несельскохозяйственных компаний. Желание же этих фирм владеть землей услышано не было. Против этого шага резко выступают сельскохозяйственные организации и парламентское аграрное лобби, которые

⁴⁸ По определению ВТО, — протекционистские меры, которые очень сильно отражаются на торговле (иногда их называют «искажающими торговлю»);

считают, что в условиях неблагоприятной конъюнктуры фирмы могут начать использовать обрабатываемую землю не по назначению.

Критиковать политику, не отвечая за нее, конечно, куда легче, чем ее проводить. Еще неизвестно, как бы поступили эти критики, если бы им пришлось осуществлять те меры, которые они предлагают. Возможно, они тоже вспомнили бы принцип *ва* и не решились бы на радикальные меры, чтобы не обострять обстановку, а выбрали бы, по традиции, золотую середину, как действовали все японские правители при проведении серьезных реформ. В японской истории лишь однажды кардинальные реформы были осуществлены в сжатые сроки. Но ведь тогда эту шоковую терапию к японцам применили представители другой страны, носители другого менталитета, и экспериментировали они не на своем народе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ЯПОНИИ: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ

К концу XX столетия в японском обществе накопилось немало проблем, которые продолжают обостряться в связи со старением населения и требуют решения. В последние годы на первый план среди них выдвинулась проблема существования в старости. Согласно прогнозам Института проблем населения Министерства труда и социального обеспечения (МТСО), ожидается, что к 2020 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше составит 27,9% всех жителей страны, а в более отдаленной перспективе, в 2050 г., достигнет 35,8%¹.

Рост продолжительности жизни и увеличение численности лиц старших возрастов делает проблему обеспечения источников доходов для этих людей все более актуальной и понятной в глазах всего общества. Все большее число людей начинают примерять эту проблему на себя и интересоваться вопросом о качестве своей жизни в старости.

По мере сокращения численности работающих поколений и увеличения количества пенсионеров соотношение расходов пенсионной системы (по выплате пенсий) и ее доходов (поступлений от страховых взносов) систематически ухудшается, пенсионные фонды быстро исчерпываются, японская пенсионная система испытывает все большие финансовые трудности. Попытки правительства справиться с этой проблемой неизменно вели к ужесточению норм пенсионного обеспечения, в частности к росту страховых взносов, повышению пенсионного возраста, что, в свою очередь, не могло не вызывать протеста со стороны общества. Эти проблемы появились давно, накапливались постепенно и в конце концов стали той последней каплей в общей нестабильной ситуации в стране, которая спровоцировала кризис всей политической системы, сложившейся в Японии после войны.

К началу ее официального реформирования в середине 1980-х годов система пенсионного обеспечения в Японии представляла собой совокупность разрозненных частей. Каждая из них была рассчитана на обеспечение своей группы пенсионеров и по условиям страхования и предоставления пенсий практически никак не согласовывалась с другими пенсионными режимами. Все эти разрозненные части группировались в два крупных блока — частных и государственных систем. При этом наиболее существенным отличием Японии от других стран являлось то, что блок частных систем был не только сопоставим с государственным, но и в определенных моментах преобладал над ним. Это было связано со спецификой исторического развития социально-экономических институтов в Японии.

В послевоенное время, когда резко усилилось западное влияние, исторический опыт традиционных способов социальной защиты населения, который появился на заре становления капитализма в Японии, в конце XIX — начале XX века, не только не был забыт, но, напротив, был значительно дополнен и развит. Генетически этот опыт был связан с традициями японской феодальной семьи *иэ*. Большую роль в этом сыграло умелое обращение правящей элиты к чувствам и настроениям населения, к его неосознанному стремлению сохранить угасающие традиции.

Важно отметить, что особенно долго сохранялась традиция фактически совместного владения собственностью *иэ* и ее неделимости. Такая семья, как справедливо подчеркивал еще В. Б. Рамзес, вплоть до поражения во Второй мировой войне довольно успешно противостояла проникновению в свою среду капиталистических отношений². Все члены *иэ* пользовались ее благами сообща и в критических случаях вместе переносили материальные затруднения. При утрате трудоспособности они могли рассчитывать на поддержку *иэ*, чему способствовал принцип неделимости дохода и всего имущества.

Несомненно, такое положение длительное время сдерживало развитие общенациональных институтов социальной защиты лиц наемного труда. Влияние этого ощущалось на протяжении всего послевоенного периода и отражается на состоянии системы социального обеспечения в Японии и в настоящее время.

По мере индустриализации и урбанизации Японии семья *иэ* как источник традиционных ценностей распадалась. В послевоенный период этот процесс особенно усилился благодаря росту уровня жизни, активному вовлечению женщин в общественный труд и снижению рождаемости, а также усилению влияния западных ценностей на молодежь.

¹ Population Statistics of Japan. Tokyo, 2006, p. 15 (<http://www.ipss.go.jp/p-info/e/PSJ2006.pdf>).

² Рамзес В. Б. Социально-экономическая роль сферы услуг в современной Японии. М., 1979, с. 92–99.

Разрушалась целостность *из* как производственно-потребительской единицы, менялась ее социальная роль. Ни повышение квалификации, ни обеспечение нетрудоспособных, ни даже воспитание подрастающего поколения не могли не испытывать эрозии в результате разрушения традиционной семьи как самостоятельного социально-экономического образования.

Вместе с тем угасанию традиции противодействовали целенаправленные акции со стороны консервативных представителей высших слоев общества, эстафету которых после войны приняла правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП). Причем очень быстро встал вопрос уже не о судьбе семьи как таковой, а об использовании семейной традиции для решения проблем социальных отношений на уровне всего общества в условиях, когда производственно-экономическая функция переходила от фактически крестьянской *из* к торгово-промышленным компаниям. Бизнес активно начал строить свои отношения с наемными работниками, так сказать, на «семейный» лад и широко использовал мощную идеологическую поддержку со стороны государственной машины. В результате вместо общенациональных социальных систем центральное место заняли разнообразные патерналистские институты, среди которых видное место принадлежало институтам социальной защиты. Усилия оппозиции, ориентированной на западный путь развития, создать такие институты на общенациональном уровне были приглушены и в конце концов канализированы в русло движения за построение по семейному типу не только производственных организаций, но и всего японского общества, которое базировалось бы на корпорациях с их огромным потенциалом решения социальных проблем «своим домом». Таким образом, на уровне отдельных фирм постепенно формировались новые, квазитрадиционные производственно-социальные структуры, в которых системы своеобразной социальной защиты были встроены в общую практику управления рабочей силой на принципах так называемого пожизненного найма. Увольняясь с предприятия, работник с большим трудовым стажем мог рассчитывать на солидное выходное пособие.

Это не могло не отразиться на развитии государственной пенсионной системы. В борьбе за создание государственных форм социального обеспечения наиболее успешными оказывались те слои наемных работников, которые, будучи представленными пофирменными профсоюзами, уже и так имели те или иные виды обеспечения со стороны предприятий. Первые государственные режимы, возникшие в послевоенные годы, охватывали лишь незначительную и привилегированную часть населения. Ей предоставлялись относительно благоприятные условия пенсионного обеспечения, которые впоследствии уже никогда не были распространены на более широкие слои населения.

В составе сложившейся таким образом государственной пенсионной системы выделились три основных части. Во-первых, блок «обществ взаимопомощи» (*кёсай кумиай*). Они возникли еще до войны для служащих центрального государственного аппарата и местных органов власти, а также для работников частных школ и давали право на получение довольно высокой пенсии в 55-летнем возрасте (при наличии 15-летнего срока страхования). Вторая часть представляла собой систему «пенсий благосостояния» (*косэй нэнкин*), учрежденную в 1942 г. Она была предназначена для наемного персонала частных японских компаний и по численности членов превосходила систему *кёсай кумиай* в четыре–пять раз. Условия пенсионного обеспечения здесь были жестче — 20-летний страховой стаж и право на пенсию начиная с 60-летнего возраста. Наконец, в 1961 г. была учреждена национальная пенсионная система (*кокумин нэнкин*), под действие которой подпадало все остальное население страны, не охваченное к тому времени ни одним другим режимом. Будучи самой многочисленной, она была и самой жесткой по условиям страхования и предоставления пенсий: для назначения пенсии требовался 25-летний страховой стаж, а пенсии выплачивались по достижении 65-летнего возраста. Уровень самой пенсии не зависел от прежних доходов пенсионера (как в системах *кёсай кумиай* и *косэй нэнкин*): пенсии были одинаковыми для всех и весьма невысокими, если не сказать мизерными.

Парадоксально, но те слои работников, которые всю свою трудовую жизнь находились под защитой системы «пожизненного найма», в период длительного современного кризиса оказались в ущемленном положении по сравнению с рядовыми претендентами на государственную пенсию. Постоянные работники крупных фирм, уволенные раньше возраста, когда им полагалось бы выходное пособие по выслуге лет, некоторое время не имели права ни работать, ни получать пенсию в рамках своей государственной системы, поскольку, как правило, такой персонал застрахован в системе *косэй нэнкин*, строго ограничивающей трудовую деятельность своих членов.

Дело в том, что принудительное увольнение с фирмы происходит в Японии в среднем на пять лет раньше официального срока назначения государственной пенсии. И хотя положение этого слоя наемного персонала не назовешь бедственным хотя бы уже потому, что ему назначается большое выходное пособие от фирмы, тем не менее факт остается фактом: разрыв в сроках прекращения трудовой деятельности и назначения государственной пенсии существует. В период высоких темпов роста японской экономики, когда рабочая сила была нарасхват, пожилой работник мог найти себе работу, ради которой он готов был пожертвовать государственной пенсией. Но в настоящее время положение на рынке труда осложнилось, да и традиционный «пожизненный

наем» рушится как система. Поэтому значительная часть персонала оказывается на улице безо всякой надежды на получение нового места и без права на выходное пособие за работу на прежнем месте, а в результате остается без средств к существованию.

Решающее значение для судеб японской пенсионной системы, как в прошлом, так и особенно в настоящее время, имеют особенности и способы ее финансирования, а также связанные с этим проблемы.

В общемировой практике финансирования пенсионных систем были разработаны два способа обеспечения пенсионных выплат необходимыми средствами, и в механизме финансирования пенсионной системы в Японии используются оба способа.

В государственной системе иногда применяется так называемый метод текущего финансирования, в соответствии с которым текущие поступления из госбюджета (т. е. из налогов, взимаемых с населения) расходуются на выплату пенсий. Целиком таким способом финансируется только система пенсионного вспомоществования, которая предназначена для небольшого контингента лиц, по разным причинам не охваченных ни одной из страховых систем. Во всех остальных случаях государство лишь частично оплачивает текущие расходы на выплату пенсий. Так, на выплату пенсий в рамках системы *косэй нэнкин* государство расходует до 1/3, а в системе *кокумин нэнкин* — до половины их размера.

Однако основная часть доходов японской пенсионной системы формируется за счет другого источника — страховых взносов трудоспособного населения, их капитализации с последующей передачей нетрудоспособным лицам в виде пенсий. На долю страховых взносов приходится до 75% всех средств финансовой сметы государственной пенсионной системы Японии. К страховым пенсионным системам относятся фактически все основные государственные пенсионные системы — *кёсай кумиай*, *косэй нэнкин* и *кокумин нэнкин*. Страховые взносы изымаются либо в установленной доле от доходов участников, либо в твердом размере. В отношении наемных работников кроме них самих страховые взносы выплачивают также и их работодатели. Нормы нагрузки на участников финансирования пенсионных систем, основанных на долгосрочном накоплении этих взносов, периодически повышаются. В настоящее время страховые взносы, взимаемые солидарно с застрахованных и их работодателей в системах группы *кёсай кумиай*, составляют от 11 до 14%, а в системе *косэй нэнкин* — 13, 6% фонда заработной платы. Застрахованные в *кокумин нэнкин* ежемесячно выплачивают по 13,3 тыс. иен³.

Считается, что метод капитализации страховых взносов лучше метода текущего финансирования, который ведет к большим нагрузкам

на государственный бюджет, к необеспеченности пенсионной системы средствами на выплату пенсий будущим пенсионерам. Основной посылкой при организации финансирования по принципу капитализации страховых взносов служит возможность сократить для будущих поколений страхующихся уровень нагрузки по обеспечению все возрастающего контингента пенсионеров⁴.

В действительности как недостатки, так и достоинства характерны для обоих способов финансирования, и сами по себе они не могут служить главным (тем более единственным) аргументом в пользу выбора одного из них. Дело в том, что, как показывают элементарные подсчеты, лица, страхуемые в системах, капитализирующих взносы, переплачивают на взносах в настоящее время, в то время как лица, страхуемые в системах, использующих метод текущего финансирования, по мере роста численности контингента пенсионеров проигрывают в будущем⁵.

Преимущественное обращение государства и частных компаний Японии к методу капитализации страховых взносов объясняется очень просто. Поскольку при данном методе сроки накопления ресурсов и их расходования значительно разнесены во времени, а сами ресурсы велики, то образуется возможность их длительного использования на другие цели, в первую очередь на накопление капитала. С точки зрения обеспечения производства и производственной инфраструктуры финансовыми средствами этот метод финансирования пенсионной системы обладает поистине огромным потенциалом, в том числе как стабильный источник дотаций или займов (или самофинансирования, если речь идет о системах частных компаний) с относительно низким процентом на ссужаемые средства, их долгосрочным характером, полной управляемостью, слабой контролируемостью. Естественно, и государство, и частные компании, организуя финансирование пенсионного обеспечения по описанному методу, имеют в виду весьма активно использовать этот ресурс в целях воспроизводства капитала.

На государственном уровне пенсионные фонды в Японии начали накапливаться с момента возникновения в 1942 г. самой первой пенсионной системы, основанной на принципе страхования и предназначенной для лиц наемного труда (*косэй нэнкин*). Соответственно с этого времени возникла и проблема, связанная с выбором способов инвестирования средств фонда и управления этими инвестициями.

Названная проблема имеет важный организационный аспект, связанный с особенностями механизма государственного управления в Японии.

⁴ Родо кэйэй анаунсумэнто. 1973, № 76, с. 23–27

⁵ О механизмах финансирования подробнее см.: Матрусова Т. Н. Организация системы пенсионного обеспечения в Японии. Дисс. канд. экон. наук. М., 1980, на правах рукописи, с. 97–117.

³ Сякай хосё нэнкан (Ежегодник по социальному обеспечению). Токио, 2006, с. 16–17

Дело в том, что он базируется на принципах относительной самостоятельности и автономности в принятии решений и деятельности министерств. Однако существенным ограничением этой самостоятельности в вопросах инициации предлагаемых решений служит механизм получения их одобрения со стороны парламента как законодательного органа управления. Поэтому при возникновении споров между министерствами по поводу получения средств на осуществление своей деятельности между ними постоянно возникает соперничество, исход которого зависит от результатов борьбы политических сил в парламенте.

Неизменная позиция МТСО состоит в том, что пенсионный фонд представляет собой накопленные взносы застрахованных работников и их работодателей и что он должен быть отделен от других средств, находящихся под контролем правительства и инвестироваться и управляться исключительно в интересах этой части населения. Министерство финансов Японии, напротив, всегда настаивало на том, что страховые взносы, поступающие в национальные пенсионные системы, должны управляться государством наравне с другими средствами, поступающими в его распоряжение от населения в качестве доверенного капитала.

На исход этой борьбы за управление финансами пенсионного фонда в первые послевоенные годы повлияло то обстоятельство, что Япония встала перед необходимостью восстанавливать разрушенное хозяйство при полном отсутствии источников финансирования. Что касается проблем социального обеспечения населения, то японское государство явно отодвигало их на второй план, пользуясь еще и тем обстоятельством, что процесс страхования только начался и момент начала возврата страховых взносов в виде пенсий откладывался по крайней мере на два-два с половиной десятилетия.

Поэтому в конечном счете в тот период поддержку парламента получила позиция Министерства финансов, и пенсионный фонд в обязательном порядке переходил под эгиду Бюро доверительных фондов (БДФ), созданном при Министерстве финансов. Вместе с почтовыми сбережениями населения и резервным фондом почтового страхования резервные пенсионные фонды становились источником финансирования специального счета инвестиций и займов государственного бюджета. Эта часть госбюджета активно использовалась в Японии на цели создания общественной инфраструктуры, а также для предоставления займов населению на строительство жилья. Такая политика японского государства оказалась действительно весьма эффективной с точки зрения создания в стране мощной производственной инфраструктуры и послужила одним из важных факторов быстрого экономического развития Японии в 1960–1970-е годы⁶. В начале 1970-х годов, например,

⁶ Endo Shokichi. The Fiscal Investment and Loan Schedule. Tokyo, 1965.

фонды японской пенсионной системы в целом, достигнув колоссальных размеров, дали возможность государству покрывать до 25% расходов этого спецсчета. Отметим при этом, что общие расходы спецсчета инвестиций и займов обычно в несколько раз превышают бюджетные расходы государства на образование, социальное обеспечение и другие социальные нужды⁷.

Частные пенсионные системы придерживаются исключительно метода долгосрочного накопления фондов, поскольку это дает компаниям возможность использовать эти фонды на цели накопления капитала. Только за период с 1952 по 1959 г. это способствовало увеличению доли собственных капиталов японских компаний в среднем более чем на 16%⁸.

На начальном этапе массового распространения частных систем, пришедшемся на послевоенный период, большую роль в укреплении этого метода сыграла также государственная политика стимулирования внутреннего накопления капитала при помощи налогового законодательства. В связи с падением и без того очень низкой по сравнению с другими странами доли собственных капиталов в общем объеме капиталов японских компаний⁹ в начале 1950-х годов государство освободило от налогового обложения часть внутренних резервов и фондов корпораций, в числе которых очень быстро наибольшее значение приобрели фонды выходных пособий, положившие впоследствии начало развитию в Японии частных пенсионных систем.

В 1960-е годы в частных системах обеспечения лиц, увольняемых с крупных предприятий по возрасту, происходят значительные изменения. До этого времени компании предлагали таким лицам крупные выходные пособия, уровень которых примерно соответствовал 40 ежемесячным заработкам к моменту увольнения. Это были огромные суммы, и их вполне хватало для существования в старости. Однако лишь треть получателей выходных пособий расходовала их на обеспечение собственной старости. Две трети тратили их на образование детей или на приобретение жилья, пытаясь решить проблемы, не решенные в течение жизни.

Кроме того, с точки зрения государства такая форма обеспечения далеко не во всем отвечала требованиям, предъявляемым к пенсионным системам, в частности это касалось вопросов финансирования, образования и использования фондов, а также вопросов, связанных с субъек-

⁷ Jinushi Shigeyoshi. Social Security System in Transition // Developing Economies. 1972, № 4.

⁸ После войны доля внутренних корпоративных накоплений в общей сумме капиталов японских компаний не только более чем в 2 раза была меньше, чем в других странах, но и упала ниже довоенного уровня их собственных показателей (см. Мория Фумио. Нихон сикон-сюго хаттацу си / История развития капитализма в Японии/. Токио, 1069, с. 44).

⁹ Jinushi.Shigeyoshi Op. cit., p. 496–515.

том финансового регулирования и гарантиями предоставления выплат. Ни государство, ни даже персонал фирм, как правило, не имели доступа к деятельности частных систем. Лишь в четверти случаев их деятельность контролировалась профсоюзами, в остальных же случаях она являлась предметом правил внутреннего распорядка, устанавливаемых администрацией предприятия, либо элементом традиционно сложившейся практики¹⁰. Такое обращение со страховым фондом стирало различия между ним и другими резервными фондами, которые в случаях банкротств или плохой конъюнктуры использовались на цели, не имеющие ничего общего с обеспечением персонала. Отсутствие законодательно оформленной гарантии права наемного персонала на выходное пособие даже у той относительно небольшой части «людей компании», на которых распространялась практика «пожизненного найма», являлось основной чертой частных систем того времени.

В 1960-е годы на предприятиях возникают новые формы организации обеспечения — законодательно регулируемые частные пенсионные системы (tax-qualified pension plan, TQPP). Одна из них, согласно принятому в 1962 г. закону, была предназначена для мелких и средних фирм, а другая, так называемый фонд системы *косэй нэнкин* (*косэй нэнкин кикин*), по закону от 1965 г. — для крупных.

Наибольшее значение имеет последняя из этих двух форм, причем не только потому, что она охватывает частным страхованием наибольшее число наемных работников, и даже не потому, что пенсионные фонды, собранные в ее рамках, составляют более половины всех фондов частных пенсионных систем. Самое главное состоит в том, что совладельцем этих фондов вместе с фирмами стало государство и регулирование этих частных систем фактически перешло в его руки, поскольку все их средства поступают в распоряжение БДФ.

При этом государство, отказываясь в отношении соответствующего контингента пенсионеров собственной системы *косэй нэнкин* от выплаты им части пенсии по установленному законом порядку, делегировало это право компании, если та, в свою очередь, обязывалась существенно увеличить эту часть. Мера участия самого государства в финансировании этой системы оставалась прежней, т. е. той, что и для всех остальных пенсионеров системы *косэй нэнкин*, не подпадавших под действие этих новых условий. В настоящее время налогом не облагается половина не выносимых с предприятий пенсионных фондов, если их размер не превышает установленного законом максимума. Обычно все предприниматели, учреждающие собственную пенсионную систему, по крайней мере часть фондов не выводят из-под своего контроля, стремясь использовать открывающуюся возможность по увеличению капитала за

счет этого источника. Однако та часть пенсионного фонда, которая превышает эту определенную величину, подлежит налогообложению в той же степени, что и основная часть прибыли. Но предприниматель может рассчитывать на льготное налогообложение фонда, если он отказывается от единоличного контроля над ним и выводит его за пределы компании.

В зависимости от величины компании, а также от размеров ее прибыли и самого пенсионного фонда выведение этого фонда может быть более или менее выгодным для нее. Чем больше пенсионный фонд и размер капитала компании, тем при прочих равных условиях более ощутимы и налоговые льготы. Однако расчеты показывают, что чем выше уровень прибыли компании, тем в меньшей степени она ощущает преимущества от предоставляемых законодательством налоговых льгот¹¹.

К моменту первого «нефтяного шока» 1973 г. лишь 10% компаний из общего числа фирм, имевших пенсионные фонды, находили для себя более выгодным целиком закреплять эти фонды за собой. Остальные 90% хотя бы частично выносили пенсионные накопления в сферу государственного контроля. Те и другие при этом пользовались налоговыми льготами: первые — в отношении половины не вынесенных с предприятий фондов, а вторые — в отношении всех пенсионных накоплений¹².

Ситуация, однако, постоянно меняется. Поскольку выбор формы управления фондом зависел и зависит от множества факторов (размер капитала и прибыли, доля пенсионных фондов в общей сумме капитала, соотношение сил между профсоюзом и предпринимателем), то проблема оптимизации сочетания этих форм является одной из наиболее актуальных для предпринимателей в области организации финансирования института выходных пособий и пенсий от предприятия. В результате кроме исходных форм частного пенсионного обеспечения, которые сформировались за 1960-е годы, в Японии постепенно появились разнообразные их варианты, и по состоянию на конец XX столетия картина несколько изменилась. Если судить по величине пенсионных фондов, то ведущее место занимает группа делегированных систем крупных компаний. Затем следует группа частных пенсионных систем мелких и средних компаний, которые также выводят свои фонды в сферу внешнего контроля. Третье место занимают традиционные системы выходных пособий, которые находятся в личном управлении предпринимателей. Наименее значима группа прочих систем, хотя она и самая многочисленная (см. табл. 1).

¹¹ Подробнее см.: Матрусова Т. Н. Цит. соч.

¹² Мураками Киёси, Ямадзакэ Тикаро, Гото Асао. Тайсёкукин, нэнкин сэйдо-но сэккэй то унъэй (Проектирование и управление системой выходных пособий). Токио, 1974, с. 72–73.

¹⁰ Огава Киити. Рорэй хосё (Обеспечение старости). Токио, 1972, с. 90–96.

Таблица 1
Типы частных пенсионных систем в Японии в 1996 г.*

Тип системы	Количество зарегистрированных систем	Число застрахованных, млн. чел.	Объем пенсионных фондов, трлн. иен
Традиционные системы выходных пособий	...	...	13,6
Пенсионные системы мелких и средних предприятий	91 465	10,8	17,8
Делегированные системы (косэй нэнкин кикин)	1 873	12,1	41,8
Прочие системы	405192	3,6	3,4

* Watanabe Noriyasu. Occupational Pension Systems in Japan. Special Topic. Vol. 37. № 08. August 1, 1998 (<http://www.jil.go.jp/jil/bulletin/year/1998/vol37-08/04.htm>).

Таким образом, воздействие государства на предпринимателей с целью усиления гарантий для участников частных пенсионных систем основывается не только на главном движущем мотиве капиталистического производства — стремлении предпринимательства к увеличению прибыли. Существенным рычагом государства в этой области стало его участие в финансировании частных систем группы *косэй нэнкин кикин* при переводе фондов в сферу контроля со стороны государственной пенсионной системы.

Надо сказать, что такая политика правительства ЛДП не всегда венчалась успехом: трудно было заставить предпринимателей отказаться от единоличного управления финансами своих пенсионных систем. Впрочем, нет уверенности и в том, что власти сильно стремились к этому. Очевидно, главной целью государственной политики в области частного пенсионного обеспечения было стремление решить проблему обеспечения нетрудоспособных с наименьшими затратами бюджетных средств, возложив значительную часть расходов на бизнес, но при этом сделать это таким образом, чтобы и последний мог извлечь для себя определенную выгоду.

Итак, начиная с 1962 г. в области финансирования частных систем произошли большие изменения. Политика льготного налогообложения части внутренних пенсионных фондов частных систем стала совмещаться со льготным налогообложением всех выводимых с предприятия фондов. Это, естественно, приводит к некоторому снижению уровня внутрен-

них корпоративных накоплений. Однако налоговые льготы, предоставляемые государством тем корпорациям, которые отказываются от единоличного управления частными системами, компенсируют определенную часть суммы выносимых фондов.

Не будет преувеличением сказать, что введение законодательных норм для частных режимов пенсионного обеспечения стало эпохальным событием, поскольку, по существу, именно с этим событием связано становление этого звена как системы. Превращение государства в субъект регулирования частной пенсионной системы позволило преобразовать разрозненные режимы, носящие сугубо добровольный, во многом даже благотворительный, патерналистский характер, в систему, имеющую более четкую организационную форму, контролируемую государством и предоставляющую персоналу японских фирм определенные гарантии по материальному обеспечению в старости. Одним из результатов этих преобразований стало возникновение собственно пенсионной формы выплат от предприятий, переход к которой, несомненно, повышал уровень ответственности японских фирм перед своим персоналом.

Внимания заслуживает и тот факт, что вынесение частных пенсионных фондов в сферу государственного контроля стало также одним из средств укрепления финансового аппарата японского государства и японской экономики в целом. Это относится не только к тем частным пенсионным фондам, которые попадают в сферу контроля со стороны государственной системы пенсионного страхования (т. е. к системе *косэй нэнкин кикин*), но и к тем фондам частных пенсионных систем, которые вкладывались в страховые компании и инвестиционные траст-фонды.

С того времени, когда в Японии началась активная мобилизация страховыми компаниями средств населения путем введения страхования жизни, одним из важнейших видов которого стало групповое страхование на предприятиях, и прежде всего пенсионное, роль этого источника заемных средств для японских компаний существенно возросла. До этого страховое дело в Японии было развито довольно слабо по сравнению с другими странами, и особенно она отставала в области страхования жизни. Так, в 1960 г. в Японии активы страхования жизни составляли лишь 4,2% всех средств банковской системы (в Норвегии — 20,5%, в Швеции — 25,1, в США — 41,2, в Канаде — 58, в Англии — 61,5%)¹³. Между тем переход от в основном имущественного страхования к страхованию жизни несет с собой качественное изменение роли страхового дела в воспроизводстве капитала. Средства, вносимые в страховой имущественный фонд, — это доход предпринимателя, который не обязательно служит фондом накопления. В отличие от него средства, аккумулированные страховыми компаниями по полисам страхования жизни,

¹³ Кэйдзай токэй нэмпо (Статистический экономический ежегодник). Токио, 1963, с. 19–20.

представляют собой доходы населения и могут использоваться непосредственно в целях накопления капитала.

Можно с уверенностью сказать, что именно потребности расширенного воспроизводства явились решающим фактором возникновения этого вида страхования. Большое значение в превращении этих средств в капитал имеет долгосрочный характер самого процесса страхования жизни¹⁴.

Все это достаточно быстро оценили крупные японские корпорации, и в период высоких темпов роста японской экономики частные пенсионные фонды сыграли огромную роль в накоплении капитала. Так, уже в 1970 г. доля средств, полученных ими от компаний страхования жизни и инвестиционных траст-фондов (14,3% общей суммы заемных средств), превышала долю банковских кредитов и займов (12,75%), в то же время значение займов от компаний имущественного страхования значительно упало (до 4,7%)¹⁵.

Вместе с тем налоговая политика государства, стимулировавшая внутреннее накопление в компаниях (в том числе с помощью системы выходных пособий), а также включавшая меры по обеспечению их внешними источниками средств (с помощью пенсионных систем) долгое время реально сдерживала, как на то указывают японские экономисты¹⁶, рост государственных капиталовложений в общенациональные режимы пенсионного обеспечения и развитие всей государственной пенсионной системы в целом.

Нельзя сказать, что в послевоенный период государством ничего не было сделано для улучшения положения пенсионеров. Наиболее крупные изменения в пенсионное обеспечение страны были внесены в 1972 г., когда был существенно повышен уровень пенсий, в том числе пенсий прошлых назначений. Впрочем, число пенсионеров в то время было настолько мало, что при установленном порядке финансирования пенсионной системы улучшение их положения удалось осуществить практически исключительно за счет страховых взносов самих застрахованных. Участие государства и предпринимателей в этом фактически оказалось номинальным.

По данным Международной организации труда за 1974 г., доля государства в финансировании социального страхования в Японии (с учетом превышения доходов органов социального страхования над расходами) оценивалась как отрицательная величина (-12,5%), что отражало сложившуюся практику фактического неучастия государства в этом финансировании. Ни в одной из других развитых стран того времени

¹⁴ Подробнее см.: Хесин Е. С. Новая роль страховых монополий в системе финансового капитала. М., 1963.

¹⁵ Кэйдзай токэй нэмпо. 1974, с. 27–28.

¹⁶ Postwar Economic Growth in Japan. Berkeley, 1966, p. 52–60.

(кроме Голландии, где соответствующий показатель был равен -6,5%) такого положения не наблюдалось, поскольку там пенсионные фонды были уже исчерпаны и пенсионные системы перешли на метод текущего финансирования из бюджета.

Между тем уже тогда на фоне постоянно повышавшихся размеров страховых взносов назревала угроза исчерпания фондов. Особенно тяжелое положение с фондами сложилось у системы группы *кёсай кумиай*. Было понятно, что к началу XXI века с этой же проблемой столкнется система *косэй нэнкин*. Профсоюзы, которые представляли в основном интересы работников-участников именно этой системы, уже в то время начали бить тревогу и призывать к принудительному исчерпанию пенсионных фондов во избежание их обесценения. Однако тогда общественное мнение было еще мало озабочено проблемами пенсионного обеспечения. Только начавшийся процесс старения населения еще не вызывал тревоги в обществе, поэтому государство продолжало прежнюю политику, полагаясь главным образом на возможности корпораций по обеспечению основного звена наемных работников.

К тому же, хотя практически все трудоспособные лица были застрахованы в какой-нибудь одной из систем, вплоть до 1987 г. подавляющая часть пожилого населения страны еще не получала государственных пенсий, поскольку мало у кого накопился достаточный срок страхования. К 1986 г. общее число застрахованных по пенсионному обеспечению составляло более 60 млн. человек (см. табл. 2).

Таблица 2

Число лиц, застрахованных в различных государственных пенсионных системах Японии*, млн. чел.

Пенсионная система	1986 г.	1990 г.	2000 г.	2003 г.	2004 г.
<i>Кёсай кумиай</i>	6,0	5,8	5,2	5,1	5,1
<i>Косэй нэнкин</i>	27,0	31,0	32,2	32,1	32,5
<i>Кокумин нэнкин</i>	30,4	29,5	33,1	33,5	33,2
Итого	63,4	66,3	70,5	70,7	70,8

* Составлено по: Сякай хосё нэнкан (Ежегодник по социальному обеспечению). Токио, 2006.

Время массового выхода на пенсию первой партии пенсионеров системы *кокумин нэнкин* в связи с тем, что у них завершился необходимый срок страхования, дававший, наконец, им право на пенсию по старости, наступило в 1987 г. До этого в рамках данной системы пенсию в сокращенном размере могла получать только немногочисленная группа пенсионеров, подпадавшая по уровню своих доходов под льготный режим вспомоществования. С этого момента число пенсионеров стало увеличиваться очень быстро. Если в 1986 г. их было всего

122,8 тыс., то в 2004 г. — 16, 6 млн. В результате расходы *кокумин нэнкин* увеличились многократно, а состояние финансов всей пенсионной системы оказалось еще более слабым, чем прежде.

К этому важному моменту и было приурочено начало проведения полномасштабной реформы государственной пенсионной системы в целом, необходимость в которой объективно назрела уже давно.

Одна из задач этой реформы состояла в том, чтобы объединить разрозненные части пенсионной системы воедино с перспективой выхода на объединенные фонды, что дало бы возможность использовать финансовые ресурсы более благополучных режимов на общие цели обеспечения пенсионеров всей системы, а в будущем — безболезненно перейти к методу текущего финансирования. При такой консолидации пенсионной системы решалась бы и еще одна важная для правительства проблема — проблема создания единых условий страхования и их резкого ужесточения.

Характерно, однако, что правительство пошло по пути принятия полувинчатых решений. Была предложена трехслойная система пенсий, которая, по существу, сохраняла статус-кво. Единые условия страхования и получения пенсий были введены для самого нижнего, «первого этажа» обеспечения — для получателей «базовой пенсии». При этом было предложено распространить условия и нормы пенсионного обеспечения *кокумин нэнкин*, наиболее жесткие среди всех существующих режимов, на все остальные звенья системы.

Это означало, что срок страхования повышался с 15–20 до 25 лет, а нижняя граница пенсионного возраста — с 55–60 до 65 лет. Кроме того, «базовая пенсия» в *кокумин нэнкин* была единой для всех, и ее размеры были существенно ниже уровня пенсий других режимов. В момент начала реформы «базовая пенсия» составляла 50 тыс. иен, а в 2001 г. она была доведена до 67 тыс. иен в месяц.

При этом правительство не стало лишать привилегий пенсионеров других систем, пенсии которых, как и прежде, продолжали исчисляться также и на основе их прошлых заработков. На «втором этаже» оказались пенсионеры группы *косэй нэнкин*, которые продолжали получать дополнительно к этой сумме в среднем по 100 тыс. иен, а на третьем — пенсионеры группы *кёсай кумиай*, куда входили главным образом бывшие государственные служащие, которые получали сверх базовой пенсии еще около 200 тыс. иен в месяц. Последнее обстоятельство сильно раздражало общество, и в средствах массовой информации оно стало постоянно упоминаться в списке реальных и мнимых злоупотреблений правительства ЛДП¹⁷.

Между тем в академической среде указывалось и на гораздо более серьезные ошибки (если не сказать неправомерные действия) правящей

элиты Японии в области пенсионного обеспечения, о которых населению до поры до времени не было известно.

Сложное положение, в котором оказалась пенсионная система на пороге XXI века, было обусловлено не только объективными причинами, такими как старение населения, рост дефицита бюджета, длительный застой в экономике, осложненный серьезными структурными проблемами, падение активности японских банков, рост банкротств среди них. Были причины и субъективного характера, в первую очередь — плохое управления системой социального обеспечения в целом и особенно ее финансами.

Даже тогда, когда угроза исчерпания пенсионных фондов стала вполне реальной, правительство не делало никаких попыток разъяснить обществу положение вещей; напротив, желая поддержать свой имидж, делало вид, что дела идут как нельзя лучше. Оно стремилось сохранить средний размер государственных пенсий приблизительно на уровне 60% последних заработков пенсионеров, что на деле уже давно превышало возможности пенсионной системы. Расчеты уровня пенсий носили сугубо популистский характер и не учитывали реально сложившейся обстановки в пенсионной системе и в экономике страны в целом. Вместо того чтобы внести поправки в систему с учетом изменений в экономике и финансах и основываться при расчетах пенсий на реальных условиях, правительство пошло по самому простому пути — следования букве устаревшей формулы расчета, хорошо известной населению и выглядевшей в его глазах справедливой.

В этот сложный для экономики страны период сверхнизких процентных ставок в расчетах финансовых возможностей системы в качестве исходного был принят совершенно нереалистичный уровень учетной ставки в 5,5%, тогда как, например, в 1997 г. доходность государственных облигаций была ниже 2%, а официальная учетная ставка Банка Японии вообще находилась на самом низком за все времена уровне — 0,5%.

Некогда огромные пенсионные фонды систем *кокумин нэнкин* и *косэй нэнкин* (более 120 трлн. иен) в середине 1980-х годов были вложены крайне неудачно. Самый крупный инвестиционный банк «Дзайто», который обычно финансировал правительственные программы инвестиций и займов, оказался под бременем огромных «плохих долгов» именно потому, что вложил пенсионные деньги во многие неэффективные государственные проекты. БДФ из солидарности со своим постоянным партнером снизило к концу 1990-х годов процент по своим вложениям до 2%, поставив свои финансы буквально в очень сложное положение. В итоге доходность активов системы *кокумин нэнкин* снизилась с 7,1% в 1985 г. до 5,1% в 1994 г., 4,9% — в 1995 г. и 4,6% — в

¹⁷ Сякай хосё нэнкан. 2006.

1996 г. Соответствующие данные для системы *косэй нэнкин* составили: 7,2%, 5,3, 5,2 и 5,0%.

Вдобавок ко всему, исходя исключительно из сиюминутной политической цели представить положение пенсионного обеспечения в более выгодном свете, правительство ЛДП в своих прогнозах рождаемости принимало за исходные заведомо завышенные данные, которые давали основания рассчитывать на довольно благоприятный вариант развития финансовой базы пенсионной системы в будущем.

В результате всех этих действий правительства к началу XXI века государственная пенсионная система оказалась перед лицом финансового банкротства и необходимости срочного перехода на метод текущего финансирования, к которому вследствие незавершенности организационной реформы и раздробленности она готова не была. Население страны даже не было поставлено в известность об этом и продолжало верить, что постоянно увеличивающиеся страховые взносы идут на укрепление фондов для будущих поколений пенсионеров.

Конец экономики «мыльного пузыря» во второй половине 1980-х годов, резкое падение цен на акции, снижение прибыльности бизнеса, можно сказать, положили конец и процессу бурного развития частных систем, на которые власти продолжали возлагать большие надежды. Фонды многих пенсионных программ были исчерпаны и из источника финансирования бизнеса превратились в статью все возрастающих расходов. В этих условиях фирмы стали изыскивать возможности отказаться от своих обязательств по пенсионному обеспечению персонала. Крупные компании старались выкупить обратно свои доли у государства (в частности из фондов *косэй нэнкин кикин*), внесенные в счет собственных частных пенсий. Изменения на рынке труда, рост безработицы, размывание системы «пожизненного найма», переход к альтернативным формам занятости, ранние увольнения персонала и понижение сроков трудового стажа — все это составляло единую картину с драматическими изменениями в частном пенсионном обеспечении страны, на которое так рассчитывало государство. Это время так некстати совпало с очень важным моментом в истории развития самой государственной системы пенсионного обеспечения — с попыткой ее кардинального реформирования.

После разрушения экономики «мыльного пузыря», особенно начиная с 1994 г., число фирм, имеющих собственные пенсионные программы, начало сокращаться год от года. Скорость распада частных пенсионных систем поражает. Так, в 1999 фин. г. были ликвидированы 3603 корпоративных пенсионных фонда. Это объяснялось в первую очередь низким и постоянно снижающимся уровнем доходов от эксплуатации пенсионных фондов частных компаний и ростом числа банкротств среди

них. Уменьшалось и количество фирм, которые запускали заново такие программы, падала численность застрахованного персонала.

Низкий уровень отдачи от пенсионных фондов, стагнация экономической деятельности приводили к росту задолженности фирм по собственным страховым взносам, которая к концу 1999 г. достигла 1,015 трлн. иен.

Процессу сокращения числа фирм, имеющих собственные пенсионные программы, способствовало также введение в Японии в 2000 г. новых стандартов бухгалтерского учета, которые потребовали от предприятий полной прозрачности в отношении состояния их финансов. Это напрямую затронуло проблему корпоративных пенсионных фондов, поскольку отныне в финансовую отчетность должна была включаться и полная сумма, соответствующая ответственности фирмы по всем будущим пенсионным выплатам.

Непосредственно после введения новых стандартов бухгалтерской отчетности положение частных компаний стало еще более сложным. В 2001–2002 гг. полная сумма будущей ответственности фирм перед своими пенсионерами оценивалась в 70 трлн. иен, в то время как реальные пенсионные фонды были на 40 трлн. иен меньше.

Несмотря на то что к 2008 г. положение несколько улучшилось и дефицит несколько снизился¹⁸, положение в частных системах оставалось весьма напряженным. Неудовлетворительное состояние бухгалтерской отчетности в фирме затрагивает вопрос о ее рейтинге и еще более усложняет проблему привлечения финансовых средств, в том числе в пенсионные фонды. Многие компании часто идут по наиболее простому в этой ситуации пути, стараясь избавиться от этих фондов. В результате размеры пенсионных частных фондов постоянно сокращаются. Так, если в 2001 г. они оценивались в 33, 02 трлн., то в 2007 г. — всего в 14, 27 трлн. иен. В случае ликвидации корпоративной пенсионной программы ее участники иногда могут рассчитывать на получение единовременных выходных пособий, которые в отличие от пенсий наряду с заработной платой облагаются налогом¹⁹.

Но в конце XX — начале XXI века в кризисной ситуации оказалась не только пенсионная система, покачнулось все здание японского «общества корпораций» (*кайся сякай*), частью которого она являлась. На глазах рушилась та идеологическая опора внутренней политики правительства ЛДП, в канву которой органически была встроена и концепция пенсионного обеспечения с опорой на частный сектор. Поэтому события последних лет в области пенсионного обеспечения, сыгравшие

¹⁸ Kashiwazaki Shigeto, Hiroharu Fukazawa. Current Situation and Issues of Retirement Benefit (Corporate Pension) // Japan Labor Review. 2010, vol. 7, № 1, Winter (http://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2010/JLR25_kashiwazaki_fukazawa.pdf). I

¹⁹ <http://www.jil.go.jp/jil/bulletin/year/2000/vol39-11/03.htm>

не последнюю роль в падении послевоенной политической системы Японии, выглядят совсем не случайными.

Как символы краха политики ЛДП в этой сфере прозвучали в начале XXI века коррупционные разоблачения и скандалы, связанные с громкими именами верхушки правящей партии.

Одним из первых внимание общества привлек скандал, касавшийся неуплаты страховых взносов в пенсионную систему членами ЛДП на протяжении длительного времени. Он разразился в мае 2004 г. на фоне дебатов о предстоящем повышении страховых взносов, которое было предложено правительством, и поэтому получил большой общественный резонанс²⁰.

Затем обнаружилась утрата 50 млн. пенсионных файлов при введении компьютерного учета доходов и расходов пенсионной системы, что вызвало настоящий переполох среди населения, которому почти поголовно пришлось восстанавливать свои пенсионные истории. Многие по этой причине длительное время не могли получать пенсии. Происшествия с файлами показало, насколько плохо организована работа правительства в области пенсионного обеспечения. Оппозиция при этом всячески старалась подогреть страсти и неизменно подчеркивала мысль о том, что пенсионная система интересует власти лишь как источник финансовых средств, а не в связи с жизненными интересами населения.

Начавшись в 2007 г., этот скандал в июле 2009 г. завершился отставкой коалиционного правительства во главе с ЛДП и крахом всей политической системы, просуществовавшей в Японии более полувека²¹.

Несомненно, что те обвинения, которые пришлось выслушать властям в связи с положением в области пенсионного обеспечения японского населения, справедливы. Плохое управление системой в целом, и особенно ее финансами, запоздалая и урезанная организационная реформа, сохранение привилегий определенным группам населения (особенно государственным чиновникам), несвоевременное введение ряда законов, которые, ухудшив положение частных систем, не могли не отразиться на состоянии пенсионного обеспечения в целом, и, наконец, последние публичные скандалы, до предела накалившие ситуацию, связанную с пенсионным обеспечением, — все это объективные доказательства грубых ошибок и злоупотреблений властей.

Вместе с тем нельзя не отметить, что изначально, после окончания войны, японское руководство столкнулось со сложной ситуацией в сфере пенсионного обеспечения. Раздробленность пенсионной системы, являвшаяся основным камнем преткновения при любых попытках ее

реформирования, не могла быть ликвидирована быстро и одновременно, поскольку эта проблема затрагивала противоречивые интересы самых широких слоев общества. Понимая это и учитывая настроения населения, его приверженность традициям, интересы бизнеса и разрушенного войной народного хозяйства, власти выбрали, возможно, единственно правильный в те годы путь создания института социальной защиты — с опорой в первую очередь на частный капитал, на корпоративную систему управления, в которую этот институт был встроен органическим образом, тем более что такая система получала моральную поддержку со стороны всего общества.

На наш взгляд, то, что действительно можно поставить в вину властям, (если принять основную концепцию развития системы социального обеспечения в стране за данность и непреложную необходимость в тогдашних условиях), так это очевидную недальновидность политики в этой области. Сумев эффективно использовать пенсионные фонды в период их начального накопления для экономического развития страны, японское государство не предусмотрело неизбежного исчерпания фондов и необходимости своевременного перехода на метод текущего финансирования. Вряд ли можно оправдать поведение властей внезапно нагрянувшим и затянувшимся экономическим кризисом, который поставил «общество корпораций» перед лицом краха. О такой возможности их предупреждали задолго до этого.

²⁰ <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/fd20040516pb.html>

²¹ <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nm20070601a5.html>; <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nm20070826a2.html>; <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/f20090830rp.html>

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛДП

Юго-Восточная Азия (ЮВА), традиционно являясь сферой непосредственных интересов Японии, была плацдармом реализации японских великодержавных амбиций в 1930–1940-е годы. И именно здесь в начале XXI века Япония старается воплощать в жизнь многие экономические и политические проекты. Японская послевоенная стратегия в отношении стран Юго-Восточной Азии формировалась лидерами и идеологами Либерально-демократической партии (ЛДП). Она отличалась завидной последовательностью и была наименее подвержена влиянию внутренних конъюнктурных изменений. Более того, она практически не претерпела изменений с приходом к власти Демократической партии, и следовательно, заслуживает специального анализа как наиболее стабильная и основополагающая составляющая японской внешнеполитической стратегии.

Первое десятилетие после окончания войны можно назвать своего рода подготовительным периодом, как во внутренней, так и во внешней политике Японии. Будущие идеологи ЛДП выходят на сцену уже в конце 1940-х годов, и, соответственно, истоки политики ЛДП в отношении ЮВА следует искать уже в тот период. С одной стороны, американская оккупационная администрация всячески сдерживала любую самостоятельность и внешнеполитическую активность Японии в отношении соседних азиатских стран. Более того, японскому руководству пришлось пережить период привыкания к новой роли в Восточной Азии, сознательно отказываясь от идей, даже отдаленно напоминающих довоенные доктрины. И если во внутренней политике некоторые довоенные механизмы были частично сохранены, то внешнюю политику в 1945 г. пришлось начать с чистого листа. Одновременно японские внешнеполитические стратеги очень быстро осознали, что, несмотря на трагический исторический опыт и глубоко негативное отношение со стороны азиатских соседей, Японии необходимо как можно скорее восстановить связи со странами региона. Первым шагом на этом пути становится подготовка

и подписание в 1951 г. Сан-Францисского мирного договора. Тогда же был заключен и японо-американский Договор безопасности.

Именно с этого момента можно выделить два основных вектора японской внешней политики: американский и азиатский. В своей программной речи в ноябре 1952 г. тогдашний премьер-министр Ёсида Сигэру (1948–1953) говорил о Юго-Восточной Азии в контексте так называемой экономической дипломатии. «Доктрина Ёсиды» в первую очередь предполагала, что поддержка США будет стимулировать быстрое экономическое развитие Японии и сведет к нулю военно-политические затраты. Соответственно, на момент создания ЛДП основные внешнеполитические приоритеты уже были расставлены, и ЮВА рассматривалась прежде всего в экономическом контексте, как получатель японской экспортной продукции.

С 1955 г. выработка и реализация государственной внешнеполитической стратегии полностью перешли под контроль ЛДП. Хотя формально ее высшим органом считалась партийная конференция, фактически вся власть находилась в руках верхушки правящей партии. За внешнеполитические решения обычно несли ответственность лишь несколько человек: председатель партии, который по традиции становился премьер-министром, заместитель председателя, генеральный секретарь, главы Административно-исполнительного и Политического советов. Практическая разработка вопросов внешней политики сосредоточивалась в Международном отделе и Комитете по вопросам внешней политики¹. В ЛДП создавались специальные неформальные исследовательские группы по конкретным проблемам, рекомендации которых учитывались, порой приводя к существенному изменению внешнеполитического курса². Решения обычно принимались на основе консенсуса.

Поскольку главным препятствием на пути формирования консолидированной позиции в партии традиционно была фракционность, из-за разногласий между фракциями и в то же время стремления сформулировать единый подход на свет иногда рождались недоработанные и противоречивые инициативы.

Важную роль в выработке внешнеполитического курса играл и играет крупный бизнес, прежде всего в лице Федерации экономических организаций (Ниппон Кэйданрэн). Международная деятельность является одним из основных направлений этой организации. Активно работают департаменты международных дел и международного сотрудничества, в составе последнего отдельно выделены экономические комитеты сотрудничества с Вьетнамом, Таиландом и Индонезией³. Решения по карди-

¹ Grant R. L. The Process of Japanese Foreign Policy: Focus on Asia. L., 1997, p. 22.

² Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс в Японии в период финансово-экономического кризиса // Мировой кризис и Япония. М., 2009, с. 191.

³ <http://www.keidanren.or.jp>

нальным вопросам внешней политики, принимаемые на заседаниях комитетов, обычно направляются на дальнейшую разработку в аппарат ЛДП.

Главной задачей дипломатии Японии в течение многих лет было восстановление ее «доброго имиджа» в странах Азии, ущерб которому нанесла политика Токио времен Второй мировой войны. Восстановлению японских позиций в регионе особенно способствовало присоединение страны в декабре 1954 г. к английскому «плану Коломбо» по совместному экономическому развитию Южной и Юго-Восточной Азии и участие в Бандунгской конференции (апрель 1955 г.). Политика *yaoi* («дружбы и любви»), провозглашенная первым лидером ЛДП И.Хатояма, и его готовность к примирению со всеми, в том числе и с СССР, были неоднозначно восприняты американцами⁴. Уже в 1957 г. у руля власти встал новый премьер Н.Киси (1957–1960), который отличался антикоммунистическим настроем, готовностью к продлению японо-американского Договора безопасности и активной политикой в отношении Азии.

Н.Киси первым из послевоенных японских лидеров в 1957 г. отправился в турне по странам региона, в ходе которого выдвинул идею создания специального фонда развития ЮВА. Особое внимание в ходе визита уделялось переговорам по компенсационным выплатам, что позволило представителям ЛДП возродить личные контакты с правящей верхушкой стран ЮВА. Активным участником переговоров был будущий премьер-министр Т.Фукуда⁵. Активная дипломатия Киси повысила уровень международного доверия к Японии и способствовала нормализации отношений Японии с соседними странами.

Вехи нормализации отношений Японии со странами Южной и Юго-Восточной Азии

Страна	Мирный договор, год	Репарационное соглашение		
		Год	Сумма, млн. долл.	Период выплаты, лет
Бирма	1954	1954	200	10
Филиппины	1951	1956	550	20
Индонезия	1951	1958	223	12
Лаос	1951	1958	2,78	единовременно
Камбоджа	1951	1959	4,17	единовременно
Южный Вьетнам	1951	1959	39	5
Таиланд	1951	1962	особое иенное соглашение	
Малайзия	1951	1968	8,2	единовременно
Сингапур	1951	1968	8,2	единовременно

⁴ Iokibe M. Japanese Diplomacy in the 1950s: From Isolation to Integration. L., 2008, p. 82.

⁵ Sudo S. The International Relations of Japan and South East Asia. L., 2002 p. 36.

Следующий, после Н.Киси, премьер-министр Японии — Х.Икэда своей главной задачей провозгласил удвоение ВВП. Однако его визит в страны ЮВА показал, что важной составной частью экономического роста является наращивание японского экспорта, в том числе за счет предоставления кредитов и осуществления инвестиций в развивающиеся страны. В начале 1960-х годов в Японии появился план создания «азиатского общего рынка», задуманного в качестве средства для усиления позиций Японии в конкурентной борьбе с США и странами Европейского экономического сообщества (современного Евросоюза). Но как США, чье участие в этой закрытой группировке на первом этапе даже не предусматривалось, так и страны Азии, которые хорошо помнили о японских колониальных планах создания «великой восточно-азиатской сферы процветания», отнеслись к японскому плану без большого энтузиазма.

Можно констатировать, что в 1950–1960-е годы роль Японии в ЮВА ограничивалась реализацией чисто экономических задач. Постепенно она нормализовала отношения с Бирмой, Индонезией, Филиппинами, Южным Вьетнамом, Таиландом (см. таблицу). Репарации этим государствам в основном имели характер экспортных кредитов, а импорт обеспечивал поступление сырья для быстро развивавшейся японской промышленности. В дальнейшем рост торговли с этими странами шел параллельно с укреплением экономического сотрудничества в форме предоставления займов, экспортных кредитов на условиях рассрочки платежей, а также инвестиций. К концу 1960-х годов Япония при поддержке США сумела урегулировать значительную часть послевоенных противоречий со странами ЮВА и заявить о себе на международной арене. Одновременно проамериканская ориентация и антикоммунистический настрой лидеров ЛДП значительно сдерживали японские инициативы в регионе.

Американская операция в Индокитае поставила ЛДП перед сложным выбором. Япония вслед за США традиционно разделяла страны ЮВА на коммунистические и некоммунистические и строила с ними отношения в зависимости от их принадлежности к той или иной группе. Выбор в пользу сильно дискредитировавшего себя союзника был неизбежен, но Токио, анализируя причины провалов США, стремился не повторять американских ошибок, вырабатывая курс, приносящий максимальные выгоды⁶. Идеологи ЛДП ясно осознавали, что открытая поддержка американской операции во Вьетнаме разрушит все достижения последнего десятилетия, соответственно нужны были инструменты сохранения своего положительного имиджа и позиций в Азии.

⁶ Петров Д. В. Роль Японии в американской агрессии во Вьетнаме и место в «Гуамской доктрине» // Япония в мировой политике. М., 1973, с. 187.

В конце 1960-х годов в Японии начинается популистская кампания возрождения «азиатского духа» и «возвращения к корням». Главное внимание обращалось на историческое, духовное, культурное и цивилизационное единство народов Азии, прежде всего ЮВА. Новый расцвет в Японии переживали исследования истории и культуры Азии и Дальнего Востока, проводились международные конференции по проблемам Азии (от древности до современности), постоянно увеличивалось количество исследовательских центров и изданий, специализирующихся на этой проблематике. В соответствии с идеями формирования «тихоокеанского сообщества» разрабатывались разнообразные концепции. Большинство из них основывались на так называемом «азиатском национализме» и в какой-то степени на антиамериканизме (особенно доктрина «Пан-Азии» Э. Сато, 1969 г.).

В 1966 г. Япония принимает активное участие в создании Азиатского банка развития (АБР) и проводит конференцию по экономическому развитию стран Юго-Восточной Азии. Это была первая международная конференция, профинансированная правительством Японии⁷, на нее были приглашены все девять стран ЮВА за исключением Северного Вьетнама. Бирма, ссылаясь на политику нейтралитета, отказалась от участия. Индонезия и Камбоджа, следуя политике неприсоединения, прислали только наблюдателей⁸. В 1967 г. лидер ЛДП впервые посещает Сингапур. Мирное вхождение Японии в регион становилось все более заметным. Главным лозунгом ЛДП во внешней политике конца 1960–1970-х годов, отчасти в противовес США, были «любовь к свободе, приверженность миру»⁹ и провозглашение «трех неядерных принципов», за что премьеру Сато была присуждена Нобелевская премия мира.

Под воздействием «шока Никсона» и «послевьетнамского» кризиса американской политики в конце 1970-х годов началось привнесение политического элемента в региональную политику Японии. Все яснее становилось, что, несмотря на многочисленные американские декларации, подтверждавшие особую роль США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), возможности реализации ими этих задач оказывались все-таки ограниченными. В этих условиях перед японской дипломатией ставилась задача активизировать политическую роль страны в АТР, что в сочетании с мощной экономикой должно было содействовать превращению Японии в регионального лидера.

Основным достижением премьерства К. Танака стала нормализация отношений с КНР. Японо-китайское совместное коммюнике положило

⁷ Sudo S. Op. cit., p. 27.

⁸ Togo K. Op. cit., p. 199.

⁹ Speech of PM Sato to the General Assembly of the United Nations. October, 1970 (<http://www.mofa.go.jp>).

конец сорокалетней (со времен «Маньчжурского инцидента» 1931 г.) конфронтации Японии и континентального Китая. Япония продолжала активно налаживать отношения с недавно появившейся группировкой — Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Так, Танака в 1973–1974 гг. посещает все пять стран АСЕАН, но местное население встретило его демонстрациями протеста. Аналитики отмечали, что протесты местного населения были вызваны прежде всего засильем японских товаров и неспособностью местных властей нормализовать внутриэкономическую ситуацию¹⁰. Эти события заставили Токио вновь задуматься о более тщательном формировании положительного облика Японии и добрососедских отношений со странами ЮВА.

В период кабинета Т. Мики (1974–1976) была разработана «Стратегия Японии в XXI веке», ориентированная на создание «тихоокеанского сообщества». Концепция «азиатско-тихоокеанской сферы сотрудничества» предусматривала активное содействие экономическому развитию капиталистических стран Азии при помощи разного рода международных организаций, в которых Японии отводилась лидирующая роль в соответствии с ее экономическим вкладом. Однако активизация анти-японских протестов и разразившийся энергетический кризис помешали в тот момент реализовать задуманное. Активность Токио в регионе ослабела на несколько лет, но эффективные экономические преобразования, приведшие к сдерживанию инфляции, росту внутреннего спроса, быстрому увеличению объемов экспорта, значительному возрастанию положительного сальдо внешнеторгового баланса, позволили Японии вновь перейти к решительной региональной политике.

В декабре 1976 г. новым главой ЛДП был выбран Фукуда Такэо, бывший министр иностранных дел, многие годы посвятивший укреплению японских позиций в АТР, активно работавший над созданием Азиатского банка развития. После того как Токио, несмотря на огромный вклад Японии в создание АБР, в 1966 г. не был выбран в качестве штаб-квартиры этой организации, Фукуда заявил, что первым шагом на пути в Азию должно стать достижение идеологического и культурного взаимопонимания. Он начал развивать программы гуманитарных обменов, подчеркивая мирное, невоенное вхождение Японии в регион. Будучи членом фракции Киси в ЛДП, он имел возможность налаживать прочные каналы влияния в высших эшелонах власти стран ЮВА, например в ходе обсуждений репарационных выплат. На этого сильного, независимого лидера, на его многолетние личные контакты с руководителями стран АСЕАН возлагались большие надежды. Сразу после вступления в должность Фукуда заявил о своем стремлении проводить активную «азиатскую политику».

¹⁰ Togo K. Op. cit., p. 200.

К середине 1970-х годов в ЛДП сформировалось единое для всех фракций убеждение, что практиковавшаяся на тот момент политика экономической дипломатии в Юго-Восточной Азии в значительной мере себя исчерпала и требует диверсификации. Этому было несколько причин. Во-первых, антияпонские протесты, прокатившиеся по странам ЮВА в 1974 г., нанесли весомый удар по японской дипломатии. Во-вторых, окончание в 1975 г. войны во Вьетнаме и сокращение масштабов фактического присутствия США в регионе требовали от Японии коренного пересмотра своей политики, до тех пор полностью ориентированной на поддержку США. В ЮВА образовался некий «вакуум силы», который вполне могла заполнить Япония. «Гуамская доктрина» Никсона, призывавшая американских союзников в Азии к большей самостоятельности, также способствовала более активной региональной политике Японии. И в-третьих, впервые проведенный в 1976 г. саммит стран АСЕАН свидетельствовал о том, что эта организация постепенно становится самостоятельным, полноправным игроком на региональной арене и готова к продуктивному взаимодействию с Японией. От последней же ждали не туманных обещаний, а конкретных действий. С учетом всех вышеперечисленных факторов Япония впервые после войны системно разрабатывает собственную внешнеполитическую стратегию в отношении стран ЮВА.

В мае 1977 г. Специальный комитет ЛДП по международному экономическому сотрудничеству (СКМЭС), который основное внимание уделял экономической помощи странам ЮВА, выступил с призывом к представителям бизнеса активизировать усилия на этом направлении. Накануне турне премьер-министра Фукуда по государствам-членам АСЕАН видные деятели ЛДП (руководитель Совета по политическим делам Комото Тосио и председатель СКМЭС Эсаки Масуми) встретились с представителями крупного японского бизнеса Доко Тосио, Нагано Сигэо, Сасаки Сунао, чтобы получить подтверждение их готовности участвовать в финансировании программ помощи¹¹. В это же время во главе с бывшим министром иностранных дел Кимура Тосио при ЛДП была сформирована Азиатско-африканская исследовательская группа, которая сформулировала японскую политику в отношении стран «третьего мира» в целом, не выделяя ЮВА.

Встреча японского премьер-министра с руководителями стран АСЕАН в Маниле в августе 1977 г. стала переломным историческим моментом (в последний раз в подобном формате проводилась «Конференция Большой Восточной Азии» в Токио в 1943 г.). Очевидно, что некоторое недоверие к Японии сохранялось, подтверждением чего служила от-

¹¹ Sudo S. The Fukuda Doctrine and ASEAN: New Dimensions in Japanese Foreign Policy. Singapore, 1992, p. 124.

срочка публикации текста манильской речи Фукуда (в окончательном виде она появилась 15 августа, дата, которая в Японии считается днем окончания войны).

Именно это заявление японского премьер-министра получило название «доктрины», в основу которой были положены три основные идеи: 1) Япония исключает возможность применения военной силы и стремится к мирному вкладу в развитие и процветание Юго-Восточной Азии; 2) Япония сделает все возможное для развития искренних дружественных отношений на основе взаимопонимания и доверия; 3) Япония на принципах равенства будет стремиться к продуктивному сотрудничеству со всеми странами Юго-Восточной Азии не только на двусторонней основе, но и в масштабах всего региона, в том числе и со странами Индокитая. «Доктрина Фукуда» положила начало новой политике Японии в Азии на десятилетия вперед, в ней были провозглашены все приоритеты и идеалы, которым Япония следует по сей день.

Одним из положительных результатов стало получение Японией в 1978 г. статуса партнера по диалогу с АСЕАН. Это была высшая ступень сотрудничества Ассоциации с внерегиональными странами¹². В июне 1980 г. по инициативе Японии и Австралии состоялась первая неправительственная Конференция Тихоокеанского экономического сотрудничества¹³, ставшая наиболее эффективным механизмом многостороннего регионального взаимодействия в 1980-е годы. Что касается обещания Фукуда относительно созидательного партнерства со странами Индокитая, из-за продолжающейся нестабильности в этом регионе (война в Камбодже, вьетнамо-китайское противостояние) Япония смогла воплотить свои замыслы в жизнь лишь в начале 1990-х годов. Хотя надо отдать должное — по мере возможности ЛДП предпринимала меры по нормализации отношений, например принципиально пересмотрев японское иммиграционное законодательство. Одним из последствий многолетней нестабильности в Индокитае стало возросшее число беженцев, получивших в Японии прозвище «лодочники». До 1978 г. в Японии существовало жесткое правило не принимать на своей территории беженцев. С 1979 г. Япония открывает свои двери для «лодочников» и их численность стремительно растет, достигнув к 2000 г. 11 тыс.¹⁴.

Начало 1980-х годов было омрачено обострением межблокового противостояния. Революция в Иране, введение советских войск в Афганистан и многие другие события поставили перед японским правительством множество вопросов, отвечать на которые лидеры ЛДП были вынуждены

¹² Малетин Н. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М., МГИМО (У), 2007 с. 60

¹³ Pacific Economic Cooperation Conference (PECC).

¹⁴ Данные с официального сайта МИД Японии: www.mofa.go.jp/gaikou/nanmin/main3.html 2003-01-03

в унисон с американской администрацией. В мае 1980 г. премьер-министр Д. Судзуки формулирует концепцию «тихоокеанского сообщества». Она предусматривала интеграцию США, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и пяти стран АСЕАН. При этом речь шла не только об экономическом сотрудничестве, но и о «превращении всех видов сотрудничества в региональную солидарность» на основе пяти принципов: Тихий океан должен быть океаном мира, свободы, многообразия, взаимной выгоды и открытых возможностей для всех стран. Это означало, что союзники во главе с Японией будут обеспечивать безопасность региона (мир), в котором не доминирует протекционизм (свобода), преодолены межнациональные барьеры (многообразие), сотрудничество отвечает интересам всех сторон (взаимная выгода) и региональное развитие ведет к миру и благосостоянию (открытые возможности)¹⁵. «Доктрина Судзуки» ясно демонстрировала как стремление Японии найти путь к укреплению собственных позиций в регионе, так и попытку смягчить экономические противоречия с США, которым наравне с Японией предлагалась лидирующая роль в планируемом сообществе.

Однако, как показала практика, любые попытки институционализации сотрудничества азиатских стран, особенно в таком «широком» формате, не приносили желаемых результатов. Хотя США и принимали участие в региональных экономических организациях, японская идея создания «тихоокеанского сообщества» не находила сколько-нибудь позитивного отклика ни в Вашингтоне, ни среди стран АСЕАН. В ходе турне по ЮВА Д. Судзуки вновь говорил о мирной политической роли Японии в регионе, уделяя особое внимание вопросам экономического сотрудничества. В это время японские расходы на программы Официальной помощи развитию (ОПР) достигают максимальных показателей, помощь предоставляется на очень льготных условиях и порой бесконтрольно. Позже, в начале 1990-х годов, такая безудержная щедрость будет подвергнута жесткой критике¹⁶, условия предоставления помощи и кредитов будут ужесточены, но в начале 1980-х Япония буквально покупает себе авторитет. Лидеры ЛДП прекрасно понимали, что в политическом плане соседние азиатские государства не готовы признать за Японией лидерские полномочия, а вот от экономической помощи не отказалась ни одна страна, независимо от принадлежности к тому или другому блоку. Можно сказать, что в экономике «холодная война» для Японии закончилась раньше, чем в политике. Так, уже в конце 1970-х годов японская экономическая помощь направляется в

¹⁵ *Станран Н. В.* Политика Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Внешняя политика Японии: история и современность. М., 2008, с. 177.

¹⁶ *Ковригин Е. Б.* Японская помощь развивающимся странам: упадок, реорганизация или смена парадигмы? // Знакомьтесь Япония. № 50. 2009, с. 7.

социалистические страны, например Китай и Вьетнам¹⁷. В экономическом отношении Япония в середине 1980-х годов — явный лидер региона. Транснациональные корпорации выстраивают здесь свои производственные цепочки, создают условия, когда соседние страны уже не смогут отрицать решающей роли Японии в процессах регионального взаимодействия.

Премьер-министр Я. Накасонэ основной акцент в своей внешней политике, помимо политического союза с США, делал на развитии механизмов свободной торговли и экономического сотрудничества в Восточной Азии. Основным партнером для реализации этой экономической стратегии он считал именно пятерку стран АСЕАН. «Без экономического процветания АСЕАН невозможно экономическое процветание Японии» — это громкое заявление японского премьер-министра, сделанное в 1983 г., можно считать своего рода девизом японской внешней политики этого периода. С другой стороны, фактическое затишье в реальных действиях подтверждает, что основное внимание Японии в 1980-е годы было направлено на Запад, а не на Азию. Премьер-министр Я. Накасонэ (1982–1987) делал упор на военно-политические аспекты и рост военной мощи Японии. В целом придерживаясь идеи о необходимости «тихоокеанского сообщества», он перекладывал ответственность за его формирование на государства АСЕАН и частные предпринимательские структуры, чтобы не спровоцировать роста антияпонских настроений в АТР¹⁸.

Очевидно, что экономический фактор для Японии по-прежнему оставался решающим, приоритетность азиатских рынков для японских компаний стремительно росла, что влекло за собой повышение значимости Восточной Азии и в системе государственной политики. Успешные инвестиционные проекты и программы помощи заставляли лидеров ЛДП задуматься об упрочении своих лидерских позиций в экономике региона. В 1987 г. Министерство внешней торговли и промышленности разрабатывает «Новый план развития азиатской промышленности»¹⁹, который предполагал координацию действий государства и частных инвесторов. Премьер-министр Н. Такэсита, во время саммита АСЕАН в Маниле в декабре 1987 г. выступил с инициативой создания «Фонда развития Япония–АСЕАН» и «Плана взаимодействия Япония–АСЕАН».

Окончание блокового противостояния сделало ситуацию в регионе более неопределенной. Советское присутствие стремительно сокращалось. Китай, наоборот, набирал силу в отношениях со странами ЮВА.

¹⁷ В 1976 г. Вьетнаму был предоставлен денежный грант в размере 36,5 млн. долл., с началом камбоджийской войны и советской операции в Афганистане помощь Вьетнаму была временно приостановлена (*Shiraishi M.* Japanese Relations with Vietnam, 1951–1987. N.Y., 1990, p. 18).

¹⁸ *Накасонэ Я.* Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2001, с. 133.

¹⁹ The New Asian Industries Development Plan.

Американцы столкнулись с неразрешимым противоречием: с одной стороны — антидемократические режимы и нарушение прав человека, с другой — объективные экономические и стратегические интересы. Такая ситуация подталкивала Токио к поиску собственной новой роли в формирующемся миропорядке.

В 1989 г. ЛДП впервые предпринимает попытку сформулировать «стратегию международного сотрудничества», в которой помимо экономического сотрудничества и активизации программ ОПР основной акцент делался на культурном взаимодействии. В 1991 г. премьер-министр Т. Кайфу совершает турне по пяти азиатским странам (Малайзия, Бруней, Таиланд, Сингапур, Филиппины), в ходе которого призывает к новым формам сотрудничества, однако не предлагая конкретных мер по их реализации. В 1992 г. премьер-министр К. Миядзава выступил за создание экономического блока, включающего Южную Корею и АСЕАН, но его инициатива не встретила поддержки у стран АСЕАН, возможно, из-за отсутствия в этих планах Китая, пренебрегать которым страны Юго-Восточной Азии никогда не могли.

ЛДП с большим трудом адаптировалась к новой геополитической ситуации в Азии. Накопленный опыт и в каком-то смысле простота и идеологическая однозначность внешнеполитического поведения, которые были свойственны Японии все послевоенные годы, совершенно не вписывались в новый формат многополярности. У руля внешней политики страны оставались прежние консервативные престарелые члены ЛДП, которые в силу своих убеждений и возраста не были готовы по-новому взглянуть на перспективы Японии в регионе и мире. Одновременно значительно осложнилась и внутривнутриполитическая обстановка в стране, формировались новые партии, ЛДП катастрофически теряла доверие избирателей, что привело в 1993 г. к формированию практически первого в послевоенной истории коалиционного правительства в Японии.

Кризис ЛДП и часто сменявшие друг друга премьеры (Н. Такэсита, 1987–1989), Т. Кайфу, 1989–1991, К. Миядзава, 1991–1993, М. Хосокава, 1993–1994, Т. Мураяма, 1994–1995, Р. Хасимото, 1995–1998, К. Обути, 1998–2000, Ё. Мори, 2000–2001), а также азиатский кризис 1997–1998 гг. обусловили не только отсутствие целостной концепции, но и ситуативность и субъективность в определении роли Японии в Азии. Эти факторы предопределили фактическое копирование японскими официальными институтами стратегий национальной безопасности США в 1990-е годы. Все правительства в Японии говорили об универсальных ценностях — «демократии, свободе и уважении прав человека», к которым «примыкают» три «столпа» политики национальной безопасности: японо-американские отношения, связи со странами АТР, участие в ре-

шении глобальных проблем. Миссия Японии была сформулирована как «выполнение творческой роли в создании нового международного порядка», что предполагало глобализацию политики Японии.

Подобная глобализация предусматривала более активное практическое участие Японии в международных делах. Лидерам ЛДП необходимо было дать ответ на три основных вопроса: как наполнить реальным содержанием стремление выйти за рамки экономической дипломатии, как политически подкрепить свой статус крупнейшего мирового финансового донора и как продемонстрировать США и всему миру свою способность играть значимую роль на мировой политической арене.

В этом контексте перед ЛДП особенно остро встал вопрос пересмотра Конституции, и в первую очередь пацифистской 9-й статьи. После кризиса в Персидском заливе США все чаще стали говорить о необходимости не только финансового, но и фактического участия Японии в миротворческих операциях, что не разрешалось японским законодательством. Разгорелась острая борьба между ЛДП и оппозиционными партиями, которые настаивали на том, что участие японских вооруженных сил в операциях за рубежом противоречит мирному и нейтральному характеру послевоенной японской политики. Несмотря на их активное сопротивление, ЛДП удалось провести через парламент поправки, позволившие отправлять контингенты Сил самообороны за границу.

Три наиболее показательных примера «самостоятельной дипломатии Японии» в Юго-Восточной Азии в 1990-е годы связаны с мирным процессом в Камбодже, отношениями с Бирмой и кризисом в Восточном Тиморе. Оскорбительное исключение Японии из процесса подготовки резолюции ООН по Камбодже, инициированное американцами, подстегнуло ЛДП к развитию самостоятельной дипломатической линии, подкрепленной деньгами и войсками. Фактически впервые в послевоенной истории Япония направляет за границу собственный инженерный отряд Сил самообороны, отказываясь, таким образом, от принципа неучастия в международных конфликтах. Токио начинает более широко толковать антивоенные ограничения, налагавшиеся Конституцией. «Самостоятельность» на тот момент означала прежде всего независимость от американцев и выражалась в самом факте участия японцев в мирном процессе за рубежом. Камбоджийская проблема стала своего рода оселком для оттачивания японским руководством его новой стратегии на международной арене²⁰. В отношениях с Бирмой Япония вновь продемонстрировала собственную независимость, присоединившись к политике «участия», провозглашенной группировкой АСЕАН, а не к американской политике изоляции. Более того, японские лидеры старались

²⁰ Кистанов В. О. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений. М., 1995, с. 193.

убедить своих американских коллег в неэффективности и губительности политики изоляции, которая толкает бирманское правительство в объятия Китая, нарушая выгодный для американцев баланс сил в регионе. Что касается кризиса в Восточном Тиморе, то туда были отправлены японские наблюдатели, но сложности внутривосточной ситуации и непростые отношения с Джакартой помешали Японии взять инициативу в свои руки.

Все три примера свидетельствовали о постепенном сближении Японии со странами АСЕАН и перемещении дипломатических акцентов с экономики на более широкие стратегические интересы. Об этом же говорило и все более активное участие Японии в многосторонних механизмах сотрудничества в регионе, таких как АТЭС и АРФ.

Одновременно следует признать, что политические позиции Японии в ЮВА в 1990-е годы оставались незначительными, особенно в сравнении с позициями Китая и США. В чем же заключались основные проблемы? Прежде всего в том, что страны региона опасались японских политических амбиций. Во-вторых, созданная за послевоенные годы разветвленная сеть экономического регионального взаимодействия не предполагала никаких инструментов действенного политического влияния на соседние страны²¹. В-третьих, несмотря на громкую независимую риторику, Токио продолжал признавать за США роль гаранта стабильности в Восточной Азии. И наконец, сама АСЕАН в 1990-е годы под воздействием изменений в геополитической ситуации, внутренних экономических и политических сложностей, расширения состава участников постепенно утрачивала сплоченность, что мешало выработке общей позиции в отношении Японии²².

Несмотря на это, участие Японии в событиях в Камбодже, Бирме и Восточном Тиморе, несомненно, указывало на то, что ЛДП смогла перейти от голых идей и лозунгов к конкретным действиям по упрочению авторитета страны в ЮВА. Активно участвуя в урегулировании конфликтов за рубежом, Япония последовательно добивалась активизации собственной политической роли в регионе.

Начиная с камбоджийского мирного процесса, ЛДП сосредоточилась на реализации так называемой «всеобъемлющей дипломатии». Зачастую АСЕАН рассматривалась как «балансир» в противоречивом треугольнике США–Япония–Китай²³. Премьер-министр Хасимото в 1997 г.

²¹ Green M. J. Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. N. Y., 2001, p. 171.

²² Араи Тосиаки. АСЕАН то нихон: адзия кэйдзай кэн косо (АСЕАН и Япония: как развиваются экономические группировки в Азии). Токио, 2003, с. 116.

²³ Хатано Сумио, Сато Сусуму. Гэндзай нихон-но тонан адзия сэйсаку, 1950–2005 (Современная политика Японии в Юго-Восточной Азии, 1950–2005). Токио, 2007, с. 132.

предложил начать регулярные консультации по вопросам экологической безопасности и транснациональных угроз, объяснив это необходимостью расширить взаимодействие между АСЕАН и Японией по вопросам безопасности²⁴. Однако из-за отсутствия достаточного доверия к Японии страны АСЕАН преобразовали формат данных консультаций, пригласив еще Китай и Южную Корею. Так, в конце 1997 г. впервые состоялась встреча в формате АСЕАН+3.

Нужно признать, что, как и прежде, политический авторитет дорого обошелся Японии. За 1990-е годы Япония оказала странам ЮВА большую финансовую поддержку, много импортировала из этого региона, что ускорило развитие его экономики. В 1997 г. на смену быстрому и динамичному развитию экономик государств ЮВА, приходит экономический кризис, начавшийся в Таиланде и быстро распространившийся на другие страны региона. В этой ситуации Япония пыталась выступить с позиций модератора, объединяющего международные усилия по преодолению кризиса. Министерство финансов предложило создать Азиатский валютный фонд, но это идея вызвала принципиальные возражения у США, которые были против создания конкурирующей с МВФ структуры и настаивали на единовременных антикризисных выплатах наиболее пострадавшим странам. В августе 1997 г. в Токио состоялась международная конференция, в ходе которой было достигнуто соглашение об оказании Таиланду международной помощи в размере 17 млрд. долл., Индонезия получила 39 млрд., Южная Корея — 57 млрд. долл. (позже помощь была увеличена). На долю Японии из всего объема ассигнований к концу 1998 г. приходилось около 80 млрд. долл.²⁵.

В качестве одного из инструментов по преодолению последствий экономического кризиса Япония провозгласила развитие свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 1999 г. премьер-министр К. Обути начал консультации с Сингапуром, но, несмотря на громкие заявления, переговоры о формировании зон свободной торговли со странами ЮВА постоянно заходили в тупик из-за нежелания Токио идти на уступки. Медлительность была особенно заметна на фоне активной политики Китая в отношении стран ЮВА. Пекин пошел довольно далеко, заявив в ноябре 2001 г. о создании зоны свободной торговли с группировкой АСЕАН в течение 10 лет. Стоит отметить, что японское правительство подверглось масштабной критике в стране за внешнеполитическое отставание от КНР.

В ответ на эту критику в своей программной речи в Сингапуре в январе 2002 г. японский премьер-министр Д. Коидзуми (2001–2006) озвучил

²⁴ Гайко форуму. 1997, №2, с. 46.

²⁵ Адзия-но цука кики. Гэндай дзёго киси тисики (Азиатский финансовый кризис. Базовое знание современных понятий). Токио, 2002, с. 65.

основные направления концепции «Восточноазиатского сообщества» и обнародовал стратегическую программу «Япония–АСЕАН в Восточной Азии: открытое и искреннее партнерство». В выступлении Д. Коидзуми было названо множество направлений сотрудничества как в политической сфере (демократизация, энергетическая безопасность, борьба с терроризмом, инфекционными заболеваниями, нарко- и работорговлей, забота об экологии и др.), так и в экономической области²⁶. Сама концепция не была связана напрямую с обеспечением военно-политической безопасности, она лежала в русле общего подхода Токио к обеспечению стабильности в АТР через углубление экономической интеграции и политического взаимодействия, развитие многосторонних региональных институтов и содействие ответственному и конструктивному поведению стран Восточной Азии. Она, в принципе, не несла в себе кардинально новых идей. Вместе с тем важно, что за ее реализацией стоял видный, амбициозный и активный политик Д. Коидзуми, который пользовался поддержкой и доверием японского общества на протяжении шести лет. Юго-Восточная Азия по-прежнему была наиболее удобным адресатом региональных инициатив Токио. В эпоху Д. Коидзуми Япония начала активно формировать систему договоров о свободной торговле с государствами АСЕАН²⁷, участвовать в международных миротворческих операциях, устанавливать тесные экономические связи с новыми членами АСЕАН. В то же время следует признать, что правительствам ЛДП так и не удалось добиться полного доверия со стороны стран ЮВА. Одним из ярких примеров сохраняющегося антагонизма является проблема интерпретации истории, «проблема учебников», которая предельно обострилась в связи с регулярными посещениями Д. Коидзуми храма Ясукуни.

Подводя итог, можно сказать, что Японии удалось восстановить свой авторитет в ЮВА. Экономические успехи и заинтересованность японского бизнеса в региональных рынках побудили японское правительство начать развитие активной государственной политики в этом регионе. Однако, заняв лидирующие позиции в его экономике, Япония так и не смогла заслужить необходимого политического доверия среди стран-соседей. По нашему мнению, позиционирование японо-американского союза как основополагающего механизма безопасности и его неизменной данности для всей Азии более не отражает реальной международной ситуации, не учитывает новые центры силы, складывающиеся в начале XXI века, а соответственно, значительно ограничивает японс-

кие возможности в регионе. В то же время следует признать, что последовательное упование на США в вопросах безопасности, провозглашенное лидерами ЛДП в качестве магистрального внешнеполитического курса еще в 1950-е годы, доказало свою эффективность в годы «холодной войны» и позволило Японии достичь значительных экономических успехов в отношениях с азиатскими странами.

²⁶ Добринская О. О внешнеполитических итогах деятельности Д. Коидзуми // Япония 2007. Ежегодник. М., 2007, с. 94.

²⁷ Ковригин Е., Суслов Д. Новое во внешнеэкономической политике Японии: двусторонние соглашения о свободной торговле // Знакомьтесь Япония. № 49. 2009, с. 17.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«ЯДЕРНАЯ ДИЛЕММА» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Для позиции Японии по отношению к ядерному оружию в послевоенный период была характерна «ядерная дилемма». Суть ее заключалась в сочетании двух взаимоисключающих концептуальных подходов к решению ядерной проблемы. С одной стороны, Япония позиционировала себя как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия. С другой стороны, Япония, приняв от США гарантии безопасности, де-факто признала легитимность использования американского ядерного оружия для защиты от внешнего нападения.

Эта двойственность накладывала отпечаток на всю послевоенную политику страны в ядерной области, которая отличалась двусмысленностью, непоследовательностью и противоречивостью. Как неядерная держава Япония активно проповедовала идеи ядерного разоружения вплоть до полного искоренения ядерного оружия, а также идею полного запрещения ядерных испытаний. Неядерный статус был частью пацифистского имиджа государства, отказавшегося от своего милитаристского прошлого и провозгласившего полное отрицание войны как средства решения международных споров. Этот имидж был в течение всех послевоенных десятилетий важным внешнеполитическим ресурсом, использование которого позволило Японии восстановить свои позиции в азиатских странах, пострадавших от японской агрессии в период Второй мировой войны, укрепить свое реноме в ООН и других международных организациях, заявить о себе как о политической державе глобального уровня. Полный отказ от даже гипотетической возможности обретения ядерного оружия казался в этих условиях абсолютно естественным выбором.

Вместе с тем неядерный статус Японии находился в тесной увязке с ядерными гарантиями США, которые, согласно официально принятой

точке зрения, обеспечили Японии мир и безопасность в послевоенный период и позволили ей добиться высокого уровня экономического развития и процветания. Как отмечал профессор Токийского университета Фудзивара Киити, невозможно отрицать тот факт, что ядерное сдерживание было в период «холодной войны» частью системы международных отношений в Азии. Ни СССР, ни Китай не могли определять свою политику по отношению к Японии без учета фактора американского удара возмездия¹. Таким образом, особенность позиции Японии заключалась в том, что, будучи «антиядерным государством», она одновременно являлась бенефициаром системы ядерного сдерживания.

Большой интерес вызывает послевоенная эволюция позиции Японии по отношению к американским ядерным гарантиям. Обеспечивающая их целостная система юридически оформленных обязательств сформировалась далеко не сразу. С подписанием в 1951 г. Договора безопасности США взяли на себя обязательства лишь оказывать Японии военную помощь при отражении нападения извне. Однако никаких формулировок, касающихся использования американского потенциала ядерного возмездия, не содержалось ни в тексте Договора безопасности 1951 г., ни в тексте более позднего Договора безопасности 1960 г. В этом, кстати, заключается коренное отличие японо-американского Договора безопасности от системы союзнических обязательств по блоку НАТО, правовая база которого включает регламентацию вопросов использования ядерных вооружений.

Такое положение некоторые историки объясняют позицией самой Японии, которая в течение длительного времени избегала ставить перед США вопрос о юридическом закреплении их обязанности защищать Японию при помощи ядерного оружия. По мнению бывшего посла Японии в США Курияма Такакадзу, Япония, пострадавшая от ядерного оружия, просто «не хотела» обсуждать эти вопросы с США, во многом в силу психологических причин². Оказавшись по Договору безопасности в зависимом положении при решении вопросов обеспечения безопасности, Япония «слишком полагалась» на США в данном вопросе и избегала ставить вопрос о ядерных гарантиях перед своим старшим партнером. Кроме того, в условиях, когда память об атомных бомбардировках была еще очень сильна в общественном сознании страны, японское политическое руководство не могло не учитывать неприятие общественным мнением самого факта актуализации проблем ядерных вооружений в сфере ее внутренней политики. Иными словами, политики просто замалчивали ядерные аспекты Договора безопасности, опасаясь негативной реакции общественности на открытое обсуждение этой темы,

¹ Асахи симбун. 05.07.2007.

² Асахи симбун. 01.08.2005.

результатом которого могло бы стать существенное снижение рейтингов правительства.

Вместе с тем это не означало, что ядерная проблема всерьез не обсуждалась на уровне принятия политических решений. Проблема «ядерных гарантий» США и тесно связанный с ней вопрос о ядерном вооружении Японии периодически поднимались руководителями страны в различных контекстах. Тот факт, что сценарии решения данной проблемы обсуждались в конфиденциальном режиме, находит подтверждение в ряде документов, опубликованных в японской печати в начале 2000-х годов. Некоторые из них свидетельствуют о том, что японское руководство всерьез рассматривало возможность приобретения ядерного оружия еще в 1960-х годах³.

Этому способствовало развитие событий в мире и регионе. Начавшийся с конца 1950-х годов процесс распространения ядерного оружия, заключение в 1960 г. Договора безопасности, обеспечившего более равноправное положение Японии как военного и военно-политического партнера США, дали повод начать переоценку базовых подходов к сфере национальной безопасности. Сыграло свою роль и то, что 13 февраля 1960 г. Франция успешно испытала в Алжире свою плутониевую бомбу. Вопрос об отношении к «голлистскому решению» немедленно встал в политическую повестку дня кабинета Х.Икэда.

В ноябре 1961 г. госсекретарю США Дину Раску пришлось в ходе посещения Японии убеждать премьер-министра Японии Х.Икэда в необходимости поддержать американскую позицию по нераспространению ядерного оружия. Согласно опубликованным японской газетой «Асахи» рассекреченным документам, полученным из американских источников, в США тогда считали, что в кабинете министров Японии существует влиятельная группировка из числа сторонников «ядерного выбора». Это подтверждается воспоминаниями бывшего премьер-министра Я.Накасоно, который в интервью газете «Асахи» рассказал, что Х.Икэда на встрече с членами бюджетной комиссии японского парламента прямо заявил, находясь под впечатлением от недавней встречи с президентом Франции де Голлем, что «Япония также должна получить ядерное оружие»⁴.

Шоковый эффект произвела на японское руководство и новость об испытании в октябре 1964 г. ядерного оружия Китаем. В декабре 1964 г. премьер-министр Японии Э.Сато на встрече с послом США Э.Рейшауэром прямо высказал желание встретиться с американским президентом для обсуждения вопроса о ядерном вооружении Японии⁵. Сато без оби-

няков заявил тогда американскому послу, что Япония имеет для создания атомной бомбы достаточный научный и промышленный потенциал. Как сказал японский премьер-министр, «проблема только в том, что народ пока не готов к этому. Но уже сейчас молодое поколение обнаруживает признаки своей заинтересованности в принятии такого решения»⁶.

Показательно, что во многом на основании полученных в ходе встреч с японским руководством сведений Д.Раск прямо озаглавил один из разделов своей памятной записки, написанной к встрече президента Джонсона с Э.Сато: «Планы Японии по обретению ядерного оружия». Разговоры о возможности «ядерного выбора», по всей видимости, призваны были оказать определенное давление на президента. Это давление было успешным: 12 января 1965 г. президент США Л.Джонсон на встрече с Э.Сато подтвердил ядерные гарантии США. Э.Сато, в свою очередь, удовлетворившись высказываниями американского президента, тему ядерного вооружения Японии в ходе беседы так и не поднял. Однако никаких юридических гарантий по итогам встречи оформлено не было. В совместном заявлении говорилось лишь об обязательстве США «защищать Японию от любых видов вооруженного нападения»⁷.

Другим поводом для обсуждения в публичной плоскости вопроса о «ядерном выборе» Японии послужила ситуация с присоединением страны к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). После того как в июле 1968 г. Договор был открыт к подписанию, Вашингтон прилагал максимум усилий для того, чтобы убедить своих союзников присоединиться к нему. Поскольку Япония не спешила определить свою позицию, США сделали проблему ее присоединения к ДНЯО одной из ключевых в повестке дня двусторонних отношений, увязав ее с проблемой возвращения Окинавы под японский суверенитет. Однако заключение сделки по схеме «суверенитет над Окинавой в обмен на присоединение к ДНЯО» оказалось осложнено по той причине, что американцы настаивали на признании со стороны Токио своего права содержать ядерное оружие на военных базах на Окинаве и после перехода острова под японский суверенитет, против чего японское руководство, учитывая внутривластную ситуацию в стране, было настроено достаточно категорично.

Вопрос о сохранении ядерных ракет на Окинаве в свете существенного значения военных баз в Японии в американской глобальной стратегии ядерного сдерживания имел для США принципиальный характер. В ноябре 1967 г. премьер-министр Э.Сато нанес официальный визит в Вашингтон. В ходе переговоров американцы построили свою позицию на том, что ядерные гарантии безопасности Японии стали бы трудно-

³ Асахи симбун. 30.10.2006.

⁴ Асахи симбун. 01.08.2005.

⁵ Асахи симбун. 30.10.06.

⁶ Асахи симбун. 01.08.2005.

⁷ Асахи симбун. 01.08.2005.

осуществимыми в случае вывода ядерного оружия с Окинавы. Тогдашний министр обороны США Макнамара заявил на встрече с главой японского правительства, что возвращение Окинавы без права размещать там ядерные ракеты будет означать «ядерный зонтик без ручки». В ответ на возражения японского премьера американец сказал: «Ядерный зонтик без ручки? Тогда это будет просто парашют»⁸.

Однако общественное мнение Японии не было готово к тому, чтобы японская территория превратилась в стартовую площадку для пуска ядерных ракет, став, таким образом, потенциальным объектом для ответного ядерного удара. В этих условиях Э. Сато озвучил в декабре 1967 г. в бюджетной комиссии нижней палаты парламента «три неядерных принципа» — «не иметь», «не производить», «не ввозить» ядерного оружия. Можно предположить, что обнародование «принципов» стало элементом секретной договоренности, достигнутой с Л. Джонсоном, которой предусматривался некий вариант решения проблемы американских ядерных ракет, размещенных на военных базах в Японии.

О существовании определенного компромиссного решения можно судить по тому, что уже в январе 1968 г. Э. Сато подтвердил ставку Японии на ядерные гарантии США в своей политике обеспечения национальной безопасности. Премьер-министром в нижней палате парламента были озвучены «четыре базовых направления» политики Японии в ядерной области: 1) «три неядерных принципа»; 2) стремление к ядерному разоружению и искоренению ядерного оружия; 3) опора на мощь ядерного сдерживания США; 4) мирное использование атомной энергии. «Базовые направления» наглядно выявили основное противоречие японской политики в ядерной области. Ясно, что объединить в единое целое политику опоры на «ядерный зонтик» и «три неядерных принципа» на основе формальной логики было невозможно. По мнению упомянутого Т. Курияма, в Японии в послевоенный период вообще не проводилось консолидированной политики в ядерной области⁹. Тот факт, что правительство не было последовательным в своем подходе к ядерной проблеме, различные элементы которого противоречили друг другу, нередко объясняют традиционным «секционализмом» японских ведомств и слабостью консолидирующего начала со стороны кабинета министров.

Новые доказательства достигнутой еще в 1960-е годы тайной сделки с американцами, касавшейся их права беспрепятственного транзита ядерного оружия, а при необходимости — и размещения на японской территории, дали рассекречивание и череда публикаций внешнеполитических документов, последовавшие после прихода в сентябре 2009 г. к

власти администрации Демократической партии Японии. Эти документы свидетельствуют о существовании договоренности, по которой Токио не инициирует предусмотренных Договором безопасности консультаций по вопросу о наличии ядерного оружия на борту американских военных кораблей, заходящих в японские порты, а США в соответствии с устоявшейся практикой не дают по этому поводу никаких официальных комментариев.

В 2009 г. японский историк дипломатических отношений Ниихара Сёдзи обнаружил в Национальном архиве США документы, из которых явствует, что секретная договоренность, разрешающая заход в Японию американских военных кораблей с ядерным оружием на борту, была заключена еще в 1960 г. в связи с пересмотром Договора безопасности. По этим документам, данная договоренность стала предметом для обсуждения в ходе встречи в 1963 г. американского посла в Токио Э. Рейшауэра с министром иностранных дел Японии М. Охирой¹⁰.

Для расследования вопроса о тайных соглашениях между двумя странами по поручению правительства осенью 2009 г. была сформирована специальная комиссия, которую возглавил профессор Токийского университета историк Китаока Синъити. Комиссия проверила более 4 тыс. документов в архивах МИД Японии, а также ряд документов, переданных по ее запросу посольством США в Токио¹¹. В результате деятельности комиссии было рассекречено 330 новых документов, свидетельствующих о том, что «три неядерных принципа», по сути, являлись фикцией¹².

Согласно опубликованным комиссией выводам, США в соответствии с двусторонними договоренностями могли ввозить на территорию Японии ядерное оружие без предварительного уведомления японского правительства. Кроме того, была оговорена возможность его размещения на Окинаве в чрезвычайных обстоятельствах, но уже после проведения двусторонних консультаций. Договоренности были формально закреплены на встрече премьер-министра Японии Э. Сато с президентом США Ричардом Никсоном в 1969 г. Сделка сохранила свою силу и после того, как в 1972 г. остров был передан под суверенитет Японии¹³. Сам Э. Сато в частных беседах с американскими президентами Л. Джонсоном и Р. Никсоном называл запрет на заходы кораблей с ядерными ракетами, предусмотренный провозглашенными возглавляемым им кабинетом «неядерными принципами», «ошибкой» и «нелепостью»¹⁴. Все последующие правительства ЛДП вплоть до 2009 г. держали в стро-

⁸ Асахи симбун. 01.08.2005.

⁹ Асахи симбун. 01.08.2005.

¹⁰ NHK World. 19.11.2009.

¹¹ http://www.ng.ru/world/2010-03-11/7_japan.html

¹² The Japan Times Weekly. 13.03.2010.

¹³ Times of India. 07.03.2010.

¹⁴ Коммерсант. 11.03.2010.

гом секрете сделку между Сато и Никсоном. Оригинальный протокол секретного соглашения увидел свет только в 2009 г., когда сын Э. Сато передал японским журналистам документ, который он, по его словам, нашел в ящике отцовского стола¹⁵.

19 марта 2010 г. в ходе слушаний в Комиссии по международным делам палаты представителей парламента выяснилось, что в 1970-е годы премьер-министры К. Танака и М. Охира пытались обнародовать тайные соглашения, заключенные с периодом с 1960 по 1972 г., но не смогли сделать этого из-за сильных антиядерных настроений в японском обществе. Бывший начальник Договорного департамента МИДа Того Кадзухико заявил в ходе слушаний, что ряд документов, возможно, были намеренно уничтожены уже после его ухода с поста начальника департамента, чтобы скрыть следы намеренного обмана общественного мнения правительством¹⁶.

Обнародованные в результате деятельности комиссии С. Китаока данные однозначно свидетельствуют о том, что политика тогдашнего японского правительства шла вразрез с «тремя неядерными принципами», провозглашенными в 1967 г. Министр иностранных дел Японии К. Окада заявил в марте 2010 г.: «Мы не можем однозначно утверждать, что ядерное оружие не завозилось»¹⁷. При этом К. Окада не смог также поручиться, что этого оружия нет на территории Японии и в настоящий момент¹⁸.

Выводы комиссии С. Китаока подтверждаются многочисленными заявлениями, которые ранее делали по данному вопросу компетентные представители обеих стран, как находившиеся при исполнении своих служебных обязанностей, так и ушедшие в отставку. Еще в 1981 г. бывший посол США в Японии Э. Рейшауэр заявил в одном из интервью, что военные корабли США с ядерным оружием на борту регулярно заходили в 1960-е годы в японские порты при тайном одобрении японского правительства¹⁹. Еще ранее, в 1974 г., то же самое сказал в Конгрессе США адмирал 7-го флота США Дж. Ларок. В ноябре 2006 г. возможность «ядерного транзита» подтвердил и тогдашний начальник Управления национальной обороны Японии Ф. Кюма. Отвечая в парламенте на вопрос, возможен ли был в прошлом проход через японские территориальные воды американских судов с ядерным оружием на борту, Ф. Кюма заявил: «Это была вынужденная мера, применявшаяся в случае чрезвычайных обстоятельств»²⁰.

¹⁵ Times of India. 07.03.2010.

¹⁶ Йомиури симбун. 20.03.2010.

¹⁷ Коммерсантъ. 09.03.2010.

¹⁸ The Japan Times Weekly. 13.03.2010.

¹⁹ Japan Focus (http://www.japanfocus.org/articles/print_article/3294).

²⁰ Асахи симбун. 25.11.2006.

Хотя японское правительство в 1970 г. и подписало Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), его ратификация парламентом страны затянулась на несколько лет. Не последнюю роль в этом сыграло отсутствие четких публичных гарантий США в отношении применения ядерного оружия, на фиксации которых настаивала японская сторона. Только в августе 1975 г., когда США достаточно жестко поставили перед Японией вопрос о ратификации ДНЯО, ядерные обязательства США по защите Японии были впервые обозначены в совместном коммюнике по итогам встречи на высшем уровне между премьер-министром Японии Т. Мики и президентом США Дж. Фордом. В коммюнике говорилось об обязательствах США «защищать Японию как ядерными, так и обычными видами вооружений»²¹. В следующем, 1976 г. Япония ратифицировала ДНЯО. В дальнейшем эти американские гарантии были подтверждены в ходе визита в Японию президента США Б. Клинтона и его встречи с премьер-министром К. Миядзава в июле 1993 г. В 1995 г. после длительных дискуссий Япония приняла условие о бессрочном продлении ДНЯО.

В 1990-е годы с распадом биполярной системы Япония оказалась в совершенно новой геополитической и военно-стратегической парадигме. Это, в частности, проявилось в том, что после окончания эпохи ядерного противостояния Япония получила, хотя бы теоретически, рациональное основание для создания собственного ракетно-ядерного потенциала в целях сдерживания потенциальных военных противников и противостояния региональным угрозам. Ранее у Японии аргументов в пользу «ядерного выбора» не могло появиться в силу ее принадлежности к одному из двух противостоящих блоков, в котором она довольствовалась положением «безбилетника».

Угрозы для Японии усложнились, диверсифицировались, стали менее идеологизированными, но более осязаемыми. Если «советская военная угроза» носила больше умозрительный характер, то новые угрозы безопасности, в том числе военные, перешли в плоскость пугающей реальности. Особенно болезненно были восприняты в Японии сообщения об успешных запусках в 1998 г. ракет «Тэпходон», об активной работе Пхеньяна над собственными ядерными технологиями, о выходе КНДР из ДНЯО, наконец, об успешных испытаниях ядерных взрывных устройств, проведенных Северной Кореей в 2006 и 2009 гг. Мощный импульс для сторонников «ядерного выбора» создавал и военный подъем Китая, который с 1990-х годов позиционируется в официальных военных документах Токио в качестве противника номер один.

Огромные опасения вызывает в Японии также «ядерный ренессанс», т. е. активный и необратимый процесс распространения в мире ядерных

²¹ Асахи симбун. 01.08.2005.

технологий, как мирных, так и военных. Около 60 стран мира находятся на стадии принятия решений по вопросу о переходе к атомной энергетике. Риск ядерного распространения особенно проявляет себя в Азии, где крайне велика опасность военных конфликтов. Именно в Азии запустили собственные ядерные программы либо де-факто стали членами ядерного клуба такие ключевые азиатские страны, как Израиль, Индия, Пакистан, КНДР, Иран. Ослабление глобальной системы нераспространения ядерного оружия, рост нелегальной торговли компонентами для его производства, включая расщепляющиеся материалы, дают японской политической элите основания задуматься о собственном ядерном потенциале.

Возможность обретения ядерного оружия актуализировалась также в связи с ослаблением военного присутствия США. Как полагает американский эксперт М. Гальперин, консенсус по поводу неспособности Америки защитить Японию от внешнего нападения может в перспективе стать важным аргументом в пользу «ядерного выбора»²².

Тема создания национального ядерного потенциала давно уже перестала быть табу в общественном сознании Японии. В стране периодически разгораются дискуссии по данному вопросу, в которые оказываются втянутыми политики, общественные деятели, представители академического сообщества, журналисты. Как на экспертном, так и на политическом уровне неоднократно подтверждалась высокая техническая готовность Японии к обретению ядерного оружия. Помимо научно-технического и промышленного потенциала атомной отрасли Япония располагает значительными количествами оружейного плутония, который был накоплен в рамках программы эксплуатации реакторов на быстрых нейтронах²³. Еще в апреле 2002 г. лидер Либеральной партии Одзава Итиро затронул данный вопрос в контексте обеспокоенности по поводу роста военного потенциала Китая. «Если Япония захочет, то сможет произвести тысячи ядерных боеголовок. В Японии достаточно плутония на АЭС для создания трех-четырёх тысяч боеголовок. Если это произойдет, с точки зрения военной мощи нас никто не сможет одолеть»²⁴, — заявил тогда И. Одзава.

Возможность создания Японией в короткие сроки национального ядерного потенциала подтверждается и оценками зарубежных специа-

²² Halperin M. H. The Nuclear Dimension of the U.S.–Japan Alliance. Section 5 // U.S. Nuclear Policy and Japanese Nuclear Weapons (www.nautilus.org/archives/library/security/papers/US-Japan-5.html).

²³ По состоянию на конец марта 2009 г., Япония имела 43,8 тонны плутония, из которых 5,9 тонны хранятся на территории самой Японии, а 37,9 тонны — в Англии и Франции. Если исходить из того, что для изготовления одного ядерного боезаряда необходимо 8 кг плутония, то количества, которым обладает Япония, хватит почти на 5475 боезарядов (Независимая газета. 24.08.2009).

²⁴ The Times. 08.04.2002

листов. Например, российские эксперты отмечали, что Япония «в течение года способна самостоятельно произвести несколько десятков ядерных боеприпасов на плутониевой основе, за два-три года приспособить для их доставки имеющиеся баллистические носители космического назначения, в последующие пять-десять лет построить несколько атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и переоборудовать имеющиеся многоцелевые подводные лодки под ядерные крылатые ракеты большой дальности»²⁵. В конце 2006 г. в газете «Санкэй» были опубликованы данные обследования, согласно которому стране потребуется от трех до пяти лет для создания опытного образца ядерного оружия. В газете было помещено резюме документа, датированного сентябрем 2006 г., согласно которому подобный проект может обойтись Японии в сумму от 1,68 до 2,52 млрд. долл.²⁶

Что касается юридической стороны дела, то обладание ядерным оружием в целях обеспечения собственной безопасности, в интерпретации правительства, не подпадает под какие-либо конституционные запреты. Об этом заявляли в мае 2002 г. тогдашний генеральный секретарь кабинета министров Я. Фукуда, а в 2006 г. — премьер-министр Абэ Синдзо и министр иностранных дел Асо Таро. Например, последний в ноябре 2006 г. подчеркнул, что «обладание минимальным объемом ядерных вооружений в целях самообороны не запрещается положениями 9-й статьи Конституции»²⁷.

Однако в постбиполярную эпоху в политическом руководстве страны все же возобладали умеренная точка зрения, в соответствии с которой Японии следует воздержаться от «ядерного выбора». После первого ядерного кризиса на Корейском полуострове в 1994 г. Управление национальной обороны Японии провело специальное изучение данного вопроса и пришло к выводу, что обретение ядерного оружия не имеет никакого практического смысла²⁸.

Среди аргументов в пользу сохранения страной неядерного статуса можно выделить следующие. Прежде всего указывают на то, что в случае нуклеаризации Японии сильный удар будет нанесен по ее военно-политическому союзу с США, представляющему собой краеугольный камень внешней политики страны. Например, японский эксперт Мацумура Масахиро отмечал, что «ядерный выбор» Японии будет воспринят в Вашингтоне как вызов превосходству Соединенных Штатов либо как

²⁵ Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии. Под ред. А. Арбатова и В. Михеева (www.carnegie.ru/ru/pubs/).

²⁶ Санкэй симбун. 25.12.2006.

²⁷ <http://www.newsru.com/world/30nov2006/japan.html>

²⁸ Glosserman B. Straight Talk about Japan's Nuclear Option // Pacific Forum CSIS. Honolulu, Hawaii. Number 50A. October 11, 2006 (www.pacforum.org.).

«проявление недоверия в отношении американского ядерного зонта»²⁹. Ряд экспертов считает, что единственным обоснованием «голлистского решения» могло бы быть обретение страной самостоятельности и самодостаточности в проведении своей политики в области обороны и национальной безопасности, в связи с чем политика опоры на американскую мощь ядерного сдерживания потеряла бы всякий смысл³⁰. Обретение Японией ядерного оружия почти наверняка лишит ее американских ядерных гарантий и по причине жесткой позиции Вашингтона в вопросе о режиме нераспространения ядерного оружия. Между тем в политической элите страны практически не подвергается сомнению необходимость в союзе с Соединенными Штатами как базовом элементе политики обеспечения национальной безопасности, в том числе и с учетом региональной и глобальной ситуации в ядерной сфере. Начальник Управления национальной обороны Ф.Кюма заявлял в 2006 г., что «Япония не имеет другой альтернативы, кроме как полагаться на американскую ядерную мощь сдерживания»³¹.

Свою роль играет и опасение «эффекта домино». «Ядерный выбор» приведет к ускорению процесса распространения ядерного оружия, в том числе и среди возможных военных соперников Японии (например, в странах Корейского полуострова), дестабилизации военно-политической ситуации, гонке ядерных вооружений в Северо-Восточной Азии и существенному ухудшению внешнеполитических условий для самой Японии. Кроме того, под угрозу будет поставлен весь режим ДНЯО, который исключительно важен для Японии как крупной торговой нации.

Существуют также опасения утраты международного авторитета, основанного на моральных обязательствах Японии как единственной в мире страны, пострадавшей от применения ядерного оружия. Как писал обозреватель газеты «Йомиури» Т.Тамаи, «трудно представить, что преимущества от обладания ядерным оружием перевесят риски, связанные с изоляцией от мирового сообщества»³². Другой эксперт, президент Института международной политики Окава Ёсио, отмечал, что «безответственные заявления по поводу возможности “ядерного выбора” могут быть использованы другими странами для критики позиций Японии»³³.

Опросы общественного мнения показывают, что большинство японцев негативно относятся к ядерному оружию как к дестабилизирующему фактору международных отношений. Например, в ходе проводившегося

в 2005 г. международного исследования на вопрос, позволяет ли обладание ядерным оружием усилить политическое влияние государства в мире, положительный ответ в Японии дали лишь 33% респондентов (в США таковых было 57%, в Китае — 70, во Франции — 57, в Южной Корее — 63%). Только 35% опрошенных японцев считали, что ядерное оружие помогает предотвратить нападение со стороны другой державы (в Южной Корее — 62%, в Китае — 57, в США — 39%), тогда как противоположного мнения придерживались 50% респондентов³⁴.

Пересмотру неядерного статуса препятствует и сохранение в японском обществе в постбиполярный период «ядерной аллергии», которая не утрачивает свою силу, несмотря на уменьшение пацифистских настроений в массах, ослабление негативной исторической памяти, связанной с американскими атомными бомбардировками, а также рост национализма. Как отмечал американский эксперт Брэд Глоссерман, воспоминания о горьком опыте Второй мировой войны по-прежнему сильны в сознании японцев, вследствие чего общественное мнение продолжает сохранять сильную «аллергию» к идее создания собственного ядерного потенциала³⁵. Мнение Б.Глоссермана подтверждают, в частности, результаты упомянутого международного опроса 2005 г.: за вступление страны в «ядерный клуб» высказались только 10% японцев. «Ядерная аллергия» в Японии особенно наглядно проявилась на фоне ситуации в соседней Южной Корее, где за обретение ядерного оружия выступили 52% опрошенных³⁶. Подавляющее большинство жителей Японии — 85% — считали необходимым добиваться полного искоренения ядерного оружия (в США — 74%, в Южной Корее — 75, в Германии — 95%)³⁷.

Большинство японцев, как ни парадоксально, высказывается отрицательно и по поводу ядерных гарантий, предоставленных Японии ее партнером по Договору безопасности. Только 39% опрошенных в 2005 г. считали, что Японии необходимо полагаться на «ядерный зонт», тогда как против высказались 48%. Справедливости ради следует отметить, что доля сторонников политики опоры на американский «ядерный зонт» существенно выросла по сравнению с 1991 г., т. е. началом постбиполярного периода, когда она составляла всего 18%. Интересно, что этот показатель в 2005 г. был даже выше, чем в разгар «холодной войны» (в 1985 г. — 34%)³⁸. Как представляется, здесь проявляется осознание японцами вызовов безопасности, которые таят в себе военный подъем Китая, угроза со стороны ядерной программы КНДР, а также рост террористической угрозы.

²⁹ <http://www.brookings.edu/views/op-ed/fellows/matsumura20061110.htm>

³⁰ Halperin M. H. The Nuclear Dimension of the U.S.–Japan Alliance. Section 4 // Japanese Nuclear Options (www.nautilus.org/archives/library/security/papers/US-Japan-4.html).

³¹ The Japan Times. 05.11.2006.

³² The Daily Yomiuri. 15.11.2006.

³³ The Japan Times. 05.11.06.

³⁴ Асахи симбун. 06.08.2005.

³⁵ Glosserman B. Op. cit.

³⁶ Асахи симбун. 06.08.2005.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Таким образом, некоторое ослабление «ядерной аллергии» среди японцев все же наблюдается. Это подтверждается и тем фактом, что в обществе спокойно реагируют на призывы открыто обсуждать эту тему. Особенно активно дискуссии по вопросу о ядерном оружии развернулись в связи с ядерными испытаниями, проведенными КНДР в 2006 и 2009 гг. Например, как показал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Йомиури» после объявленных КНДР в октябре 2006 г. ядерных испытаний, 47% респондентов согласились с возможностью организации широкой общественной дискуссии по вопросу о ядерном вооружении Японии, тогда как против высказались лишь 22%³⁹. Реагируя на изменение общественных настроений, председатель Политического совета ЛДП Накагава Сёити заявил в 2006 г., что «не приемлет», чтобы «три неядерных принципа» были превращены в четыре или пять за счет добавления запретов говорить и думать о ядерном оружии⁴⁰. Заявление о допустимости общественной дискуссии на тему о возможности обладания ядерным оружием сделал тогда и министр иностранных дел Асо Таро⁴¹.

Несмотря на продолжение подобной дискуссии, возможность обладания ядерным оружием в настоящее время все же носит, скорее, гипотетический характер. Тема «ядерного выбора» служит объектом дискуссии только в контексте обсуждения различных сценариев развития военно-политической ситуации в регионе. Проблема сохранения в обозримой перспективе неядерного статуса страны практически не ставится, во всяком случае, на политическом уровне, под сомнение.

Даже в октябре 2006 г., когда в связи с ядерными испытаниями Пхеньяна для Японии наступил некий «час икс», один из лидеров ЛДП С. Накагава четко заявил: «Считаю, что в большей степени интересам Японии отвечает не ядерное вооружение, а создание системы противоракетной обороны, которая бы обезопасила страну от ядерных ракет»⁴². Ответом Токио на новую военно-политическую обстановку в Северо-Восточной Азии стала совместная с США работа над ПРО ТВД.

Принципиальных изменений в подходе к решению ядерной проблемы не произошло и с приходом к власти правительства Демократической партии Японии в сентябре 2009 г. Во внешнеполитической программе нового правительства сохранилось положение о том, что основой японской внешней политики должен служить тесный и равноправный союз с США⁴³. Путь к решению ядерной проблемы новое правительство

Японии видит в укреплении режима ДНЯО и проведении последовательной политики в области ядерного разоружения. Нуклеаризация по-прежнему рассматривается только как гипотетическая возможность, которая может возникнуть в условиях непредсказуемого развития международной ситуации.

Анализ послевоенной политики Японии в отношении ядерной проблемы позволяет заключить, что Токио при определении своей позиции руководствовался все же прагматическими, а не моральными соображениями. В политической элите страны никогда не преобладала идеалистическая точка зрения относительно возможности сохранить неядерный статус без ядерных гарантий США и иных дополнительных «подпорок». Политика отказа от ядерного вооружения никогда не воспринималась в качестве самоцели, а проводилась на разных этапах послевоенной истории в качестве наиболее оптимального средства обеспечения внешнеполитических интересов страны. В биполярную эпоху эта политика служила целям укрепления имиджа Японии как пацифистского государства, который она активно использовала для восстановления своих позиций в азиатских странах, пострадавших от японской агрессии в период Второй мировой войны. После окончания «холодной войны» в связи с постепенной утратой действенности пацифистской компоненты внешнеполитического ресурса на первый план вышли соображения экономической и политической целесообразности, в соответствии с которыми обладание национальной ядерной мощью на данном этапе представляет собой решение, таящее в себе неприемлемый ущерб интересам страны, как экономическим, так и внешнеполитическим.

Вместе с тем никаких иллюзий по поводу возможности обеспечения военной безопасности за счет сохранения неядерного статуса в политическом руководстве не наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, непрекращающаяся в Японии дискуссия по поводу «ядерного выбора», а также многочисленные заявления официальных лиц о допустимости ядерного оружия с точки зрения внутреннего законодательства. Япония продолжает внимательно следить за ситуацией в сфере распространения ядерного оружия, и прежде всего в восточноазиатском регионе, и сохраняет высокую степень экономической и научно-технической готовности к коррекции своей политики в ядерной области.

³⁹ The Daily Yomiuri. 15.11.2006.

⁴⁰ <http://www.newsru.com/world/30nov2006/japan.html>

⁴¹ Асахи симбун. 20.10.2006.

⁴² Асахи симбун. 17.10.2006.

⁴³ <http://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf>

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ЛДП: ФЕНОМЕН ОТАКУ

Одна из важнейших функций культуры — вбирать в свои образы, символы, метафоры все то, что включает в себя понятие «дух времени». Вот почему в художественном сознании каждой эпохи и каждой страны запечатлены, по сути дела, наиболее характерные особенности определенного исторического периода, выраженные и осмысленные в произведениях литературы и искусства.

Годы правления в Японии Либерально-демократической партии (ЛДП) совпали с весьма продолжительным, длиною более чем в 50 лет, и самым стремительным этапом в развития государства. За это время буквально в рекордные сроки побежденная страна смогла преодолеть последствия своего сокрушительного поражения в войне и стать одним из мировых лидеров в ведущих областях экономики и новейших технологий с возросшим в разы политическим и культурным влиянием в мире. И главная составляющая этого поразительного успеха заключалась в том, что вся нация впервые после войны и американской оккупации была охвачена единым стремлением выйти на новый путь общественных преобразований и мобилизовать для этого соответствующие экономические, психологические и иные ресурсы. Возрождение страны шло «через дух», в формировании и поддержании которого культура играла особую роль.

За рассматриваемый нами период японская художественная культура, где в равной степени интересно и самобытно развивались и литература, и кино, и живопись, и анимация, и музыка, запечатлела в себе все те многочисленные и разнообразные направления и течения — от реализма до авангарда, которые, как правило, зарождались на Западе и почти моментально приживались на местной почве практически всегда в гармоничном сочетании с национальной традицией или в оригинальном, новом прочтении. В результате этого удивительного синтеза появился уникальный культурный продукт, который в равной степени оказался

востребованным как внутренней, так и во внешней аудитории, что оказало свое существенное воздействие на мировую культуру в целом, особенно после 1960-х годов. Именно тогда страна стала уверенно завоевывать лидирующие позиции в мире, в первую очередь в области экономики и новейших технологий, а японская культура — все стремительнее осваивать мировое пространство.

Примечательно и то, что развитие культуры этого периода шло рука об руку с техническим прогрессом и вплоть до сегодняшнего дня было неразрывно связано в первую очередь с развитием телекоммуникационной сферы. Появление и распространение телевидения, создание компьютеров и, наконец, изобретение Интернета в эти годы совершили настоящую культурную революцию в самой Японии и в мире. Именно через эти новые средства массовых коммуникаций культура, начиная от формы подачи материала и кончая скоростью ее предоставления потребителю, стала демократичней и легко доступной и широким массам в самой Японии, и огромной аудитории ее поклонников за рубежом.

И, наконец, еще одна грань японской культуры последних лет — ее ярко выраженная постмодернистская окраска. Думаю, не ошибусь, если скажу, что по крайней мере конец XX века и наши дни отождествляются в Японии, как и во многих других развитых странах мира, с постмодернизмом, который под кистью и пером немалого числа своих приверженцев не только поставил последнюю точку в бурной, богатой всевозможными катаклизмами истории ушедшего столетия, но и, возможно, распахнул врата новой, наступающей эпохи.

Художественными артефактами, а вернее, символическими вехами, очертившими начало и конец рассматриваемого нами исторического периода, могут служить два шедевра японского киноискусства. Первый — художественный фильм «Семь самураев», созданный великим Куросава Акира в 1954 г. Выход этой ленты не только совпал с началом «золотого века» японской кинематографии, но и отразил духовное состояние японского общества буквально накануне перехода политической власти в руки ЛДП. И вторая — анимационная лента другого мэтра японского кино Миядзаки Хаяо «Ходячий замок Хаула», вышедшая в 2005 г. и совпавшая по времени своего создания с последними годами правления либерал-демократов, запечатлев основные проблемы Японии нового тысячелетия.

Фильм «Семь самураев» знаменателен во многих отношениях, и прежде всего тем, что эта лента окончательно подтвердила: Япония вошла в мировое кинематографическое сообщество. Вслед за триумфальной победой в 1951 г. своего прославленного киношедевра «Расёмон» в 1954 г. Куросава вновь получает Серебряного льва св. Марка на очередном Венецианском кинофестивале. При этом фильм «Семь самураев»

покорил иностранную аудиторию не только высоким профессиональным уровнем режиссерской работы и национальным колоритом, но главным образом тем, что нес в себе новое мироощущение послевоенной жизни Японии. Даже если создатель ленты сознательно не вкладывал в свою занимательную историю прямых аллюзий на современность, в ленте потрясающе точно на интуитивном уровне он отразил смену общественных настроений.

В те годы вся страна жила настроениями послевоенного демократического подъема и огромными надеждами на грядущие перемены. На замысел фильма, безусловно, не мог не повлиять нараставший в стране протест против проводившейся под давлением США ремилитаризации Японии и других непопулярных в народе шагов японского правительства. Уже в декабре 1954 г. (спустя всего полгода после премьеры) подает в отставку премьер-министр Ёсида Сигэру, на смену которому придет либерал-демократ Хатояма Итиро. Эти события косвенно объясняют, с какой целью Куросава обратился к одному из самых загадочных образов японской истории — к образу самурая, ставшему олицетворением этой страны.

Режиссер, по сути дела, подверг сомнению основополагающее положение самурайского кодекса *бусидо*, ограничивающее смысл жизни любого представителя этого военного сословия преданным служением своему сюзеру. Ирония фильма в том и заключается, что семеро бывших самураев — *ронин*ов в поисках средств к существованию нанимаются на работу к прежде презираемым ими крестьянам, причем не за деньги, которых у тех попросту нет, а только за еду и ночлег. Но события интерпретируются далеко не сатирически, а напротив, от кадра к кадру приобретают все более драматическое, а затем и патетическое звучание. И в конце фильма именно крестьяне становятся истинными героями событий, оказываясь победителями в схватке с самураями. Каждый, независимо от своего происхождения и социального положения, имеет право на жизнь — таков основной лейтмотив этого повествования.

Несмотря на исторический сюжет, фильм не воспринимался как очередная историческая драма. Он глубоко реалистично рассказывал о вечных человеческих проблемах: о бедности и богатстве, преданности и предательстве, о мире, полном лишений и страданий, и о человеке, нашедшем в себе силы их преодолеть. За этими размышлениями великого Куросава нетрудно почувствовать трагедию японцев, переживших страшную войну и поражение, тяжелые испытания в борьбе за выживание и не менее мучительные поиски путей к обретению себя как нации и возрождению своей страны.

Спустя почти полвека после выхода на экраны этой культовой ленты, в 2005 г., другой великий японец — Миядзаки Хаяо представил на 61-й

Венецианский кинофестиваль свою новую анимационную картину — философскую притчу «Ходячий замок Хаула», которая явилась первой японской анимацией, когда-либо открывавшей этот престижный кинофорум и получившей его почетный приз «Золотая Озелла». В ней художник выразил свое видение Японии первого десятилетия XXI века, для которого основным видом искусства стала национальная мультипликация — *анимэ*, завоевавшее мировое признание, а общим культурным фоном — постмодернистская художественная реальность. В этой связи режиссер не только поменял живых актеров на рисованных героев, но и перенес их в параллельный сказочный мир, где магия идет рука об руку с техническим прогрессом. Место действия напоминает Европу XIX века, и в этом нет ничего удивительного, поскольку в основу повествования положен роман Дианы Вайн Джонс.

Это история юной шляпницы Софи, которая влюбляется в своего спасителя — таинственного голубоглазого красавца, рыцаря, известного своими «похищениями» девичьих сердец. Однако эта любовь с первого взгляда стоила героине потери молодости, отнятой чарами ревливой злой ведьмы из Пустоши. Чтобы снять с себя страшное заклятье, девушка-старуха отправляется за помощью к могущественному волшебнику Хаулу и в поисках его неожиданно попадает в огромный шагающий замок, путешествующий по миру. Неожиданно для себя она узнает, что владельцем этого замка является разыскиваемый ею маг, но что еще более удивительно — в нем она узнает своего возлюбленного, который тоже находится в плену колдуньи, вселившей в него мятежный огонь войны. Во время пребывания героини в движущемся замке Хаула перед ней открывается совершенно новая жизнь, а на ее долю выпадают непростые испытания, которые Софи, человек с сильной волей и упорным характером, успешно преодолевает. В конце концов благодаря самоотверженности девушки все возвращается на круги своя: ей вновь дарована молодость, Хаулу — человеческая душа, и они счастливы вместе.

Вот такая, казалось бы, увлекательная волшебная история. Однако в значительной степени переработанный самим Миядзаки сценарий позволил в контексте сказочных событий показать реалии современной Японии и те ее проблемы, которые глубоко волнуют сегодня и самого художника, и все японское общество. И прежде всего — проблему старения общества, которая вновь и вновь напоминает о себе в бесконечных перевоплощениях героини, пребывающей в двух ипостасях — молодой девушки и древней старухи. Сегодня эта проблема необычайно актуальна для Японии, где пожилое население уже преобладает над числом работоспособных и активных членов общества, а те, в свою очередь, охвачены душевным инфантилизмом и погоней за бессмертием и вечной молодостью. Отсюда происходят кардинальные сдвиги как в

экономике, так и в социальной, духовной и других сферах. Но для художника более всего важна не столько социальная суть происходящих перемен, сколько их философская и моральная сторона — вечные вопросы жизни и смерти, секреты юности и старости и та грань, которая разделяет, а может быть, и сводит воедино эти два состояния в жизни человека, и т. д. Миядзаки вновь призывает своих соотечественников обратиться именно к духовной стороне жизни, к вечным человеческим ценностям, раскрывая в этом непреходящий закон человеческого бытия и гармонии с окружающим миром.

Вторая главная тема повествования — это проблема человеческого одиночества и разобщенности общества, потребности человека в общении с другими людьми — будь то семья, коллеги по работе либо просто друзья, т. е. любое «комьюнити». Проблема, никогда ранее так остро не стоявшая перед Японией. Сегодня на смену хорошо известному в мире японскому коллективизму приходит индивидуализм, ломающий основы веками выстроенной и долгие годы отлично функционирующей в Японии экономической системы и буквально на глазах разрушающий многолетние традиции семьи, поведенческие стереотипы и т. д. Миядзаки в мягкой, иносказательной манере делится со зрителем своим неподдельным беспокойством по этому поводу, рассказывая о том, как, очутившись в совершенно незнакомом для себя месте — ходячем замке среди малопривлекательных, на первый взгляд, его обитателей, Софи все-таки находит ключик к душе каждого из них. В результате все эти прежде разобщенные существа становятся единой семьей, и именно в своем единстве каждый из них черпает силы для того, чтобы справиться с ранее непреодолимыми обстоятельствами, для собственного возрождения.

И все-таки главной для Миядзаки по-прежнему остается тема войны, олицетворением которой становится воинственный образ главного героя. В год выхода ленты на экраны военная тематика ассоциировалась в умах большинства японцев прежде всего с трагическими событиями в Ираке и участием японских Сил самообороны в миротворческих операциях ООН — проблемой, которая всколыхнула тогда всю страну, вызвав мощные протестные настроения. И лента Миядзаки выразила отношение самого режиссера к этим политическим событиям, еще раз указывая на то, что война, вне зависимости от ее характера, от состава ее участников, места и времени возникновения, была и остается вечным злом для человечества, разрушая не только среду обитания человека, но и его душу. Миядзаки особенно чувствителен к этой проблематике не только в силу текущих политических событий. Режиссера до сих пор не покидают тяжелые детские воспоминания о годах Тихоокеанской войны. И как тогда, он остро страдает от того, что не в силах изменить ход событий, не видя для себя иного пути противостоять им, как снимать

свои фильмы-притчи в назидание своим зрителям и делиться с ними своими мыслями и рассуждениями о смысле человеческого бытия.

Вот такие две разные, как по содержанию, так и по жанру и художественным особенностям, киноленты представляют культуру Японии первого послевоенного десятилетия и первого десятилетия XXI века. Какими идеалами, настроениями, стремлениями жила нация все эти годы, какие духовные и мировоззренческие трансформации пережила художественная интеллигенция страны? Какими путями шло развитие японской культуры, которая на фоне внешнего процветания общества постепенно наполнялась все более тревожными предчувствиями и мучительными размышлениями о смысле человеческого бытия?

Ответить на эти вопросы в полном объеме в одной главе не представляется возможным. И тем не менее, думаю, не ошибусь, отметив, что одним из наиболее важных и принципиальных моментов в истории послевоенной японской культуры явилось поступательное развитие массовых видов и жанров искусства, обусловленное в первую очередь трансформацией японского общества в общество потребления и стремительным прогрессом в области средств массовых коммуникаций. При этом японская массовая культура практически всегда формировалась под сильным влиянием новых внешних и внутренних условий и факторов, определивших ее основные тенденции и давших жизнь многочисленным новым субкультурам, которые сегодня составляют, по существу, мейнстрим современной культурной жизни страны.

«Когда я думаю о том, что представляет собой современная японская культура, я прихожу к выводу, что вся она принадлежит к субкультуре», — заявляет всемирно известный представитель японского неопоп-арта и теоретик современного японского искусства Мураками Такаси¹. В действительности понятие «субкультура» применительно к Японии не имеет четко очерченных границ. Если на Западе «субкультура» понимается как контркультура или как некая альтернатива высокой культуре, то в Японии, впрочем, как и во многих странах Востока, высокие и низкие сферы культуры практически никогда имели четких разграничений. Субкультура не рассматривается как прямая оппозиция высокой культуре или же вторичная по своей природе. Более того, субкультура (*сабукару*) намного популярнее в широких слоях общества, нежели так называемая высокая культура, к которой по традиции причисляют здесь живопись и литературу, также претерпевающих в последние годы серьезную трансформацию в сторону массовых жанров.

Достаточно сослаться на мнение другого авторитетного лица — известного литературоведа Нумано Мицуюси, который, размышляя о современной литературе, вводит такое понятие, как «промежуточный», или

¹ <http://www.proza.ru>

«центральной» роман (*тукан сёсэцу*), подчеркивая активизирующийся в последние годы процесс размывания границ, традиционно разделяющих уровни внутрилитературной иерархии: высокой «чистой» литературы (*дзюнбунгаку*) и низких популярных жанров (*тайсю бангаку*)².

В отличие от Запада, где в своем классическом варианте субкультура и высокая культура образуют два противоположных полюса — своеобразную дихотомию, в Японии такое разделение во многом условно, причем в силу как сложившихся национальных традиций, так и особенностей постмодернистской реальности, размывающей грань между высоким и низким искусством. И под термином «субкультура» чаще всего понимается широкий спектр направлений и жанров современной популярной японской культуры, включающих в себя *манга*, *анимэ*, *токусацу* (специальные эффекты) и т.д., а их поклонников, вернее, неистовых фанатов, окрестили словом *отаку*. Так родилось новое понятие «субкультура *отаку*», ставшее культурным феноменом наших дней и предметом непрекращающихся научных и публичных споров и обсуждений.

Одни считают эту субкультуру отражением новых мировоззренческих и художественных ориентиров, ярко и самобытно выражающих основной дух нашего времени. Другие обвиняют ее в общем падении уровня искусства и нравов, апокалиптических настроениях и примитивно-сладкой эстетике *каваи*, наполнившей собой образы, сюжеты и даже целые новые жанры (*манга* и *анимэ* и т.д.). Часть критиков усматривают в субкультуре *отаку* высшее проявление демократизации искусства, благодаря электронным носителям теперь доступного всем его потребителям, невзирая на возраст, увлечения, национальность и т.д. А их оппоненты, напротив, упрекают субкультуру *отаку* в примитивизме содержания, пропаганде культа насилия и секса и т.д., малопримемых для нравственных устоев многих стран. Некоторые исследователи ратуют за новое социокультурное сообщество *отаку*, которое позволяет единомышленникам создать свои «комьюнити» по интересам для широкого общения в условиях нашего разобщенного мира. Однако здесь же предстает и обратная сторона проблемы — уход некоторых представителей *отаку* в этом своем иногда просто маниакальном увлечении от реальной жизни, связей с обществом в свой замкнутый и далеко не идеальный мир. Отсюда проистекают такие страшные социальные болезни, как добровольное затворничество *хикимори*, всякого рода антисоциальные поступки и т.д.

И этими достаточно кратко сформулированными оценками разнообразие и обилие мнений и суждений о субкультуре *отаку* далеко не ограничивается. Дело дошло до того, что *анимэ* и другие продукты

² <http://anime.com.ru>

массовой культуры сегодня причисляют даже к разряду «информационного оружия» и предрекают, что популярность этих жанров будет только расти. Тем более что «внедрение новых изобразительных технологий в конечном итоге сделает, в частности, *анимэ* более кинематографичным, а значит, более элитарным и более близким к первообразу»³. «Сегодня субкультура *анимэ* распространяется не только в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона, но и в культурных пространствах других цивилизаций, — развивают эту мысль ее авторы. — Родившись из древней японской гравюры, искусство *анимэ* приобрело утилитарные черты зловещего жанра, посредством которого можно транслировать любой набор идей: от сугубо потребительских и площадно-развлекательных до научных, геополитических, философских и даже религиозных...»⁴.

Этот список аргументов и контраргументов «за» и «против» субкультуры *отаку* можно еще долго продолжать, впрочем, как и перечисление существующих точек зрения на истоки ее формирования. Большая часть из них сводится к двум концепциям. Первая относит субкультуру *отаку* к продуктам постмодернизма, а ее своеобразной прародительницей считает премодернистскую эпоху Эдо и ее культуру: гравюру *укиё-э*, литературный жанр *кибёси*, театры Кабуки и Дзёрури и т.д. Эта теория во многом опирается на достаточно распространенную в научных кругах гипотезу о том, что Япония вступила в эпоху постмодернизма сразу же из премодернистских времен, минуя тем самым этап модернизма. Ее сторонниками являются многие японские и особенно зарубежными исследователи, такие как Асада Акира, Ролан Барт, Вильям Гибсон, Рем Колхас и др.

Однако в японской художественной критике существует и прямо противоположное суждение о том, что «привлекательная и убедительная идея о схожести между эпохой Эдо и *отаку*-культурой является полной иллюзией»⁵. «Нам не следует забывать, — настаивают сторонники подобного подхода, к числу которых относится и известный исследователь Адзума Хироси, — что *манга*, *анимэ*, *токусацу*, научно-фантастические романы, компьютерные игры — все это импортировано из США вместе с послевоенной оккупационной политикой и является американским по происхождению»⁶. И его вывод таков: «*Отаку*-культура должна рассматриваться не как прямой наследник японского премодернизма, а как результат процесса «одомашнивания» Японией послевоенной американской культуры, который происходил одновременно

³ <http://forum.rise-n-fall.com>

⁴ Ibid.

⁵ <http://www.hirokiazuma.com>

⁶ <http://www.hirokiazuma.com>

со стремительным экономическим ростом и подъемом национального самосознания в 1950–1960 гг.»⁷.

Схожую, но несколько иную трактовку проблемы предлагает художник Мураками Такаси, причисляющий себя к первому поколению *отаку* и много сделавший для популяризации этой субкультуры. Не отрицая тесной связи субкультуры *отаку* с японской традицией и проводя прямые параллели, в частности между *аниме* 1970-х годов и японской живописью XVII века, а именно картинами таких средневековых художников, как Кано Сэнсуку и Канэ Ёсинори, он вместе с тем акцентирует особое внимание на событиях иного порядка. И прежде всего — на потере национальной идентичности современных японцев, которую он связывает с травмой национального сознания, полученной в результате поражения Японии в войне, атомных бомбардировок и долгих лет американской оккупации, а также с активным проникновением в Японию американской массовой культуры, во многом подменившей собой традиционные художественные образцы. «Современные японцы, — указывает Мураками, — не могут идентифицировать свою принадлежность к японской нации и вынуждены искать этому альтернативу, причисляя себя к субкультуре *отаку*... Быть частью комьюнити — это исконная человеческая потребность, — заявляет он. — Японское общество сейчас находится в состоянии мирной жизни, никто не голодает, никому не приходится беспокоиться о том, чем он будет питаться завтра, но тем не менее трудно найти удовлетворение в этом мире»⁸.

Для того чтобы лучше понять правомерность существующих точек зрения на субкультуру *отаку*, так же как и философию и мировоззренческие позиции ее носителей — *отаку*, обратимся к счастливым и успешным для Японии 1960-м годам, когда впервые обозначились контуры рассматриваемого нами социокультурного явления. 1960-е годы вошли в историю Японию как период высоких темпов экономического роста и резкого подъема национального самосознания. Их олицетворением явились Олимпийские игры в Токио в 1964 г., ставшие ярким свидетельством не только возросшей экономической мощи страны и завоеванного ею престижа на международной арене, но и воплощением давних амбициозных стремлений японцев стать хозяевами Олимпийских игр, возможность чего была ими упущена в 1940 г. из-за войны, развязанной Японией против Китая.

Олимпиада вызвала к жизни много кардинальных перемен в жизни японцев, и одна из них — стремительное развитие транспортных коммуникаций. Памятный подарок к Олимпиаде — это сверхскоростной поезд, связавший три крупнейших города Японии — Токио, Нагоя и

Осака и в дальнейшем продолживший свой путь, приближая самые далекие уголки страны к столице и постепенно стирая тем самым различия между городом и деревней, между центром и периферией. Но в еще большей степени страну опоясала в эти годы сеть телекоммуникаций. Телевидение пришло буквально в каждый дом. И этот процесс тоже в значительной степени был «инспирирован» Олимпийскими играми. Теперь вся страна оказалась объединенной и управляемой единым информационным потоком, под воздействием которого патриархальные устои жизни, так же как и старые местные обычаи и традиции, веками культивировавшиеся из поколения в поколение, стали уступать место современным образам и новым нравам, насаждавшимся через масс-медиа набиравшей власть над умами и душами миллионов японцев индустрией развлечений.

Неудивительно, что наиболее восприимчивым к этим новым веяниям времени оказалось подрастающее поколение японцев — самая динамичная и остро реагирующая на происходящие перемены часть общества. Телевидение не только открыло им окно в совершенно новый, неизвестный и увлекательный мир, но и объединило их в единую субкультурную группу, интересы и вкусы которой все больше расходились с традиционными ценностными и художественными ориентирами их родителей, воспитанных в духе старой морали. Назревал конфликт поколений. Дому дети предпочитали школу и улицу. Именно за пределами собственного жилища они чувствовали себя наиболее комфортно, в особенности в среде своих сверстников, с которыми не только можно было общаться на понятном лишь им языке, но и свободно обсуждать все волновавшие их темы, искусно вбрасываемые в юношеские умы телевидением и молодежными журналами. А придя домой, подросток стремился сохранить этот свой закрытый от родителей духовный мир, уединившись в своей маленькой комнатке, стены которой были увешаны плакатами с *манга*, персонажами мультфильмов и т. д. Эта стилистика и дух новой молодежной субкультуры, как правило, вызывали резкое сопротивление со стороны родителей. И этот конфликт поколений с каждым годом приобретал все более острый характер.

К середине 1970-х мальчишки и девчонки — дети послевоенного поколения «беби-бума» — повзрослели и заняли ключевые позиции в японском обществе. И тогда острие критики со стороны масс-медиа, когда-то подогревавших в этих юнцах их новые увлечения, обратилось на них. В эпицентр общественного обсуждения и осуждения попали и их внешность, и поведение, и духовные ценности и т. д., которые резко отличались от еще доминировавших в то время в достаточно консервативном японском обществе культурных и моральных образцов. И тогда появилось понятие «субкультура *отаку*», которое было призвано внешне

⁷ Ibid.

⁸ <http://artradasia.wordpress.com>

завуалировать этот общественный конфликт, отнеся увлечение молодых в разряд субкультуры, а самих носителей этой субкультуры в число представителей своеобразного андеграунда.

Само слово *отаку* буквально означает вежливую форму обращения «Вы», «Ваш дом», и по одной из версий, известные аниматоры Микимото Харухико и Кавамори Сёдзи ввели это слово в свою повседневную лексику в конце 1970-х годов⁹. Еще раньше, в 1960-х, оно стало широко распространенным бытовым сленгом среди новоиспеченных городских домохозяек, которые в своих разговорах на повседневные темы часто употребляли слово *отаку* с префиксом вежливости «о» в отношении соседей и просто *таку* — в разговорах о себе и своей семье. Однако чаще всего это слово связывают со средой любителей научной фантастики, которые стали использовать его для общения с такими же фанатами этого модного в те годы литературного жанра. А мода на это слово якобы пошла от писателя-фантаста Араи Мотоко. Тесная связь субкультуры *отаку* и научной фантастики прослеживается буквально во всем, начиная с таких популярных *анимэ*-жанров, как «киберпанк» и кончая *токусацу* — специальными эффектами, которые также обязаны своим появлением этой литературе.

С течением времени поклонники космических сериалов и научной фантастики, а также первых *анимэ*-журналов, таких как “Animage”, а затем “Newtype”, объединялись. Некоторые из первых *отаку* сами становились режиссерами и аниматорами. Наиболее яркий пример подобного творческого перевоплощения — компания «Дайкон», организаторы которой начали свою творческую карьеру с увлечения научной фантастикой (НФ), а затем перешли к созданию коротких *анимэ* для НФ-конференций, став впоследствии мэтрами японской анимации. НФ-конференции были своего рода массовыми фестивалями молодых фанатов научной фантастики, проводимых ежегодно в Осаке, начиная с 1962 г., самими *отаку* для таких же *отаку*. К числу их организаторов вскоре примкнула группа начинающих самостоятельных художников во главе с Акай Таками, Ямада Харююки и др. В 1981 г. на церемонии открытия очередного НФ-фестиваля они уже дебютировали со своим пятиминутным анимационным роликом, успех которого обеспечил начинающим аниматорам участие в создании в 1982 г. известного телесериала «Гиперпространственная крепость Макросс» (любопытно, что именно в этой ленте впервые в *анимэ* прозвучало слово *отаку*, правда, в его первоначальном значении). А в 1983 г., создав незадолго до этого компанию «Дайкон фильм», члены этого молодого творческого коллектива представили на 8-мм пленке свой очередной пятиминутный шедевр

⁹ <http://leit.ru>

под названием «Дайкон-IV», который стал своеобразным эстетическим манифестом субкультуры *отаку*.

Заметим, что слово «Дайкон» в данном случае означало «Осакская конференция» (первый в написании названия «Осака» иероглиф «большой» читается здесь не как привычное «о», а как «дай»). А группа начинающих художников, выступившая под названием «Дайкон», в состав которой входили также Окада Тосио, Такэда Ясухиро, Анно Хидэаки и другие хорошо известные сегодня аниматоры, в дальнейшем создала легендарную студию “Gainax” («Гайнакс»), визитной карточкой которой стало *анимэ* «Евангелион нового поколения». Сюжет этого фильма-презентации, показанного на очередной, 22-й по счету встрече любителей научной фантастики, был достаточно прост, но весьма символичен. По небу порхает прекрасная девочка-эльф, но неожиданно раздается звук сильнейшего взрыва, надо полагать, атомной бомбы, и это нежное существо стремительно падает вниз и исчезает в небытии. Далее следует новая картина: в воздухе под легким дуновением ветерка опадают и летят, как в медленном танце, мириады розовых лепестков сакуры (по-видимому, олицетворяющей собой Японию), покрывая собой землю. И вдруг эта романтическая идиллия прерывается пожаром, выжигающим дочерна ярко-зеленую траву и недавно красиво цветущие деревья, не оставляя после себя ничего живого. Но в это время в небе появляется космический корабль «Дайкон», символизирующий собой молодое поколение *отаку*, и вновь темные цвета смерти и опустошения приобретают зеленые оттенки, планета оживает и вновь расцветает яркими красками.

В этом достаточно иносказательном повествовании, где нет прямой ссылки на атомные бомбардировки Японии и другие исторические катаклизмы, заложена основная идея разрушения и возрождения жизни, что стало своеобразной идеологией субкультуры *отаку*. Авторство самого термина *отаку* в нынешнем его понимании приписывают писателю-юмористу и эссеисту Накамори Акио, который в серии своих статей, вышедших под общим названием «Исследование *отаку*» («*Отаку кэнкю*») в журнале «Манга бурикко» (1983 г.), впервые употребил его для обозначения нового культурного сообщества молодежи, образовавшегося в 1970-х годах и включавшего в себе энтузиастов, увлеченных различными послевоенными субкультурами, такими как *манга*, *анимэ*, фильмы-*токусацу*, пластиковые модели с изображением *анимэ*-героев и т. д.

С годами субкультура *отаку* стала стремительно и агрессивно расширять свои границы, и в настоящее время считается одним из важных факторов современной японской культуры. Причина этого кроется не только в мировой популярности *анимэ* и других жанров современной массовой культуры. Главное в другом: образ мышления *отаку* оказал большое влияние на современное японское общество. При этом интел-

лектуалы и художественные критики на протяжении многих лет игнорировали это новое культурное явление, не придавая ему особого значения, тогда как в общественных кругах оно стало получать все более негативную оценку.

Во-первых, *отаку* часто считаются антисоциальными, извращенными и эгоистичными людьми, которые прикованы к своим компьютерам, комиксам и *анимэ*-реальности и не нуждаются в каком-либо общении или социальной активности. Это предубеждение зародилось среди японцев еще в конце 1970-х годов, однако приобрело свои реальные основания в 1990-х, когда общество время от времени стали шокировать антисоциальные действия, а порой и просто криминальные поступки выходцев из рядов этой неформальной молодежи, о чем широко писала пресса. Так, в 1989 г. всю Японию буквально потрясли жестокие убийства детей на сексуальной почве маньяком Миядзакки Цутому, как впоследствии оказалось, типичным представителем японских *отаку*. После его ареста в 1989 г. многие газеты напечатали фотографии его комнаты, заполненной тысячами видеозаписей *анимэ* и стопками журналов комиксов. С тех пор за *отаку*-культурой закрепилось представление как о «символе патологических проблем молодого высокотехнологичного поколения, увлеченного сексуальными и агрессивными образами»¹⁰.

Во-вторых, сами *отаку* враждебно настроены по отношению к тем, кто не разделяет их образа жизни. Чтение научно-фантастических романов, просмотр телевизионных *анимэ*-сериалов, постоянное посещение специализированных магазинов в районе Акихабара, где продаются *манга*, *анимэ* и прочие аксессуары субкультуры *отаку*, коллекционирование фигурок с изображением героев *анимэ* и участие в «Комикете» (ярмарке комиксов) — все эти действия характеризуют данную группу и очерчивают ее социальные границы. Конечно, следует учитывать, что «их интроверсия и тенденция к защите своей группы может быть неизбежной реакцией на социальное давление»¹¹. Но эта закрытость заранее делало *отаку* своеобразными изгоями в современном японском обществе, а феномен субкультуры *отаку* несправедливо игнорировался критиками и интеллектуалами на протяжении 10–15 лет.

Кризисные времена для всех *отаку* грянули в 1995 г. в связи с газовой атакой в токийском метро, организованной религиозной организацией «Аум Синрикё». Как вскоре выяснилось, среди членов «Аум Синрикё» было немало детей из добропорядочных семей, выходцев из престижных университетов — приверженцев субкультуры *отаку* поколения 1960-х. Воспитанные на фантастических сюжетах *манга* и *анимэ*,

они вместе со своими любимыми героями жили в ожидании конца света: Армагеддон, согласно учению их лидера Асахара Сёко, должен был наступить в 1999 г. Они искренне верили в очистительную миссию этой вселенской катастрофы и свое собственное чудесное спасения, полагая, что, только следуя заповедям своего духовного наставника, они смогут пережить эти испытания и войти в новую, счастливую эру.

Это был первый в истории Японии массовый террористический акт, совершенный не теми или иными радикальными силами, выдвигающими свои политические требования, а носящий ярко выраженную религиозную окраску. На начальном этапе учение Асахара во многом перекликалось с буддийскими постулатами и было основано на строгой духовной дисциплине, учении и практике йоги и т. д. (правда, в дальнейшем, чтобы ускорить достижение своей цели, Асахара решил подкрепить эти буддийские догмы новыми видами вооружения и смертоносными газами). Неслучайно само название «Аум» переводится как «учение истины», а многочисленные сооружения, принадлежавшие «Аум Синрикё» и располагавшиеся возле горы Фудзи, где не только отправлялись религиозные культы и проходили медитации, но и производились смертоносные газы и готовились кадры будущих террористов, носили такие, например, названия, как *самая*, что в переводе с санскрита означает «вера».

Однако, как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, религиозный фанатизм, умело подогреваемый и культивируемый Асахара, основывался не только на почитаемых в Японии буддийских догмах, но и на увлечении адептов новой религии молодежной субкультурой, для большинства произведений которой характерны трагическое предвидение мировой катастрофы и апокалиптические настроения. Достаточно вспомнить, к примеру, такую культовую ленту режиссера Анно Хидэаки, как «Евангелион нового поколения», вышедшую на экраны, что симптоматично, именно в год страшной трагедии в японском метро. И прямые параллели между реальными трагическими событиями и художественным вымыслом ленты уже ни у кого не вызывали никаких сомнений. При этом невольно возникает вопросы: откуда происходит это болезненное мироощущение *отаку* и почему фантастические идеи Армагеддона так прочно укоренились на японской почве?

Знакомясь с произведениями современной японской поп-культуры, мы прежде всего ощущаем всеобъемлющую историческую память, воскрешающую в работах художников и аниматоров трагедию войны и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ставших для японцев не только огромной физической, но и моральной и духовной катастрофой. Память о ней передается от поколения к поколению на каком-то буквально генетическом уровне. Ее ярким символом явился образ легендарной Год-

¹⁰ <http://www.hirokiazuma.com>

¹¹ Ibid.

зиллы — гигантского ящера, который стал популярным персонажем огромного числа комиксов, *анимэ* и кинофильмов, число которых на сегодняшний день достигло уже 28. За более чем полвека своего существования этот фантастический персонаж обошел экраны кинотеатров всего мира, отодвинув на второй план по своей популярности даже прославленного Кинг-Конга. Именно с ленты о Годзилле в японское послевоенное искусство входит на правах отдельного жанра такое понятие, как *токусацу* — искусство специальных эффектов.

Идея этого образа принадлежит продюсеру кинокомпании «Тохо» Танака Томоюки, который придумал это доисторическое чудовище-мутанта (жуткую помесь кита и гориллы), проснувшееся из анабиоза после ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Годзилла — это своеобразное напоминание человечеству об ужасах войны и страшных разрушениях от использования оружия массового уничтожения. Первый фильм о Годзилле вышел в ноябре 1954 г. спустя всего лишь несколько месяцев после того, как 1 января того же года Япония пережила еще одну страшную трагедию — испытание американцами на атолле Бикини в Тихом океане водородной бомбы, мощность взрыва которой была эквивалента тысяче бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Жертвами испытаний стали рыбаки нескольких японских рыболовных шхун, большинство из которых умерли от лучевой болезни, а радиоактивные осадки покрыли значительную часть территорию Японии.

В стране развернулась широкая кампания за запрещение испытания атомного и водородного оружия, переросшая в дальнейшем в массовые выступления против японо-американского Договора безопасности, войны во Вьетнаме и т. д. Японские представители поп-культуры отражали эти чаяния в художественной форме, воспитывая в подрастающем поколении антиамериканские чувства, обвиняя США в трагедии Хиросимы и Нагасаки. Это нашло свое отражение, в частности, в знаменитой телевизионной серии анимационных фильмов “Ultra Q” (1966), “Ultraman” (1966–1967) и “Ultraseven” (1967–1968), повествующей о супергерое по имени Ультрамен, ставшем своеобразным «японским ответом» американцам и их национальной кинематографической гордости — Супермену. Правда, в отличие от американцев японские аниматоры поставили своего персонажа в самые экстремальные обстоятельства, заставив его бороться с инопланетными захватчиками и наделив его не только благородством и силой, но и необычайными боевыми способностями. Причем в последнем сериале на помощь герою приходят даже маленькие монстры (прообразы будущих покемонов), которых он выпускает из специальных капсул.

Эти монстры были придуманы скульптором Нарита Тору, в свое время работавшим в группе специальных эффектов на съемках легендарной

«Годзиллы». Как написал впоследствии Нарита в своих воспоминаниях «Специальные эффекты и монстры» («Токусацу то кайдзи», 1966 г.), он сам «испытал на себе тяжелые последствия американских бомбардировок и как художник считал своим долгом отобразить в своем творчестве трагический момент, когда атомная бомба под названием “Малыш” была сброшена на Хиросиму в самом конце войны Тихоокеанской войны»¹².

Наиболее ярко тема войны прозвучала в 1974 г. в первой *анимэ*-саге режиссера Масуда Тосио «Космический корабль Ямато», легендарном сериале, ставшем культовым для всех тех, кого называют *отаку*. Эта анимационная лента сразу же встретила невероятный успех не только в Японии, где она побила даже кассовые рекорды «Звездных войн», но и во всем мире, а для США даже была сделана специальная версия под названием “Star Blazer”. С этого фильма, собственно говоря, и началась всемирная популярность *анимэ*.

В нереальном, сказочном сюжете телесериала нетрудно разглядеть прямые аналогии, связанные с Тихоокеанской войной. На это указывают многие символы и образы, представленные в анимационной ленте, начиная с названия воздушного корабля — «Ямато»: так назывался легендарный крейсер, гордость Военно-морского флота Японии, затонувший в годы Второй мировой войны. В данном контексте этот образ может быть воспринят еще более широко — как символ Японии, спасающий человечество. Все члены команды — японцы, воспитанные в духе традиционной японской морали с ее культом жертвенности и высоких духовных принципов, что невольно навеивает параллели с основами морального воспитания в довоенной японской армии. Планета Земля, погибающая от бомб, — это Токио, подвергшийся разрушительным бомбардировкам со стороны американских ВВС. Выжженная земля, зараженная радиацией, где гибнет все живое, — это Хиросима и Нагасаки после атомных взрывов и т. д. А жители умирающей Планеты Земля — это японцы, пережившие страшные испытания войны и боль поражения, но вновь вернувшиеся к мирной созидательной жизни.

Наверное, нет ничего удивительного в том, что японские аниматоры намного чаще своих зарубежных коллег обращаются к теме войны и связанной с ней глобальных катастроф, поскольку их страна пережила свой Апокалипсис в 1945 г. Однако тема войны весьма сложна и болезненна для японского художественного сознания. В годы войны самые известные японские художники были призваны военной верхушкой страны стать летописцами тех событий и вести активную художественную пропаганду среди населения, прославляя подвиги армии. Речь идет о целом направлении в японском изобразительном искусстве — *сэнсо кироку-га* («школа военной летописи»). Так сложилось, что

¹² Little Boy. The Art of Japan's Exploding Subculture. N.Y., 2005, p. 197.

в Японии, сравнительно поздно познакомившейся с традициями европейской живописи, не было в то время своих художников-баталистов. И тогда на помощь армии были мобилизованы самые известные в ту пору художники — Фудзита Цугудзи, получивший широкую популярность в Париже в 1920-е годы, и Фукудзава Итиро, считавшийся отцом японского сюрреализма в 1930-е. В особенности прославились военные картины Фудзита своей детальной прорисовкой и прославлением героических эпизодов сражений и мужества японских солдат, что резко контрастировало с его ранними работами, изображавшими умильные кошечки и красивые обнаженные натуры.

Картины, принадлежавшие к «военной живописи», стали трофеями американской оккупационной армии и были вывезены в США, вследствие чего японцы смогли познакомиться с ними только на специальной выставке много лет спустя. Эти картины произвели огромное впечатление не только на широкую публику, но и, в первую очередь, на аниматоров и создателей *манга*. Нетрудно представить себе, как, обращаясь в своем воображении к этим полотнам, Масуда Тосио мог продумывать общую стилистику и целые эпизоды для своего «Космического крейсера «Ямато»», а Нарита Тору — разрабатывать спецэффекты и образы страшных монстров.

Картины военных лет были своего рода «штучным товаром» для Японии, поскольку из-за политических и иных проблем тема войны в послевоенные годы практически оказалась под негласным запретом в официальном искусстве и полностью перешла в область субкультуры. Редким исключением какое-то время оставалась только литература. Однако даже писатели первой «послевоенной волны», или «первого послевоенного поколения» — Нома Хироси, Хара Томиаки, Сиина Риндзо и др., дебютировавшие ярким эмоциональным описанием страшных эпизодов войны, тяжелых жизненных испытаний, своих мыслей и чувств по поводу пережитого, достаточно быстро переключились в своих произведениях с открытой пацифистской тематики на пассивную творческую рефлексию, в которой преобладал экзистенциальный взгляд на войну с точки зрения своего военного опыта, ее разрушительных последствий в мирное время, а также на других экстремальные условия человеческого существования.

Аналогичные тенденции все ярче начинали проявлять себя и в субкультуре: от поколения к поколению тема трагедии войны постепенно приобретала вторичность: художественные образы и фантастические трагические сюжеты уже черпались не из личного опыта, а из пережитого их художественными предшественниками и запечатленного в их работах, основные идеи которых получали новое преломление и современную интерпретацию, правда, все в том же апокалиптическом

ключе. Однако истоки этих болезненных фантазий следовало искать теперь не только в войне, но и в реальной действительности в общем-то благополучных 1970-х, когда все японское общество погрузилось в сладкую эйфорию от достигнутых экономических успехов.

Вспомним такое эпохальное событие начала 1970-х, как Всемирную выставку «Экспо-70», впервые прошедшую в азиатском регионе. Ее символом стал девиз «Прогресс и гармонию человечеству». А олицетворяла этот девиз известная Башня солнца, которая встречала многочисленных посетителей выставки. Она высилась в виде огромной 60-метровой тотемной фигуры полумифического существа — либо пришельца из далекого прошлого, либо посланца новой космической эры, которая символизировала собой устремленность человечества к счастливому будущему. Автором этого образа-символа являлся известный японский художник, скульптор и теоретик искусства Окамото Таро. Рожденный в семье отца-художника и матери-литератора в 1911 г., он большую часть своей жизни провел в Европе. В 1928 г. уехал в Париж, долгие годы учился и работал за границей, обучался философии, увлекался сюрреализмом. А по возвращении на родину после окончания войны он полностью погрузился в изучение памятников древней японской культуры эпохи Дзёмон, а также искусства жителей острова Окинава. Возможно, создавая свою знаменитую Башню солнца, он реализовал одновременно этих два столь разнящихся между собой художественных увлечения.

«Искусство — это взрыв», — заявил Окамото, и эти слова стали художественным кредо не только для него, но и для многих других японских художников — его последователей, работающих в стиле поп-арта¹³. Само слово «поп-арт» (популярное, общедоступное искусство) имеет еще один смысл, связанный со звукоподражательной составляющей «поп», что воспринимается как отрывистый удар, хлопок, шлепок, т. е. производящее шокирующий эффект. И Окамото был недалек от истины.

Страна находилась в ожидании каких-то непредсказуемых трагических событий. И они последовали одно за другим. Буквально в дни проведения «Экспо-70» левая радикальная группировка совершила попытку угона пассажирского самолета. Волна левого экстремизма накрыла всю страну. Вслед за этим мир потрясло ритуальное самоубийство выдающегося японского писателя Мисима Юкио. На следующий год в окрестностях Токио прозвучали взрывы бомб. А затем одно за другим на страну обрушились серьезные экономические испытания: «долларовый шок», мировой нефтяной кризис, инфляция, возникли новые угрозы экологической безопасности страны и т. д. Японцев вновь охватили мучительные сомнения в реальности светлого и счастливого будущего, ожиданиями которого недавно жила вся страна.

¹³ Little Boy, p. 4.

В атмосфере всех этих событий и эмоциональных потрясений, охвативших население, в 1973 г. выходит произведение «Гибель Дракона», известное у нас в стране по фильму «Гибель Японии», писателя-фантаста Комацу Сакё. Сюжет этого романа построен на фантастических прогнозах ученых, что в будущем Японии грозит погружение в океан вследствие тектонических процессов, происходящих в земной коре. Однако никто не прислушивается к этим предостережениям, и, к несчастью, все происходит именно так: начинается беспрецедентное по своей интенсивности землетрясение, и Япония уходит под воду, а случайно спасшихся людей судьба разбросала по разным частям света.

Несмотря на свой пессимистический и даже трагический настрой, роман сразу же стал бестселлером и буквально в один миг разошелся тиражом более чем в 4 млн. экземпляров. Вскоре по его сюжету был снят художественный фильм-катастрофа «Гибель Японии», а его название стало олицетворением крупных общественных коллапсов, охвативших страну. И это было своеобразной проекцией того времени, когда охватившее людей смятение и постоянное ощущение приближающейся опасности, страх за будущее заставляли их уходить в мистику, во увлечение всякого рода религиозной тематикой, оккультизмом.

В 1973 г. кинотеатры страны буквально ломились от зрителей, пришедших посмотреть популярный американский фильм «Экзорцист» («The Exorcist»). Не успели стихнуть страхи и переживания от увиденного, как страну ждало новое культурное потрясение — таинственный роман Бена Гото «Завещание Нострадамуса», изданный массовым тиражом для широкого читателя. Предсказание этого известного прорицателя — уроженца Франции, жившего в XV веке, о наступлении конца света «в седьмом месяце 1999 г.», когда «на землю с небес спустится Великий король страха», не требовало уже никаких научных доказательств для потерявших всякую веру в будущее японцев. Все население страны, а особенно школьники, от начальных до старших классов, восприняли это изречение как абсолютную истину, стали готовить себя к тому, что мир прекратит свое существование прямо у них на глазах, и жить в постоянном страхе в ожидании этого рокового дня. В 1974 г. на волне всеобщего увлечения мистикой Японию посетил прославленный Ури Геллер, человек, получивший известность во всем мире благодаря своим сверхъестественным способностям останавливать силой мысли стрелки Биг-Бена и, как по воле волшебной палочки, сгибать ложки, не прикладывая для этого никаких физических усилий. Японцы были буквально ошеломлены его выступлениями. Мистика, пессимизм, тревога, страх охватили японское общество, и особенно молодое поколение, мир реальности для них отошел на второй план.

На смену военной тематике в субкультуре *отаку* приходит научно-мистическая фантастика и жанр «киберпанк», который пустил свои

корни в Японии фактически одновременно с американской революцией в научно-фантастической литературе. Правда, в отличие от США в Японии он воплотился не в книгах, а в десятках томов популярной *манга* и огромном количестве *анимэ*. Одним из основателей японского «киберпанка» принято считать художника Масамунэ Сиро и его *манга* «Группа “Доспех”» («Кокаку Кидонтай»), на основе которой в 1996 г. он снимает один из самых красивых и технически совершенных *анимэ*-фильмов в истории японской анимации — «Призрак в доспехах». «Анти-утопический мир будущего, в котором правит бал искусственный разум компьютеров, получился у Сиро не менее впечатляющим, чем психоделическая атмосфера гисоновского “Нейроманта”. А его графическая новелла “Семя яблока”, перекликаясь с “Прозрачностью зла” (глава “Ксерокс и бесконечность”) Жана Бодрийяра, исследует постепенное исчезновение границ между человеком и порожденными им технологиями... Своим произведением аниматор поставил под сомнение существование человека в изменчивом мире информационных технологий»¹⁴.

Увидев в «киберпанке» прогноз развития окружающего их технологического общества, японские художники и аниматоры приняли активное участие в конструировании модели искусственной реальности, привнося в эти модели этико-философские проблемы. Для этого поколения представителей субкультуры *отаку* все, что касалось войны, представлялось уже полным вымыслом и напоминало лишь сюжеты из любимых ими *манга* и *анимэ*. В их произведениях речь чаще всего шла о битвах с инопланетными существами, где приводилось в действие смертоносное оружие и появлялись ужасные монстры, но все это не имело никакого отношения к реальным проблемам жизни, истории и политики. «Японцы воспринимают войну как что-то нереальное, — пишет о современных аниматорах художник Мураками Такаси. — Они играют войну, воспринимая это как игру. Японцы не ассоциируют войну со смертью и болью. Они воспринимают ее как фантастику, не считая ее ни хорошей, ни плохой, а просто сложившейся ситуацией»¹⁵.

Во всех *манга* и *анимэ*, созданных после 1970-х годов, — в период ухода с исторической арены левых сил, разочарования молодого поколения в реальной политике и в своих юношеских идеалах, основанных на идеях мира, демократии и независимости от США, четко прослеживается некая историческая амнезия: частичное омертвление исторической памяти, связанной как с трагическим опытом войны и тяжелейшими последствиями американских атомных бомбардировок, так и объективными оценками японской военной агрессии, а также реальными угрозами новой ядерной войны. В новых обстоятельствах люди

¹⁴ <http://www.hirokiazuma.com>

¹⁵ <http://artradasatf.worpress.com>

предпочли уйти от действительности в своеобразную духовную капсулу — свободный от исторической памяти и политических реалий мир, в то, что принято называть «воображаемой реальностью». Это был своего рода побег от действительности, акт самоизоляции, определенный вид эскапизма. Теперь молодые буквально грезил на яву апокалиптическими сюжетами и героикой фантастических сюжетов новой субкультуры, полностью погружившись в этот нереальный, закрытый от посторонних, а потому безопасный и комфортный мир, в мир достижений науки и техники и так называемого внешнего космоса, присущий большому числу *манга* и *анимэ* этих лет.

Но не только проблемами внешнего космоса как новой реальности и прообраза будущего в его многочисленных смоделированных вариациях наполнены сегодня умы и сердца современных *отаку*. У необремененных философскими раздумьями над жизнью поклонников жанра *хэнтай* своя «обетованная земля» — мир эротики и всякого рода сексуальных фантазий. Менее одержимых *отаку* — любителей всего милого и очаровательного, что родом из ностальгических воспоминаний детства, всегда «подпитывал» хрупкий мир *каваи* с его андрогинными мальчиками-героями *бисёнэн*, кукольными существами в стиле Сейлор Мун и их сказочными приключениями и т. д. В любом случае, повседневной реальности в обширном ассортименте увлечений *отаку* всегда противостоит что-то необычное, фантастическое и непременно увлекательное, составляющее их параллельные миры, где эти фанатики нового искусства и новой философии жизни обитают значительно чаще и естественнее, чем в реалиях обычной жизни.

Японский исследователь Савараки Нои указывает: «Японскую субкультуру следует рассматривать в динамике амбивалентных побуждений, балансирующих на грани стремления уйти из самоизоляции в реальный мир и вновь вернуться обратно»¹⁶. Пожалуй, эти слова в полной мере выражают не только психологию современных японских *отаку*, но и основную суть субкультуры *отаку*, отразившую в себе как идеалы, так и проблемы современной Японии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПОЛВЕКА ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛДП

Потерпев поражение во Второй мировой войне и пережив крушение едва ли не всех устоев общества, сформированных в постмэйдзийский период, послевоенная Япония оказалась в 1950-х годах перед очевидной необходимостью создать свой новый образ — как для внутреннего, так и для внешнего пользования. Вероятно, сегодня не так уж важно, какой из этих аспектов имел в то время большее значение. В любом случае, построение нового имиджа, последовавшее сразу после освобождения страны от американской оккупации, Корейской войны и совпавшее с началом более чем полувекового главенства на политическом небосклоне Либерально-демократической партии (ЛДП), в значительной степени изменило и представление японцев о своем государстве, и его имидж в мире. Учитывая же, что политический имидж является акцентированной и спрессованной до стадии стереотипов формой представления о стране со стороны, сосредоточимся в данном случае именно на нем, отметив лишь некоторые моменты построения внутреннего образа Японии под руководством ЛДП.

Встав у руля Японии, Либерально-демократическая партия оказалась в исключительно сложном положении с точки зрения определения направления развития внутренней культурной политики. Тем более что представления о новых национальных ценностях у либерального крыла во главе с Ёсида Сигэру и у их демократических соперников-партнеров, группировавшихся вокруг Хатояма Итиро, не всегда совпадали. Было очевидно также, что необходимо срочное и полное использование средств формирования имиджа для создания в глазах населения образа новой страны, но неясным оставалось, каким должен быть этот образ — опирающимся исключительно на только что привнесенные заокеанские ценности или возрождающим «попранные» основы национального величия? И у той, и у другой точки зрения в сторонниках и противниках недостатка не было. В то же время анализ внутриполитической обстановки и ситуации в мире ясно показывал немолодым, но амбициозным

¹⁶ Little Boy, p.204.

лидерам партии, что следовать только по одному из указанных путей не удастся, и проблема, таким образом, заключается лишь в определении оптимального соотношения столь противоречивых слагаемых.

Руководство ЛДП приняло в значительной степени соломоново решение, взяв курс на активное международное сотрудничество в области культуры при условии сохранения японских традиций как основы национальной самоидентификации. Это решение очень напоминало компромиссную политику начального периода Мэйдзи, когда деды будущих лидеров ЛДП строили новую страну, основываясь на принципах *вакон ёсай* («японский дух — западная техника»). В послевоенный период, однако, имелись свои сложности. Необходимо было добиться, чтобы возрождаемые основы национальной культуры получили понимание и одобрение Соединенных Штатов, чьи войска покинули Токио, но чье влияние на принятие любых сколько-нибудь важных решений оставалось определяющим. В полной мере это относилось и к сфере культурной политики внутри самой Японии. Пожалуй, один из самых ярких примеров конформистской политики в этой области относится к временам, предшествующим созданию Либерально-демократической партии, но мы приведем его, так как принцип лавирования в области культурной дипломатии, апробированный тогда, лег в ее основу на долгие будущие десятилетия.

Речь идет о возвращении в школы и университеты традиционных японских боевых искусств — *кэндо* и *дзюдо*, преподавание которых было запрещено под давлением оккупационных властей сразу после поражения Японии в войне. В период с 1945 по 1951 г. наиболее авторитетные представители мира боевых искусств настойчиво убеждали командование оккупационных сил (в том числе вовлекая его представителей в тренировочный процесс), что японские единоборства мало чем отличаются от европейских: *дзюдо* — от борьбы, *кюдо* — от стрельбы из лука, *кэндо* — от фехтования и вполне способны воспитывать в послевоенных японцах дух коллективизма, столь присущий европейцам и американцам¹. Как только разрешение на преподавание было получено, традиционные боевые искусства стали одной из основ культурной самоидентификации японцев. Никто и никогда больше не вспоминал об их «коллективистском духе» или сходстве с европейскими видами спорта, которые были так нужны для отмены запрета на их преподавание. Десятилетием позже — после проведения Токийской олимпиады в 1964 г. — они же явились и важным инструментом японской культурной дипломатии, наглядно демонстрируя уникальность островной культуры.

Похожий, хотя и значительно менее ярко выраженный, процесс коснулся и других видов национальной культуры: музыки, живописи, уникальных субкультур, таких как *икэбана* или *хайку*, да и всего большого

комплекса более сложных проблем национальной самоидентификации и формирования нового социокультурного менталитета японцев на основе сочетания «традиционной уникальности» и интернациональных подходов к инкорпорированию в мировое сообщество. В дальнейшем ЛДП в области формирования политического имиджа внутри страны в культурной сфере уже никогда не отходила от этих принципов, лишь совершенствуя их в соответствии с сиюминутной обстановкой и нередко в зависимости от пристрастий тех или иных своих лидеров. Так было, например, совсем недавно, когда в начале 2000-х годов одним из главных действующих лиц партии стал Асо Таро — внук основателя партии Ёсида Сигэру. Асо проявил себя настолько ревностным поклонником *манга* и *анимэ*, что его шокирующие высказывания в духе любимых персонажей вызвали раздражение определенной части избирателей и критику со стороны журналистов и представителей бомонда. Несмотря на урон, нанесенный рейтингу лично Асо, сами по себе эти молодежные субкультуры, к тому времени уже весьма популярные в Японии, были официально приняты на вооружение японским внешнеполитическим ведомством как средство культурной дипломатии.

Заметим, что японская анимация, точно так же как и *дзюдо* в недалеком прошлом, сначала испытала на себе влияние зарубежной, прежде всего американской, культуры (некоторые фильмы были сняты в полностью американской манере), затем стала средством культурной самоидентификации японцев, а с ускорением глобализации и ростом популярности за рубежом — инструментом пропаганды и одним из стереотипных образов Японии и ее «самобытности». Однако в отличие от *дзюдо* *анимэ* стало использоваться во времена, когда понятие культурной дипломатии было уже сформулировано, а подходы к ее реализации обогатились не только практическим опытом, но и теорией. Здесь самое время разобраться, что же понимается под «культурной дипломатией» в Японии и как Либерально-демократическая партия распорядилась тем оружием, которое попало ей в руки.

Культурная дипломатия — пропаганда среди зарубежной общест-венности имиджа и политики своей страны — является одним из старейших направлений деятельности государства, хотя сам этот термин начал активно использоваться лишь в последнюю четверть XX века. В современном мире большинство стран придают ей особое значение, но Япония относится к числу государств, которые исключительно активно, целенаправленно и успешно осуществляют свою культурную дипломатию во всем мире².

¹ Арабаджиев А. Д., Куланов А. Е. Бутуку. Воинская добродетель М., 2010, с. 117.

² Кашилев Ю. П., Галузов Э. А. Информация и PR в международных отношениях. 2003, М., с. 187.

При этом под «культурной дипломатией» в Японии понимается особый вид информационно-разъяснительной работы Министерства иностранных дел. Она направлена на то, чтобы укреплять понимание и доверие граждан иностранных государств по отношению к Японии, на установление благоприятной международной обстановки для проведения Токио своей внешнеполитической линии, а также на то, чтобы создать положительный образ государства в мировом сообществе.

Определяя направления послевоенной культурной дипломатии, руководство страны и ЛДП стояло перед не столь уж сложной проблемой, как это может показаться на первый взгляд. В отличие от многих других стран, среди которых можно назвать и Россию, для Токио особое внимание к культурной дипломатии не являлось данью времени или каким-то нововведением, лишь недавно получившим права на реализацию внешнеполитическим ведомством. Наоборот, Японию можно считать одним из пионеров культурной дипломатии в современном понимании этого термина и страной, наиболее успешно претворяющей в жизнь ее основные направления — последние полвека под знаменем Либерально-демократической партии.

Как уже упоминалось, в ранний послевоенный период Япония использовала на данном направлении опыт середины XIX века, когда страна, отягощенная системой неравноправных договоров, поставила целью занять равное с другими развитыми странами место в мире, одновременно моделируя имидж мирного государства, сосредоточенного на решении внутренних проблем, страны с уникальными культурой и традициями — «страны гейш», а не самураев. Не вдаваясь глубоко в историю, еще раз заметим, что задачи японской культурной дипломатии после Второй мировой войны не так уж сильно отличались от мэйдзийских целей.

Япония оказалась выведена из числа активных игроков международной политики, ориентировавшихся в начавшуюся эпоху «холодной войны» на силу, в том числе на «сверхсилу» (ядерное оружие). Отказ от официальных вооруженных сил и экономическая слабость в первые послевоенные годы заставили японских политиков вспомнить о положительном опыте прошлого. Особенно актуальным обращение к так называемой «мягкой силе» стало после того, как восстановление страны и начавшийся вслед за этим экономический подъем на основе экономической дипломатии вывели Японию на уровень второй индустриальной державы в мире.

Создание экспорториентированной экономики привело Токио к осознанию важности формирования позитивного имиджа страны, способного обеспечить благоприятную атмосферу для экономической экспансии, разрушения негативного образа Японии и японцев, сложившегося

в результате войны в регионах, наиболее интересных для Токио с экономической точки зрения: США, Китае, странах Юго-Восточной Азии, отчасти Европе. Создание имиджа государства как носителя уникальной культуры, а его жителей как высокообразованных, тонко чувствующих интеллектуалов стало основной задачей японской культурной дипломатии, не выполненной в полном объеме и поныне.

Для ее решения в 1951 г. в МИД Японии был создан Департамент информации и культуры, а в 1953 г. была возобновлена деятельность существовавших до войны различных обществ по пропаганде японской культуры за рубежом, таких как Общество ознакомления с мировой культурой (Кокусай бунка синко кёкай) или Международное студенческое общество (Кокусай гакую кай). В 1960-х годах, уже под непосредственным руководством ЛДП, эти общества были реорганизованы, упрочена их финансовая база и усилен контроль над ними со стороны МИДа, парламента и правящей партии³. В 1964 г. в министерстве появился Отдел культурных мероприятий. На базе сразу нескольких обществ по пропаганде в 1972 г. был создан Фонд международных обменов (Кокусай корю кикин), ставший основным проводником японской культурной дипломатии во внешнем мире.

В настоящее время в структуре Министерства иностранных дел Японии существует специальный Департамент публичной дипломатии (Кохо бунка корю бу), входящий в состав секретариата министерства и осуществляющий руководство обширным комплексом информационно-разъяснительных мероприятий, а также моделирующий позитивный имидж Японии за рубежом средствами культурной дипломатии. Однако Японский фонд, официально отделенный от МИДа в 2002 г., продолжает оставаться своеобразным «знаменосцем» японской культурной дипломатии в мире⁴. Его усилия направлены на развитие сотрудничества в области культуры с целью превращения Японии в «нацию, вносящую весомый вклад в дело мира». Таким образом, несмотря на смену формы собственности, в практическом аспекте цели Японского фонда не изменились. Сегодня его деятельностью охвачены более 190 стран мира. В 26 государствах Японский фонд имеет институты и центры японской культуры, центры японского языка, свои отделения и представительства. В самой Японии созданы два института японского языка и представительство фонда в Киото.

Японский фонд сформировал несколько целевых блоков программ, включающих его собственные мероприятия, также и акции по культурному обмену, в которых фонд принимает косвенное (как правило,

³ Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988, с. 93.

⁴ Железняк О. Н. Вхождение во внешний мир. Деятельность Японского фонда за рубежом // Япония 1999–2000. Ежегодник. М., 2000, с. 180.

финансовое) участие. Главным целевым направлением являются программы по обмену видными специалистами в области кросскультурных коммуникаций, социологических исследований и др. В специальный блок выделены программы участия японских ученых в международных конференциях и помощь в подготовке докладов. По линии Японского фонда за рубеж направляются специалисты для сохранения и реставрации имеющих отношение к Японии памятников культуры, приглашаются в Японию для подготовки работники музеев, осуществляющие деятельность по сбережению реликвий, связанных с Японией. Существует блок программ в области спортивных обменов, главным образом связанных с демонстрацией за рубежом японских национальных видов единоборств и проведением консультаций по подготовке специалистов по этим видам.

Особое внимание уделяется приглашению в Японию известных иностранцев. Выдающиеся деятели науки и культуры, включая нобелевских лауреатов, получают возможность ездить по стране и обмениваться мнениями с коллегами по интересующим их проблемам. В этот же блок входит организация стажировок в Японии имиджмейкеров, изучающих условия пропаганды культуры в Японии. Едва ли не основное значение фонд придает популяризации в мире японского языка, его преподаванию за рубежом, подготовке и переподготовке специалистов в институтах Японского фонда в самой Японии. Здесь, как и во многих других случаях, деятельность фонда пересекается с деятельностью Департамента публичной дипломатии МИДа⁵.

Широкий круг вопросов, входящий в сферу компетенции департамента, также позволяет активно использовать для моделирования позитивного имиджа страны различные мероприятия: от привычных для иностранцев выставок японского искусства и фестивалей японского кино до столь неординарных акций, как, например, обеспечение благоприятных условий для занятий японскими единоборствами (например, после разгрома американскими войсками талибов Япония практически создала, а ныне финансово и методически поддерживает федерацию *дзюдо* Афганистана) или организация лекций о японской кухне в различных городах России — страны, наиболее восприимчивой в начале XXI века к гастрономической стороне японской культуры.

Усилению позиций японской экономики в мире, чему лидеры ЛДП всегда уделяли особое внимание, способствует такой важный имиджевый элемент, как пропаганда индустриальных успехов страны через утверждение тезиса о выдающихся особенностях японской корпоративной культуры. Эти особенности тесно связаны с ментальностью

японцев, однако принято утверждать, что они вполне подходят и для копирования в других экономических моделях — американской, европейской и даже российской. При этом объективно высокий уровень потребительских свойств японских товаров способствует укреплению имиджа Японии через позиционирование бренда “Made in Japan” как гаранта качества. И наоборот, целенаправленное распространение информации о специфике японской бизнес-культуры, делающей невозможным производство низкокачественной продукции, способствует повышению спроса на эту продукцию. Пропаганда японской корпоративной культуры неукоснительно сопровождается разъяснением ценностей культуры традиционной (театров Но и Кабуки, классической и современной литературы, боевых искусств, в последнее время — *анимэ* и *манга*), и обязательно — изучением японского языка.

С созданием в 1972 г. Японского фонда распространение в мире японского языка стало одной из его важнейших задач. Резкое увеличение во всем мире числа людей, в той или иной степени занятых изучением японского языка, является одним из основных и самых впечатляющих статистических показателей деятельности Японского фонда. Полностью соглашаясь с мнением профессора университета Кэйо Т. Судзуки о том, что «утверждение японского языка в качестве международного является одним из путей превращения Японии в великую державу»⁶, отметим, что статистические данные далеко не всегда дают неискаженное отображение реальности. Действительно, за период с 1979 по 2006 г. число людей, изучающих японский язык, увеличилось в 23 раза и продолжает расти. Всего в 2006 г. японский язык изучали около 3 млн. человек в 133 странах мира⁷. Пример России, где на фоне повального увлечения *суси*, Мураками и *анимэ*, количество молодежи, желающей попасть на разнообразные курсы японского языка, явно зашкаливает, особенно показателен в этом смысле. Однако статистические исследования на эту тему возможно провести лишь по методу «здесь и сейчас», когда фиксируется конкретное количество изучающих язык в определенный период исследования. Опыт же показывает, что мало кто из начавших учить язык на курсах доходит хотя бы до середины учебника для начинающих. Иными словами, количество изучающих японский язык в сентябре в разы (а иногда и в десятки раз) превышает количество людей, изучающих его в мае. Разумеется, это никак не умаляет важности самой программы, призванной продемонстрировать желание Японии вернуть лидерство в мире — уже как страны с уникальной культурой.

⁶ Катасонова Е. Л. На повестке дня — имидж страны // Японский опыт для российских реформ. Вып. 2. М., 2001, с. 61.

⁷ Железняк О. Н. Культурная политика Японии на современном этапе // Япония наших дней. Вып. 2. М., 2009, с. 72.

⁵ Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии // Внешняя политика Японии. История и современность. 2008, М., с. 288–290.

Именно этим желанием позиционировать себя как важнейшую для мирового культурного наследия страну и стремлением обеспечить наиболее благоприятный климат для экономического сотрудничества и объясняются основные задачи, официально стоящие сегодня перед японской культурной дипломатией, среди которых прежде всего — всемерное развитие культурных международных обменов с зарубежными странами и успешное осуществление связей с общественностью⁸. Рассмотрим их подробнее.

Под развитием культурных международных обменов сегодня в первую очередь понимаются взаимные визиты представителей общественности, программы образовательных и спортивных обменов; обмены в области культуры и искусства, между деятелями науки и культуры, диалоги между цивилизациями, развитие японоведения. Особо выделяются диалог со Средним Востоком, интеллектуальные обмены с Азией, США и другими странами, взаимодействие с институтами ООН, двустороннее культурное сотрудничество, взаимодействие по линии ЮНЕСКО.

Взаимные визиты видных представителей различных сфер деятельности являются базовым и одним из первых видов культурной дипломатии Японии, принеших ей успех еще в середине XIX века. Такие визиты можно считать краткосрочными культурными инвестициями в высокоприбыльный сектор межкультурных коммуникаций. Объектами этих «инвестиций» являются крупные политики, писатели, ученые, деятели искусств. Им обеспечиваются особые условия для знакомства с богатейшей японской культурой, а в ряде случаев — представление их самих и созданных ими произведений на японской земле. У себя на родине такие люди являются потенциальными ньюсмейкерами и, следовательно, имиджмейкерами. Их отзыв о культуре и, как следствие, об общем образе Японии имеет чрезвычайно важное значение для их соотечественников и играет существенную роль в создании стержневого или второстепенных образов этой страны, практически всегда — в положительном русле.

Япония давно и интенсивно привлекает интеллектуальную элиту своей страны для культурно-миссионерской деятельности за рубежом, организуя выставки, симпозиумы и лекции. На них крупнейшие японские ученые, деятели культуры и, что характерно, крупные чиновники, обладающие широкими взглядами на внутрияпонские и международные проблемы, доносят свою точку зрения до заинтересованной в этом зарубежной публики. Крупнейшим послевоенным информатором такого рода стал один из лучших советников ЛДП по вопросам культурной дипломатии, министр иностранных дел Окита Сабуро (1914–1993), со-

⁸ Гаймусё канкай хорэйсю (Сборник законодательных актов о Министерстве иностранных дел). Токио, 1983, с. 142.

вершивший за свою карьеру 376 зарубежных поездок в 81 страну, включая СССР, во время которых он пропагандировал достижения Японии и отстаивал ее интересы. Названия его книг и статей говорят сами за себя: «Приближаясь к XXI веку: роль Японии» или «Тихая сила Японии»⁹.

Среди хорошо известных в России «культурных буферов» японского правительства особенно выделяются бывший специальный консультант кабинета министров, эссеист и общественный деятель, автор популярной книги «Что такое Япония?» Сакаия Таити и глава Гендерного комитета при кабинете министров, крупнейший специалист по вопросам социальной адаптации женщин, делам семьи и молодежи профессор Ивао Сумико. Они побывали в нашей стране, где прочли интереснейшие лекции, позволившие по-новому взглянуть на современную Японию в целом и на отдельные проблемы ее жизни в частности. Вполне в их духе работают некоторые бывшие и действующие сотрудники японского МИДа, блестяще владеющие русским языком и настойчиво проводящие культурную дипломатию с использованием всех доступных им средств, включая ведение блогов в русскоязычном Интернете.

Политика модернизации японского общества, с самого начала ставшая одной из главных задач Либерально-демократической партии, требует приложения активных усилий по поиску возможностей сотрудничества с учеными других стран для расширения научных контактов и оптимизации научного процесса в самой Японии. Лучшие математики, физики, химики, ихтиологи и другие ученые из самых разных стран мира, в том числе из России, активно привлекаются к сотрудничеству как в Японии, так и за ее пределами путем организации различных конференций, симпозиумов, семинаров, стажировок и т. д. Например, в Японском центре физических исследований в Цукубе одновременно работают несколько десятков молодых российских специалистов. Большинство из них, так же как и их коллеги из других научных центров, изучают японский язык, знакомятся с культурой этой страны.

Как справедливо полагают в Токио, изучение Японии за рубежом способно сплотить часть иностранных представителей интеллектуальной элиты вокруг различных тем японоведения, что также положительно скажется на общем представлении о стране за ее пределами. В 2004 г. Япония субсидировала исследования и оказывала содействие в различных формах более чем 175 организациям японоведов по всему миру. Основное внимание при этом уделяется азиатскому, прежде всего китайскому, и американскому японоведению¹⁰.

⁹ Молодяков В. Э. Между Японией и миром: «буферы» и информаторы // Япония, открывая миру. М., 2007, с. 85–89.

¹⁰ The Japan Foundation. Overview of Programs 2005. Annual Report 2003–2006. Tokyo, 2007, с. 139–153.

Во взаимодействии с Японским фондом правительство оказывает значительную помощь осуществлению культурного диалога со странами Центральной Азии, куда непрерывно направляются японские эксперты, организуются симпозиумы, семинары и другие научные мероприятия. Однако основное место в области культурных обменов по-прежнему занимают главные экономические соперники Японии: Китай, Южная Корея, США и ряд других стран АТР, сотрудничество с которыми осуществляется с самого начала деятельности японской культурной дипломатии и развивается наиболее динамично, демонстрируя заинтересованность в нем всех сторон.

Программы образовательных, молодежных и спортивных обменов, основа которых была заложена еще в период Мэйдзи, считаются одними из наиболее перспективных, так как направлены на создание положительного образа Японии среди тех, кто в будущем, возможно, составит политическую, экономическую, интеллектуальную элиту своих стран. Помимо разнообразных стажировок по линии Японского и других фондов, существуют программы Министерства образования Японии, которые открыли дорогу в эту страну более чем 117 тыс. молодых людей, желающих изучать ее непосредственно на месте. Успешно работает Программа обмена и преподавания в Японии (Japan Exchange and Teaching), предназначенная для желающих преподавать иностранный (английский или некоторые другие) языки в школах и университетах. По этой программе Японию на срок от одного года до трех лет посетили свыше 40 тыс. молодых иностранцев из более чем 40 стран мира. Более 60% из них составляют граждане Китая; Россия находится на 15-м месте, уступая Непалу и Мьянме, но превосходя Великобританию, Францию и Австралию. Значительная часть молодежи вовлекается в программы обмена через курсы по изучению японского языка, после сдачи соответствующих экзаменов или посещения специальных курсов на знание языка, к организации которых Министерство иностранных дел Японии также имеет непосредственное отношение¹¹.

МИД поощряет развитие спортивных обменов, в том числе пропаганду за рубежом традиционных японских единоборств, прежде всего отвоєванных когда-то у американцев *дзюдо* и *кэндо*, видя в этом эффективный инструмент более глубокого понимания образа Японии иностранцами, хотя в действенности этого инструмента возникают сомнения. Например, неудачными оказались попытки позиционировать президента РФ дзюдоиста В.В.Путина как большого любителя Японии, якобы склонного испытывать к этой стране какие-то «особые» чувства.

Как уже упоминалось, с исключительно пристальным вниманием правительство Японии относится в последнее время к продвижению

молодежной субкультуры, считая ее перспективным компонентом, подготавливающим молодежь других стран к восприятию и пониманию традиционной культуры страны. Речь идет, в первую очередь, о комиксах *манга*, мультфильмах *анимэ* и молодежной моде¹². МИД Японии летом 2006 г. официально заявил о желании использовать поп-культуру как дипломатическое средство с тем, чтобы формировать через нее привлекательный образ своей страны, назначив «послов *кавайи*» — людей, призванных лично передавать зарубежным поклонникам образ «милой» Японии. Бывший в то время главой внешнеполитического ведомства Японии, а позже ставший премьер-министром, типичный представитель ЛДП Асо Таро дал в связи с этим следующие наставления студентам Университета цифровых технологий в Токио: «Думайте прежде всего об образе, который приходит людям на ум, когда они слышат слово “Япония”. Чем более привлекательным, ярким и согревающим душу будет образ, тем скорее наша страна станет понятной другим государствам. Иными словами, успех в этом деле упростит жизнь японским дипломатам»¹³.

Неслучайно популярность Японии, ранее сопряженная с популярностью традиционного искусства, единоборств и литературы, в последнее время все чаще зиждется на ценностях молодого поколения, чье увлечение японскими анимационными и цифровыми технологиями встречает моральное, а иногда и материальное поощрение японского МИДа. Дружелюбный имидж Японии в будущем должен создаваться на базе специально адаптированного к вкусам молодежи образа «Классная Япония» (“Cool Japan”). При этом японское правительство постоянно подчеркивает незыблемость национальных традиций и преданность классическим формам культуры.

В понятие «связи с общественностью» в контексте культурной дипломатии включены специальные программы по углублению и улучшению понимания образа Японии за рубежом (организация крупных культурных мероприятий, прежде всего в развитых странах, расширение иностранного туризма в Японии и т. д.), помощь зарубежной прессе в формировании позитивных откликов о Японии. Разумеется, первой грандиозной и использованной едва ли не на все сто процентов акцией такого рода стали Олимпийские игры 1964 г. в Токио (напомним: именно тогда в МИД Японии был создан Отдел культурных мероприятий!).

ЛДП тогда впервые показала свои поистине потрясающие возможности правящей партии, возглавив и организовав преобразование облика страны путем строительства спортивных объектов (перестроенный к

¹² Ogoura Kazuo. Sharing Japan's Cultural Products as “International Assets” // Japan Echo. 2004, vol. 31, № 6, p. 139.

¹³ <http://www.japon.ru/?Text&ID=42151>

¹¹ Japan Diplomatic Blue Book. 2004, p. 208–210.

олимпиаде, Токио и сегодня удивляет иностранцев образом нелогичного, но комфортного «города будущего»), создания инфраструктуры (достаточно вспомнить, что первый скоростной поезд *синкансэн* был пущен в октябре 1964 г, но до сих пор является одним из ярчайших образов современной Японии).

В дальнейшем Токио яростно боролся за любую возможность представить свою страну в обновленном качестве как своим гражданам, так и за рубежом. Япония проводила «Экспо», крупнейшие мировые соревнования (например, чемпионат мира по футболу) и форумы (например, съезд лучших дизайнеров планеты). Каждая такая акция в имиджевом плане «выжималась» японскими специалистами до последней капли, и каждая такая капля наполняла сосуд благоприятного образа Японии. Заметим — не только за пределами, но и внутри страны: пусть на короткое время, но рейтинги ЛДП в целом и очередного главы правительства в частности в результате общенационального подъема повышались, как это было, например, в случае с правительством Д. Коидзуми после проведения чемпионата мира по футболу в 2002 г. (хотя в данном случае повышение рейтинга совпало с удачной поездкой японского премьера в КНДР для решения вопроса о похищенных японских гражданах).

Японские имиджмейкеры научились умело использовать и менее значительные информационные поводы, которые позволяют проводить целевые акции, направленные на продвижение положительного образа своей страны во внешний мир и приуроченные к тем или иным памятным датам. Впрочем, в отношении России и здесь наблюдается исключение. В частности, период 2004–2006 гг., когда в истории двусторонних отношений могли быть широко отмечены сразу несколько важнейших событий (от столетия начала Русско-японской войны 1904 г. до пятидесятилетия подписания Совместной декларации 1956 г.), по существу, оказался обойден вниманием организаторов подобных акций. Помимо всего прочего, это могло быть связано с тем, что незадолго до этого, в 2003 г., по всей территории России проводился масштабный Фестиваль японской культуры, состоявший из более чем 120 мероприятий — от выступления театра Кабуки до выставок комиксов *манга*. Фестиваль этот стал крупнейшей акцией японской культурной дипломатии в истории японо-советских и японо-российских отношений. К тому же в России и без привязки к конкретным датам проходит ряд мероприятий, устраиваемых японской стороной, в том числе ежегодные фестивали японского кино, японской музыки и т. д., а также многочисленные выставки и концерты, организуемые российскими партнерами по собственной инициативе (концерты групп японских барабанщиков, выставки различных школ *икэбана* и т. д.)¹⁴.

¹⁴ Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, с. 267.

Следует заметить, что для стран, отношения Японии с которыми вошли в положительную фазу или в отношениях с которыми она в обозримом будущем не прогнозирует серьезных перемен, интенсивность мероприятий культурной дипломатии уменьшается. Токио внимательно относится к расходованию бюджетных средств, и в бухгалтерских отчетах хорошо видна важность для него каждой конкретной страны в определенный момент времени. Так, на этапе становления новой российской государственности интенсивность культурных инвестиций Японии в Россию была довольно велика, поскольку в этот период закладывались основы формирования нового образа Японии в постсоветской России. Сейчас деятельность культурной дипломатии Японии в нашей стране имеет менее интенсивный и более стабильный характер.

Одной из иллюстраций такого волнообразного изменения культурно-дипломатической активности Токио служит и исключительно важное для культурной дипломатии отношение к интеллектуальным молодежным обменам. На российском направлении с этой целью в 1997 г. на базе МИД Японии был создан оформленный межгосударственным соглашением Японо-российский центр молодежных обменов. С его помощью несколько сотен молодых россиян, представляющих самые разные профессии — от военнослужащих до журналистов, посетили со специальными ознакомительными программами Японию, а некоторые получили возможность годичного пребывания в этой стране для более глубокого ее изучения. К исходу правления ЛДП, когда во главе партии оказались лидеры, близкие по взглядам к «ястребам», деятельность этого центра была практически свернута, и возобновилась лишь после победы демократов в 2009 г.

В отношении многих зарубежных стран, прежде всего Китая, Южной Кореи, США, Япония проводит мероприятия по привлечению иностранных специалистов в области средств массовой информации (журналистов, аналитиков, телеведущих) для стажировок в Японии. В отношении России такая политика почти не проводится. Ее слабым отголоском можно считать пожелание министра иностранных дел Японии Т. Асо летом 2006 г. предоставить жителям Южных Курил возможность смотреть передачи японского телевидения, чтобы лучше ознакомиться с реалиями и уровнем жизни ближайшего соседа.

С рядом стран Японию связывают отношения двусторонней культурной кооперации, в том числе в области изучения японского языка и знакомства с ее традиционной культурой. Япония вовлечена в 44 проекта общей стоимостью около 2 млрд. долл., включая оборудование лингвистического центра в Самаркандском университете иностранных языков, строительство планетария в Перу или финансирование научных изысканий в Долине царей в Египте. Особое внимание Япония прояв-

ляет к деятельности Организации Объединенных Наций, чьи программы поддерживает с особым тщанием и постоянством. Многочисленные памятники богатой истории и культуры Японии соответствующими подразделениями ООН признаны шедеврами мирового значения. Это увеличило общий культурный вес Японии в мире, тем более что ряд таких крупных международных организаций, как ЮНЕСКО, в последнее время возглавляли ее граждане.

Одновременно правительство Японии активно сотрудничает с неправительственными организациями, аккредитованными при ООН, выступая в роли спонсора серьезных культурных программ, многие из которых без ее участия вряд ли могли бы быть осуществлены. Свежими примерами такого сотрудничества являются выделение 1 млн. долл. на восстановление Иракского национального музея, готовность принять участие в восстановлении разрушенных статуй Будды в горах Афганистана и еще 20 проектов общей стоимостью 160 млн. долл. В 2004–2005 гг. некоторые японские неправительственные организации добились поддержки ООН в деле проведения международных симпозиумов по изучению японских боевых искусств с привлечением не только мастеров единоборств, но и крупных ученых, дипломатов, журналистов в Японии, США и России.

С недавнего времени японское правительство нацелено на то, чтобы, используя Интернет, усилить свое культурное влияние на другие страны, а также существенно сократить собственные расходы в области культурной дипломатии. Продолжая распространять информационные материалы и брошюры на английском и на местных языках через свои дипломатические миссии, правительство Японии терпеливо разъясняет свою точку зрения как по вопросам, интересующим конкретных потребителей в данной стране (например, в России — по проблеме «северных территорий»), так и по глобальным вопросам (в последнее время по поводу войны в Афганистане или по северокорейской ядерной проблеме) через «всемирную паутину». Интернет дает и возможность почти неограниченного доступа к материалам по культуре, традициям, экономического положения Японии, а также по вопросам, непосредственно связанным с дипломатической деятельностью Министерства иностранных дел этой страны. Подобную информацию можно найти на англоязычной версии сайта МИД Японии (www.mofa.go.jp) или на сайте «ВЕБ-Япония» (www.web-japan.org), а также на сайтах посольств (для России — www.ru.emb-japan.go.jp). Для целого ряда «буферных» организаций, сотрудничающих с МИДом, таких как Японский фонд или уже упоминавшийся Центр молодежных обменов, созданы свои, как правило англоязычные сайты (www.jpif.go.jp и www.jgex.go.jp соответственно).

К наиболее свежим и необычным мероприятиям культурной дипломатии, направленным на более глубокое ознакомление иностранцев с жизнью Японии, можно отнести осуществляемую Японской национальной туристической организацией в тесном сотрудничестве с правительством и МИДом программу «Добро пожаловать в Японию!». Она была принята во многом из-за недовольства глав ведущих держав низким уровнем туристической открытости страны (главным образом из-за уникальности японского языка) и в целом неудовлетворенностью восприятия имиджа туристической индустрии Японии на Западе. Программа была направлена на резкое увеличение числа иностранных туристов в Японии — до 10 млн. к 2010 г., что должно было позволить не только значительно повысить рентабельность японского туризма, но и помочь формированию позитивного образа страны в глазах приезжающих сюда гостей из Европы, США, Китая и Южной Кореи. Япония в этой программе предстает как «чарующая, волшебная страна», где органично сочетаются традиционная культура, современные технологии, глубокая история, сервис высшего класса и уникальная природа. Следует отметить, что в некоторых акциях программы принял участие тогдашний премьер-министр и председатель ЛДП Коидзуми Дзюнъитиро, который даже снялся в нескольких рекламных роликах, приглашая иностранцев посетить Японию. К сожалению, российское направление этой программы пока не является преобладающим, а в целом итоги этой акции, сильнейший удар по которой нанес мировой экономический кризис 2009 г., пока не подведены.

Японская дипломатия по-прежнему успешно работает, помогая гражданам других стран уважать и понимать Японию, демонстрируя уникальные качества этой страны, ее народа в полном соответствии с линией, заложенной полвека назад отцами-основателями ЛДП.

Заметим, что одной из важных задач Либерально-демократической партии, которую избиратели постоянно упрекали в излишней бюрократизации партийной и государственной деятельности, стала забота о недопущении раздувания штатов, особенно в сферах деятельности, которые не приносят видимых результатов в короткий промежуток времени. Необходимо признать, что с этой задачей японцам удалось справиться блестяще. КПД японских организаций, занимающихся вопросами культурной дипломатии, значительно выше, чем у их иностранных коллег. По различным данным, в США вопросами внешнеполитической пропаганды и культурных обменов ведают от 2,5 тыс. до нескольких десятков тысяч человек в сотнях организаций — от Государственного департамента до муниципальных обществ студенческих обменов, в Великобритании в этой сфере трудятся около 3 тыс. специалистов, во Франции — около 700 человек. В Японии официально проблемами

культурной дипломатии занимаются около 600 человек, хотя они пользуются поддержкой огромного числа граждан Японии, работающих в разнообразных общественных и коммерческих структурах, обществах дружбы и экономических союзах. Суммы финансирования, выделяемые государствами на эти цели, вполне сопоставимы с числом сотрудников¹⁵.

Токио отчетливо осознает важность оценки результативности мероприятий по улучшению имиджа страны с помощью статистических и социологических инструментов. Уже упоминавшиеся данные о числе изучающих японский язык являются одним из основных показателей эффективности деятельности на данном направлении не только Японского фонда, но и правительства в целом.

Существуют и другие статистические данные, позволяющие отслеживать эффективность работы японских имиджмейкеров в каждой стране мира, где они осуществляют свою деятельность. Речь идет прежде всего о различных социологических исследованиях, позволяющих определить отношение населения к тем или иным вопросам и понять, что нужно делать для создания благоприятного имиджа страны.

Имея в своем распоряжении результаты таких исследований, японское правительство может осуществлять более точные и конкретные культурные инвестиции с целью формирования стержневого и поддерживающих образов Японии. Они принимаются во внимание и в случае проведения политических и/или экономических акций разного уровня: от требований о возврате «северных территорий» до создания благоприятной обстановки вокруг открытия нового завода за пределами страны. Эти данные важны и для определения дальнейшего направления действий японской культурной дипломатии, хотя по части эффективности анализа, своевременности принятия решений и точности выбора инструментов внешнеполитическое ведомство всегда заметно отставало от Канцелярии премьер-министра. Постоянно запаздывающая реакция на колебания популярности Японии в постсоветской России — яркое тому свидетельство.

Культурная дипломатия Японии является сегодня одним из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности этой страны. Ее основы были сформированы за столетие до прихода к власти Либерально-демократической партии, однако, как и многое другое, они были творчески осмыслены, переработаны и пущены в ход лучшими представителями ЛДП, специализирующимися на вопросах мировой политики и национальной культуры. За полвека, что эта политика проводилась в жизнь усилиями и средствами либерал-демократов, она не только в значительной степени смоделировала ту Японию, какой

ее сегодня представляют во всем мире, но и сама стала классическим образцом культурной дипломатии в японском исполнении: формируя образы, она сформировала образ самой себя и навсегда вошла в историю политического имиджмейкинга. Вне зависимости от того, когда Либерально-демократическая партия вернется к власти, никаких перемен в области культурной дипломатии Токио ждать не приходится: это направление деятельности ЛДП оказалось наименее подверженным внутривнутриполитическим рискам и на многие десятилетия вперед определило имидж Японии.

¹⁵ Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988, с. 95–97.

ПРЕДВЫБОРНЫЙ «МАНИФЕСТ» ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 2009 г.

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

СПОСОБНОСТЬ, СИЛА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗАЩИЩАТЬ ЯПОНИЮ

Преобразование «минусов» в «плюсы»

Превращение «плюсов» в «еще большие плюсы»

Если перемены необходимы, будем уверены в том, что они будут в правильном направлении

Как и другие государства, Япония переживает огромные преобразования. Страна и ее политическое сообщество должны быстро адаптироваться к этим радикальным изменениям и развиваться в ногу с головокружительными темпами этих перемен.

Однако неразумно менять в обществе всё и вся подряд и как придется. Необходимо обладать способностью и решимостью, чтобы взглянуть на реальность непредвзято и оценить, какие устаревшие системы следует незамедлительно реформировать, а в каких областях Япония обладает фундаментальными преимуществами, развитие которых необходимо поощрять.

Мы изменим то, что требует перемен; мы будем пестовать, поощрять и развивать то, что необходимо возвращать.

Мы в Либерально-демократической партии стремимся к осуществлению реалистичной политики, использованию всего, что в наших силах, чтобы защитить Японию.

Мы изменим то, что нужно изменить, и начнем все заново

Мы трансформируем Японию с помощью конкретных политических мероприятий

Наша уверенность опирается на опыт превращения послевоенной Японии в одно из ведущих государств мира.

Однако мы осознаем, что методы, использованные для достижения этой цели, создали и многие проблемы, с которыми сталкивается наша страна сегодня.

Мы также понимаем, что должны порвать с рыночным фундаментализмом, который зашел слишком далеко.

Сейчас мы вступаем в период, в котором наибольшее внимание должно быть направлено на «обслуживание и поддержание» общества.

Чтобы исправить сегодняшнюю реальность, нужна «реалистическая политика», политический подход, которому не страшна прямая конфронтация с этими суровыми реалиями.

ЛДП полна решимости изменить то, что требует перемен, и начать заново.

Начать борьбу с «минусами» в нынешней системе государственного управления и превратить их в «плюсы»

Решительно продвигать вперед децентрализацию

Создать команду (Япония), в которой все члены (регионы) будут преисполнены энергией и надеждой

Нужно четко определить роли общенациональных и региональных органов власти, а также разрушить нынешнюю систему, в которой центральные органы не позволяют регионам действовать самостоятельно.

Ради укрепления «полномочий регионов» мы примем пакет законов, направленных на ликвидацию местных региональных отделений центрального правительства, а также пересмотрим существующую систему распределения субсидий и налогов.

Мы коренным образом изменим систему, при которой местные органы власти вынуждены брать на себя часть затрат при осуществлении под эгидой правительства страны крупных государственных проектов. Мы также построим правовую основу для того, чтобы центральный и региональные органы власти могли вести дискуссию в режиме реального времени.

Мы быстро примем и введем в действие основной закон, который позволит отменить систему префектур и реорганизовать страну в крупные региональные блоки к 2017 году.

Мы не допустим дальнейшего существования специальных льгот для чиновников

Мы полностью устраним все излишние административные расходы

Будет введен запрет на практику *амакудари* (наем вышедших в отставку чиновников в компании, которые они ранее курировали) и

ватари (переход вышедших на пенсию бюрократов на работу в организации, связанные с их бывшими министерствами, в целях получения дополнительных пенсионных выплат).

Бывшим бюрократам-*амакудари* старше 65 лет, занимавшим ответственные посты, будет запрещено работать полный рабочий день.

Мы полностью перестроим систему оценки эффективности государственных служащих, уделив особое внимание системе, которая будет конкретно поощрять достойное поведение и серьезно наказывать за неправильные действия.

Мы сократим число государственных служащих более чем на 80 тыс. человек к 2015 году.

Мы проведем «инвентаризацию» политических мероприятий, чтобы вывести из госаппарата излишних работников. Мы резко уменьшим число общественных корпораций и независимых административных органов.

Борьба за ликвидацию расточительных расходов будет продолжаться неустанно. В текущем финансовом году наши усилия уже привели к сокращению общего счета бюджета на 550 млрд. иен и специальных счетов — на 330 млрд. иен.

Мы продолжим энергичные поиски путей искоренения расточительного расходования налоговых поступлений.

Количество членов парламента по-прежнему остается слишком большим

Упорядочение национального правительства должно начаться с реформирования парламента

Даже в Соединенных Штатах, стране с гораздо большим населением, чем Япония, в Сенате 100 мест, а в Палате представителей — 435.

В ответ на желание общества создать более совершенную форму правительства, включая и соответствующий размер парламента, к следующим выборам мы уменьшим на 10% число мест в Палате представителей. В последующие 10 лет мы сократим общее число мандатов в Верхней и Нижней палатах более чем на 30%.

Что касается политических взносов от корпораций, в течение ближайшего года мы создадим системы контрмер, которые предотвратят незаконные действия.

Начиная со следующих всеобщих выборов, мы не будем одобрять или поддерживать кандидата, баллотирующегося в избирательном округе, переданном ему уходящим в отставку членом парламента, если данный кандидат является супругом или родственником (вплоть до третьего колена) этого члена парламента. Тем самым мы ограничим возможности подобных «наследственных кандидатов».

В то же время мы считаем необходимым укрепить функции премьер-министра страны. Мы быстро учредим систему, которая позволит создать штат сотрудников «национальной стратегии» для оказания помощи премьер-министру.

Исправление «минусов» в действующей системе поддержки жизнеобеспечения людей и трансформация их в «плюсы»

Мы добьемся, чтобы стало больше улыбок на лицах матерей и отцов

Мы создадим среду, в которой воспитание детей будет свободно от тревог и опасений

Будет расширяться сеть учреждений по оказанию услуг по уходу за маленькими детьми в рамках стратегии «Сведение очередей в детские сады до нуля».

Мы будем наращивать меры поддержки по воспитанию детей и регулировать их посредством финансовой помощи. Эти меры будут включать выплаты пособий на воспитание ребенка, а также большую поддержку для родителей-одиночек.

Мы постепенно снизим плату за обучение детей в возрасте трех-пяти лет и введем полностью бесплатное образование для этой возрастной группы в 2012 финансовом году. Мы будем и впредь оказывать конкретную поддержку семьям, воспитывающим детей.

Мы сократим все более тяжелое бремя, которое несут люди «среднего возраста»

Мы предложим конкретные меры по поддержке сферы образования

Продолжают расти расходы родителей, связанные с получением их детьми образования в средних школах и колледжах.

Мы введем бесплатное обучение для студентов из малообеспеченных семей.

Мы будем помогать семьям с помощью разнообразных конкретных мер, таких как создание системы оказания помощи в связи с расходами на образование, а также путем учреждения новых стипендий на основе грантов.

Нестабильная экономическая ситуация усиливает потребность в более стабильной системе занятости

Мы вернемся к обществу, в котором каждый человек может непосредственно испытать радость работы.

Мы предложим расширенную поддержку компаниям, которые продолжают обеспечивать занятость и отказываются увольнять сотрудников даже в этих трудных экономических условиях.

В дополнение к расширению программы помощи матерям «Привет, работа!» (часть государственной программы помощи в трудоустройстве женщин, возобновляющих свою трудовую карьеру после перерыва) мы создадим новую систему, которая окажет поддержку компаниям, вновь принимающим на работу ранее работавших в них женщин. Эта новая система также подстегнет компании, которые предлагают условия полной занятости молодым временным работникам.

Мы пересмотрим Закон об откомандированных работниках, чтобы улучшить ситуацию с занятостью. В частности, мы окажем помощь тем, кого называют «временными» работниками, которые особенно уязвимы из-за своей неустойчивой занятости, запретив увольнение поденщиков в принципе, а также с помощью других мер, призванных увеличить число работников, имеющих статус полноправных штатных сотрудников.

Мы также подготовим программу «Подстраховка для работающих», в рамках которой будут предлагаться услуги по профессиональной подготовке и трудоустройству.

Мы создадим общество активных 70-летних граждан, где каждый сможет оставаться активным и бодрым на протяжении всей своей жизни

Мы за общество, пожилые граждане которого здоровы и продолжают играть важную и активную роль.

Мы разработаем программу «Бодр и активен в 70!», чтобы предоставить больше возможностей пожилым людям принимать участие в жизни общества. Обеспечивая пожилых людей подробной информацией, а также услугами банка вакансий, можно помочь им в полной мере использовать свой значительный опыт и знания в качестве постоянных работников или в качестве добровольцев.

Укреплять и расширять систему пенсионного обеспечения, чтобы дать возможность людям провести свои пенсионные годы в покое и согласии с самими собой

В течение трех лет мы представим конкретные меры по поддержке лиц, лишенных пенсионного обеспечения или получающих пенсии низкого уровня. Мы также рассмотрим вопрос о пенсионных пособиях для пожилых людей, которые продолжают активно работать. Мы разработаем расширенную концепцию и стабильной пенсионной системы, которая будет способна поддерживать пожилых людей после выхода на пенсию.

В краткие сроки и на основании закона мы создадим межпартийную консультативную организацию в целях достижения соглашения о том, как коренным образом реформировать пенсионную систему.

Мы незамедлительно приступим к работе над решением вопроса о «пенсионных записях», начиная с создания в январе Японской пенсионной службы.

Сделаем услуги врачей и медицинских сестер более доступными
Создадим общество здоровых, долгоживущих людей, которые смогут обрести покой и удовлетворение в любом месте нашей страны

Мы увеличим число врачей и активизируем медицинское обслуживание в регионах с помощью таких мер, как пересмотр в сторону повышения вознаграждения за оказание медицинской помощи.

Для повышения качества ухода за больными мы осуществим в течение ближайших трех лет ряд мероприятий по улучшению работы медучреждений и увеличению оплаты организациям, предоставляющим услуги по медицинскому уходу.

Обновим устаревшую бизнес-модель для производства общественных работ (разработанную в эпоху высоких темпов экономического роста)

Перейдем к новой модели, которая создаст инфраструктуру, важную для настоящего и для будущего Японии

Наиважнейшей функцией проекта общественных работ является защита людей от стихийных бедствий.

Кроме этого, сейчас мы закладываем новые виды общественных работ, которые обеспечат лучшее будущее для Японии; это проекты, которые тесно связаны с повседневной жизнью людей.

Мы начнем осуществлять конкретные планы по представлению «дорог жизни», дорог для повседневного использования, в частности дорог для использования учениками и студентами для поездок в школу. Мы построим и более сейсмостойкие школьные здания.

Мы также увеличим инвестиции, которые закладывают основы будущего, например в создание маршрутных автомобилей или поездов на магнитной подушке.

Идти по пути развития, расширять и продвигать необходимые разработки

Поднимем «средние показатели» Японии!

Сегодня ни Япония, ни остальной мир не могут замыкаться исключительно на достижении стремительного экономического роста.

Даже в эти непростые времена мы, опираясь на уникальные свойства японского народа — его упорство, знания и опыт в сфере самых разнообразных технологий, — будем стремиться к созданию общества, где люди смогут ощущать радость жизни.

Общество, которое мы себе представляем, не будет обществом, где только сильный может рассчитывать на привилегированные условия; это будет общество, в котором каждый человек будет иметь возможность реализовать свой потенциал, где каждый сможет воплотить в жизнь свой индивидуальный, уникальный идеал счастья.

Либерально-демократическая партия обладает способностью повысить эти «средние показатели» для Японии.

Преобразуем уникальную японскую систему «поддержки общества»

Мы кардинально реформируем налоговую систему

Поступления от потребительского налога мы будем направлять на реализацию социальных программ в области социального обеспечения и мер по борьбе с сокращением рождаемости

Вместо того чтобы обещать щедрые пособия, не обеспеченные необходимыми финансовыми ресурсами, значительно более реалистично предложить людям взять на себя «бремя средней тяжести» в обмен на «пособия среднего размера»

Мы увеличим налоговые поступления за счет политики экономического роста и всестороннего реформирования всех доходов и расходов правительства. Мы добьемся положительного сальдо в бюджетах национального и региональных правительств в течение 10 лет.

Мы поможем местным органам власти восстановить их финансы. В рамках искоренения расточительных расходов как только произойдет выздоровление экономики, мы подготовим всеобъемлющий пересмотр налоговой системы, в том числе налога на потребление.

Мы обратимся с просьбой ко всем слоям общества принять на себя соответствующую долю бремени, связанную с издержками на социальное обеспечение, и предложим соразмерные по объему и масштабу услуги. Введя карточки и номера социального обеспечения, а также ограничив использование доходов от налога на потребление исключительно нуждами социального обеспечения и мерами по борьбе с сокращением рождаемости, мы создадим систему, которая будет так же прочна, как проста и понятна.

Дадим возможность каждому ребенку осуществить свои мечты и развить свой потенциал

Мы реализуем идеи, изложенные в новом Основном законе об образовании

Повышение базовых возможностей для получения образования нашими детьми даст им возможность конкурировать в мире. Необходимы укрепление морального воспитания и преподавания традиций нашего

народа и культуры, поиск новых областей для исследования, например питание и окружающая среда.

В отличие от Демократической партии, которая во многом зависит от предвзятой образовательной идеологии Всеяпонского профсоюза учителей (Никкусо), Либерально-демократическая партия сможет добиться обновления школьного образования.

Мы примем основной закон, касающийся занятий спортом, а также создадим Агентство по спорту для поддержки спортивных мероприятий в регионах и контроля за подготовкой высококлассных спортсменов.

Мы продолжим лоббирование Токийских Олимпийских и Паралимпийских игр 2016 года, ибо такие мероприятия будут вдохновлять детей на осуществление мечты.

Мы увеличим поддержку сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства — отраслей, сосредоточенных в деревнях, лесах и у берегов Японии, с тем чтобы они могли стать еще большим источником силы нашей страны

Мы осуществим все, что необходимо

Мы установим конкретные цели — добиться 50%-ного обеспечения страны продовольствием за счет собственных ресурсов. Мы предложим максимально возможную поддержку фермерам, готовым работать в сельском хозяйстве, независимо от их возраста или размера обрабатываемых сельскохозяйственных угодий, чтобы они смогли добиться увеличения своих доходов. В целях повышения производительности труда мы продолжим реализацию программы реформирования сельского хозяйства.

Мы будем содействовать росту потребления пищевых продуктов местного производства, поддержим развитие партнерских связей между сельскохозяйственными организациями и малыми и средними предприятиями, а также будем способствовать расширению экспорта высококачественной сельскохозяйственной продукции в страны всего мира.

Мы окажем активную поддержку лесной промышленности, поощряя более широкое использование изделий из древесины, произведенной внутри страны (с целью достичь 50%-ного коэффициента ее использования).

Мы окажем помощь рыболовству, предприняв новые меры по содействию занятости и поддержания производства в отрасли на стабильном уровне.

Преобразование доверия и гордости за нашу страну в «еще большие плюсы»

Ядерная программа Северной Кореи и ее ракеты представляют явную и серьезную угрозу для Японии

Главная задача правительства — защитить жизнь своих граждан

Политика в области безопасности имеет важнейшее значение для защиты экономики страны и обеспечения безопасности граждан. Мы должны постоянно стремиться к повышению взаимного доверия в сфере безопасности между Соединенными Штатами и Японией.

Чтобы защитить Японию от ракетной угрозы и ядерного оружия Северной Кореи, мы примем необходимые меры по созданию системы обороны против баллистических ракет, которая будет тесно связана с военным флотом США.

Это не расплывчатые идеалистические теории, а реальные политические шаги для защиты народа.

Мы сохраним твердую позицию в отношении «территориальных споров»

Мы никогда не допустим, чтобы «проблема похищения людей» осталась неразрешенной

Вопросы о похищениях людей; запусках ракет, проведении ядерных испытаний вопреки международным протестам будут в центре нашего внимания.

Мы будем принимать твердые меры по решению этих проблем с Северной Кореей. Мы также продолжим настойчивые переговоры с целью достижения соглашения по поводу спорных территорий (остров Такэсима и четыре острова к северу от Хоккайдо).

Похищения людей, осуществленные Корейской Народно-Демократической Республикой, равносильны терроризму. Мы никогда не согласимся с этими действиями. Правительство возьмет на себя ответственность за поиск и возвращение каждого отдельного человека так быстро, как это возможно.

На основании резолюций, принятых Организацией Объединенных Наций, мы ввели всеобъемлющие санкции против КНДР. Мы не предложим никакой дополнительной помощи КНДР, пока проблема похищений не будет решена.

Мы не поддадимся пиратам**Нас не запугать терроризмом**

Мы продолжим вносить свой вклад в международные операции, ибо они имеют жизненное значение для Японии

Дело не только в том, что борьба с пиратством и терроризмом — обязанность государства, но и в том, что эти мероприятия тесно связаны с защитой японской торговли, и следовательно, с жизнеобеспечением японского народа.

Мы будем стремиться принять закон, который позволит Силам самообороны быстро присоединиться к международным операциям по поддержанию мира. Мы не можем доверить безопасность Японии политической партии, которая отказывается от признания таких очевидных истин, партии, собственные члены которой не могут договориться даже между собой об общей позиции по этим вопросам.

**Сегодня и на будущее: правила для новой Японии
Мы будем добиваться пересмотра Конституции**

Новая Япония — с новой Конституцией. Мы незамедлительно активируем деятельность Совета по пересмотру Конституции в парламенте и начнем дискуссию о государственной форме, которую Япония должна принять в будущем. Мы добьемся, наконец, пересмотра Конституции.

Превращение наших сильных сторон в «еще большие плюсы»

Используя стратегию экономического роста, мы добьемся того, что наш национальный доход станет самым высоким в мире

Стремясь к созданию «низкоуглеродного общества», в котором граждане будут жить долго и оставаться здоровыми, мы продолжим осуществлять смелые и конкретные экономические меры для достижения 2%-ного прироста ВВП уже во второй половине 2010 финансового года.

Мы будем поддерживать компании, стремящиеся к повышению добавленной стоимости, путем поощрения *монодзукури* (производства продукции наивысшего класса) и инноваций.

Создавая инвестиционный климат, который станет привлекательным для азиатских рынков, мы вернемся к устойчивому экономическому росту японской экономики в 2011 году. В течение следующих трех лет мы создадим дополнительный спрос в размере от 40 до 60 трлн. иен, а также обеспечим занятость для 2 млн. человек. Последовательно осуществляя стратегию экономического роста, мы добьемся за 10 лет увеличения располагаемого чистого дохода на одно домашнее хозяйство в 1 млн. иен и повышения доходов на душу населения Японии до самого высокого уровня в мире.

Основной закон о создании «низкоуглеродного общества»

Для создания «низкоуглеродного общества», которое бы ориентировалось не только на природоохранные мероприятия, но и на пользу как для окружающей среды, так и для экономики, мы примем Основной закон о создании «низкоуглеродного общества».

Поощряя международное сотрудничество в использовании энерго-сберегающих технологий, мы поведем мир в направлении уменьшения выбросов парниковых газов.

Экологическая революция, берущая начало в Японии **Ведущая экологически ориентированная нация в мире**

Мы будем и впредь защищать природные красоты и богатое биологическое разнообразие Японии. В то же время мы будем стремиться к увеличению производства топлива из биомассы (в частности, используя древесину, полученную в результате прореживания лесов) и созданию общества устойчивого развития.

Мы увеличим как спрос, так и предложение возобновляемых источников энергии, в частности с помощью более широкого использования солнечной энергии.

Мы будем поощрять экологические мероприятия, предоставляя льготы для энергосберегающих жилых домов, уменьшая налоги на «эко-автомобили», а также благодаря «эко-балльной системе».

Мы будем продвигать политику нейтрализации выбросов двуокиси углерода.

Самые передовые технологии в мире можно найти на небольших, но процветающих местных предприятиях

Мы окажем поддержку малым и средним предприятиям, которые служат фундаментом для различных отраслей промышленности

Мы предложим мощную поддержку малым и средним предприятиям, например специальные кредитные гарантии и расширение чистых кредитов.

Мы будем активно поддерживать предприятия, развивающие приемы монодзукури, изготавливающие новые продукты, а также разрабатывающие новые каналы сбыта.

Новейшие технологии не должны оставаться в исследовательских лабораториях

Мы увеличим число исследователей, способных конкурировать на мировой арене

На протяжении многих лет Япония дала миру многочисленных лауреатов Нобелевской премии.

Мы будем обучать и посылать в мир еще большее число исследователей, чем раньше.

Мы создадим более 30 научно-исследовательских учреждений мирового класса, а также фонд для покрытия расходов на исследовательские работы.

Мы ликвидируем «правило годового бюджета», которое не соответствует потребностям исследовательского сектора.

Мы представим подробные планы для достижения этих целей.

Повысим интерес и энтузиазм во всем мире к уникальной традиционной культуре Японии

Сделаем Японию привлекательным местом для туризма

Япония — лидер в создании контента для игр, анимации и отраслей, производящих «характерные товары».

Мы поможем в формировании среды, поощряющей создание работ мирового класса, способствуя воспитанию талантов и повышая денежную компенсацию лицам, работающим в этой области.

Мы будем способствовать распространению японской культуры с помощью цифровых архивов.

Мы будем поощрять преподавание национальных видов искусства, музыки и культуры молодым поколениям.

Мы будем содействовать кампании «Посетите Японию!» с целью увеличения ежегодного числа туристов в Японию до 20 млн. человек к 2020 году.

Мы будем и впредь получать реальные результаты из года в год
Мы не изменим опоре на прошлые достижения

Обращение премьер-министра Асо Таро

Результаты экономических мер, осуществленных Либерально-демократической партией.

Столкнувшись с серьезной глобальной рецессией, Либерально-демократическая партия в сотрудничестве с правительством вложила всю свою душу в «первоочередное решение экономических проблем».

Руководствуясь четко заявленной целью, что «Япония должна стать первой страной в мире, которая выйдет из рецессии», мы реализовали четыре программы мер экономического стимулирования.

В результате Японии удалось избежать худшего сценария развития событий и мы начинаем видеть положительные итоги своей политики в росте экономических показателей, например цен на акции.

По данным «Всемирного экономического обзора», выпущенного Международным валютным фондом, Япония, как ожидается, достигнет 1,7%-ного роста в 2010 году — самого высокого показателя среди стран «Большой восьмерки».

Тем не менее мы не можем позволить себе ослабить наши усилия, ибо показатели, которые наиболее остро воспринимаются людьми (например, цифры, отражающие ситуацию с занятостью и уровнем зарплат), по-прежнему вызывают серьезную озабоченность.

Наши главные цели — достичь 2%-ного прироста ВВП во второй половине 2010 финансового года и восстановить к 2011 году экономи-

ку, в частности вернуть занятость и заработную плату на уровень 2007 года (до начала нынешнего экономического спада).

В течение следующих двух лет Либерально-демократическая партия направит все свои силы на осуществление экономических мер, которые позволят преобразовать «экономическое восстановление, выраженное в цифрах» в «экономическое восстановление, которое люди смогут ощутить непосредственно».

Безопасность. Жизнеспособность. Ответственность

Способности и силы, чтобы нести ответственность за защиту Японии

Некоторые из сильных сторон Японии не имеют себе равных в мире.

Японское отношение к жизни, которое придает большое значение качеству, чувство гордости за свою работу и внимание к деталям, ассоциируемое с понятием монодзукури, привели к появлению технологического потенциала, считающегося одним из самых высоких в мире.

Наша «способность к солидарности», опирающаяся на традиционную приверженность атмосфере взаимного доверия и взаимопомощи, — другое замечательное свойство нашего народа.

Именно эти сильные стороны позволили Японии, стране, почти лишенной природных ресурсов, стать второй по величине экономики державой в мире и страной с наибольшей продолжительностью жизни на планете.

Мы никогда не должны допустить таких радикальных изменений, которые могли бы привести к утрате этих огромных преимуществ нашего народа.

Прошу каждого гражданина испытывать огромную гордость за то, что он — часть этой силы нашей нации.

Именно доверие придает обществу жизнестойкость, которая в свою очередь гарантирует достижение подлинного «душевного покоя» людям, живущим в этом обществе.

Япония, способная наилучшим образом использовать свои основные силы, Япония, которая может стать привлекательной нацией для всех.

Либерально-демократическая партия берет ответственность за реализацию такой Японии.

Председатель Либерально-демократической партии Асо Таро

Политические мероприятия, подлежащие осуществлению Конкретные шаги на пути к будущему

2009 год

Создание Агентства по делам потребителей

2010 год

Создание пенсионной системы Японии и Совета по пенсионной реформе

Увеличение спроса на «эко-автомобили» на 1 млн. шт.

Принятие Основного закона о содействии созданию «низкоуглеродного общества»

Решение проблемы регионов, не имеющих широкополосного доступа к Интернету.

Получение одобрения пакета законопроектов по дальнейшей децентрализации.

Пересмотр системы медицинской помощи для пожилых людей (старше 75 лет).

2011 год

Внедрение номерных карт в системе социального обеспечения.

Коренной пересмотр налоговой системы.

Сокращение числа мест в Палате представителей на 10%.

Введение запрета на институт наследственных кандидатов.

2012 год

Предоставление бесплатного образования для детей в возрасте трех-пяти лет.

Расширение числа учреждений медсестринского ухода

Повышение вознаграждения по уходу за больными для организаций, предоставляющих эти услуги.

Принятие мер для решения проблем лиц, не имеющих пенсионного обеспечения или имеющих низкий уровень такого обеспечения

2013 год

Предоставление профессиональной подготовки для 1 млн. человек

2015 год

Сокращение числа государственных служащих общенационального уровня более чем на 80 тыс. человек.

2016 год

Токийские Олимпийские и Паралимпийские игры.

2017 год

Достижение 50%-ного уровня самообеспеченности продовольствием.

Принятие системы регионального административного деления (*до-сюсэй*)

2019 год

Возвращение в «черную» (бездефицитную) зону первичного бюджета на общенациональном и региональном уровнях.

Сокращение более чем на 30% общего числа мест в Палате советников и Палате представителей.

2020 год

Достижение 20-кратного увеличения производства электроэнергии фотоэлектрическим способом (солнечная энергетика).

Увеличение ежегодного числа иностранных туристов в Японии до 20 млн. человек.

Преобразование Японии в страну, ориентированную на туризм.

Повышение дохода на душу населения в Японии до одного из самых высоких уровней в мире.

2030 год

Достижение 40-кратного увеличения производства электроэнергии фотоэлектрическим путем (солнечная энергетика).

Обеспечение прочного восстановления экономики

Уже предпринятые шаги

Четыре комплекта мер экономического стимулирования позволили эффективно предотвратить падение экономики до беспрецедентного, опасно низкого уровня.

Во второй половине 2010 финансового года

Мы добьемся 2%-ного экономического роста при полном восстановлении экономики.

Мы восстановим экономические показатели до уровня 2007 года (до начала текущего глобального экономического спада).

После 2011 года

Мы добьемся стабильного экономического роста.

Либерально-демократическая партия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Денисов Юрий Дмитриевич</i>	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Куланов Александр Евгеньевич</i>	сотрудник московского бюро газеты «Иомиури»
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Маркарьян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Матрусова Татьяна Николаевна</i>	кандидат экономических наук Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Стапран Наталья Валерьевна</i>	кандидат исторических наук, МГИМО(У) МИД России
<i>Стрельцов Дмитрий Викторович</i>	доктор исторических наук, МГИМО(У) МИД России
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, профес- сор, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

CONTRIBUTORS

- Denisov Yuri Dmitrievich* Ph. D. (Technology),
Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
- Katasonova Yelena Leonidovna* Prof. (History), Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences
- Kulanov Aleksandr Evgenjevich* Moscow Bureau of «Yomiuri»
- Lebedeva Irina Pavlovna* Prof. (Economics), Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences
- Markarian Seda Bagdasarovna* Prof. (Economics), Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences
- Matrusova Tatiana Nikolaevna* Ph.D. (Economics), Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences
- Molodyakov Vasily Elinarkhovich* Prof. (Philosophy, Political Science),
Takushoku University (Japan)
- Molodyakova Elgena Vasilyevna* Prof. (History), Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences
- Stapran Natalya Valerjevna* Ph.D (History), Moscow State Institute
of International Relations (U.), Ministry
of Foreign Affairs R. F.
- Streltsov Dmitry Viktorovich* Prof. (History), Moscow State Institute
of International Relations (U.),
Ministry of Foreign Affairs R. F.
- Timonina Irina Lvovna* Prof. (Economics),
Moscow State University
-

Центром японских исследований
Института востоковедения РАН

изданы в 1995–2009 гг.
индивидуальные и коллективные монографии:

- Лебедева И. П.* Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995
- Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* Японское общество: книга перемен. М., 1996
- Япония: конец XX века. М., 1996
- Японский феномен. М., 1996
- Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998
- Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998
- Япония: мифы и реальность. М., 1999
- Матрусова Т. Н.* Организация профессиональной подготовки в Японии. М., 1999
- Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000
- Япония и современный мировой порядок. М., 2002
- Тимонина И. Л.* Япония: региональная экономика и политика. М., 2002
- Герасимова М. П.* Киотоский альбом. М., 2002
- Стрельцов Д. В.* Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002
- Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003
- Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003
- Лебедева И. П.* Малый бизнес в Японии. М., 2004
- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004
- Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004
- Катасонова Е. Л.* Последние пленники второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005
- Портрет современного японского общества. М., 2006
- Япония, открытая миру. М., 2007.
- Лебедева И. П.* Япония: промышленность и предпринимательство. М., 2007.
- Глобальный вызов – японский ответ. М., 2008.
- Мировой кризис и Япония. М., 2009.
- Продолжается издание ежегодника «Япония».*
-

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АИРО-XXI»

В 2005 — 2008 гг.

ВЫШЛИ КНИГИ

Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. Серия «АИРО — монография». — М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 224 с.

Монография известного историка является первым в отечественной и мировой историографии комплексным исследованием деятельности японского государственного деятеля Гото Симпэй (1857–1929) в области российско-японских отношений первой трети XX века. Гото был не только одним из наиболее выдающихся политиков своего времени, но и внёс исключительный вклад в развитие взаимопонимания и партнерства между Японией и Россией. Основу монографии составил обширный корпус документов, впервые опубликованный нашим издательством в 2005 г. в сборнике «Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия».

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО — первая публикация» / Под ред. Г. А. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 336 с.

Собрание документов из архивов России и Японии, посвященных усилиям выдающихся государственных деятелей Кацура Таро (1847–1913) и Гото Симпэй (1857–1929) по развитию и укреплению российско-японских отношений. Документы, большая часть которых публикуется впервые, охватывают широкий круг проблем: от необходимости согласования политики обеих держав на Дальнем Востоке до частных вопросов торгово-экономического сотрудничества. Сборник будет полезен как специалистам, так и всем интересующимся историей внешней политики России и международных отношений.

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В. Э. Молодякова. [Текст]. / Тосио Сиратори. — М.: АИРО-XXI, 2008. — 160 с. (Серия «АИРО — первая публикация» под ред. Г. А. Бордюгова).

Сборник статей и документов видного японского дипломата и политика Тосио Сиратори (1887–1949) представляет его читателю как авторитетного комментатора международных событий 1930–1940-х годов и оригинального политического мыслителя. Это первое посмертное издание его сочинений и первое издание его работ за пределами Японии. Книга подготовлена историком В. Э. Молодяковым, выпустившим в 2006 г. в издательстве АИРО-XXI биографию «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио — дипломат, политик, мыслитель».

Молодяков В. Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. Серия «АИРО–Монография». — М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 528 с.

Монография российского историка В. Э. Молодякова является первым в отечественной и зарубежной историографии комплексным исследованием жизни, идей и деятельности СИРАТОРИ Тосио (1887–1949), видного японского дипломата и политического аналитика 1930-х годов, оказавшего заметное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Японии. На основе японских, советских, германских, итальянских, американских, английских, французских и шведских документов, сочинений и писем Сиратори, дневников и воспоминаний его современников, автор подробно описывает весь жизненный путь своего героя на фоне исторических событий, свидетелем и участником которых тот был, — от Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. до Токийского процесса. Подробно рассмотрены взгляды Сиратори на советско-японские отношения и его геополитические теории, в том числе оригинальная концепция «евразийского блока» Германии, СССР и Японии. Монография включает обстоятельный историографический очерк, подробную хронологию жизни и полную библиографию сочинений Сиратори.

Несмотря на академический характер и обширный научный аппарат, книга рассчитана на широкого читателя, интересующегося современной историей, и написана с ориентацией на лучшие традиции биографического жанра в отечественной историографии.

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Япония: полвека правления либерал-демократов

Руководитель проекта *Э. В. Молодякова*

Ответственные
редакторы *И. П. Лебедева,
С. Б. Маркарьян*

Редактор *М. А. Унке*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Дизайн обложки *С. Щербина*

технический редактор *С. В. Виноградов*
корректор *Б. С. Погодин*

Подписано в печать с оригинал-макета 19. 12. 2010.
Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19. Тираж 500 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
